

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

И. А. Халий

Современные общественные
движения: инновационный
потенциал российских
преобразований
в традиционалистской среде

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Halyi_2007_sovr.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

*К 40-летию
Института социологии
Российской академии наук*

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ИНСТИТУТ
СОЦИОЛОГИИ

**Современные общественные
движения: инновационный
потенциал российских
преобразований
в традиционалистской среде**

МОСКВА
Институт социологии РАН
2007

УДК 316
ББК 60.5
Р76

ПРЕДИСЛОВИЕ

Рецензенты:

доктор философских наук **З.Т. Голенкова**
доктор социологических наук **А.И. Черных**

X76 И.А.Халий. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде / М.: Институт социологии РАН, 2007. — 300 с.

ISBN 978-5-89697-136-8

Монография посвящена результатам исследования общественных движений и неправительственных организаций в России. Анализ производился на основе данных, собранных автором в течение последних 20 лет. Задачей было определить, является ли деятельность общественных движений инновационной и, вследствие этого, способствующей адаптации обществом современного реформирования. В связи с этим оказалось необходимым выявить укорененность и распространенность традиционализма, обнаружить основные характеризующие его черты, его носителей и влияние на активность основных агентов социального и политического действия. Автор показывает, что общественные движения — не новое в России явление, на рубеже XIX–XX веков они уже существовали и имели свою специфику. Произведено также сравнение этапов развития западных и российских общественных движений.

Книга адресована широкому кругу исследователей — социологам, политологам, антропологам, культурологам; политикам и управленческому персоналу всех уровней и ветвей власти; представителям структур гражданского общества; учащимся высших учебных заведений.

УДК 316
ББК 60.5

© И.А. Халий, 2007

ISBN 978-5-89697-136-8

© Институт социологии РАН, 2007

Общественные движения — отнюдь не новое социальное явление для россиян, даже для старших поколений, большая часть жизни которых пришлось на советский период. В СССР активно пропагандировался образ добровольного участия граждан в различных организациях: массовых — ВЛКСМ, ДОСААФ, Красный Крест, ВООП, специалистов объединяли в профессиональные союзы — художников, архитекторов, журналистов. Мы «боролись» за мир в СКЗМ и за права женщин в Комитете советских женщин. Практически все они организовывались «сверху» — государством, а возглавляли их выделенные для этого номенклатурные работники. Наконец, советские люди обязательно были членами профсоюза. Тогда все это справедливо воспринималось нашими соотечественниками либо как имитация общественных институтов, либо как организации, выполнявшие утилитарные функции (так, только через профсоюзы можно было иметь оплачиваемый больничный лист, устроить в детский сад предприятия ребенка, получить путевку в санаторий или дом отдыха).

И во многом благодаря такому предыдущему опыту, самостоятельные действия людей, объединившихся для достижения той или иной цели в общественные организации, до сих пор в глазах большинства выглядят не вполне естественными и совсем не обязательными, а потому часто воспринимаются скептически.

Задачей монографии как раз и является определение места, роли, значения в социальной и политической жизни, функций, причин возникновения и достигнутых результатов деятельности общественных (или социальных, если дословно переводить с английского социологический термин «social movement») движений, выявление традиционализма и инноваций в их активности. Но главное — определить их роль в осуществляющемся в стране реформировании.

При этом в центре внимания постоянно будет находиться проблема представительства или выражения интересов различных социальных групп посредством деятельности неправительственных (негосударственных) некоммерческих организаций (сокращенно НПО, НГО или НКО, мы далее будем употреблять НПО). На самом ли деле для этого необходимо создавать самодеятельные объединения граждан? Можно ли без их посредничества транслировать свои частные или групповые требования властям для принятия необходимых решений и, если нельзя, то почему? Каким образом это могут делать НПО и насколько успешно они взаимодействуют с принимающими и исполняющими решения структурами власти? Ответить на эти вопросы можно только при условии анализа всех параметров их деятельности.

И, прежде всего, требуется определить, что такое общественные движения. При большом количестве уже существующих определений, в самом общем виде можно сказать, что это добровольное и самодеятельное объединение граждан, перед которыми жизнь поставила общие проблемы, требующие разрешения, которые не могут быть преодолены отдельными личностями. Внутри движений возникают самостоятельные организации, или, наоборот, НПО могут объединиться в движение, поскольку они активны в одной и той же сфере жизнедеятельности общества, сейчас это называют сетью НПО. Часто при этом создается новая, включающая ряд НПО организация — сетевая или «зонтичная». Происходит объединение и на международном уровне, речь идет уже о формировании мирового гражданского общества.

В странах с развитой демократией неправительственные организации стали неотъемлемой частью политической системы, поскольку они активно участвуют в процессе принятия решений и их реализации. Они наделены определенными функциями, их финансовым образом и морально поддерживают государство и общество.

В нашей стране ситуация все еще далека от такой модели. К принятию общественных движений как неотъемлемой части общественного и политического устройства оказались не готовы и власти, и население. Процесс становления гражданского общества, начавшийся в связи с реформированием страны, находится на начальной стадии, и общественные движения стали одними из первых его ячеек. Первый шаг государства в сторону поддержки институционализации НПО со стороны властей был предпринят в ноябре 2001 года в форме проведения Гражданского форума и последующей установки на организацию процесса взаимодействия государственных структур и общественных объединений, а также создание Общественной палаты РФ в 2006 г. Но значительных подвижек в дальнейшем развитии гражданского общества пока все это не принесло. И, тем не менее, можно свидетельствовать, что начало участию НПО в публичной политике, если интерпретировать ее как взаимодействие власти со структурами гражданского общества с целью учета интересов различных социальных групп при выработке и реализации решений, уже положено.

Анализ общественных движений и их организаций, будет опираться на теоретико-методологические подходы, разработанные западными социологами. Их изыскания, по мере развития самих общественных движений, постепенно сформировали самостоятельную область научного знания — теорию социальных движений. Сегодня она занимает достойное место в социологии. Ученые, исследующие проблемы активности общественных движений и НПО, объединяются в специализированные комитеты (например, в Международной и Европейской социологических ассоциациях) и секции (во время проведения конфе-

ренций, съездов и других научных мероприятий). Выявить традиции и инновации в деятельности общественных движений не удастся без опоры на социологические разработки российских социологов конца XIX — начала XX вв. Значение активности общественных движений в современном реформировании страны можно проанализировать только с помощью теоретических подходов, разработанных современными российскими учеными.

В связи с этим формировалась структура монографии: разработка теоретико-методологических оснований анализа общественных движений, анализ истории возникновения и развития общественных движений в России, оценка их современного состояния. Особое внимание будет уделено способам и методам социального представительства в современной России в виду уже более чем 15-летнего периода трансформаций. За это время были почти полностью разрушены все старые общественные и государственные структуры, медленно и постепенно формируются на их месте новые. При этом интересы большинства граждан страны, местных сообществ до сих пор представляют и транслируют властям всех уровней только общественные объединения, создаваемые для этого ими самими. Насколько эффективно это осуществляется российскими НПО, каким образом они это производят и как относятся структуры власти к заявляемым обществом интересам, требует анализа, что занимает свое место в данном издании.

Автор благодарен директору Института социологии РАН М.К. Горшкову за поддержку при подготовке монографии. Выражает глубокую признательность сотрудникам Института социологии и кафедры публичной политики факультета прикладной политологии Государственного университета — Высшая школа экономики за ту творческую атмосферу, в которой можно комфортно и плодотворно работать.

ГЛАВА I

Методология исследования

ПАРАДИГМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Несмотря на то, что предмет исследования — социальные движения — весьма конкретен и кажется однозначным, он связан со всем многообразием социальных явлений, а взаимодействие и взаимозависимость реализуются со всеми агентами социального действия и различными общностями. Отсюда разнообразие поставленных в исследовании задач и многоаспектность обобщающей их цели, что, в свою очередь, требует соответствующего сложного и многоуровневого научно-теоретического аппарата для анализа, использования разнообразных способов сбора данных, которые в совокупности предоставят возможность достичь верифицированных выводов. Обоснованию выбора теоретических подходов, методов их применения и способам сбора данных и посвящена первая глава.

Западная теория социальных движений состоит из трех системных подходов, условно названных парадигмами. В данном случае под парадигмой понимается комплекс методологических подходов, теорий, выводов и даже позиций ученых, фокусом исследований которых являются движения. Сам термин «парадигма изучения социальных движений» введен Е.А. Здравомысловой и интерпретируется ею следующим образом: «Парадигма — более общее понятие, чем концептуальная модель, теория или совокупность теорий. В данной работе под парадигмой понимается некоторая общность принципов и постулатов, лежащих в основе теоретического подхода. Включение тех или иных концептуальных моделей в парадигму обосновывается их методологической общностью. Исходные принципы во всякой данной модели или теории иногда декларируются, а иногда только подразумеваются. Авторы разных моделей не всегда идентифицируют себя с определенной парадигмой»¹. Каждая парадигма предлагает конкретные методы сбора и анализа данных, определение их источников, получения основных результатов исследований и возможности их обоснования.

Общественные исследования осуществлялись практически по всем параметрам: причины возникновения, мотивы участия, социальный состав, способы организации, формы, методы и репертуар действий, ресурсы, цели и задачи, достигаемые результаты и т.д. Причем в каждом из трех системных подходов центром внимания становились разные аспекты движений в зависимости от того, что, по мнению авторов, является определяющим фактором. Так, для одних ученых ключевым параметром были причины возникновения движений, для других —

степень организованности и способы действия, для третьих — ценности и цели. Парадигмы опираются на избранные общесоциологические теории, посвященные, например, массовому обществу, проблемам депривации, коллективному поведению, рациональности выбора, гражданскому обществу, индустриальному обществу, постмодернизму.

В мировой науке принято считать, что существуют две школы, анализирующие проблемы общественных движений — американская и европейская. Американской школой разработаны первые две парадигмы — коллективного поведения и коллективного действия. Европейскую — представляет парадигма новых общественных движений. Долгие годы они были самостоятельны, более того, этому периоду соответствовал жесткий этноцентризм в изучении общественных движений, который предполагал наличие специфики, не допускающей обобщений. Так продолжалось до 1980-х годов.

Изыскания ученых и их оформление их в комплексные теории происходило последовательно, по мере развития общества. Можно сказать, что каждая парадигма отражает определенный этап развития социальных движений. Тем не менее, их авторы, критикуя предыдущие подходы, предлагают свою теоретическую систему как единственно адекватную для проведения анализа. В то же время исследовательский опыт показывает, что на каждом этапе развития общества существуют движения, которые можно изучать, применяя те или иные теории и подходы каждой из парадигм.

Общественные движения в странах Запада начали возникать в период развитого капитализма и демократии. В 1950-е годы социологи именно этих стран и, главным образом, США начали анализировать совместные выступления граждан в защиту своих прав, интересов и ценностных установок. В этот период возникли и оформились два, поначалу не институционализированных, течения — коммунистическое и националистическое. К этому времени они были артикулированы и выстроены в некоторые системы, опробованные в виде социально-политических практик в большинстве воевавших государств, и в форме научных теорий. Научная интерпретация социальных движений того времени находилась под значительным влиянием политической государственной идеологии (антикоммунистическая пропаганда и соответствующая политика правительства в виде маккартизма в США и антифашистские ориентации властей в Европе). В это время даже в развитых странах отсутствовало структурированное гражданское общество, формирование ячеек которого практически только начиналось, что стало еще одним фактором, от которого зависела суть научных подходов. В результате сформировалась первая стройная система научного теоретизирования в сфере осмысления социальных движений, названная впоследствии «традиционным подходом» или «парадигмой коллективного по-

¹ Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. — Санкт-Петербург: Наука, 1993. — С. 2.

ведения». Она опиралась на индивидуалистическую традицию социальной мысли, восходящую к Дж. Локку и Т. Гоббсу, согласно которой общество состоит из автономных субъектов, объединяющихся по собственной воле в коллективы. Общество представляется как результат общественного договора и взаимодействия субъектов. Движение поэтому рассматривается как результат взаимодействия индивидов в специфических условиях социальной напряженности.

Уже к 1960-ым годам теория социальных движений становится самостоятельным направлением социологического знания, и ее развитие было продолжено появлением второй парадигмы.

Новая система теоретических подходов сложилась в 1960-70-е годы и опиралась на анализ заключительной стадии формирования развитого гражданского общества в странах Запада и роли в этом процессе общественных движений. К этому времени значительно расширился спектр направлений социальной активности, осуществлявшейся объединениями граждан на добровольной основе. Сформировались не только новые устойчивые ценностные и идеологические ориентации общества, но также интересы и цели деятельности конкретных социальных групп и слоев. Высокий уровень самоорганизации граждан, свойственный развитому гражданскому обществу, определил и новое отношение властей и других политических структур к деятельности общественных объединений. С этого времени социальные движения становятся легитимной частью политической и управленческой систем, институционализируются в виде новых организационных структур — неправительственных (или негосударственных) некоммерческих организаций (НПО). В социологии этого периода их называют организациями социальных движений (social movements' organizations).

Социологическая теория, соответствующая этому этапу развития общественных движений, постепенно систематизируясь, оформилась в парадигму коллективного действия или теорию мобилизации ресурсов. Ее интеллектуальную основу составил институциональный подход, связанный с именами А. Смита и Дж. С. Милля, где общество рассматривается как система социальных институтов и организационных структур. В результате предметом исследования становятся организационные единицы, из которых состоит общество. Оно же, в свою очередь, согласно этой точке зрения, представляет собой совокупность рациональных коллективных субъектов — социальных институтов. С позиций рационализма, характеризующего функционирование социальных институтов, рассматриваются и общественные движения.

В 1980-е годы мир встретился с рядом абсолютно новых вызовов современности. К таковым в первую очередь относились достигшие пика напряженности проблемы экологии, войны и мира, соблюдения гражданских прав, равноправия женщин и т.п. Основной акцент соци-

альной активности сместился с реализации экономических и политических интересов конкретных групп к формированию новых ценностных оснований существования и жизнедеятельности общества в целом (как на национальном, так и на мировом уровнях). Возникшие в это время ценностно ориентированные социальные движения настоятельно требовали от ученых-обществоведов разработки новых методологических подходов к анализу и интерпретации их действий, целей, достигаемых результатов. В связи с этим возникла третья научно-теоретическая система, изучающая деятельность общественных организаций — парадигма «новых социальных движений». Она несет на себе печать европейского стиля мышления, европейской социологической традиции, для которой всегда был характерен макроанализ. Работы Ю. Хабермаса, А. Гидденса, А. Турена свидетельствуют об укорененности этой традиции. Здесь общество рассматривается в терминах структур, социальных сил, долгосрочных процессов и перспектив. Изучая общественные движения, европейские исследователи концентрируют внимание на макросоциальных факторах, на роли движений в исторических изменениях, соотнося их с определенными социальными силами, ценностями и нормами. Общественные движения в этой парадигме выступают как социальные субъекты. Новые движения представляют собой движущие силы исторического развития на современном этапе.

Но мир быстро меняется, и уже в 1990-е годы складывается новая политическая и социально-экономическая реальность, в которой в сфере самоорганизации общества доминируют уже не общественные движения, а полностью институционализированные, занимающие конкретное место в политической структуре и выполняющие строго определенные функции неправительственные организации. Констатировать факт появления в связи с этим новой научной парадигмы пока не представляется возможным. Скорее происходит попытка объединения всего наработанного в единую, комплексную систему подходов, методов и теорий, которые способны «работать вместе» при анализе современных социальных тенденций и явлений, касающихся рассматриваемого нами предмета.

Именно такой синтез подходов, разработанных в теории социальных движений будет использоваться в данной монографии. Этот синтез заключается в том, что, изучая современные общественные движения в России, мы будем опираться на парадигму «новых социальных движений», поскольку они таковыми являются по определению. В самом деле, экологическое движение, которому посвящена значительная часть работы, является принципиально новым движением, поскольку имеет ценностные основания, по которым идентифицируют себя его члены и сторонники. Кроме того, все современные российские

движения являются новыми уже потому, что их деятельность развивается в принципиально иных социальных и политических условиях, но главное — потому, что в советское время многих из них просто не существовало. Одновременно при их анализе будут использованы подходы «парадигмы коллективного действия» — структура политических возможностей и теория мобилизации ресурсов. Эти два параметра имеют важное значение не только для осмысления деятельности практически всех движений, но и носят решающий характер для их развития и, самое важное, для достижения ими желаемых результатов. Синтез теоретических подходов будет применен, в первую очередь, и к определению самого предмета исследования.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ»

В предисловии уже дано общее определение, на которое будем опираться в данной работе в широком контексте, объединяющем все типы социальных движений. Однако важно проанализировать определения, которые предлагают названные выше научные парадигмы, поскольку возникающие и действующие сегодня в России движения весьма различны. Некоторые из них (например, выступления против монетизации льгот) следует анализировать при помощи определений парадигмы коллективного поведения. В этом случае массовые выступления граждан будут интерпретироваться как специфический тип поведения толпы, которое является стихийным, непрогнозируемым, неорганизованным и иррациональным. Коллективное поведение рассматривалось как неинституциональное действие, нарушающее status quo действующей социально-политической системы и являвшиеся следствием высокой социальной напряженности, особенно в периоды социального упадка и дезинтеграции общества, то есть во времена кризисов, что в полной мере соответствует нашему примеру. Под такое определение подпадают не только массовые действия, произошедшие в последние годы в России. Их можно наблюдать и в странах развитой демократии, в частности, так можно интерпретировать выступления студентов и мигрантов в Париже в 2005 году. Более конкретно движения такого рода определяют Р. Тернер и Л. Киллиан, по мнению которых общественное движение «представляет собой коллективное образование, действующее в течение достаточно длительного времени, целью которого является содействие или сопротивление социальным изменениям в обществе или группе, частью которой оно является»². Такое широкое толкование предмета исследования позволило отнести к движениям самые разнообразные формы коллективного поведения, такие как религиозные, националистические, коммунистические, различные формы социального и политического протеста, вплоть до бунтов, мятежей, революций, а также культурные инициативы и даже моды. В центр внимания исследователей парадигма ставила уровень неудовлетворенности, социальной напряженности — базовые условия действий общественных движений. В нашем случае такое определение предмета следует иметь в виду при рассмотрении социальных явлений, происходящих в местных сообществах.

Движения большей степени институционализированности, то есть оформившиеся в виде объединений, в большинстве случаев зарегистрированных государством как неправительственные организации

² Turner R., Killian L. Collective behavior. — N.Y., 1972. — P. 308.

(коих в современной России большинство), следует определять в соответствии с теоретическими подходами парадигмы коллективного действия. Ее основоположники Дж. Мак-Картти и М. Залд интерпретируют их как «совокупность мнений и представлений людей, в которых выражено стремление к изменению социальных институтов или социальной структуры общества»³. Такая обобщенная интерпретация, не фиксирующая формы организации, позволяет к социальным движениям отнести не только неправительственные организации, но и любые социальные структуры, действия которых имеют соответствующие цели и задачи. Эти же авторы вводят термин «контрдвижение», которое представляет собой «совокупность мнений и убеждений, имеющих противоположную движению направленность»⁴, что важно и для нашего исследования, поскольку такое явление в нашей стране сегодня наблюдается и мы получаем инструмент его анализа.

Значимым для нас является также то, что в рамках этой парадигмы существуют два направления в определении понятия движений — организационно-экономическое и историко-политическое⁵. Основоположником первой является экономист М. Олсон, который рассматривал процесс возникновения малых и больших групп, создающих организации для представления и отстаивания своих интересов (в основном социальных и экономических), что является естественным и рациональным действием в условиях рыночной экономики и демократии⁶, с помощью такого определения мы будем рассматривать экономическую деятельность движений. Одним из наиболее значимых представителей второго направления стал Ч. Тилли, определивший коллективное действие как «совместное действие, направленное на достижение общих целей»⁷ или «совместную деятельность людей, объединенных общими недовольством, надеждами и интересами»⁸ а общественное движение как «повторяющийся ряд взаимодействий между представителями власти и личностями, которые выступают от имени социальной группы, не имеющей институционального представительства, с требованиями изменения властных структур, подкрепляя свои требования публичными демонстрациями массовой поддержки»⁹. Тилли полагал необходимым исследовать цели и задачи движения, его

участников и мотивы их объединения, а также способы действий. Ограничиваться изучением только организационного устройства, по мнению ученого, невозможно — для полного анализа этого социального явления необходимо определить место и роль движений в событийном контексте жизнедеятельности общества. Со времен «перестройки», то есть с самого начального этапа возникновения движений в России, такое определение звучит наиболее актуально, поскольку акцентирует внимание на их стремлении стать некоторым политическим актором, преобразующим потребности населения в политические требования и актуализирующие их публично. Опираясь на этот подход, мы будем анализировать не только взаимодействие движений с властью и социальными группами, но также и контекст, в котором эти действия разворачиваются и который во многом ее определяет.

Парадигма новых социальных движений предоставляет определения рассматриваемого понятия, возможно, наиболее значимое для данной работы. Во-первых, на них стоит опираться, так как нами анализируются движения, новые для России (в соответствии с генетическим подходом, которого придерживается итальянский социолог А. Пиззорно, не видящий характерных отличий новых движений от традиционных, называя их новыми только в связи со временем их возникновения, а также поскольку они только начали свою деятельность и находятся на ранней стадии развития, что придает им неустойчивость, оставляет возможность инновационных изменений и т.п. К таковым можно отнести большинство современных российских движений. А, во-вторых, в нашем исследовании рассматриваются движения (в частности, экологическое), которые являются «новыми» в интерпретации представителей принципиального подхода, который базируется на том, что «новыми» движения стали потому, что они являются реакцией на вызовы современности — глобальный процесс модернизации, мировой экологический кризис, необходимость самоидентификации личности в виду стирания самых различных границ (национальных, классовых, социальных и т.п.). В этой связи все чаще самоидентификация происходит по ценностным ориентациям, что является одним из главных признаков новых социальных движений¹⁰. Существенную черту новых социальных движений отмечает Дж. Коэн, определивший ее как рефлексивность, под которой он понимает философское осмысление роли движения и взаимозависимости индивидуальности с миром природы и социумом¹¹. В опоре на рефлексивность движения выстраива-

³ McCarthy J., Zald M. Resource mobilization and social movements: a partial theory // *American Journal of Sociology*. — 1977. — Vol. 82. — P. 1218.

⁴ *Ibid.* — P. 1220.

⁵ Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. — Санкт-Петербург: Наука, 1993. — С. 64.

⁶ Олсон М. Логика коллективных действий. — М.: ФЭН, 1995.

⁷ Tilly Ch. From mobilization to revolution. — Englewood Cliffs, 1978. — P. 84.

⁸ *Ibid.*

⁹ *Ibid.* — P. 310.

¹⁰ Touraine A. An introduction to the study of social movements // *Sociological Research*. 1985. — Vol.52. — N. 4.

¹¹ Cohen J. Strategy and identity: new theoretical paradigms and contemporary social movements // *Sociological Research*. — 1985. — Vol. 52. — No. 4.

ют свою идеологию. И действительно, если вести речь об экологическом движении, то на первый план в их рефлексии выдвигается проблема отношений общества и природы, в правозащитном движении — общества и государства, в феминистском — человека и общества и т.д.

Определив понятие «общественные движения», следует выявить соотношение общественных движений и общественных организаций. Прежде всего, отметим, что со времен парадигмы коллективного действия можно говорить о равнозначности этих понятий, то есть речь идет о преобразовании движения в организацию благодаря процессу институционализации. Но, тем не менее, та же парадигма ввела в оборот понятие «организации общественных движений» (social movements' organizations), а это означает, что существуют организации, объединяющиеся в движения. Именно так мы и будем рассматривать их сопряженность, поскольку в современной России ситуация выглядит следующим образом. Существуют самостоятельные общественные организации различной направленности — правозащитные, экологические, социальные и т.п. Некоторые из них, например, экологические, сами рассматривают себя как часть общероссийского или регионального движения. Другая группа, например феминистские неправительственные организации, признают, что их можно отнести к соответствующему движению, но никакого организационного формата при этом не существует. Наконец, третья часть организаций, в первую очередь организации социальной направленности (помощь детям, семье, инвалидам и пр.) своей принадлежности к конкретному движению не видят, хотя в целом относят себя к общественному сектору.

Проблема заключается еще и в том, что сегодня в мире — в научном сообществе и институтах гражданского общества — уже не принято говорить об общественных движениях. Современные члены неправительственных организаций (в такое понятие преобразовались бывшие организации общественных движений) отрицают свою принадлежность к социальным движениям, в лучшем случае они согласны констатировать факт их вхождения в состав третьего сектора — общественного (первые два составляют политические и экономические акторы). Однако в нашей стране сохраняются те неправительственные организации, для которых жизненно важно наличие общественных движений как фактора, поддерживающего, стабилизирующего, придающего дополнительные ресурсы их деятельности. В данной работе все общественные организации мы будем называть неправительственными организациями (НПО), а их принадлежность к движению будет не просто констатироваться, но, напротив, будет рассматриваться как значимый фактор достижения поставленных ими самими целей.

Отметим, что в настоящем исследовании анализу подлежат только НПО, созданные «снизу» (те, что на английском языке называются

grass-root organizations), то есть речь пойдет о самоорганизации граждан, представляющей собой основу для создания гражданского общества в стране. И с этой позиции мы будем рассматривать НПО как ячейки гражданского общества, составляющие на текущий момент его каркас, его до определенной степени институционализированный фундамент. Практически за пределами нашего внимания остаются структуры, хотя и называемые гражданскими, но созданные «сверху», например общественные палаты федерального и региональных уровней, ибо к самоорганизации граждан никакого отношения они не имеют.

ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-АКТИВИСТКИЙ ПОДХОД СЕГОДНЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ КАК УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ СУБЪЕКТА СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Аналитики процесса глобализации, в наиболее утвердившемся ныне подходе, выдвинутом рядом ученых, утверждают, что глобализация предстает абсолютно новым явлением не только потому, что ликвидирует (а скорее упрощает) социальное неравенство, но и потому, что фактически ликвидирует человека (социальную группу) как главное действующее лицо — социального актора. Глобальные потоки движутся не в чьих-либо интересах, не в результате чьих-либо действий, а сами по себе, даже если те, кто когда-то их запустил, обладали соответствующими интересами. Люди лишь обслуживают, регулируют (но не формируют, не направляют или изменяют) движение, заданное автоматическим, по сути, механизмом. Они более не акторы, они лишь агенты, выполняющие заданную потоком функцию¹². Значимость действий социальных акторов, как видим, практически отрицается, даже, если речь идет о национальных государствах, а то и констатируется факт их полного ухода с социально-политической сцены.

Однако не все социологи согласны с этим тезисом. Один из теоретиков деятельностно-активистского подхода А. Турэн, после некоторого молчания («после долгого периода молчания мы опять обсуждаем фундаментальные права человека, выходящие за пределы сферы политических или даже социальных прав»¹³), все же выдвинул положение о сохранении в современном обществе субъекта социального действия. Он признает, что «большая часть населения втягивалась в рыночную экономику, где главная забота — отказ от любого регулирования или экономического, политического и социального контроля экономической деятельности»¹⁴, что исчезает тот социальный актор, который мог влиять на все социальные и политические процессы своим участием в них. Однако физически «человек действующий» не ушел, он продолжает существовать и проявлять активность за пределами институтов глобализации или «глобализационных потоков», уже даже не пытаясь влиять на них. Его сегодняшняя деятельность как свободного от «общества»

индивидуума или группы соотносится уже не с «принципами рациональной организации общества или с понятием прогресса, а с шансами социального субъекта на жизнь и с рисками смерти»¹⁵. Современные социальные движения, утратив «единство социальной системы», приобрели «единство самого субъекта в его отношении к себе, а не к внешнему или трансцендентному принципу строя»¹⁶. Для российского исследователя это означает, что в соотношении глобальных процессов с деятельностью субъекта социального действия этот подход работает: действительно, радикально влиять на происходящее в мире он не способен, но на локальном уровне, т.е. непосредственно в месте своего проживания, в ситуации трансформации, реформирования социальных институтов для защиты собственной жизни он вынужден делать попытки оказывать влияние на происходящее. Основной вопрос заключается в том, является ли эта «репрезентация социальной жизни» столь же прочной, как и репрезентация, которая «сейчас, в конце века, исчезла из вида»¹⁷.

Тему развивает видный ученый-социолог М. Вивьерка, утверждая, что с конца 1960-х годов наблюдаются две главные тенденции появления культурных притязаний. Первая — «выражение различий во всех областях, принявших форму новых (или оживших) культурных вызовов, требующих публичного признания актора, ассоциируемого с ними»¹⁸. Вторая тенденция — «сочетание социальных требований с требованиями культурного признания»¹⁹. Это означает, что в условиях глобализации, когда огромная масса людей подвергается эксклюзии как в экономической (низкие доходы, приводящие к снижению качества жизни), так и в политической (отсутствие любого политического или социального участия) сферах, возрастает роль культурной идентификации субъектов (расовой, религиозной, местной, способов ведения хозяйства, сохранения национальной культуры или традиций и т.п.).

Попробуем применить этот подход при анализе современных российских реалий, выясним, являются ли указанные различия почвой для возникновения субъекта социального действия и приводит ли это к их институционализации в виде выдвигания соответствующих требований и деятельности определенных структур гражданского общества, направленных на их реализацию. Иными словами, являются ли социальные различия и типы социального неравенства причиной возникновения структур гражданского общества.

Самодетельные объединения граждан (в виде общественных движений, неправительственных организаций или гражданских инициа-

¹² См., например: Rosenau J.N. *Global Environmental Governance: Delicate Balances. Subtle Nuances, and Multiple Challenges* // *International Governance on Environmental Issues*. — Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997. — P. 19-56.

¹³ Турэн А. Социология без общества // Социологические исследования. — 2004. — № 7. — С. 9.

¹⁴ Турэн А. Социология без общества // Социологические исследования. — 2004. — № 7. — С. 8.

¹⁵ Там же. — С. 9.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Вивьерка М. *Формирование различий* // Социологические исследования. — 2005. — № 8. — С. 15.

¹⁹ Там же.

тив) формируются на основе общих проблем, требующих разрешения, и базируются на культурной, социальной, национальной, политической самоидентификации индивидов. В любом случае речь идет о социальных различиях, которые объединяют или разъединяют людей и которые, в первую очередь, зависят от типов неравенства, существующих в современном российском обществе. Рассмотрим последовательно, как влияют социальные различия и социально политические условия в современной России на возникновение и развитие самоорганизации населения и институтов гражданского общества.

Российские трансформации, происходящие уже на протяжении двадцати лет и направленные на развитие рыночной экономики и рыночных отношений, изначально были нацелены на слом прежней советской уравнительности и на формирование социального неравенства, расслоения, дифференциации возможностей, основанных на различии способностей и имеющихся ресурсов как отдельных социальных групп, так и индивидов. Попробуем выявить, какие же за это время появились типы социального неравенства, кто осознает их наличие и является носителем возникающих на этом основании интересов и ценностей, а также каковы следствия этого, обнаруживающиеся на арене публичной политики. Иными словами, соглашаясь с «Мартовскими тезисами о социологии равенства и неравенства» А.Б. Гофмана на примере происходящего в российских местных сообществах попытаемся проанализировать, как «равенство в одном отношении сочетается с неравенством в другом, равенство одних социальных субъектов идет рука об руку с неравенством других или с другими»²⁰.

Первый тип — социально-экономическое неравенство. В первую очередь следует отметить, что большая часть населения страны (и особенно жители российской глубинки) обладает равенством (т.е. большинство граждан равны друг другу) в отношении их социально-экономического положения. Социологические исследования свидетельствуют: «Около 50% респондентов, по их самооценке, живут недоедая (12%) или еле-еле сводя концы с концами, зарабатывая деньги, которых хватает только на продукты питания (36%). Почти у 39% хватает лишь на продукты и одежду. Таким образом, 90% респондентов живут в достаточно стесненных денежных обстоятельствах...»²¹. Подтверждается это и более поздними исследованиями.²²

²⁰ Гофман А.Б. Мартовские тезисы о социологии неравенства // Социологические исследования, 2004, № 7.

²¹ Левашов В.К. Морально-политическая консолидация российского общества в условиях нелиберальных трансформаций // Социологические исследования, 2004, № 7.

²² См.: Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Авт.-сост. Е.П. Добрынины; под общ. ред. М.К. Горшкова. — М.: ИИК «Российская газета», 2007. — С. 91-116; 137-147; 179-189.

Однако внутри этого равенства уже существует и, что социологически зафиксировано, крепнет процесс возникновения неравенства. Согласно данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, «в 2002 г. в сравнении с 1998 г. доля респондентов, относящих себя к средним слоям на шкале богатства, выросла почти в полтора раза с 37,7 до 52, впервые превысив долю тех, кто относил себя к малообеспеченным и бедным. Доля последних за этот период сократилась с 61,1 до 44,4%»²³. Это формирующееся неравенство во многом связано со степенью социальной активности и вовлеченности в экономическую деятельность более успешной части населения: «Их материальное благополучие зачастую результат выбора и реализации активной стратегии адаптации, инициативного и предприимчивого поведения, а профессиональные успехи объясняются наличием качеств, востребованных рыночной экономикой»²⁴. Можно утверждать, что современное социально-экономическое неравенство основывается на неравенстве внутренних возможностей индивидов (психологических, физиологических, возрастных, свойств характера, уровня квалификации и т.п.) к адаптации к новым условиям. Наличие такого неравенства подтверждается и тем, что «упала значимость дороговизны жизни на 7%, безработицы — на 4%, разделения общества на богатых и бедных — на 9%»²⁵. Усиление социально-экономического неравенства свидетельствует о том, что растет число тех, кто удовлетворяет свои базовые потребности (в одежде, пище, жилье, образовании и пр.).

Углубляющееся социально-экономическое расслоение ведет к более определенному делению на различные социальные группы (частные предприниматели, сотрудники бюджетных организаций, работники предприятий и т.п.), которые формулируют и актуализируют групповые интересы, постепенно преобразующиеся в новые ценности, носители которых создают общественные объединения. Так, в результате появились объединения представителей крупного, среднего и малого бизнеса, ставшие или постепенно преобразующиеся во влиятельные неправительственные организации, представляющие и защищающие соответствующие интересы (например, Российский союз предпринимателей). Актуализируются и набирают силу профсоюзы.

Наиболее консервативными и до сих пор малоинициативными остаются профессиональные объединения (учителей, архитекторов, художников и т.п.), но и в их среде появляются действенные, хотя и альтернативные давно существующим союзам, организации (например,

²³ Козырева П.М. Особенности самоидентификации и субъективной мобильности // Россия реформирующаяся. Ежегодник-2003. — М.: ИС РАН, 2003. — С. 130-131.

²⁴ Там же. — С. 137-138.

²⁵ Гофман А.Б. Мартовские тезисы о социологии неравенства // Социологические исследования. — 2004. — № 7. — С. 34.

Фонд защиты гласности). Экономически и социально слабо защищенные граждане (утратившие поддержку государства) часто также вынуждены действовать коллективно (многочисленные организации инвалидов различных профилей, чернобыльцы, неправительственные организации, занимающиеся проблемами семьи, детства и т.п.).

Второй тип неравенства — степень мобильности населения. На первый план здесь выходят неправительственные организации вынужденных переселенцев. Поселившись на новом месте, понеся при этом большие материальные, моральные и правовые потери, они оказались на крайнем полюсе имобильности. Слабая поддержка государства и местных властей, а также часто агрессивное или, в лучшем случае, пассивное поведение окружающих их граждан, мобилизуют мигрантов на создание собственных объединений для коллективной деятельности по обустройству собственной жизни.

Удовлетворивший базовые потребности человек способен обратить внимание на качество своей жизни и, в первую очередь, на среду своего проживания. Особое значение эта среда приобретает в связи с разделением членов местных сообществ на мобильных и имобильных. Мобильные сограждане (то есть имеющие возможность в случае необходимости сменить место своего проживания или, по крайней мере, сделать это для своих детей) могут позволить себе не связывать свои интересы с непосредственной средой обитания и, значит, не очень беспокоятся о ее состоянии. Имобильные же, наоборот, оказались более чем когда-либо прикованными к месту, которое постепенно превращается для них в определенную ценность. В результате такого типа неравенства по всей стране все чаще появляются гражданские инициативы жителей домов, подъездов, дворов, которые самостоятельно устраивают свои территории, а в случае угрозы им извне выступают в их защиту, формулируют и представляют местным властям свои интересы и требования²⁶.

Третий тип — экологическое неравенство. Экологическое неравенство теснейшим образом связано с имобильностью. Люди, не имеющие возможности покинуть экологически опасное место проживания или обеспечить себе благоприятную среду другим образом, вынуждены активно выступать за сохранение своей непосредственной среды обитания. В большинстве российских городов действуют экологические неправительственные организации, целью которых является контроль за состоянием окружающей среды, выявление ее «загрязнителей» и выдвижение требований к власти о наведении порядка в этой сфере²⁷.

²⁶ Уничтожаются зеленые острова. Народ против // Участие. Социальная экология регионов России. — М.: ИС РАН, 2003. — вып. 10.

²⁷ Аксенова О.В., Халий И.А. Экологическая политика на региональном уровне // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. — М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. — С. 546-563.

Четвертый тип неравенства связан с глобализационными процессами. В первую очередь, проникновение глобализации на местный уровень вызывает беспокойство имобильной части населения и местных экоНПО в связи с изменением состояния окружающей среды. Речь идет о возникновении предприятий ТНК — в основном ресурсодобывающих и ресурсоперерабатывающих в различных российских локальностях, подчас — самых удаленных. Во многих случаях местные НПО считают, что эти предприятия наносят значительный ущерб окружающей среде и природе и в различных формах пытаются противостоять подобной активности.

Пятый тип — этническое неравенство. Проблема, существовавшая в многонациональной России всегда, усугубилась в период трансформаций в связи с ростом руководителей на основе социокультурных различий национального самосознания, усиленного политическими устремлениями государственных структур, поддержанных лидерами соответствующих общественных организаций (часто националистических ориентаций).

Шестой тип — социокультурное неравенство. Многие коренные народы и местные сообщества поставлены в условия необходимости сохранения, поддержания собственной культуры или комплекса традиций и установок. В первую очередь, это вызывает к жизни самостоятельные организации этнической принадлежности (например, многочисленные местные организации коренных малочисленных народов Севера, для которых утрата традиций — есть утрата национальной идентичности). Процесс глобализации, все более утверждаясь в России, лишь усиливает необходимость защиты местной культурной идентичности, что дает основания предполагать дальнейший рост общественных организаций, деятельность которых будет носить именно такую направленность.

Седьмой тип — политическое неравенство, реализующееся по причине отсутствия политических каналов и процедур, обеспечивающих участие граждан в принятии значимых для них решений. В этих условиях протестные и конвенциональные выступления неправительственных организаций создают прецеденты общественного участия, возникновения диалога «население — власти — бизнес», которые становятся частью современной городской публичной политики.

Однако пока, несмотря на все политические заявления о необходимости развития гражданского общества в нашей стране, его институты находятся в условиях глубочайшего политического неравенства. Их роль в политическом процессе не обеспечена ни в виде отработанных практик политического участия, ни в виде готовности властей к сотрудничеству или хотя бы учету их мнений и позиций. Неправительственные организации выступают инициаторами создания и утверждения

таких практик, действуя различными способами: осуществляя прямые действия (акции и кампании протеста), настаивая на выполнении процедур, установленных законом (общественные слушания, общественная экологическая экспертиза, обращение в суд), настаивая на переговорных процессах, площадками которых являются местные представительные органы власти. Тем не менее, пропасть политического неравенства, если и сокращается, то весьма и весьма медленно.

Более того, в условиях глобализации возникает и новый вид политического неравенства: местные власти окончательно теряют возможность принятия собственных решений, если дело касается деятельности на их территории ТНК, поскольку, во-первых, чаще всего подобные решения принимаются на более высоком уровне — региональном или федеральном, чему местные власти противостоять не в состоянии. И, во-вторых, политическая воля сковывается перспективой экономических возможностей: поскольку на местном уровне основной задачей властей является улучшение экономического положения, то отказаться от экономической выгоды, которую можно получить вследствие деятельности ТНК, не представляется реальным. Не говоря уж о тех случаях, когда решения местных властей основываются на личных интересах. В результате местные неправительственные организации, чтобы справиться с возникающими рисками, все чаще апеллируют к поддержке международного сообщества в лице отдельных зарубежных неправительственных организаций или их коалиций.

Политическое неравенство выливается в социально-политическую отчужденность, зафиксированную социологами: «Все большее количество граждан в стране считают, что людям у власти нет никакого дела до простых людей (рост за три года на 20%, с 53 до 73%). Резко, почти в два раза, с 27 до 52% возросло количество респондентов, которые считают, что главное для центральной власти в Москве — решить свои проблемы за счет областей и республик России. На 19% (с 50 до 69%) выросло число граждан, считающих, что большинство россиян не могут повлиять на политические процессы в стране²⁸. Такая отчужденность, без сомнения, является потенциальной питательной средой для общественных организаций (последний яркий пример — события, связанные с монетизацией льгот).

С социально-политическим неравенством теснейшим образом связано **неравенство в доступе к информации (восьмой тип неравенства)** и к самим СМИ. Во-первых, период полной свободы СМИ закончился: все они ныне жестко контролируются своими учредителями. На локальном уровне чаще всего это означает полный контроль над мест-

²⁸ Левашов В.К. Морально-политическая консолидация российского общества в условиях неолиберальных трансформаций // Социологические исследования. — 2004. — № 7.

ными газетами со стороны властей. В результате обществу транслируется информация, интерпретируемая именно в их интересах²⁹. Во-вторых, трудное финансовое положение местных жителей заставляет их черпать информацию практически только из местных источников и электронных СМИ, в основном это центральное радио и телевидение, что также не очень меняет качество информированности. К тому же в России до сих пор есть места, куда не поступает телесигнал. Говорить о доступе к Интернет-сети в российской глубинке вообще не имеет смысла — в этой сфере неравенство особенно глубоко. В-третьих, информационное неравенство заключается еще и в том, что во многих случаях на местах отсутствует возможность публикации материалов, подготовленных институтами гражданского общества, равно как и материалов о них самих. Итогом является то, что информации о самостоятельности и самоорганизации населения в прессе почти не существует. Наши исследования, проведенные в двух районах Москвы и районном центре Боровичи Новгородской области, показали, что люди, получающие информацию из прессы, ничего не знают о деятельности общественных организаций и не понимают, зачем они нужны (так ответили 658 респондентов из 800 опрошенных, то есть 82,5% в Москве и приблизительно такой же процент респондентов в Боровичах).

Как видим, неравенство затрагивает практически все стороны, все аспекты и сферы жизнедеятельности российского общества — экономическую, социальную, социокультурную, этническую, политическую и информационную. Вероятно, это означает, что главной задачей должно стать создание механизмов, способов, каналов, обеспечивающих возможности социально активной части населения уменьшать степень всех видов неравенства, что повлечет за собой и расширение круга самих социально активных граждан. В связи с проблемой необходимости консолидации российского общества для дальнейшего устойчивого социального, экономического, политического развития, процесс снижения уровня различных видов неравенства будет означать увеличение количества тех, кто готов к консолидированным действиям в этом направлении.

²⁹ Подлесная М. Экологические проблемы и местные СМИ // Участие. Социальная экология регионов России. — М.: ИС РАН, 2004. — Вып. 13.

ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

Цель исследования и, соответственно, ключевой его вопрос — обладает ли базовый слой российского общества инновационно-реформационным потенциалом — сформирован нами на основе современного российского теоретизирования относительно «трансформационной структуры» российского общества Т.И. Заславской³⁰. На ее «деятельно-структурную концепцию» мы и будем опираться. Применительно к нашему исследованию, это означает попытку выяснить, представляют ли собой российские общественные движения организованный авангард различных сообществ «базового слоя»³¹ российского общества, являются ли они участниками трансформационного процесса, какую роль они при этом играют. В этой связи начать следует с определения того, что же такое «трансформационная структура общества». Определяя ее, Т.И. Заславская пишет: «Трансформационная структура отражает системное качество общества, особо значимое в период крутых перемен — его способность и готовность к саморазвитию, в том числе путем радикального преобразования и обновления своих базовых институтов и социальной структуры. Это важнейшее качество общества определяется соотношением, сравнительной влиятельностью и активностью социальных сил, заинтересованных в разных сценариях общественного развития и прилагающих существенные усилия к тому, чтобы эти сценарии реализовывались на практике»³².

Выявить составные части трансформационной структуры Заславская предлагает при помощи индикатора ее качества, которым, по ее мнению, является «инновационно-реформаторский потенциал общества, зависимый «как от качества общественного устройства (институциональной и социальной структур), так и от культурно-политических особенностей данного общества»³³. Таким образом, мы определяем поле нашего исследования — это институциональная и социальная структура базового слоя (под которым мы, в первую очередь, будем понимать местные сообщества, включая и властные органы, и изучать их формы жизнедеятельности) и культурно-политические особенности (местных сообществ, общественных движений и государственной власти).

³⁰ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. — М.: Дело, 2002. — 568 с.

³¹ Базовый слой российского общества, по определению Т.И. Заславской, является «наиболее массовым элементом социальной структуры» и «представлен средними рядовыми россиянами» // Там же. — С. 463.

³² Заславская Т.И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социологические исследования. — 2001. — № 8. — С. 4.

³³ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. — М.: Дело, 2002. — С. 499.

В инновационно-реформаторском потенциале Заславская выделяет три составные части (в ее определении — «компонента») — реформаторский, социально-инновационный и адаптационный. По ее определению, первый из них определяется «качеством и деятельностью правящих элит и верхнего слоя бюрократии», которые «разрабатывают новые правила игры и контролируют их выполнение»³⁴. Второй — зависит «от мощности, качества и характера деятельности средних слоев», к которым она относит предпринимателей, менеджеров, профессионалов, чиновников и военных и которые «практически реализуют открываемые реформами возможности, содействуя закреплению правил игры...»³⁵. Третий — адаптационный — потенциал зависит «от установок, деятельности и поведения преимущественно рядовых граждан — рабочих, крестьян, служащих, массовой интеллигенции», от которых, по мнению Заславской, преобразование новых правил в повседневные социальные практики, что является «целью и конечным результатом реформ». В этой связи задача диссертационного исследования — определить, какому из названных компонентов более всего соответствует активность общественных движений и ее качество, иными словами, какое место занимают в трансформационной структуре движения, а какое стремятся занять, можем ли мы их отнести лишь к одному из компонентов инновационно-реформаторского потенциала. Остается вопрос и о том, осуществляют ли они вообще инновационную деятельность: ведь, как справедливо отмечает Заславская, «в зависимости от ситуации и собственных установок «простые россияне» могут либо поддерживать и ускорять своей деятельностью осуществление реформ, либо саботировать новые правила, не отвечающие их интересам, либо активно формировать новые, чаще всего нелегитимные правила поведения»³⁶.

Заславская, что для нашего исследования имеет особую значимость, относит структуры гражданского общества (включая в них общественные движения и неправительственные организации) к массовой социально-инновационной активности, выделяя четыре сферы преимущественной реализации такой активности — хозяйственное предпринимательство, преобразование институтов социальной сферы, обновление идеологии и культуры и самоорганизация и формирование структур гражданского общества³⁷. Как видим, для общественных движений ею выделяется весьма специфичная сфера, которая будто бы не имеет отношения к первым трем. Так ли это на самом деле, влияет ли появление структур гражданского общества и деятельность

³⁴ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. — М.: Дело, 2002. — С. 499.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. — С. 500.

³⁷ Там же. — С. 501.

исследуемых нами общественных движений на первые три — следует осмыслить в ходе исследования.

В ходе рассуждений о трансформационной структуре общества Заславская выделяет связь инновационного потенциала с развитием гражданского общества, заключая, что она носит обоюдный, двусторонний характер: «Чем выше инновационный потенциал общества, чем шире, свободнее, благополучнее и, следовательно, активнее средние и базовые слои, тем успешнее развиваются структуры гражданского общества. Развитие же этих структур, в свою очередь, позволяет индивидуальным силам новаторов сливаться в коллективную силу и волю, что делает их активность более эффективной»³⁸. Однако в нашем исследовании нас интересует не только то, насколько социальная среда является адекватной для развития общественных движений, но и насколько сами движения выполняют инновационные функции, то есть являются субъектом действия в трансформационном процессе.

В соответствии с ее же формулировкой о трансформационной активности социальных субъектов, в фокусе наших изысканий будет трансформационная активность общественных движений. Под такой активностью, которая стала ключевым понятием для нашего исследования, Заславская имеет в виду «тот специфический элемент действий социальных акторов, который обуславливает или в конечном счете влечет за собой (неважно, прямо или косвенно) качественное изменение общественных институтов»³⁹. Действительно, в своем исследовании мы будем стремиться обнаружить, насколько деятельность общественных движений ведет к изменению базовых социальных практик (в первую очередь в сфере принятия решений), инновационны ли эти изменения и в сравнении с чем они таковы, осознанны ли подобные действия исследуемых нами коллективных акторов. В качестве точки отсчета для определения инновационны ли действия движений, мы будем использовать определение Заславской трансформационной активности в «более узком смысле», в котором к ней следует отнести «те модели социальных действий, которые отклоняются от институциональных традиций». Иными словами, ключевым критерием в определении инновационности для нас будут не инновации, производящиеся по «передовому» западному образцу, но инновации в сравнении с тем, что было до сих пор традицией в России. Однако следует, вслед за Заславской, понимать, что трансформационная активность носит «амбивалентный характер по отношению к социальному прогрессу, тем более что направление последнего не всегда очевидно»⁴⁰. Это понимание тем важнее для нас, что не только действия самих общественных дви-

³⁸ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. — М.: Дело, 2002. — С. 503.

³⁹ Там же. — С. 505.

⁴⁰ Там же.

жений могут носить реакционный характер (например, вследствие неприятия определенным сообществом некоторых инноваций), но и современные российские власти или политические элиты в целом на каком-то этапе трансформаций могут решить, что сделанного достаточно или даже, что лучше вернуться к утраченному, что может вызвать не только реакцию движений, но и поставить под угрозу само их существование. Выше мы подчеркнули, что в фокусе нашего внимания будет то, насколько осознанно общественные движения осуществляют трансформационную активность, поскольку абсолютно правомочно утверждение Заславской о рациональности такой активности, она «отражает более или менее продуманную реакцию субъектов на изменение игры, нередко — результат рационального взвешивания и выбора одной из нескольких возможных стратегий»⁴¹. Это важно при анализе того, являются ли современные социальные движения действительными субъектами, осуществляющими трансформационную активность, или они действуют вынужденно, а значит таковой активности не проявляют. В результате мы в полной мере будем опираться на выдвинутое Т.И. Заславской развернутое определение трансформационной активности «как совокупности социально-инновативных действий, являющихся преимущественно рациональным ответом социальных акторов на вызываемое реформами изменение условий их жизнедеятельности и ведущих к изменению базисных социальных практик»⁴².

Поскольку в этой связи ключевым понятием становятся социальные практики и их соотношение с институтами, следует обратиться к интерпретации этого понятия. В концепции Т.И. Заславской понятием «практики» обозначаются «устойчивые системы взаимосвязанного и взаимно ориентированного ролевого поведения социальных субъектов (индивидов, организаций и групп)», «это конкретные формы функционирования общественных институтов»⁴³. Сами институты при этом могут даже и не меняться, но, с другой стороны, изменение институтов обязательно должно повлечь за собой качественное изменение социальных практик, в противном случае ему не стать институтом. Отсюда трансформация институциональной структуры — «это прежде всего социокультурный процесс», поэтому характер изменения повседневных практик «служит критерием эффективности институциональных реформ»⁴⁴. Для нашего исследования важно не только производят ли социальные движения устойчивые и инновационные социальные практики, ведущие к формированию новых институтов, но также и то, институционализированы ли они сами.

⁴¹ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. — М.: Дело, 2002. — С. 505.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. — С. 507.

⁴⁴ Там же.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ К ИЗУЧЕНИЮ КОНКРЕТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Многоаспектность предмета изучения, расширенная к тому же поставленными целями и задачами данного исследования, масштабный комплекс параметров, присущих общественным движениям, которые можно анализировать, приводит к необходимости выделить те из них, которые подлежат рассмотрению в нашем случае. К таковым, в первую очередь, относятся условия, которые способствуют или препятствуют возникновению, развитию общественных движений и достижению ими необходимых для общества, поставленных ими самими перед собой и ожидаемых ими результатов. Основными параметрами в этой связи для нас будут политические условия, в которых возникают и действуют движения, и наличие у движений ресурсов, необходимых для их активности. Инструментом анализа станут теоретический подход «структура политических возможностей» и «теория мобилизации ресурсов», разработанные в рамках парадигмы коллективного действия западной социологии социальных движений.

СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И РАЗВИТИЕ САМООРГАНИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ И СТРУКТУР ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Очевидно, что процесс институционализации социокультурных различий посредством деятельности структур гражданского общества, являющихся носителями ценностей, интересов, целей различных социальных групп и осуществляющих их трансляцию лицам и органам власти, принимающим решения, в современной России весьма жестко связан и во многом определяется политическими условиями. Даже для того, чтобы добровольное объединение граждан приобрело формы коллективного и организованного социального действия необходим определенный политический контекст. Отсюда возникает необходимость опереться на весьма давно разработанный в рамках социологии общественных движений теоретический подход, который называется «структурой политических возможностей»⁴⁵ и применяется для анализа политических условий формирования общественных движений

(понятие структуры политических возможностей перекликается с понятием структурной проводимости как одним из факторов возникновения общественных движений, выдвинутым Н. Смелзером).

Период политических преобразований, который переживает страна, причем преобразований перманентных, постоянно меняющих свой вектор (от децентрализации до централизации власти), дает огромный материал для анализа. Однако таких широкомасштабных исследований в данной работе мы проводить не станем. Нас будет интересовать только то, насколько и каким образом власти и политический контекст в целом влияют на возникновение и развитие социальных движений, на самоорганизацию граждан. И первое, на что следует обратить внимание — это появление условий (после ликвидации тоталитаризма) для формирования движений в период перестройки. Во-вторых, в фокусе исследования в связи со структурой политических возможностей окажутся местные власти, трансформация которых не только мало заметна, но и слабо изучена современными общественными науками. Для нас же их политическое качество — это особый фактор развития неправительственных организаций на локальном уровне.

Варианты операционализации структуры политических возможностей чрезвычайно многообразны. Одни рассматривают ее как политическую среду в целом и способность государства претворять политические решения в жизнь⁴⁶. Открытость и закрытость политической системы, а также сила и слабость режима определяют соответственно вероятность возникновения движений соответствующего типа и ход их развития. Другими учеными структура политических возможностей характеризуется более узким набором показателей, которые включают лишь те характеристики политического режима, которые в самом деле могут выступать ресурсами, т.е. могут быть использованы движениями для достижения целей и мобилизации поддержки⁴⁷. С. Тэрроу выделяет три группы показателей структуры политических возможностей: 1) степень открытости политической системы; 2) степень стабильности расстановки политических сил; 3) наличие союзников движения в рамках политической системы⁴⁸.

Отталкиваясь от этих определений, мы и попробуем проанализировать элементы структуры политических возможностей, которые существуют в современной России и то, как они влияют на самоорганизацию населения и развитие структур гражданского общества.

Открытая политическая система характеризуется высокой «степенью отзывчивости» по отношению к требованиям, выдвигаемым сни-

⁴⁶ Kerbo P. Movements of «crisis» and movements of «affluence». A critique of deprivation and resource mobilization theories // Journal of Conflict Resolution. — 1982. — Vol.26 (4). — P. 645-663.

⁴⁷ Zald M., Ash R. Social movement organizations // Social Forces. — 1966. — Vol.44.

⁴⁸ Tarrow S. Struggle, politics and reform: collective action, social movements and cycles of protest. Cornell Univ. Western soc. — 1989. — Paper N 21.

⁴⁵ Кун Т. Структура научных революций. М. 1977; McAdam D., McCarthy J., Zald M. Social movements // Handbook of sociology / Ed. by N. Smelser. N.Y., 1988. P.695-736; Eyerman R., Jamison A. Social movements. A cognitive approach. The Pennsylvania State University Press. 1991.

зу. Соответственно, нам следует выявить, готово ли общество и сообщества к формулированию своих потребностей в виде интересов и к преобразованию последних в политические требования. Ведь более 70 лет такой практики у российских граждан не существовало, поэтому ни опыта, ни навыков такого рода они не имеют. Можно полагать, что наше исследование покажет, что такой деятельностью заняты общественные движения и неправительственные организации — как на местном и региональном, так и на общероссийском уровнях. И второй вопрос, важный для нас в связи со степенью открытости, — насколько власти всех уровней «отзывчивы» к выдвигаемым снизу требованиям, осуществляется ли сегодня их трансляция, выполняют ли такую функцию общественные движения? Подобные данные могут представить различные стили управления — от авторитаризма до попыток перехода на демократические «рельсы», что будет характеризоваться среди прочего и различным уровнем возможности для граждан высказывать свои суждения и быть услышанными.

По утверждению ученых, следующий показатель открытости — это наличие механизма объединения и согласования требований, выдвигаемых различными социальными и политическими субъектами. Открытость системы уменьшается, если в ней не разработан механизм формирования политических компромиссов и консенсуса. Здесь мы практически находимся в самом начале пути. Единственный подобный механизм, который до сих пор существовал — это общественные палаты при областных и районных администрациях. Уже многолетний опыт работы показал их малую эффективность, а, кроме того, не вошедшие в такие палаты неправительственные организации или сомневающиеся в их значимости продолжают активно действовать неформальными методами, правда, в основном конвенциональными. Отсутствие такого механизма подтвердила попытка проведения пенсионной реформы — именно из-за его отсутствия пенсионеры вынуждены были применять прямые действия, т.е. выходить на улицы наших городов, чтобы транслировать власти свое мнение. Конечно, это движение было стихийным, неорганизованным, а значит, оно могло либо со временем преобразоваться в легитимную неправительственную организацию либо быть использованным существующими, подчас не слишком достоверными общественно-политическими структурами.

На современном этапе по инициативе государства сформирована Общественная палата при Президенте РФ. В рамках процесса ее создания не раз происходили встречи Президента РФ с представителями общественных организаций и объединений, большая часть которых воспринимает создание палаты весьма неоднозначно. Основное сомнение заключается в том, что может возникнуть неравенство между неправительственными организациями по критерию вхождения/не вхождения в ее состав, а также в том, что ее деятельность приобретет

символический характер, как это часто происходит с соответствующими организациями на региональном уровне.

Для нашей страны одним из элементов структуры политической возможности является также патернализм государства по отношению к различным социальным группам и структурам гражданского общества. Например, его ликвидация по отношению к малочисленным коренным народам Севера вызвала в период перестройки бурный рост общественных организаций и гражданских инициатив во многих сообществах (вплоть до самых удаленных поселков), преобразовавшихся в сетевую организацию «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера» со штаб-квартирой в Москве и региональными отделениями во многих субъектах РФ⁴⁹. Патернализм государства в отношении структур гражданского общества ведет к утрате этими структурами взаимодействия с населением и вследствие этого, к прекращению их деятельности по представительству интересов социальных групп, такие организации становятся «симулякрами». Чтобы взаимодействие гражданского общества и государства было эффективным, необходимо чтобы эти отношения были не патерналистскими, а партнерскими. Однако это возможно только при хотя бы относительном равенстве сторон, о чем говорить, без сомнения, преждевременно.

Таким образом, использование структуры политических возможностей как метода анализа контекста существования российских общественных движений будет способствовать и определению условий эффективности самоорганизации, и поможет выявить различные периоды в способах взаимодействия движений и власти, механизмы и инструменты, применяемые движениями в своей активности.

ТЕОРИЯ МОБИЛИЗАЦИИ РЕСУРСОВ

Для российских (и особенно — бывших советских) граждан понятие «мобилизация» в научном тексте звучит непривычно и вызывает ассоциации, далекие от того смысла, в котором оно используется в теориях общественных движений. В западной социологии мобилизация — это весьма уважаемое понятие. Оно означает готовность к действиям или сами действия в широком смысле. Иногда мобилизация используется как синоним общественного движения. В этом понятии подчеркивается активное рационально-плановое начало движения.

Для парадигмы коллективного действия мобилизация — ключевое понятие. Она представляет собой целенаправленную деятельность

⁴⁹ Локальная самоорганизация коренных малочисленных народов Севера России и формирование местных институтов социального управления // Автопортрет местных сообществ. Анализ социологических опросов и глубинных интервью / Отв. Ред. И.А. Халий. — М.: Институт социологии РАН, 2006. — С. 283-303.

движения, ориентированную на получение поддержки, что немаловажно для российских движений и для их анализа. К. Дженкинс, обобщая многочисленные толкования данного термина, определяет мобилизацию как «процесс, с помощью которого группа получает и использует ресурсы для достижения поставленных целей»⁵⁰.

Понятия «ресурсы» и «мобилизация» неразрывно связаны между собой. Ресурсы находятся в распоряжении отдельных лиц, организаций и общества в целом. Для любого движения всегда существует некий невостребованный потенциал мобилизации. Поэтому деятельность движения постоянно направлена на привлечение все большего количества разнообразных ресурсов, необходимых для решения поставленных движением задач. Структурные макроусловия (экономический, социальный, политический контексты) становятся ресурсами движения, если они осознаются как таковые его лидерами и участниками. Такой подход предоставляет возможность проанализировать влияние мобилизации ресурсов в нашей стране в современных условиях, когда все виды макроконтекста находятся практически в постоянном режиме изменений — производимых на основе политических установок или складывающихся стихийно.

Для каждого этапа общественного развития, по мнению представителей парадигмы, характерен доминирующий тип мобилизации в обществе. В разные исторические периоды превалирует охранительный (традиционное общество), наступательный (индустриальное общество) или смешанный (постмодернистское общество) тип мобилизации⁵¹. Для анализа российских реалий этот подход позволит определить, какой тип действий доминирует или, по крайней мере, преобладает — традиционалистский или инновационный. Кроме того, в зависимости от структуры политических возможностей и целей движений мобилизация может иметь качественный (интенсивный) или количественный (экстенсивный) характер. Интенсивная мобилизация предполагает, что движение рекрутирует лишь тех, кто является его убежденными приверженцами. При экстенсивной мобилизации к участию в движении привлекается более широкий круг участников, хотя бы на краткий промежуток времени. Выявление причин и соотношения интенсивной и экстенсивной мобилизации, а также перспектив развития самоорганизации особенно важно для российских движений в виду их очевидной для всех малочисленности и практически начального этапа становления гражданского общества в целом.

Особое внимание в исследовании будет уделено классификации ресурсов, поскольку следует определить, какими из них сейчас обладают общественные движения, а какие им еще следует и возможно

⁵⁰ Jenkins C. Resource mobilization theory and the study of social movements // *Annual Review of Sociology*. — 1983. — Vol. 9. — P. 532.

⁵¹ Tilly Ch. *From mobilization to revolution*. — Englewood Cliffs, 1978.

мобилизовать. Теория мобилизации ресурсов предлагает несколько типов классификации ресурсов, опирающиеся на представления об их роли в судьбе движения, о механизме их использования. Так, исследовательница феминистского движения в США Джо Фримен выделяет вещественные и невещественные ресурсы. К первой группе относятся финансы, материально-техническое обеспечение, средства коммуникации. Вторую группу составляют люди — основные (человеческие) ресурсы движения и их труд, измеряемый навыками и временем. Невещественные ресурсы в свою очередь включают специализированные навыки и умения членов движения и неспециализированный труд рядовых участников коллективных действий⁵².

В другой классификации выделяют две основные группы ресурсов — внешние по отношению к движению и внутренние⁵³. Представители парадигмы коллективного действия расходятся в оценке их значимости для достижения целей движения. Одни из них склонны придавать решающее значение внешним ресурсам — поддержке социальных институтов и лиц, непосредственно не заинтересованных в достижении целей⁵⁴. Другие, напротив, считают, что лишь внутренние ресурсы движения — его участники, лидеры, солидарность и организация — ответственны за судьбу движений⁵⁵.

Внешние ресурсы — это организационные условия, в которых проявляется воздействие макроусловий социально-экономического и политического характера. К ним относятся организационная структура общества, тип и развитость формальной и неформальной коммуникативной сети, сложившийся репертуар коллективных действий. Признание значимости внешних институциональных ресурсов считается важнейшим вкладом теории мобилизации ресурсов в социологию общественных движений. Традиционно считалось, что успех движения определяется участием социальных групп, людей, прямо заинтересованных в достижении поставленных целей. Однако в движениях 1960-х гг. особое значение имело участие тех групп населения и тех личностей, которые объективно, т.е. по своему социальному положению, не были заинтересованы в успехе движения, так называемых «сознательных участников». Например, движение за гражданские права негров поддерживали белые представители среднего класса США, финансо-

⁵² Freeman J. *The politics of women's liberation*. — N.Y., 1975.

⁵³ McAdam D., McCarthy J., Zald M. *Social movements* // *Handbook of sociology* / Ed. by N. Smelser. — N.Y., 1988.

⁵⁴ McCarthy J. *Pro-life and pro-choice mobilization: infrastructure deficits and new technologies* // *Social movements in an organizational society* / Ed. by M. Zald, J. McCarthy. — N.Y., 1987; McCarthy J., Zald M. *The trend of social movements in America: professionalization and resource mobilization*. — Morristown, 1973.

⁵⁵ Obershall A. *Social conflict and social movement*. — N.Y., 1973; Useem B. *Solidarity model, breakdown model and the Boston anti-busing movement* // *American Sociological Review*. — 1980. — Vol.45.

вую и моральную поддержку предоставляли благотворительные фонды, средства массовой информации и промышленные корпорации⁵⁶. Антивоенное, студенческое и другие движения 1970—1980-х гг., опирались не столько на массовый протест, сколько на временные группы, которые побуждались к действиям с помощью средств массовой информации⁵⁷. Фермерское движение, экологическое, одно из направлений феминистского были инициированы профессионалами-антрепренерами, пришедшими в движение извне⁵⁸. Что происходит в современной России подлежит анализу в данной работе.

Среди внешних ресурсов движений исследователи подчеркивают значение средств массовой информации (что в нашем исследовании занимает значительное место). Их функция заключается в информировании властей и населения о движении, в формировании образа движения. Воздействие независимых СМИ на динамику движений весьма противоречиво. Информация о движении зачастую отрицательно влияет на процесс мобилизации и легитимизации движений и не только потому, что пресса может не разделять идеологию движений. Дело в том, что краткая информация, представляемая, в частности в сводках новостей, акцентирует внимание на формах деятельности, а не на их причинах и целях. Кроме того средства массовой информации зачастую превращают лидеров движений в политических звезд, что провоцирует конфликтность внутри движений и ослабляет их. По мнению исследователей, в долгосрочной перспективе мобилизация с помощью средств массовой информации менее эффективна, чем прямые способы мобилизации⁵⁹. Данный подход дает возможность выявить функции и роль, а также эффективность СМИ как способа мобилизации ресурсов в современной России.

Внутренние ресурсы, в отличие от внешних, находятся в непосредственном распоряжении движения. В рассматриваемой теории придается значение таким из них как организации, входящие в движение, лидерство и солидарность. Нас будет особо интересовать роль организации. Согласно теории мобилизации ресурсов, «всерьез говорить о движении можно лишь тогда, когда оно имеет организационную основу»⁶⁰. Организационное ядро движения делает его рациональным коллективным субъектом, имеющим программу деятельности, стратегию и тактику социальных преобразований. Необходимо подчеркнуть, однако, что движение не поглощается организацией и не равно ей.

Исследователи отмечают следующие функции организации: во-первых, ее наличие уменьшает затраты на участие в движении его сторонников; во-вторых, организация является средством привлечения людей в движение; в-третьих, наличие организации увеличивает шансы движения на успех⁶¹.

Анализ роли организаций в мобилизации поставил перед сторонниками данной парадигмы ряд дискуссионных вопросов. Прежде всего, что первично: организация или общественное движение? Стоит такой вопрос и перед нами, более того, на современном этапе развития самоорганизации в России он даже еще жестче: существуют и необходимы ли сегодня движения или достичь ожидаемых результатов могут неправительственные организации самостоятельно. Наши эмпирические исследования показывают, что отношение между движением и организацией неоднозначно. Иногда организации возникают вслед за массовыми коллективными действиями. В других случаях организация существует до массовых коллективных действий и способствует их появлению. По мнению С. Тэрроу, единственное, что можно сказать с определенностью об отношении организации и движения, — это то, что «организации одновременно предшествуют и следуют за волной массовой мобилизации»⁶². Существующие организации стимулируют подъем массового движения. С другой стороны, в условиях подъема политического протеста зарождаются новые организационные структуры. При спаде протеста часть из них распадается или институционализируется, а часть меняет цели, возмещая утраченную массовую поддержку приобретенной организованностью.

Вторая проблема касается роли организаций в достижении успеха движения и в конструктивных социальных переменмах. Это один из наиболее дискуссионных вопросов социологии общественных движений. Одна группа исследователей считает, что организации направляют и контролируют массовую, склонную к стихийному неуправляемому развитию энергию протеста, и именно это приводит к успеху движений⁶³. Другие, напротив, утверждают, что организации, именно в силу того, что они «укрошают» стихийный порыв массовой мобилизации, уменьшают эффективность и силу движения⁶⁴.

Применение всех изложенных положений в анализе современных российских движений внесет значимый вклад в оценку деятельности российских движений, их роли как «инновационно-реформаторского потенциала» в процессе осуществляющихся преобразований.

⁵⁶ Hobsbawm E. Primitive rebels. — Manchester, 1959.

⁵⁷ McCarthy J., Zald M. Resource mobilization and social movements: a partial theory // American Journal of Sociology. — 1977. — Vol. 82.

⁵⁸ Park R. The crowd and the public and other essays. — Chicago, 1972.

⁵⁹ Melucci A. Getting involved: identity and mobilization in social movements // Intern. Social Movement Research. Vol. 1. From structure to action / Ed. by B. Klandermans et al. — 1988.

⁶⁰ Melucci A. Nomads of the present. — N.Y., 1989. — P. 1220.

⁶¹ McCarthy J. Pro-life and pro-choice mobilization: infrastructure deficits and new technologies // Social movements in an organizational society / Ed. by M. Zald, J. McCarthy. — N.Y., 1987.

⁶² Tarrow S. Struggle, politics and reform: collective action, social movements and cycles of protest. Cornell Univ. Western soc. — 1989. — Paper N.21. — P. 19.

⁶³ Hobsbawm E. Primitive rebels. Manchester, 1959; McCarthy J., Zald M. Resource mobilization and social movements: a partial theory // American Journal of Sociology, 1977. — Vol. 82.

⁶⁴ Piven F., Cloward R. Regulating the poor. — N.Y., 1971.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX вв.: ВЫЯВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СПЕЦИФИКИ

Анализ накопленных данных и обобщение их в рамках диссертационной работы, привело к осознанию (на уровне ощущений и подчас неспособности найти удовлетворяющую самого автора терминологию, объясняющую анализируемые явления) того, что западные теоретические подходы, даже учитывая их адаптацию к российским реалиям и интеграцию с современными российскими научно-теоретическими разработками, касающимися общественных движений и их места на общественной арене, не дают возможности в полной мере определить все основные понятия и проанализировать российские реалии в полной мере. Ощущалась недостаточность учета чисто российской специфики, которая, по нашему мнению, существует и радикально влияет на все сферы жизнедеятельности общества. Это вызвало стремление обратиться к научным изысканиям российской социологии конца XIX — начала XX вв. Причем после изучения трудов ученых, нами был сделан выбор в пользу раннего этапа российской социологии, который заканчивается научной деятельностью М.М. Ковалевского, и одновременно с него начинается ее новый этап⁶⁵. Представляется, что именно этот период наибольшим образом схож с современными российскими реалиями, более поздний, предреволюционный этап у нас пока не наступил, а потому можно попробовать его избежать, в том числе и при помощи научного анализа.

Что отличает российскую социологию того периода и позволяет эффективно использовать ее подходы сегодня?

Первое. Направленность на желательные изменения. И тогда (как и теперь) это был период перехода от одного состояния общества к радикально другому. Причем социальная и политическая практика того периода, также как и сегодня, не давала четких установок этого транзита, поэтому ученые-обществоведы должны были искать их сами. Отсюда их выход на субъективизм в социологии, который был свойственен большому количеству ученых, хотя и интерпретировался и изменялся ими по-разному.

Второе. Направленность на практику вела к тому, что российские социологи постоянно возвращались к проблеме соотношения активности и пассивности граждан. Особое место в этой связи занимают ценностные ориентации и мотивационные структуры.

Третье. Социальная неустроенность общества, невостребованность активности социальных групп, «сил русского народа» приводили ученых к размышлениям о характере и миссии русского народа, соотношении традиций и инноваций, консерватизма и модернизма.

Четвертое. Использование «органичного подхода» к исследованию общества. Поиск общезначимого социального идеала, который бы освободил общество от нарушающих его органичность тенденций и ориентировал бы акторов на сознательную деятельность по конструированию некоей органичной целостности (совсем в духе современного конструктивизма). В результате внимание российских социологов концентрировалось на проблемах социальной динамики (эволюции, прогресса). Для нас значимо то, какое место занимали и какую роль играли личности и социальные группы, демонстрирующие активную гражданскую позицию (субъекты социального действия).

Пятое. Особое внимание обращалось на поиск способов согласования интересов различных субъектов действия, практический гуманизм, внутреннюю духовную революционность. Утверждались идеи социального плюрализма, революционности целого и части (общества и личности), взаимной помощи, кооперации и солидарности.

В результате изучения трудов российских ученых нами избран ряд теоретических подходов, так или иначе связанных с предметом исследования, касающихся таких явлений как солидарность, традиционализм и инновации, герои и толпа, социокультурные процессы, а также ряд методологических положений, которые мы при определенной модификации восприняли в качестве базиса собственного исследования.

В период радикальных трансформаций, когда все проявления мира социального находятся в движении от одного состояния к какому-то новому (часто не ясно, к какому), в центр внимания исследователя попадает категория возможности, выдвинутая Н.К. Михайловским. По мнению автора, она определяет специфику метода социологии, ибо ее существенной задачей является выяснение «общественных условий, при которых та или другая потребность человеческой природы получает удовлетворение⁶⁶. Собственно, отсюда происходит и субъективизм как социологический метод, поскольку потребности носят не только биологический характер, но и культурологический, своеобразие социальной реальности вытекает из сознательной деятельности человека и требует специфических методов исследования. Критикуя объективизм, Михайловский подчеркивает эту специфичность: «Когда нам рекомендуют плакать и не смеяться, а понимать, то, собственно говоря, нам рекомендуют именно не понимать, потому что не смеяться над смешным — зна-

⁶⁵ Миненков Г.Я. Введение в историю российской социологии. — М.: Экономпресс, 2000. — С. 193.

⁶⁶ Записки профана // Михайловский Н.К. Полн. Собр. Соч. Т. III. — СПб., 1913. — Стб. 407.

чит не понимать смешного»⁶⁷. Иными словами, речь идет уже в это время о том, что мы сегодня называем «понимающей социологией» и на что постараться опираться в настоящем исследовании.

Кроме того, в эпоху ломки традиционных установок и становления инноваций ученый особенно остро ощущает давление прошлого опыта и знаний (и не может легко освободиться от них, просто скинув как ненужную одежду), поэтому весьма важно для нас осознавать возможность и вероятность собственного «предвзятого мнения», что является еще одной значимой для нас категорией субъективизма по Михайловскому. Размышляя над необходимостью его преодоления с целью достижения верифицированных результатов, он выдвигает тезис о том, что «предвзятое мнение обуславливается двумя элементами: во-первых, запасом предыдущего, бессознательно или сознательно приобретенного опыта, во-вторых, высотой нравственного уровня исследователя»⁶⁸. Нравственным при этом, уже в нашей интерпретации, будет постоянно помнить об этом и пытаться личный субъективизм поверять собранными данными, их тщательным анализом и контролем за интерпретацией. Этот подход к собственным научным изысканиям стал некоей базовой методологией диссертационной работы. Прежде всего, это выражается в нашей попытке следовать социальной обусловленности познания, которая Михайловским трактуется как зависимость оснований формирования общностей от принадлежности индивидов к тем или иным структурам: «Скажи мне, к какому общественному союзу ты принадлежишь, и я скажу тебе, как ты смотришь на вещи»⁶⁹. Во-вторых, мы согласны с тем, что «где для проверки исследования требуется, кроме сведений, известная восприимчивость к природе явлений, там употребляется метод субъективный»⁷⁰. Однако мы, как и сам Михайловский, не придерживаемся мнения, что субъективный метод единственно возможный и необходимый для научного исследования. Он обязательно должен быть дополнен максимально возможным сбором данных, всесторонней оценкой фактов и целостной постановкой вопросов.

Еще одна основа нашей методологии — «строить социологию не сверху, исходя из какой-нибудь философии, а снизу, опираясь на фактический материал...»⁷¹, к чему призывал Н.И. Кареев, в своей работе

⁶⁷ Предисловие к книге об Иване Грозном // Михайловский Н.К. Полн. Собр. Соч. Т. III. — Спб., 1913. — Стб. 222.

⁶⁸ Что такое прогресс? (Герберт Спенсер. Собрание сочинений в 7-ми томах. Издание Н.Л. Тиблена) // Михайловский Н.К. Герои и толпа: Избр. Труды по социологии в двух томах. Т. 1. — Спб., Алетея, 1998. — С 12.

⁶⁹ Письма о правде и неправде // Михайловский Н.К. Полн. Собр. Соч. Т. III. — Спб., 1913. — Стб. 461.

⁷⁰ Записки профана // Михайловский Н.К. Полн. Собр. Соч. Т. III. — Спб., 1913. — Стб. 401.

⁷¹ Максим Максимович Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. — Петроград, 1917. — 171.

о М.М. Ковалевском как ученом. Сам М.М. Ковалевский в этой связи говорил о том, что «конкретные науки об обществе, поставляя социологии материал для ее умозаключений, в то же время должны опираться своими эмпирическими обобщениями на те общие законы существования и развития, которые призвана устанавливать социология как наука о порядке и прогрессе человеческих сообществ»⁷². Мы же, не имея «вспомогательных» наук, руководствовались тем, что эмпирические данные крайне необходимы для анализа и получения научных результатов, а потому в течение более чем десяти лет тщательным образом и различными способами их собирали и обрабатывали.

В научных разработках российских социологов, посвященных солидарности, мы искали главным образом те инструменты, при помощи которых они предлагают это социальное явление анализировать. К ним в первую очередь относится понятие эволюция солидарности. Так, утверждая, что истоки солидарности находятся в доисторическом мире, где она возникает как фатальная необходимость выживания, П.Л. Лавров рассматривает ее эволюцию через объединения в различного рода союзы, с одной стороны, и через дифференциацию, с другой, но в обоих случаях для развития солидарности необходим рост сознания, мысли, условий и фактов⁷³. Это соотношение интеграции и дезинтеграции, ситуативности и осознанности солидарности будут рассмотрены нами при анализе соотношения местного сообщества как некоего целого и его организованной части в форме неправительственных организаций. Здесь важно будет применить как инструмент анализа предложенные Лавровым три основных вида солидарности с учетом вышеозначенных методологических положений:

- 1) бессознательная солидарность (солидарность обычая, предполагающая такую связь между индивидуумами, которая устанавливается сама собой, фатально);
- 2) прочувствованная солидарность (аффективная солидарность, опирающаяся на интересы и представляющая собой солидарность общих настроений различного рода — приподнятое или подавленное состояние духа, энтузиазм или варварство толпы и т.п.);
- 3) историческая или осознанная, сознательная солидарность (солидарность, представляющая собой прочное чувство близости между особями одной и той же группы, и лишь она является могучим орудием в борьбе общества за свое существование и становится прогрессивным двигателем истории)⁷⁴.

⁷² Ковалевский М.М. Соч. в 2-х тт. Т. 2. — Спб., 1997. — С. 57.

⁷³ Лавров П.Л. Философия и социология. В 2-х тт. Т. 2. — М., 1965. — С. 29, 333.

⁷⁴ Лавров П.Л. Задачи понимания истории. Изд. 2. — Спб., 1903. — С. 30-31.

Наша задача в этой связи — выявить, кто в современных местных сообществах и других общностях является носителем «сознанной солидарности» и представляют ли они собой тех акторов, от которых среди прочих зависят социальные изменения. Это особенно важно в условиях современного социального и политического контекста: можно предположить (а, значит, следует проверить анализом эмпирических данных), что современное усиление государства закономерно, поскольку в условиях слабости сознательной солидарности, как утверждает Лавров, оно есть орган общественной солидарности⁷⁵. При этом, анализируя состав и структуру новых социальных движений как объединений граждан, основанных на сходстве их ценностей, следует опереться на тезис Лаврова о том, что «убеждения обычно присущи меньшинству, критически мыслящим личностям, опирающимся на социально-нравственный идеал», и уже потому их значимость в общественной жизни не может стать одномоментно общепризнанной, а их идеалы — мгновенно восприняты большинством общества, достижение такого состояния — длительный процесс.

В нашей попытке выявить традиционализм и инновации, связанные с деятельностью общественных движений и влияющие на современные социальные процессы, следует также обратиться к их интерпретации российскими социологами. Здесь на первый план выходит осмысление культуры как явления и процесса. По мнению Лаврова, культура — это «совокупность форм общежития и психических приемов», обычаев и привычек, «зоологический элемент общества», постоянно обнаруживающий «стремление передаваться от поколения к поколению как нечто неизменное»⁷⁶. Именно так и мы будем трактовать традиционалистские основы современного бытия сообществ. Применимыми для нас являются и толкования Лавровым истоков и содержания культуры, где исток обнаруживается в потребностях и влечениях индивидуумов, ключевая функция культуры в этой связи — приспособление к среде, главное содержание — техника пользования различными, в том числе, инновационными орудиями в борьбе за существование. Иными словами, традиционализм вечен, ибо основан на постоянно существующих фундаментальных потребностях человека и уже утвердившихся способах и социальных условиях их удовлетворения, но также вечно и приспособление к инновациям, которые столь же перманентно сменяют друг друга. Однако в масштабах общества это приспособление есть не просто рефлекторное, биологическое состояние человека, но результат коллективной и сознательной деятельности. И здесь мы выходим к фундаментальной и системообразующей

⁷⁵ Там же. — С. 56-78.

⁷⁶ Лавров П.Л. Задачи понимания истории. Изд. 2. — СПб., 1903. — С. 24.

идее Лаврова, которая определяет один из важнейших векторов исследования. Она формулируется несколькими положениями: «история человечества представляет рациональный интерес лишь как исследование переработки культуры с помощью мысли»⁷⁷; «история мысли, обусловленная культурой, в связи с историей культуры, изменяющейся под влиянием мысли, — вот вся история цивилизации»⁷⁸. Суть же «переработки культуры мыслью» или «работы мысли» заключается в усилении и ослаблении «солидарности общества путем внесения в формы его жизни большей доли сознания»⁷⁹, в «расширении сознательных процессов в особи»⁸⁰. А это означает, что следствием всякой работы мысли является сомнение в необходимости поддержания той или иной традиции (а подчас их системы), тогда обычай рассматривается «как нечто, подлежащее исправлению, а не то и полному изменению»⁸¹. Как нам представляется, с этих позиций мы можем осмысливать деятельность современных общественных движений. Но не только. Опираясь на классификацию мысли, выдвинутую Лавровым, мы можем выяснить, кто (какие группы) являются носителями критической и некритической мысли (то есть, кто является носителями традиционализма и инноваций). При этом, по Лаврову, критическая мысль — это основа творчества общественных форм. И в этой связи мы подходим к анализу того, каким образом люди объединяются, создавая союзы и устойчивые группы, к анализу культурных форм как способу социальной интеграции и путей ограничения консервативной роли этих форм. Последнее означает анализ устойчивости традиционализма и его дуальную сущность — торможение процессов обновления и поддержание устойчивости существующей социальной системы. Следует понимать и учитывать в нашем исследовании, что именно на эту дуальность могут опираться реформаторы, когда решат, что инноваций достаточно и процесс реформирования пора прекратить, что для нашего исследования является весьма значимым.

В продолжение этого анализа следует опереться на предложенные Лавровым четыре элемента духовно-психологической природы общества: 1) характеристические черты, выявляющие специфические особенности и задачи данного общества и данной эпохи; 2) жизненные элементы, которые пришли из прошлого, но адекватны потребностям настоящего; 3) переживания, тоже пришедшие из прошлого, но чуждые и

⁷⁷ Научные основы истории цивилизации // Собр. Соч. Сер.3. Вып. 1. Статьи историко-философские. — Петроград, 1918. — С. 118.

⁷⁸ Исторические письма // Лавров П.Л. Избр. Соч. на социально-политические темы. Вып. 8. Т. 1. — М., 1934. — С. 109.

⁷⁹ Лавров П.Л. Задачи понимания истории. Изд. 2. — СПб., 1903. — С. 180.

⁸⁰ Там же. — С. 33.

⁸¹ Лавров П.Л. Важнейшие моменты в истории мысли. — М., 1903. — С. 181.

мешающие новым задачам и потому подлежащие устранению; 4) зародыши будущего⁸². В этом обнаруживается по сути определение традиционализма в его возможном влиянии на реализацию инновационных процессов, содержащее объективные характеристики — элементы традиционных способов жизнедеятельности, удовлетворение базовых потребностей, при поддержании чего традиционализм способствует адаптации к инновациям, и субъективные — эмоциональный настрой, основанный на социальной памяти о «светлом прошлом», разрушающемся современными процессами, которые тормозят адаптацию массовым сознанием новых условий (в нашем случае — проведение реформ). Эмоциональное напряжение особенно усиливается, если не происходит поддержания объективных характеристик традиционализма.

Очевидно, что невозможным является одновременное превращение всех граждан в инновационно мыслящих и действующих субъектов, «зародыши будущего», то есть носители инноваций в обществе появляются, но они не могут стать большинством одновременно. Осознание этого важно для того, чтобы оценить, наличие и уровень адаптационного потенциала общества. Следует понимать и учитывать, что переход к инновативному мышлению сообществ в целом — есть процесс длительный и социально напряженный, его успешность зависит от того, кто является «зародышами будущего», насколько они связаны с сообществами, насколько эффективна их деятельность по внедрению инноваций в массовое сознание. В рамках нашего исследования мы и должны ответить на эти вопросы и в первую очередь на вопрос, являются ли представители общественных движений, будучи критически настроенными, такими «зародышами». Лавров полагает, что ими должны стать «критически мыслящие личности», это совсем не те, кто просто критически настроен, но кто вырабатывает идеалы и стремится их воплотить. Именно они привносят новые ценности и стремятся их воплотить. Добиться этого в одиночку невозможно, следовательно, уточняет Лавров, им требуется объединяться, организовываться.

Осмысливая современное разделение общества на носителей традиционализма и инноваций и понимая, что такого деления в чистом виде не бывает, следует сделать попытку дифференцировать группы по признаку влияния их активности на происходящие трансформации. И в этом случае российская социология предлагает свои подходы, ибо и в период их научной деятельности эти вопросы также стояли в повестке дня. Так, Лавров выделяет три социально-психологических типа или субъекта социальных действий: пасынки цивилизации, дикари высшей культуры и интеллигенция. К пасынкам цивилизации он относит эксплуатируемое большинство общества, лишенное благ цивилизации, в которой

они только присутствуют, будучи обреченными на прозябание в рамках наличных культурных форм. В нашем исследовании мы относим к ним большую часть местного населения современной России, правда, определение его как эксплуатируемого, без сомнения, устарело, скорее их следует интерпретировать как невостребованных экономикой, чье положение «пасынков» еще более усугубляется процессами глобализации. «Дикари» высшей культуры, по Лаврову, составляют меньшинство общества, они часто цивилизованны, но руководствуются прежде всего модой («человек-масса»). В наших условиях к этой категории мы бы отнесли корпус чиновников, а под модой понимали бы следование политическим установкам и, что, может быть, сегодня встречается чаще, «модной» ныне установке на удовлетворение собственных корыстных интересов. «Деятели цивилизации» Лавров называет интеллигенцию или совокупность критически мыслящих личностей. В современном обществе в эту категорию могут попасть представители различных социальных кругов общества, для нашего исследования важно выяснить, входят ли в нее представители общественных движений, что поможет определить их роль в процессе социальных изменений.

Н.К. Михайловский предлагает иное осмысление качественного деления индивидуумов — на «героев» и «толпу», отнюдь не настаивая на том, что такие характеристики присущи российским сообществам постоянно, но выявляя условия, при которых такое социальное явление вероятно. Изучая современные общественные движения к этому подходу стоит обратиться, поскольку необходимым для полноты исследования является поиск ответов на вопросы о взаимоотношении движений и сообществ — представляют ли собой лидеры движений именно таких «героев» или это деятели принципиально другого качества, каково отношение сообществ к самоорганизации и самоуправлению, осознанно ли оно и почему оно таково, какое есть.

«Героем, — пишет Михайловский, — мы будем называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело»⁸³. «Толпу» он определяет как «массу, способную увлекаться примером, опять-таки высокоблагородным или низким, или нравственно-безразличным»⁸⁴. Как сегодня представляется, Михайловский пытался предупредить общество о возможности скатывания в эту бездну «толпы», что, собственно, и произошло с российским обществом в недалеком будущем. Для такого предупреждения, ученый установил комплекс условий, при которых происходит формирование «толпы». Мы попытались сформулировать их, используя современную терминологию:

⁸³ Михайловский Н.К. Герои и толпа. Избр. труды по социологии в двух томах. Т. 2. — СПб.,: Алетей, 1998. — С. 6.

⁸⁴ Там же.

⁸² Лавров П.Л. Важнейшие моменты в истории мысли. — М., 1903. — С. 20-23.

- обнищание населения;
- не востребованность потенциальных работников экономикой;
- не востребованность личности — отсутствие заинтересованных или ответственных за судьбы людей;
- низкий уровень умственного развития и образования;
- скудные и однообразные впечатления («скудость и постоянство»);
- однообразие, рутинность жизни (почти казарменный образ жизни — необустроенный быт, тяжелая, нетворческая работа, не предоставляющая достаточных средств, отсутствие возможностей культурного проведения досуга) и ее бесперспективность;
- индивидуализм членов местных сообществ, который не имеет собственного содержания (отсутствие жизненных позиций, устремлений, стратегий) и который может наполниться тем, что воляется в него со стороны;
- умение сострадать.

В сегодняшней России многое из перечисленного можно наблюдать (правда, не в крайних проявлениях), и, в первую очередь, однообразие жизни местных сообществ, вызванное отсутствием связей с другим миром и иммобильностью населения, что ведет к апатии, а некоторых может довести до отчаяния. К тому же современный рядовой гражданин нередко вообще выпадает из сети социальных связей, ибо он никому не подчиняется (только руководству во время рабочего дня, да и то в случае наличия занятости) — ни властям (если он ничего не нарушает с точки зрения закона), ни нормам общественной морали и устоявшимся обычаям в виду их разрушения современными инновационными процессами. Полная свобода в этом случае приводит к несвободе, так как отсутствуют всякие возможности добывать ресурсы, обеспечивающие жизнь. Отсюда можно предположить, что любой, кто ими интересуется, может стать «героем», то есть предводителем. Доходит ли ситуация сегодня до такой крайности, попробуем разобраться в опоре на предложенный Михайловским теоретический конструкт.

Анализируя возможность адаптации российским обществом инновации западного образца, о чем будет идти речь в работе, следует иметь в виду те подходы, которые предложили российские социологи на основе изучения данных конца XIX век. В первую очередь привлекают внимание законы, предложенные Н.Я. Данилевским, об эволюции культурно-исторических типов (по его определению, «всякое племя или семейство народов, характеризуемое отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою, составляет самобытный культурно-исторический тип»⁸⁵). В указанной связи нас интересует закон

⁸⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к Романо-германскому. — М., 1991. — С. 91.

№ 3, который гласит: «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций»⁸⁶. Из самого текста закона ясно, что автор не отрицал определенной преемственности. Однако он полагал, что невозможно передать те или иные элементы культуры насильственными методами. Им предложены три способа распространения цивилизаций, с которыми, на наш взгляд, трудно не согласиться, ибо они выделены на основании анализа уже имеющегося у человечества опыта:

- 1). Простейший способ — пересадка с одного места на другое посредством колонизации. При этом смены аборигенной культуры, восприятия ею культуры привнесенной не происходит. Практически это перенос собственной культуры в другие регионы, при превращении аборигенов в этнографический материал.
- 2). Прививка, под которой обычно и понимают передачу цивилизации. Чтобы доказать, что и здесь никакой преемственности не происходит, Данилевский сравнивает этот процесс с процессами садоводческой практики, который показывает, что от растения к которому осуществляется прививка, в результате остается один ствол, остальное принадлежит привнесенному. То же происходит и в культуре, к которой пытаются привить чуждые ей начала: она становится средством и средой жизни чуждой культуры, испытывая при этом глубокие социальные потрясения, и может либо погибнуть, либо сбросить с себя ей неприсущее.
- 3). Способ воздействия, подобный влиянию почвенного удобрения на растения или улучшенного питания на животный организм. Такой способ преемственности Данилевский считает наиболее адекватным, ибо при нем сохраняется самобытность культуры, которая вбирает в себя те элементы, которые естественны для нее.

Вполне вероятно, что законы Данилевского весьма неоднозначны, но для нас важен один исходящий из них посыл — процесс восприятия элементов чуждой, а скорее — другой цивилизации, являясь определенным этапом развития, адаптации инноваций, базируется все же на собственных социокультурных установках и контексте. А их естественная трансформация не может быть возвращена усилием воли политиков или «героев», для этого требуется длительный процесс структурных изменений всех сфер жизнедеятельности общества и объединение усилий движущих сил реформирования.

⁸⁶ Там же.

Таким образом, рассматривая социальные движения, мы будем, вслед за парадигмой коллективных действий, считать их деятельность естественным социальным явлением, то есть рассматривать самоорганизацию граждан как осуществление политики иными средствами⁸⁷, выделяя среди них «новые социальные движения» (в соответствии с одноименной парадигмой), которые являются ценностно ориентированными и нацеленными на преобразование общества в целом, а не только на реализацию собственных групповых интересов. Несмотря на то (но, одновременно, имея это в виду), что сегодня подвергнута сомнению значимость актора как субъекта социального и политического действия, исходным для нас будет утверждение, что такой актор продолжает существовать и действовать, поскольку продолжают существовать социокультурные различия социальных групп и слоев (согласно последним изысканиям представителей деятельностно-активистского подхода), более того, он выступает выразителем их интересов и пытается их отстаивать, включаясь в социальные и политические процессы. В условиях трансформирующегося общества социальные движения имеют весьма высокую значимость как реальный актор, являющийся, по Т.И. Заславской, одной из трансформационно-инновационных структур, направляющих и поддерживающих преобразования общества. Попробуем определить, являются ли российские общественные движения и неправительственные организации таким актором или они сегодня скорее представляют собой часть адаптационного потенциала общества. Для этого необходимо обнаружить: каким целям и образу действия движений соответствуют динамично меняющиеся современные российские политические условия (в качестве инструмента анализа здесь применяется теоретический подход «структура политических возможностей»); имеют ли движения достаточно ресурсов, чтобы достигать своих целей, способны ли они их мобилизовать (что будет осмыслено при помощи «теории мобилизации ресурсов»). Специфические черты, присущие именно российским общественным движениям, и особенности современного социального и политического контекста⁸⁸ их активности обнаружим при помощи теоретических подходов, разработанных российской социологией на рубеже XIX-XX веков.

⁸⁷ См., например: Tilly Ch. Collective violence in European perspective // Graham Y. / Gurr T. (eds.). Violence in America. — Washington DC, 1969. — P. 10.

⁸⁸ В осмыслении понятия «контекста» мы опираемся на его интерпретацию, предложенную О.Н. Яницким в его статье «Экологическое движение и контекст: становление гражданского общества в посттоталитарной среде», опубликованной в «Социологические исследования». — 1992. — № 12. — С. 40-51.

ГЛАВА II

Общественные движения в России: история и современное состояние

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Как и любое другое социальное явление, общественные движения имеют свою предысторию. Самодеятельная социальная активность граждан начиналась в нашей стране тогда, когда происходили те или иные трансформационные процессы. Сегодня можно выделить четыре исторических этапа развития общественных движений и их организаций в России: (1) период сразу после дарования свободы дворянству (1763 г. — Манифест Екатерины Великой о вольности дворянства); (2) пореформенный период (после реформ 1861 г.); (3) предреволюционный и революционный период начала XX века; (4) первые годы советской власти.

Рассмотрим подробно основные, с нашей точки зрения, общественные организации, деятельность и история развития которых позволят выявить общие характеристики указанных исторических этапов (проанализировать деятельность всего многообразия общественных организаций дореволюционной России и даже перечислить их направления деятельности представляется невозможным в данной работе).

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО: НАЧАЛО НАЧАЛ

Самой первой общественной организацией стало Вольное экономическое общество (ВЭО), которое возникло 31 октября 1765 г. и существует по сию пору, вследствие чего оно является хорошим примером того, какие преобразования происходили с подобными объединениями в интересующей нас исторической ретроспективе. Инициатором его создания выступили граф Воронцов, князь Орлов, М.В. Ломоносов и другие известные тогда люди. Императрица одобрила эту инициативу, больше того она предложила и утвердила три главных принципа деятельности ВЭО.

Первый: общество должно приносить пользу и его девизом императрица сделала слово «полезное», а символом — «пчелы, мед в улей приносящие».

Второй: общество должно помогать государству, быть «императорским».

И третье: общество приносит пользу и служит государству, прежде всего, тем, что оно вольное; оно представляет независимую объективную точку зрения, оказывает услуги государству, в том числе и в виде критики.

Отметим «высочайшую» инициативу его создания сверху и то, что основным ориентиром его деятельности должна была стать поддержка и усиление государства, впрочем, при достаточно высоком и провозглашенном уровне свободы.

Понятно, что вольное экономическое общество могло состояться только в том случае, если были в наличии самостоятельные экономические субъекты, именно поэтому оно стало возможно только после выхода Манифеста о вольности дворянства.

Поначалу общество вело себя довольно робко, не отклоняясь от выполнения означенной императрицей миссии. ВЭО организовало сбор сведений о России и основало статистику, проводило конкурсы, смотры, поощряло применение новой техники. Публиковались труды ВЭО (с 1766 по 1915 гг. вышло в свет более 280 томов). Первый конкурс был объявлен по инициативе Екатерины II в 1766 г., основной вопрос, на который участники его должны были представить свои ответы, заключался в следующем: «В чем состоит собственность земледельца (крестьянина) в земле ли его, которую он обрабатывает, или в движимости и какое он право на то и другое для пользы общенародной иметь может?». Деятельность ВЭО во второй половине 18 века способствовало внедрению в сельское хозяйство технических культур, совершенствованию сельскохозяйственных орудий, развитию животноводства, пчеловодства, шелководства, свеклосахарной, винокурной, полотняной промышленности в вотчинных хозяйствах. В это время в ВЭО активную деятельность вели агрономы А.Т. Болотов, И.М. Ковов, В.А. Левшин, ученый А.А. Голенищев-Кутузов, адмирал А.И. Синявин, поэт Г.Р. Державин и др. Таким образом, все усилия общества в этот период были направлены на рационализацию сельского хозяйства и повышение производительности крепостного труда.

Долгие годы (более ста лет) ВЭО не включалось в активную политическую жизнь страны даже в тех случаях, когда политика имела огромное значение для экономики. Речь в первую очередь о том, что общество не участвовало в разработке реформы 1861 г. Однако все время оставалось в стороне от производящегося реформирования оказалось невозможным, и члены общества включились в активную деятельность по осуществлению преобразований: в процесс освобождения крестьян, создание местного самоуправления, реализацию судебной и школьной реформ. В 60-70-е гг. Общество организовывало обсуждения вопросов развития крестьянской поземельной общины. В конце 90-х гг. в ВЭО происходили публичные споры между «легальными марксистами» и народниками о «судьбах капитализма» в России. В период 1861-1915 гг. в работе общества принимали участие Д.И. Менделеев, В.В. Докучаев, А.М. Бутлеров, А.Н. Бекетов, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, М.М. Ковалевский, Л.Н. Толстой, А.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский и многие другие. Оказавшись внутри процесса, деятели ВЭО, проведя анализ ситуации, осознали, что реформы продвигаются медленно и не соответствуют необходимым инновациям. В результате общество стало все больше поддерживать либеральную оппозицию самодержавию, став постепенно серьезным оппонен-

том императорской власти. И реакция последних последовала быстро: сначала у ВЭО отобрали Комитет грамотности, затем закрыли Комитет помощи голодающим, а с 1900 года запретили проводить любые публичные мероприятия. Деятельность общества почти прекратилась.

Однако на новом этапе борьбы за экономические и социальные преобразования в начале XX века был еще один период активизации ВЭО, который закончился в 1915 г. полным запретом общества. Но борьба за реформирование не прекратилась. Уже Февральская революция 1917 г. опять востребовала деятельность ВЭО, в это время его возглавил А.Ф. Керенский, ставший его президентом. Но, как известно, исторического времени оказалось недостаточным для завершения реформ, октябрь 1917 г. положил конец не только им, но и их вдохновителям, организаторам и проводникам. ВЭО было закрыто и уже на долгие годы. Его деятельность возродилась практически только с начала перестройки, но и в этот период, как констатируют сами лидеры общества, их деятельность не была ни достаточно активной, ни в полной мере эффективной.

Итак, ВЭО просуществовало практически на протяжении всех определенных нами исторических периодов развития общественных движений в России. Его создание было инициировано верховной властью, во все времена его членами были представители высших кругов интеллигенции, в первую очередь из научного сообщества и нарождающихся новых экономических акторов. Их деятельность была направлена на осуществление реформирования, нацелена на поддержку государства и, одновременно, на помощь народу. Иными словами, деятельность ВЭО была служением обществу и государству, хотя производимые трансформации, без сомнения, отражали и их личные интересы. Каждый этап развития общественных движений заканчивался для Общества гонениями со стороны государства, несмотря на служение ему: так было в 1900, 1915 и в начале 1920-х гг.

ЗЕМСТВО КАК БАЗИС ДЛЯ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

На втором этапе развития общественных организаций в России (в пореформенный период) особое значение для дальнейшего продвижения процесса самоорганизации приобрело возникновение местного самоуправления и института выборных его членов — земство. Этот феномен вполне детально изучен и описан в аспекте его управленческой и хозяйственной деятельности¹. Но представляется, что его гражданс-

¹ См., например: Лаптева Л.Е. Земские учреждения в России. — М.: Институт государства и права, 1993.

кая значимость проанализирована и оценена далеко не в полном объеме. Рассматривая этот аспект, следует отметить, что в основу Положения 1864 г. был положен принцип имущественного ценза, причем на первый план выдвигались интересы дворян-землевладельцев, с интересами же промышленников и крестьян считались мало. Но на одном из заседаний Государственного Совета министр внутренних дел и одновременно председатель земской комиссии П.А.Валуев, как бы извиняясь за половинчатость реформы, заявил, что «первый шаг не должен считаться последним, что учреждение земства — есть лишь создание формы, которая, засим, по указанию опыта, будет наполняться соответствующим содержанием». Результатом работы комиссии стало законодательное определение функций земств. Земские собрания получали в свое ведение по преимуществу дела местного хозяйства, являясь, по определению Валуевской комиссии, местными хозяйственными общественными союзами. Положением о земских учреждениях устанавливалось, что ведению земских учреждений подлежит распоряжение местными сборами губернии и уезда. При этом по Земскому Положению все местные повинности и некоторые государственные должны были относиться к ведению земства.

Так, практически, впервые в России появилась целая когорта общественных деятелей на всех уровнях — и в крупных индустриальных центрах, и в губерниях, и на местах, вплоть до сел и деревень. Эти общественные деятели были ориентированы на осуществление в стране либеральных реформ и придерживались соответствующих взглядов. Они понимали, что произвести реформирование в стране с нищим и малограмотным населением не представляется возможным. В связи с чем особый вклад земства в конце XIX века заключался в том, что деятельность большинства земских учреждений была сосредоточена на развитии образования и здравоохранения, что, следует отметить, косвенным образом способствовало и росту гражданского самосознания. Земство дало новый импульс развитию местного самоуправления: появился новый круг людей, нацеленных на выполнение сугубо гражданской миссии — обустройства местной жизни. Значительно увеличивается в городских управлениях количество учителей, медицинских работников, агрономов, статистиков, инженеров и техников, которые становятся инициаторами основных общественных мероприятий — они создают библиотеки, обучают взрослых, занимаются попечительством различных учреждений и видов деятельности, в первую очередь медицинских и др. Большая часть этой работы выполнялась «на общественных началах», то есть активность не определялась занимаемой должностью. Актуализация гражданской позиции в обществе была очевидна. Развитие местного самоуправления создавало условия для расширения собственной социальной базы, постепенно (хотя и очень медленно) вовлекая в ряды своих деятелей все более широкие

социальные слои. Более того, либеральная ориентация земства как института и как отдельных его представителей вела к осознанной и целенаправленной деятельности в этом отношении.

Вместе с тем, земство оставалось не просто структурой власти, но структурой, членами которой были все же элитные круги местных сообществ (на это работал сословный ценз), и они брали на себя обязанность заботиться о благе остальной части общества, вполне самостоятельно решая, что ей (этой части) необходимо для жизненного обустройства. Таким образом, земство находилось не в оппозиции к местным сообществам, но в некотором отрыве от него: институционализированных связей не возникало. В отношении же к государству земство второй половины XIX века постепенно, но все более открыто, становилось в реальную оппозицию.

Но наступили 90-е годы, в которые самодержавие осуществило земскую и городскую контрреформу (так ее определяет российская историография), стремясь поставить под более жесткий контроль государства жизнь на местах². Многие представители земства к этому времени из общественных деятелей превратились в чиновников земских учреждений, которые в большинстве случаев уже не были носителями либеральных ценностей.

Новый пик активности земства пришелся на следующий период социальной напряженности в стране и новых попыток продолжить реформирование (1900–1915 гг.). Однако земство опять оказывается в некоторой оппозиции к реформаторам: инновационные действия осуществлялись сверху, земские же учреждения надеялись быть услышанными, пытались участвовать в реформировании «снизу», чего никто из представителей государства допустить не собирался.

Февральская революция — апогей активности земств. Расширяется их география, их проникновение на более глубокий местный уровень (волости). Правительство наконец-то призывает их стать активными деятелями процесса реформирования и каналом адаптации пре-

² В 1890 г. было пересмотрено «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». Сохранив куриальную систему выборов, правительство отказалось от принципов представительства по первой курии: в нее входили теперь исключительно потомственные и личные дворяне. Для усиления их роли в земских органах в дворянской курии снижался имущественный ценз. Одновременно с этим ценз значительно увеличивался во второй (городской) курии. Соответственно изменялось число выборщиков от этих курий: от первой оно возрастало, от второй сокращалось. По отношению к крестьянской курии усиливался контроль администрации — земских начальников, губернатора: губернатор по своему усмотрению назначал гласных в уездное земское собрание. Закон предоставлял губернатору право приостанавливать любое постановление земского собрания, если оно «не соответствовало общим государственным пользам и нуждам» либо «нарушало интересы местного населения». Подробнее см.: Веселовский Б.Б. Земство и земская реформа. — Петроград, 1918 г. — С. 14; Дворниченко А.Ю., Кащенко С.Г., Флоринский М.Ф. Отечественная история (до 1917 г.). — М., 2002.

образований гражданами страны на всех уровнях. Но попытка таким образом вовлечь широкие круги населения в процесс принятия решений сильно запоздала: уже сформировались альтернативные политические акторы, также боровшиеся за привлечение широких народных масс на свою сторону.

Яркой иллюстрацией результатов деятельности земств могут служить их достижения в развитии местных сообществ, их хозяйственной жизни и общественной деятельности. Так, к примеру, в Новозыбковском районе Брянской области к 1914 году действовало несколько благотворительных учреждений: Новозыбковское благотворительное общество, Новозыбковское общество вспомоществования недостаточным ученикам Новозыбковского реального и сельскохозяйственно-технического училищ, Новозыбковское общество вспомоществования нуждающимся ученицам женской гимназии, Новозыбковское общество пособия бедным евреям. Новозыбковское благотворительное общество было основано в 1892 году, а к 1899 году в его составе насчитывалось 8 почетных и 88 действительных членов, из них 69 городских и 27 иногородних. Обществом управлял Совет, председателем которого была княгиня М.П. Долгорукова. Нуждающимся в помощи общество выдавало ежемесячные и единовременные пособия. Обществом были открыты: школа для малолетних, классы для взрослых, бесплатная библиотека. Помимо благотворительных обществ, в Новозыбкове действовало Общество Красного Креста, музыкально-драматическое общество, Новозыбковское сельскохозяйственное общество, Новозыбковское добровольное пожарное общество, Новозыбковское городское общество взаимного страхования имущества от огня. Благодаря деятельности названных общественных организаций к услугам жителей города были: три собрания (общественное, чиновников и служащих в общественных учреждениях, служащих станции Новозыбков Полесской железной дороги), один летний театр Добровольного пожарного общества, два зала (Общественного собрания и Собрания служащих станции Новозыбков Полесской железной дороги), три сада (Добровольного пожарного общества и Собрания служащих станции Новозыбков Полесской железной дороги), две библиотеки (земская публичная и благотворительного общества)³.

Особое значение земства (да и ВЭО) наблюдалось в поддержке развития сельских сообществ. Они всегда имели некоторую степень самоорганизации (речь лишь о поселениях свободных крестьян). Так, еще в 1837 г. в деревнях государственных крестьян были созданы сельские общества (или мир), низшая административная единица в дореформенной России. После реформы 1861 г. сельские общества появились и в селениях помещичьих крестьян, освобожденных от крепостной за-

³ Новозыбков. Историко-краеведческий очерк. Брянск, 2001.

висимости. Это было сельское общественное управление, состоявшее из сельского схода и сельского старосты. Сельское общество имело право избирать и назначать должностных лиц: сборщиков податей, писарей, смотрителей хлебных магазинов, училищ и больниц, лесных и полевых сторожей⁴.

По инициативе земства и при активной поддержке ВЭО возникли многочисленные сельскохозяйственные общества. Если в 1887 году существовало 131 общество, то в 1904 году их стало уже 851, причем 165 из них были «малого района действия», то есть уездного и меньшего масштаба⁵.

В итоге земство действительно можно рассматривать как базис для развития самоорганизации в российских локальностях, конечно, в те периоды его деятельности, когда оно оказывалось востребованным процессом реформирования и властями, его осуществляющими. Во времена эпизодического и вынужденного отторжения земства от активной и самостоятельной работы большая часть его представителей превращалась в профессиональных чиновников, лишаясь при этом собственной гражданской позиции и проведения в жизнь собственных решений. Несмотря на то, что в основном «активистами» земства были дворяне, социальная практика показала, что их либеральная ориентация (когда она была таковой) приводила к мобилизации представителей и других социальных слоев (интеллигенции, в том числе и разночинной, рядовых обывателей, крестьян — и в самом деле, нельзя предположить, что членами Сельскохозяйственного общества, Добровольного пожарного общества, Городского общества взаимного страхования имущества от огня были только выходцы из дворянства). Благодаря активности земства на местах начала обустроиваться среда проживания российских граждан, получила дальнейшее развитие социальная практика в сферах образования и здравоохранения, налаживалось управление локальным хозяйством, что было весьма наглядным и привлекательным для населения результатом. Тем не менее, невозможно согласиться с выводом одного из авторов, внимательно изучавшим процесс самоорганизации в эпоху самодержавия, о том, что, даже несмотря на контрреформы, «земские организации продолжали играть важную роль в системе формирующегося гражданского общества, однако этот процесс выходит за рамки этих учреждений и принимает массовый характер»⁶. Действительно земство

⁴ Подробнее см.: Бржеский Н.К. Очерки юридического быта крестьян. — СПб, 1902.

⁵ Степанский А.Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. — М., 1980. — С. 23.

⁶ Новоструев Н.А. К вопросу о создании элементов гражданского общества в дореволюционной России (Методология исследования истории гражданских отношений в России во второй половине XIX — начале XX в.) // АНПРО: Анналы научной теории развития общества. — Вып. 1. — Пермь, 2006. — С. 58.

на протяжении длительного периода истории страны являлось системообразующим институтом для гражданского общества, но эта ее роль постоянно прерывалась насильственными действиями государства (слабая устойчивость института), что вело к менее эффективному влиянию на самоорганизацию граждан, чем это могло бы быть. Более того, эти разрывы, а также преобразование «активистов» земства в чиновничество и создало условия для того, чтобы, и здесь автор прав, процесс вышел за рамки земства (что, как нам теперь известно, не принесло позитивных результатов).

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВА САМООРГАНИЗАЦИИ

Ориентация на благотворительность и просветительскую активность, проявившаяся в деятельности первых ростков самоорганизации в России, стала фундаментальной, традиционной установкой для практически всех последующих общественных организаций и движений в истории нашей страны. Хотя сам феномен благотворительности существовал и прежде. Со времен просвещенного абсолютизма он базировался (и прокламировался) на категориях совестливости и нравственности, общественного долга, с одной стороны, и мотивации престижа, с другой. Еще со времен Екатерины II невозможно было продвигаться в обществе, не совершая социально ориентированных поступков. Пример показывала царская семья. В 1802 году Александр I издал Высочайший рескрипт, которым предписывалось «для вспомоществования истинно бедным в столице составить особое благотворительное общество». Так возникло Императорское человеколюбивое общество. Основой всей дальнейшей благотворительности, видимо, стали сказанные императором слова: «Надлежит искать несчастных в самом жилище их — в сей обители печали и страдания. Ласковым обращением, спасительными советами — словом, всеми нравственными и физическими способами стараться облегчить судьбу их, вот в чем состоит истинное благодеяние». За 100 лет деятельности общества его помощью воспользовались около пяти миллионов человек, а на дела благотворения было израсходовано около 60 млн. рублей⁷.

В XIX в. сферу благотворительности в России можно было разделить на три направления: деятельность под покровительством особы императорской семьи; учреждения общественного презрения различной ведомственной принадлежности (духовное министерство, министерство внутренних дел, военное министерство, министерство народ-

⁷ Глезеров С. Надлежит искать несчастных в самом жилище из // Невское время. <http://nv.vspb.ru/cgi-bin/pl/nv.pl?art=116349166>

ного просвещения и т.д.); частные благотворители и жертвователи. При этом оказание помощи должно было быть обеспечено на перспективу: например, Устав Обществ общественного презрения предписывал при создании (того или другого объекта — И.Х.) обеспокоиться его содержанием, обеспечением необходимого капитала с тем, чтобы и после смерти основателя дело продолжали наследники. Результат благотворительности можно оценить по количеству и направленности деятельности призреваемых в разных социально-ориентированных заведениях (см. данные о таких заведениях за 1896 г. в Таблице 1)⁸.

Таблица 1. Статистические данные о благотворительных заведениях в 1896 г.

Названия заведений	Всего заведений
Богдельни	1514
Детские приюты	763
Учреждения медицинской помощи	350
Школы благотворительного характера	463
Дешевые столовые	125
Ночлежные дома	67
Дом трудолюбия	67
Странноприимные дома	40
Ясли	50
Дома дешевых квартир	82
Народные читальни	34
Всего	3555

Особое распространение получили благотворительные организации и общества взаимопомощи в России. В 1899 году действовало 216 организаций взаимопомощи, 840 ссудно-сберегательных и 287 похоронных касс. Среди них: «Общество взаимного вспоможения учащим и учившим», одесское общество «Самопомощь», «Санкт-Петербургское общество помощников врачей», «Русское театральное общество», «Московское общество взаимопомощи лиц интеллигентных профессий» и др. К концу XIX века было 1690 благотворительных обществ, которые создали 700 благотворительных общественных заведений. Менее чем за 10 лет, к 1905 году число первых возросло до 45 тысяч, а вторых — до 6,5 тысяч⁹. Инициатива создания благотворительных организаций принадлежала в большинстве случаев наиболее просвещенным представителям дворянских семей, которые их в основном и возглавляли.

⁸ Сборник сведений о благотворительности в России. — СПб, 1899.

⁹ Яницкий О.Н. Социальные движения: 100 интервью с лидерами. — М.: Московский рабочий, 1991. — С. 10.

К благотворительной сфере можно отнести и большинство просветительских организаций. Пожалуй, одним из наиболее ярких примеров представляется учебное и лечебное заведение — Община сестер милосердия святого Георгия, созданное в Петербурге в 1870 г., инициатором и попечителем была графиня Е.Н. Гейден, уже возглавлявшая Пятый Дамский комитет Общества попечения о раненых и больных воинах, впоследствии переименованное в Российское общество Красного Креста. Формально от поступавших в Общину св. Георгия требовалось образование не ниже трех классов, хорошее здоровье, благонадежность и «желание трудиться на пользу бедных». Здесь они получали теоретическую и практическую подготовку. Община имела собственную больницу и аптеку, где помощь больным (а большинство их составляли рабочие заводов Выборгской и Петербургской сторон) оказывалось бесплатно. Довольно скоро сестры общины стали обслуживать несколько военных госпиталей, а потом и Мариинскую больницу для бедных. Сестры милосердия принимали участие во всех военных конфликтах. Жалованья они не получали — служили «во имя Христа и его любви», но жили в общине на полном обеспечении, что обеспечивали добровольные пожертвования.

Аналогичной деятельностью занимались 130 медицинских и здравоохранительных обществ, наиболее известными были «Харьковское медицинское общество» (1861) и «Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова» (1883).

Просвещением и распространением специальных знаний также занималось значительное количество организаций. Первое общество распространения в народе грамотности возникло в 1869 г в Харькове. В 1898 г. таких обществ в России насчитывалось уже 135, а к 1905 г. — около 200¹⁰. Старейшими из них были «Харьковское общество распространения в народе грамотности» (1869), «Общество распространения технических знаний» в Москве (1869), «Общество для распространения коммерческих знаний» в Петербурге (1899).

Дело народного просвещения было сферой, пожалуй, наиболее неформальной активности общественных организаций рассматриваемого исторического периода. Напомним, что земство старалось взять его в свои руки, инициатива подобной деятельности исходила к концу XIX века уже не от элитных кругов общества, а от местных учителей и разночинной интеллигенции. Это весьма настораживало власти, в результате в периоды контрреформ в первую очередь запрещались именно просветительские организации.

¹⁰ Дегальцева Е.А. Общественные организации в политической системе российского общества конца XIX — начала XX в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. 6-7 октября 1999 года. Материалы конф. — Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2000. — С. 322.

КРАЕВЕДЕНИЕ: ЧЕТЫРЕ ЭТАПА РАЗВИТИЯ

Значительно терпимее государство относилось к профессиональным организациям, однако и здесь все было совсем не просто. Объединение деятелей науки и техники привело к формированию 180 научных обществ. На первом месте по численности стояли краеведческие и географические организации, к 1905 году их было 17. На этом феномене стоит остановиться подробнее. История краеведения представлена довольно полно, в первую очередь, благодаря работе С.О. Шмидта и его учеников. Для наших целей наиболее интересной является предложенная ими периодизация развития краеведения¹¹.

О.С.Шмидт выделяет четыре этапа: первый — вторая половина XIX — начало XX вв., второй — 1917 — конец 1920 гг., третий — конец 1940-х — конец 1980-х гг., четвертый — конец 1980-х и до сегодняшнего времени. Нас будут интересовать лишь первые два, и мы попытаемся выявить, как видоизменялись действия и цели, место и роль общественности (добровольных действий граждан и организаций) в краеведении как сферы активности, и попробуем определить, исходя из этого анализа, более дробную периодизацию.

На первом этапе происходила институционализация краеведения, то есть становление устойчивого осуществления определенными группами граждан и организаций, которая была вызвана проведением реформ, ростом экономики и необходимостью в связи с этим получать более подробные и систематические знания о том, что происходит на местах, как и какие предприятия работают, где и какие находятся природные ресурсы и как они могут быть использованы. При этом интересовало все это и государство, и новых экономических акторов, и научные круги, и уже возникшие общественные организации (к примеру, ВЭО). Особое значение для развития краеведения имело возникновение статистики, требующей все больше и больше данных.

Краеведческая деятельность стала осуществляться в первую очередь государственными органами — губернскими статистическими комитетами, позже были созданы губернские архивные комиссии, аккумулировавшие полученные данные. Почти одновременно началась и общественная активность в этой сфере, которая оказалась даже более весомой. Краеведением стали заниматься местные научно-просветительные общества и кружки, губернские церковные историко-ар-

¹¹ Шмидт С.О. Краеведение — дело, значение которого не может быть преувеличено // Памятники Отечества. — М., 1989; Шмидт С.О. Краеведение и документальные памятники. — Тверь, 1992; Шмидт С.О. Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов // Путь историка. — М., 1997; Филимонов С.Б. Краеведение и документальные памятники (1917-1929 гг.). Предисловие С.О. Шмидта. — М., 1989.

хеологические комитеты и общества¹². Социальный состав людей, вовлеченных в краеведческую деятельность, можно с уверенностью обозначить как разночинную интеллигенцию: это были священники, преподаватели, чиновники, врачи¹³. Целью краеведческой деятельности было увековечить информацию о собственном месте проживания и местном сообществе, их истории. Это стремление было вызвано происходящими переменами периода реформирования, когда казалось, что новый уклад полностью заменяет старинный образ жизни, который и следовало зафиксировать.

Происходил сбор эмпирических данных, их систематизация и классификация, формировались базы данных, которые представлялись сообществам. Местом нахождения этих баз данных становились музеи, архивы, библиотеки, причем в это время все эти учреждения создавались самими общественными организациями и существовали при них, то есть и сами были общественными структурами. В результате этому, первому, по периодизации О.С. Шмидта, периоду было придано определение «любительский»¹⁴, что соответствует и нашей точки зрения.

Постепенно, к концу XIX в., (в нашей периодизации, это второй этап развития краеведения) музеи, архивы и библиотеки (но в первую очередь — музеи) становятся самостоятельными учреждениями. Более того, они оказываются новыми независимыми и профессиональными акторами в данной сфере. Профессионализируется в это время и состав общественных организаций, занимающихся краеведением: «наблюдаются изменения в составе участников краеведческих организаций за счет усиления профессионального элемента, в первую очередь, выпускников гуманитарных факультетов университетов, Московского и Петербургского археологических институтов»¹⁵. А это означает уже смену самой цели краеведения: с этих пор оно превращается не столько в гражданскую деятельность, вызванную интересом местных сообществ к сохранению народной памяти, сколько в деятельность научную, как раз не требующую участия общественности, а, наоборот, ее не приветствующую. Этот, второй этап развития краеведения в нашей интерпретации периодизации можно назвать «научно ориентированным».

На втором этапе (по периодизации О.С. Шмидта) происходят также различные процессы с интересующей нас точки зрения. Музеи,

¹² Подробнее см.: Размустова Т.О. Изучение «малой родины» как часть национальной культуры // Культурная деятельность и культурная политика. Сборник научных трудов НИИ культуры. — М., 1991. — С. 77-78.

¹³ Размустова Т.О. Провинциальные академии наук // Русская провинция. Культура XVIII-XIX веков. Сборник научных трудов НИИ культуры. — М., 1992. — С. 73-75.

¹⁴ Размустова Т.О. Музеи и эволюция российского краеведения // Экология культуры: инф. — Бюллетень. — Архангельск, 2004. — № 3. — С. 45-52.

¹⁵ Там же. — С. 47.

архивы и библиотеки уже являются полностью институционализированными и профессиональными участниками процесса.

С общественными же организациями происходят некоторые метаморфозы. Советская власть, по всей видимости, предполагала, что такая неполитическая деятельность как краеведение весьма допустима в идеологизирующемся обществе. Поэтому краеведению придается, с благословения государства, широкий масштаб. В исследовательскую работу и полевые экспедиции вовлекаются школы. Краеведению придается образ широкого общественного движения. Специалисты, которые работали в общественных организациях на рубеже XIX — XX вв., пока продолжают свою деятельность в том же качестве. Но параллельно начинается активность уже советских профессиональных учреждений в этой сфере — научно-исследовательских институтов, университетов, куда уходят бывшие лидеры общественных организаций: «Новая политическая система вынуждала уйти в краеведение высококвалифицированных ученых, академиков, чтобы сохраниться не только профессионально, но и физически. Для них это была своеобразная «экологическая ниша»¹⁶. Происходит процесс ярко выраженной структурированности краеведческой деятельности, выстраивается определенная вертикаль значимости организаций: во главе оказалось Центральное бюро краеведения — академический центр, осуществлявший научное, методическое и административное руководство всеми остальными акторами этого направления — краеведческие организации по всей стране. Таким образом, краеведение разделилось на две части — «низовая» сеть краеведов и круг профессиональных исследователей. Очевидное доминирование науки позволило авторам периодизации назвать этот второй этап (в нашей периодизации — это третий этап) развития краеведения «академическим». Соответствует этому определению и основная задача, выдвинувшаяся на первый план в это время — не просто сохранить память об уходящем, а, вернее, целенаправленно разрушающемся укладе жизни, но и сохранить традиции российской науки.

Четвертый этап в нашей периодизации — конец 1920-х гг. В это время радикально меняется государственная политика в отношении краеведения: «ориентация краеведения на выявление региональной специфики и демократические принципы его организации противоречили официальной идеологической доктрине, нацеленной на унификацию социокультурных процессов»¹⁷. Краеведческие общества были ликвидированы, их лидеры репрессированы.

¹⁶ Размустова Т.О. Музеи и эволюция российского краеведения // Экология культуры: инф. — Бюллетень. — Архангельск, 2004. — № 3. — С. 49.

¹⁷ Там же. — С. 50.

Собственно, и со всеми остальными общественными организациями, которые уцелели до конца 1920-х гг., случилось то же самое. История развития гражданского общества и, в частности, общественных организаций была прервана на долгие годы.

Анализ деятельности и истории развития общественных организаций и других общественных институтов в России позволил выявить ряд общих характеристик четырех этапов развития общественных движений в России, заявленных нами в самом начале параграфа:

1. возникновение и развитие общественных организаций обязательно связано с социальным и политическим реформированием общества;
2. на каждом этапе проявлялась либо инициатива их создания со стороны властей (и особенно верховной власти), и представителей элиты общества — наиболее ресурсных групп, идеологов трансформаций, либо активная моральная (идейная и идеологическая) поддержка их создания и развития указанными акторами;
3. лидерами, а чаще всего, и «рядовыми» деятелями общественных организаций были выходцы из интеллигенции (поначалу — элитной, к концу XIX века — и разночинной, условно можно эти слои российского общества интерпретировать как российский «средний класс»);
4. направленность деятельности общественных организаций всегда была благотворительной, альтруистской, филантропической: самоорганизация происходила не для решения собственных проблем их активистами, а для помощи государству и обществу;
5. одним из главных факторов, обосновывающих поддержку властей, является огромное количество различных (социальных, политических, экономических, культурных) проблем в развитии общества в целом, с которыми государство самостоятельно справиться не вполне могло, в связи с чем возникала необходимость включения как можно более широкого круга граждан в реализацию проводимых сверху реформ для их успешного осуществления, формирования каналов обратной связи, позволяющих государству получать информацию о процессах, происходящих в обществе;
6. на определенной стадии развития трансформационных процессов независимые (вольные) общественные организации, даже созданных сверху, превращались в оппозиционных государству акторов, что вызывало резко негативную реакцию властных элит и приводило либо к полной ликвидации общественных институтов, либо к их низведению до уровня «приводных ремней» или симулякров;
7. на следующей стадии государство адаптировало не уничтоженные ими институты общественной активности, превращая их в госу-

дарственные учреждения, возглавляли которые с этого времени уже не общественные деятели, а представители бюрократии;

8. Сохранившиеся ростки самоорганизации впоследствии чаще всего проявлялись в виде научной деятельности, в которую погружались бывшие лидеры общественных организаций, продолжая работать в том же поле интересов, но уже не в социальной практике, но в сфере исследовательских изысканий;

9. Пункты 7 и 8 данного списка представляют собой констатацию основных результатов самоорганизационной деятельности всех четырех этапов, а именно: возникали новые или получали новый импульс развития определенные сферы жизнедеятельности общества (местное самоуправление, образование, медицинское обслуживание, библиотечное дело и т.д.); мощное продвижение происходило в научных изысканиях, где также либо возникали новые направления исследований, либо повышались научные достижения в уже существовавших прежде отраслях знаний (к тому же происходило резкое и высококачественное пополнение самого корпуса ученых).

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Трансформации в России, начавшиеся в конце 80-х годов, ознаменовались возникновением общественных движений, инициированных снизу, т.е. рядовыми гражданами страны. Именно эти движения и их организации (получившие официальное название «неправительственные, некоммерческие», сокращенно НПО) представляли собой первые ячейки формирующегося гражданского общества.

Причин появления такого социального явления как самоорганизация населения в форме общественных движений было несколько.

Во-первых, этому способствовал социально-экономический и политический контекст, определяемый в социологической теории как «структура политических возможностей», предоставляющая дополнительные ресурсы и основания для развития движений. С одной стороны, социально-экономические условия, в которых оказалось большинство населения, характеризовались потерей прошлого (советского) уровня благосостояния и ощущения стабильности. С другой стороны — утраты произошли и в политической сфере. Государство прекратило выступать гарантом минимального обеспечения жизни своих граждан, объявив, что в рамках формирующихся рыночных отношений каждый должен сам найти себе место работы и соответствующее своим требованиям вознаграждение. Кроме того, складывалась новая политическая система, что представляло возможности для возникновения новых политических акторов. Тем более что и самим политическим деятелям для реализации намеченных преобразований была необходима поддержка общества, в связи с чем и М. С. Горбачев и Б. Н. Ельцин призывали людей к самоорганизации и активным коллективным действиям¹⁸.

Во-вторых, в России имелся предыдущий опыт участия в общественных организациях в советское время, хотя в большинстве случаев они были созданы государством и его структурами. К таковым относятся профсоюзы, в которых состояло практически все население; объединения по профессиональному признаку — Союзы журналистов, писателей, художников, архитекторов и других сообществ специалистов; несколько добровольных обществ, например, ВООП, ДОСААФ, Красный крест и т.п. Но были в советские времена и общественные объединения,

¹⁸ Халий И.А. Трансформация доминирующих социальных парадигм // Билль о правах человека и природы. — М., 1997. — С. 107-126.

создание которых инициировалось снизу. Так, в 60-е годы во многих университетах Советского Союза возникли студенческие Дружины охраны природы (ДОП), действовавшие открыто и легитимно, и диссидентское движение, не признававшееся и преследовавшееся властями.

В-третьих, уже с начала 90-х годов деятельность движений получила дополнительный ресурс, названный в теории мобилизации ресурсов внешним. Им оказалась моральная и финансовая поддержка западной общественности, главным образом в виде грантовой деятельности зарубежных фондов, одобрявшаяся в то время российским государством.

Все это создало условия для вовлечения в процесс самоорганизации широких слоев населения.

Первым массовым движением стало экологическое. Опираясь на опыт ДОП, заключающийся в навыках создания организаций и осуществлении стратегического планирования их деятельности. Кроме того, почти 30-летняя история развития студенческого движения предоставила российскому обществу к началу перестройки значительное количество активистов, многие из которых и возглавили в тот период новые общественные экологические движения и организации¹⁹. Экологическое движение и его лидеры в определенной степени поддержали и развитие политического движения, которое активизировалось почти одновременно. Некоторое время экологическое и политическое движения эффективно взаимодействовали друг с другом, особенно в республиках Прибалтики. Наиболее массовым в этот период стало, пожалуй, рабочее движение, возглавленное шахтерами Воркуты, Донбасса и Кемерово. Начало шириться и оформляться движение правозащитников. В начале 90-х годов появилась сеть организаций Общества потребителей. Со временем на арене общественной деятельности все большее место занимают движения социальной направленности, призванные разрешать конкретные социальные и экономические проблемы различных групп общества. Наконец, образовались и ценностно ориентированные движения, обозначенные в западной социологической теории как «Новые социальные движения». К ним, помимо экологического, относятся феминистское, антивоенное, антиядерное и другие подобные движения.

¹⁹ Яницкий О.Н. Социальные движения: 100 интервью с лидерами. — М.: Московский рабочий, 1991. — С. 28-55.

ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСТАВ И СТРУКТУРА РОССИЙСКИХ ДВИЖЕНИЙ

Достаточно сложно определить количество существующих общественных организаций, особенно вследствие того, что закон об общественных организациях позволял не регистрировать их официально (при отсутствии финансовой активности). Поэтому сколько-нибудь точные данные здесь едва ли возможны.

Официальная статистика на 1 января 2000 года фиксировала наличие 275 тыс. НПО, из них 70 тыс. вели активную деятельность, в которой участвовало около 2,5 млн. человек, включая штатных сотрудников и добровольцев²⁰. В 2001 году, по официальным данным Министерства юстиции, в России оказываются зарегистрированными уже больше 350 тыс. некоммерческих организаций. На 1 октября 2006 г. официально зарегистрировано 359020 неправительственных организаций. Их число с начала 2001 года выросло на 34%. В расчете на 1000 жителей в нашей стране приходится 2,5 зарегистрированных НПО. В сравнении с другими постсоциалистическими странами это относительно высокий показатель. Так, в Польше на 1000 жителей приходится 1,4 НПО, в Болгарии — 1,1, но в Чехии данный показатель составляет 5,5. С учетом незарегистрированных НПО можно полагать, что их количество вдвое больше официальной. Однако в основном эти организации сегодня весьма немногочисленны, поэтому количество вовлеченных в них относительно общего числа российских граждан весьма невелико.

Тем не менее, по данным общероссийского опроса, проведенного во второй декаде сентября 2001 года, каждый пятый россиянин (21%) не только знает о существовании НПО, но и считает их деятельность полезной для таких людей, как он сам. Более того, судя по результатам июльского опроса того же года, в котором 5% россиян назвали себя членами общественных организаций, можно полагать, что речь может идти о круге людей, имеющих непосредственное отношение к деятельности НПО. Иными словами, по свидетельству некоторых авторов, и с ними несомненно стоит согласиться, сегодня «по меньшей мере, пятая часть взрослого населения страны в той или иной степени соприкасается с результатами деятельности НКО»²¹. Следует отметить, что опрос россиян об их оценке степени важности или труднодоступности ряда гражданских прав и свобод, проведенный в рамках исследований Института социологии РАН, показал, что 9% респондентов отметили важность

²⁰ Якимов В. Создание работающих механизмов социального воздействия — шанс для возрождения России // Профессиональное сотрудничество. — М., 2000. — Вып. 4. — С. 155-156.

²¹ Петренко К. Углубленные интервью с активистами НКО // Поговорим о гражданском обществе. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2001. — С. 52

права на участие в общественной и политической жизни и 5% указали на то, что осуществление этого права является наиболее труднореализуемым. Важность свободы объединений, союзов отметили лишь 3% респондентов²². Эти результаты демонстрируют, что данная тематика не является приоритетной даже в ряду демократических ценностей.

Костяк современных российских НПО составляют объединения людей на добровольной основе с целью разрешения конкретной проблемы, во-первых, и тех, чья самоидентификация опирается на близость ценностных ориентаций и установок, во-вторых.

Членами НПО в большинстве своем являются люди среднего возраста, имеющие высшее образование. Ядро организаций составляют профессионалы, увлеченные своим делом, которое соответствует их гражданской позиции. Для участия в крупных акциях привлекаются волонтеры — как правило, это пенсионеры и студенты. Большую часть членов НПО составляют женщины, лидерами чаще являются мужчины.

Структура общественных организаций уже приобрела некоторую определенность и устойчивость. Несмотря на то, что они стараются максимально отойти от строго иерархических взаимоотношений, тем не менее, в каждой организации существуют лидеры (называемые по-разному — председатель совета, президент и т.п.) и рядовые члены (хотя чаще всего членство не является жестко фиксированным, поскольку членские взносы преимущественно отсутствуют). Решения принимает обычно Совет, состав которого определяется в зависимости от того, к какому типу относится организация — объединение, ассоциация, центр или это небольшая группа. Крупные объединения для принятия фундаментальных решений проводят регулярные съезды или конференции.

Практически все организации (зарегистрированные обязательно, незарегистрированные — чаще всего) имеют Устав и Программу деятельности, большинство ведет бухгалтерский учет, имея счета в банках — и в российской, и в иностранной валюте. В этом смысле они мало чем отличаются от вполне формальных организаций.

Для анализа российской ситуации важно учитывать многообразие и неоднородность функций, целей и задач общественных организаций, т.е. важной составной частью исследования общественных движений является их типологизация, которая может основываться на самых различных факторах.

Г.Г. Дилигенский предложил деление НПО на две основные группы. Одна группа организаций названа им «проблемно-ориентированными». Это те организации, которые «действуют в рамках определен-

²² Петухов В.В. Демократия участия и политическая трансформация в России. — М.: Academia, 2007. — С. 33.

ных секторов экономической и социальной жизни общества, отстаивают права индивидов или определенных категорий населения» и функцией которых является содействие «решению конкретных проблем, возникающих в жизни общества»²³.

Все неправительственные организации в зависимости от сферы деятельности можно разделить на несколько направлений: правозащитное, экологическое, благотворительное, женское, феминистское, жилищное, антивоенное, профессиональное, профсоюзное, движение потребителей, молодежное, студенческое, детское и большое количество организаций, действующих в социальной сфере и т.п.

Другим подходом является деление НПО на традиционные (посвятившие себя разрешению конкретных экономических и социальных проблем конкретных индивидуумов или социальных групп) и «новые социальные движения», опирающиеся в своей деятельности на ценности, которые еще не утвердились в общественном сознании как доминирующие.

Типологизация движений может основываться и на времени их возникновения: организации, сохранившиеся от советских времен, и возникшие в начале российских трансформаций. Причем действовать они могут в одном и том же направлении или сфере. Например, в качестве бывшей советской организации можно назвать Союз советских женщин, а в качестве новой — женские организации, занимающиеся феминистскими проектами. Другим примером является экологическое движение. В советский период действовало Движение дружин охраны природы, которое сохранились и поныне, а во время перестройки возникло массовое экологическое движение на местах в виде гражданских инициатив, стремящихся разрешить конкретные экологические проблемы среды своего непосредственного обитания.

Типологизация может быть осуществлена и на основе структурных характеристик. Действие в единой сфере не означает автоматического объединения НПО в единое движение. Но есть ряд организаций, составляющих некое определенное сообщество: 1) ассоциации, имеющие фиксированное коллективное и индивидуальное членство; 3) сетевые объединения, которые кооперируются для обмена информацией и опытом; 4) так называемые «зонтичные» организации, включающие в свои ряды несколько НПО, пользующихся общими бухгалтерским учетом, помещением, оборудованием, средствами коммуникации и т.п. Иными словами, форм объединения существует много, и выбор их зависит от конкретных условий существования общественных организаций, сходства их задач и целей, необходимости иметь

²³ Доннер Е. Прошлое экологического движения // Альманах «Участие. Социальная экология регионов России». — М., 2003. — Вып. 8. — С. 65.

поддержку себе подобных. Первым крупным объединением общественных организаций стал Социально-экологический союз, который сегодня превратился в международное объединение, включающее в себя более 250 экологических организаций — российских и иностранных.

Кроме того, общественные организации могут быть разделены на локальные, региональные, общероссийские и международные. На территории России действует несколько отделений Международных организаций, Например, Гринпис, Всемирный фонд охраны дикой природы и др. При этом следует отметить, что заметны региональные отличия. Наиболее развиты НПО в столичных регионах (Москва, Санкт-Петербург), поскольку там более доступными являются грантовые программы, лучше развита инфраструктура, обеспечен больший доступ к информации и т.п. Но и позиции региональных властей в значительной мере влияют на степень развития движений: наиболее сильные организации находятся там, где власти проявляют заинтересованность в их деятельности и активно их поддерживают (ярким примером может служить Пермская область).

Помимо НПО, возникших благодаря инициативе граждан и действующих на благо общества, появились, по свидетельствам активистов и некоторых авторов, «карманные» организации, созданные при органах власти, финансирующиеся властью, но реально ничего не делающие»²⁴.

Появились также коммерциализированные НПО, зарабатывающие деньги на получении и обработке грантов.

Вместе с тем, среди общественных организаций немало «мертвых душ», которые официально зарегистрированы, но на практике никакой деятельности не осуществляют.

РЕСУРСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ И ИХ МОБИЛИЗАЦИЯ

По определению самих российских активистов общественных движений «ресурсы — это то, что необходимо для осуществления любой деятельности и без чего эта деятельность осуществлена успешно быть не может»²⁵. В строгом соответствии с теорией мобилизации ресурсов, и в условиях России ресурсы могут определить, изменить или скорректировать цель планируемой акции или кампании НПО. Они становятся отправной точкой также при выборе стратегии и тактики дей-

²⁴ Петренко К. Проблемы общественных организаций накануне Форума НКО // Поговорим о гражданском обществе. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2001. — С. 70.

²⁵ Акции экологического движения. Руководство к действию. — М., 1996. — С. 81.

ствий. Более того, в некоторых случаях они могут стать даже самоцелью: например, приобретение в случае успеха той или иной акции сторонников или спонсоров, повышение общественной значимости организации, формирование в глазах населения, власти или других социальных акторов необходимого образа, что часто бывает более долговременным и важным, чем сами достигнутые результаты.

Ресурсы подразделяются на финансовые, человеческие, материальные, технические, организационные, временные, информационные, научные и др.

Наиболее важными для современных российских движений типами ресурсов являются финансовые (которых постоянно не хватает) и человеческие (которые часто бывают единственными, оказывающимися в наличии).

Финансовые ресурсы — это денежные средства, имеющиеся у организации или изыскиваемые ими для осуществления своей деятельности. Эти средства обычно складываются из членских взносов и добровольных пожертвований, а также от хозяйственной деятельности (собственное производство, оказание платных услуг, продажа собственной прессы или атрибутики и пр.). Но в нынешней экономической ситуации эти виды денежных поступлений не могут быть большими, а потому достаточного финансирования такие источники не предоставляют. Мобилизация дополнительных финансов на деятельность, соответствующую уставным задачам, производится путем самофинансирования — проведения НПО целевых доходных мероприятий и посредством поиска внешнего финансирования — фандрайзинга (фандрайзинг — это процесс сбора средств, которые используются как для реализации социально значимых программ, так и для организационной поддержки НПО).

В 90-е годы источником значительной части средств многих движений были зарубежные фонды, которые предоставляли гранты на реализацию социально значимых проектов. Получить грант от зарубежных фондов было непросто, поскольку высокой была конкуренция. В середине 1990-х годов фонды часто практиковали финансирование совместных проектов российских и зарубежных НПО, и в этом случае шансы повышались у организаций, имевших партнеров за рубежом. Однако западная помощь с каждым годом сокращалась. Это побуждает НПО активнее осваивать местный «рынок» ресурсов. С 2000 года появились возможности получения грантов на выполнение социально значимых проектов, которые выдаются российскими властными и коммерческими структурами на конкурсной основе.

Получение средств из регионального или местного бюджета — это, по свидетельству членов НПО, нелегкий способ добывания денег, связанный со сложными процедурами. Чаще всего такое финансирова-

ние осуществляется органами власти в том случае, если они сами заинтересованы в проводимом той или иной организацией мероприятии. Но даже если удалось попасть в «строку финансирования», не факт, что в бюджете окажутся на это деньги. В таком случае реальной получить средства, например, в виде зачета стоимости потребленной энергии или телефонной связи офиса, выделения транспорта для обслуживания мероприятия и т.п.

Участие в государственных (или региональных) целевых программах. Например, программа по поддержке молодежи может профинансировать проведение занятий со школьниками или же мероприятия природоохранного характера, в которых примет участие молодежь из экоНПО; в программу по поддержке малого предпринимательства может хорошо «вписаться» экологически ориентированное производство или земледелие. Такими программами управляют соответствующие ведомства, а на местах создаются специальные фонды. Сведения о них можно получить у местной администрации.

Обращения в коммерческие компании, банки. Многие из них начинают финансировать благотворительные программы и мероприятия. Здесь можно рассчитывать как на получение целевого пожертвования, так и на спонсорские средства. Последние отличаются от пожертвованных тем, что спонсор получает определенную коммерческую выгоду от взаимодействия с НПО.

Приведем некоторые из распространенных мотивов донорства. Люди жертвуют, потому что:

- стремятся помочь;
- их попросили об этом, и они не могли отказать;
- у них есть личная заинтересованность в решении этой проблемы;
- они знают об общественном интересе к проблеме, которую решает обратившаяся за поддержкой организация;
- у НПО хорошая репутация, представительный Совет попечителей, состоящий из известных и уважаемых людей;
- наличие определенных амбиции (считаться меценатом, например);
- хотят быть причастными к благородному делу;
- таковы их религиозные убеждения;
- чувствуют себя обязанными кому-либо («чувство вины»);
- понимают важность выполняемой НПО работы;
- ожидают выгоды (например, налоговых льгот или рекламирования собственной деятельности или благотворительности);
- рассчитывают на получение не прямой личной выгоды и т.д.

В любом случае люди платят за что-либо, они хотят получить какое-то удовлетворение от своего поступка, пусть даже и неосознанно.

Планируя фандрайзинговую кампанию, организациям приходится постоянно обращаться к сбору и анализу информации, задавать себе вопросы и искать на них ответы.

Вопрос номер один — можно ли заменить одни ресурсы (или их часть) другими? Например, если необходимо отпечатать к намеченному мероприятию листовки, то часто начинают не с поиска денег, а обращаются к владельцу типографии с просьбой оказать помощь и отпечатать листовки бесплатно или хотя бы со скидкой. Или другой пример, если, скажем, не хватает рабочих рук, то проще бывает привлечь добровольцев, чем найти средства на зарплату для новых сотрудников и на налоги. Используется и такой способ как привлечение партнера — другую НПО, чтобы разделить расходы.

Далее выясняется, кто может поддержать намеченные действия. Взвесив все «за» и «против», НПО останавливается на наиболее приемлемых или многообещающих вариантах: написать ли заявку в один или несколько фондов, обратиться ли к властям, к коммерческим структурам, провести ли благотворительное мероприятие, начать ли сбор пожертвований среди частных лиц или же использовать сразу несколько путей.

Если решено искать спонсора, то встают другие вопросы, например:

- Доступны ли те люди, которые в данном случае интересуют организацию? Если нет, то, приходится искать способы вступить в контакт.
- Какие услуги и возможности можно предложить спонсорам? Разместить рекламу или опубликовать интервью с ними в своем издании? Поставить во время проводимого массового мероприятия щиты с логотипом компании-спонсора на видном месте? Пригласить их выступить на проводимом мероприятии перед телекамерой? Оказать какие-либо конкретные услуги? Здесь все зависит от возможностей НПО.
- Правильно ли выбрано время для обращения за поддержкой? Например, в конце финансового года у компаний нередко оказываются средства, которые срочно надо израсходовать.
- И, наконец, один из важнейших для НПО вопросов: как может отразиться на имидже организации сотрудничество с конкретным спонсором?

Открытость — важная предпосылка доверия к организации, поэтому обычно НПО очень тщательно относятся к отчетам по осуществленным проектам, как в финансовой сфере, так и по сути выполненной работы. Часто такие отчеты размещаются в Интернете, публикуются в собственных изданиях. Многие собирают архив положительных отзывов и публикаций о своей работе. Проводятся даже рекламные кам-

пании, предваряющие сбор средств. Это могут быть мероприятия самого разного характера: публикации в газете, презентации и выставки, специальные акции, регулярная рассылка информационных сообщений по выбранным адресам и т.д. Основной лозунг: чем больше людей знают о вас что-либо хорошее, тем легче и работать по программам, и собирать деньги.

Почему люди приходят в движение? Кто они? Как их найти и привлечь в организацию или к участию в отдельных мероприятиях?

Человеческие ресурсы НПО — это группы людей, совместная работа которых направлена на достижение общей цели и базируется на единых ценностях, сходных идейных установках и мотивациях. Чем более близки ценностные установки, мотивации и цели активистов, тем сплоченнее будет группа и тем эффективнее будет ее работа. А это значит, что многое зависит от того, сколь внимательны члены коллектива друг к другу; как они отслеживают изменения во всех вышеназванных аспектах; как сверяют, действительно ли они до сих пор общие для всех; как работают с коллективом лидеры.

Определение человеческих ресурсов включает в себя участников движения — членов и сотрудников НПО, а также добровольных активистов, выполняющих более или менее регулярно определенные виды работ, но не вступающих в организацию. К человеческим ресурсам относятся и другие представители общества, когда НПО привлекает их для участия в своих мероприятиях, акциях, кампаниях, митингах и т.п. Таких людей называют сторонниками движения. В большинстве же своем они являются источником поступления в НПО человеческих ресурсов, которые мобилизуются самыми различными способами, в том числе при помощи активизации общественной поддержки действий движений и осуществления связей с общественностью.

Личный состав НПО. Поскольку речь идет не о строго иерархической организации с железной дисциплиной, то основным фактором наличия человеческого ресурса, т.е. сплоченной, работоспособной группы, становится забота, внимание, понимание и поддержка друг друга. Позиция членов НПО — это не что-то раз и навсегда установленное. Со временем она может стать другой в зависимости от изменения ситуации (экономической, политической, социальной, экологической, наконец), приобретенных людьми опыта и знаний, смены их окружения и, соответственно, оказываемого на них влияния. Кроме того, в организацию приходят новые люди, и у них могут оказаться совсем другие ценности и цели. Поэтому время от времени проводятся коллективные обсуждения, которые позволяют определить, что и как меняется в стратегии и тактике.

Итак, участниками общественного движения становятся люди, одними из первых осознавшие и принявшие многообразие мира, осмыс-

лившие это многообразие в социальном контексте, имеющие, каждый в своей, конкретной ситуации, причины (мотивы), не позволяющие им бездействовать.

Кто они — члены НПО? Сегодня это в большинстве своем люди с высшим образованием и со средними доходами. Превалируют люди среднего и старшего возраста, они, собственно, и начинали в 80-е годы формирование российских движений. Но и молодые все чаще вливаются в ряды уже существующих организаций, либо создают собственные — молодежные, студенческие. Многие НПО активно работают с детьми, привлекая и их к такого рода деятельности. Количественная характеристика человеческих ресурсов в большой степени зависит от так называемых гражданских инициатив. Имеются в виду группы и организации, возникающие на местах и состоящие в основном из простых жителей. Костяк таких НПО обычно составляют активисты из числа пенсионеров, неработающих матерей и других членов семей, а также их лидеры, которыми, как показывает опыт, часто являются врачи, учителя, журналисты, ученые и т.п. По сути, такие организации представляют собой органы местного общественного самоуправления, возникающие обычно для разрешения какой-либо конкретной проблемы, но которые часто и после достижения своей непосредственной цели сохраняются и расширяют сферу активности. Они представляют собой первые и наиболее устойчивые ячейки гражданского общества, что является их важным вкладом в развитие новых социальных отношений.

Необходимо подчеркнуть, что НПО (включая все доступные им человеческие ресурсы) имеют сегодня такой состав, который создает возможность участвовать в процессе принятия решений и делать это на высоком профессиональном уровне. Типологические группы, на которые делятся все в той или иной мере вовлеченные в общественную деятельность люди:

- активные члены организации,
- штатные сотрудники,
- партнеры,
- сторонники,
- добровольцы,
- граждане, поддерживающие цели и ценности организации,
- привлекаемые время от времени специалисты,
- дети и молодежь.

Источниками пополнения человеческих ресурсов служат люди, относящиеся к последним шести категориям.

Способов вовлечения в организацию существует много, но все же их можно разделить на три группы:

- привлечение к участию в акциях, кампаниях, к добровольному сотрудничеству;

- наем на оплачиваемую работу по реализации конкретных проектов и в качестве штатных сотрудников;
- воспитание собственной смены (т.е. целенаправленная деятельность, связанная с образованием и просвещением).

Для успешной реализации этих способов необходимо выполнять целый ряд условий.

(1) Привлекаемый к участию в акциях, кампаниях, мероприятиях человек должен понимать:

- проблему, на разрешение которой направлена акция;
- цели акции и своего участия в ней;
- ожидаемые результаты деятельности;
- а также то, что работает сплоченный и доброжелательный коллектив.

(2) Привлекаемый к добровольному сотрудничеству человек должен видеть:

- сплоченный и доброжелательный коллектив;
- достигнутые организацией результаты и планы на будущее;
- перспективы собственной деятельности в организации и свое место в ней;
- возможность участия в принятии решений в своей организации;
- роль организации на политической арене и в обществе (т.е. социальную значимость организации и ее деятельности).

Необходимо также знание тех трудностей, которые придется преодолевать. В любом случае это знание позволит человеку принять более осознанное решение, а подчас даже становится мотивом участия (например, романтика борьбы в рядах экорадикалов).

(3) Штатным сотрудникам необходимо:

- обеспечить достойную зарплату или неполную занятость; возможность профессиональной самореализации;
- продемонстрировать стабильность организации;
- наличие трудоспособного коллектива.

4) Растить смену означает:

- давать социально ориентированное образование, позволяющее вырабатывать собственную гражданскую позицию;
- постоянно соединять его с практическим участием в деятельности НПО;
- включать подрастающего человека в сплоченный и доброжелательный коллектив, осознающий свои цели и задачи.

Существенным фактором, способным оказать влияние на появление новых членов в НПО, является поддержка, оказываемая различными социальными силами конкретным действиям организации. Помимо этого, общественная поддержка может предоставить до-

полнительные ресурсы организационного, научного и политического характера.

Что же такое общественная поддержка? Каким образом она может проявляться?

Общественная поддержка — это добровольная помощь, оказываемая различными социальными силами и группами (населением, структурами власти, политическими партиями, другими социальными движениями и т.п.). Она бывает самой разнообразной: моральной, финансовой, материально-технической и др. Очевидно, что общественная поддержка во многом зависит от социально-экономических и политических условий в стране, от уровня общественного осознания экологических опасностей, наконец, от степени напряженности экологической ситуации. Но есть такие виды общественной поддержки, которые мобилизуются самими НПО по мере необходимости. Они привлекают отдельных лидеров и активистов других организаций к участию в своих мероприятиях и акциях; приглашать их, а также различных специалистов из научных и административных кругов для консультаций при проведении конкретных действий. Они опираются на поддержку местных органов власти и общественных движений, с которыми заранее удалось провести переговоры и выяснить позиции. Распространенным способом оказания общественной поддержки сегодня является проведение факс-кампаний, т.е. выражение солидарности при помощи электронных средств коммуникации.

Для мобилизации общественной поддержки необходимо выявить сторонников и противников, причем это осуществляется как на стадии формирования стратегического плана действий, так и во время разработки каждой конкретной акции или кампании. Важную информацию можно получить в процессе осуществления связей с общественностью и маркетинга. К поиску источников общественной поддержки привлекаются конкретные люди — представители различных слоев общества, имеющих связи с НПО или личные контакты с ее отдельными членами. Кроме того, анализируются электронные базы данных, что позволяет выявить круг активистов и объединений, занимающихся или занимавшихся сходной деятельностью. Выявленные потенциальные источники общественной поддержки нужно активизировать, чтобы помощь была реальной и направленной в нужное русло. Способы ее мобилизации могут быть самые разнообразные. Их выбор зависит от того, к какой социальной группе апеллирует при этом та или иная НПО:

- тематическая заинтересованность (потенциальная группа, способная оказать общественную поддержку, обеспокоена той же проблемой или действует в том же направлении);
- финансовая заинтересованность (возможность получения дохода в результате оказания поддержки);

- престиж (оказанная поддержка будет иметь общественный резонанс, создаст имидж политического деятеля или активного борца, оппозиционера и т.п.);
- научная заинтересованность (например, поддержка экспедиции, мониторинга, проведения общественной экспертизы позволит принять в них участие и получить готовые материалы для своего собственного научного исследования);
- политические амбиции (особенно в период предвыборных кампаний);
- необходимость поддержки собственной деятельности (участие или поддержка чужой активности для получения таковой в свою очередь);
- личная заинтересованность конкретной группы (например, жителей микрорайона города — в ликвидации автостоянки);
- служебная заинтересованность (поддержать какую-либо деятельность, чтобы ею можно было самому отчитаться);
- дружеские отношения.

Конкретные шаги по мобилизации общественной поддержки осуществляются как до проведения акции или кампании, так и во время их проведения. Первый шаг — информирование людей о поднимаемой проблеме и предлагаемых способах ее разрешения, подтверждаемые документами. Второй — обсуждение возможных социальных последствий, к которым приведут планируемые действия (например, закрытие автостоянки повлечет за собой проблему для автолюбителей — куда деть свою машину, что вызовет их недовольство; скорее всего они начнут ставить ее под своими окнами, что, в свою очередь, вызовет недовольство их соседей). Третий — разъяснение того, каковы будут позитивные и негативные результаты действий, а также, что предлагается в качестве компенсации тем, чьи интересы будут все-таки ущемлены. В результате НПО проводят обсуждения, дискуссии, изучение документов.

Информация и агитация (а именно о них в данном случае идет речь) требуют наглядности, чтобы, даже когда акция закончится, представленные сведения и доводы остались в руках людей, и они имели время подумать и обсудить их друг с другом, прежде чем принять окончательное решение поддерживать или нет ту или иную организацию. Для этого НПО используют листовки, пресс-релизы, стенгазеты, фотографии с предыдущих акций — с обязательным указанием контактных адресов и телефонов организации и конкретных людей, с которыми можно связаться. Проводятся также анкетирование или интервьюирование по поднимаемой теме.

Термин «связи с общественностью», пришедший с Запада вместе с началом процессов демократизации, уже стал привычным.

Для НПО связи с общественностью — это еще один инструмент привлечения людей в движение, мобилизации общественной поддержки, создания имиджа организации, увеличения ее известности в обществе, налаживания и осуществления взаимодействия с другими социальными структурами, с властями всех уровней (в зависимости от необходимости), расширения участия НПО в принятии решений; добывания различных видов ресурсов, разрешения социальных конфликтов.

Обобщая, можно сказать, что связи с общественностью представляют собой важный инструмент добывания и использования различных ресурсов, и это является основной целью осуществления этих связей.

Под абстрактным понятием «общественность» скрываются те целевые группы, с которыми организации необходимо (по разным причинам) иметь контакты. Список этих групп зависит от того, какие ресурсы в тот или иной период времени или постоянно требуются организации и от кого зависит доступ к ним (например, политические, т.е. помощь властного органа или политической партии в случае необходимости принятия какого-либо решения или утверждения законов, важных, с точки зрения движения). Этот список поэтому практически не ограничен, в него могут войти представители любых слоев общества. Назовем основные целевые группы, с представителями которых обычно налаживаются контакты при осуществлении связей с общественностью.

Одной из самых важных целевых групп при реализации конкретных акций или кампаний являются представители населения, то есть жители, интересы которых выражают или защищают НПО в каждом конкретном случае. Столь же необходима и постоянная связь с организациями, объединяющими жителей микрорайонов, районов городов и других населенных пунктов. Следующей по значимости целевой группой являются местные власти (под таковыми здесь понимается тот их уровень, от поддержки или противостояния которого в той или иной мере зависит успех конкретных действий НПО). Важно также иметь постоянные контакты с представителями региональной и федеральной власти или, по крайней мере, устойчивый канал для обращения к ним. Таковым может быть взаимодействие с депутатами представительных органов власти, со служащими администраций, попавшими туда благодаря поддержке конкретной НПО или движения. Поддерживаются контакты и с представителями различных политических партий и других социальных движений.

Связи с общественностью включают в себя налаживание постоянного взаимодействия со СМИ, которых снабжают информацией как о проводимых НПО отдельных акциях/кампаниях, так и об организации в целом, ее повседневной деятельности, ее планах и перспективах развития. Для более успешного достижения своих целей НПО должны иметь

известность и авторитет, чему в немалой степени могут способствовать выступления их представителей в СМИ с сообщениями о результатах осуществленной акции/кампании или успешно выполненного проекта. Часто необходима моральная и профессиональная поддержка специалистов различных предприятий и учреждений, а также научного сообщества. Весьма значимой целевой группой являются представители администрации крупных предприятий, которые, с одной стороны, владеют человеческими ресурсами (сотрудники), которые могут оказаться как в стане сторонников, так и в стане противников действий движений, что во многом зависит от руководителей. С другой стороны, предприятия обладают определенными финансовыми возможностями, которые также могут быть направлены в поддержку акций НПО или против них. Сегодня все более важным фактором социального развития становятся финансовые и коммерческие структуры. Налаживание связей с ними может принести самые различные виды ресурсов. В городах определенная доля реальной власти подчас сосредоточена в руках коммунальных служб и предприятий, таких как, например, горводоканал, санитарно-надзор и т.п. Рабочие контакты с ними должны быть налажены обязательно. В противном случае сложно иметь достоверную информацию о состоянии инженерно-коммуникационного, коммунального и прочих видов городского хозяйства, являющегося немаловажным фактором качества жизни населения.

Сегодня поиск таких контактов чрезвычайно затруднен. Это связано с тем, что политическая система находится в стадии трансформации и становления, а потому не существует налаженных каналов поддержания связей между отдельными социальными структурами. Гражданское общество только зарождается, что означает отсутствие устойчивых групп населения, объединенных общими интересами. Именно поэтому основной способ поиска ключевых фигур стар, как мир, — через знакомых людей, работающих в нужных для НПО структурах. Если таковых нет или недостаточно, их ищут постоянно, чтобы круг дружественно настроенных представителей различных социальных слоев расширялся день за днем. Для этого целенаправленно проводится анализ той социальной среды, в которой вращаются члены организации. Так, во время осуществления каждой акции активистам, занимающимся связями с общественностью приходится ближе знакомиться с местными жителями, среди которых могут оказаться самые разные специалисты и чиновники. В неформальной обстановке гораздо легче налаживать человеческие контакты, чем придя к тому же человеку на прием в офис, не будучи с ним знакомым.

Чтобы наладить взаимодействие с местным сообществом жителей, устанавливаются связи с общественной организацией, работающей в квартале (районе, населенном пункте), где осуществляется деятель-

ность или акция. В среде подобных организаций скорее всего находятся единомышленники; которые помогут собрать людей на встречу или митинг, они же помогут вести с ними диалог. Особое значение здесь играют комитеты общественного самоуправления и другие организации жилищного движения. Для налаживания взаимодействия с властями НПО стремятся использовать специально предназначенные для связей с общественностью отделы как в органах исполнительной, так и представительной власти. Немалое значение могут иметь и общественные структуры, созданные по инициативе местных НПО при губернаторах или законодательных собраниях областей и городов, например, Общественный экологический совет при губернаторе Нижегородского Новгорода, общественные палаты, существующие во многих городах страны, Консультативный политический совет при губернаторе Владимирской области, общественное объединение «Круглый стол» в Таганроге и др. Налаживание связей успешно осуществляется на съездах, конференциях, семинарах и т.п.

Связи с общественностью осуществляются специально уполномоченными членами НПО. Обычно они досконально знают все концептуальные документы своей организации, основные направления и формы ее деятельности, проблемы своего региона и возможности их разрешения. При осуществлении связей с общественностью эти люди должны уметь отстаивать свои убеждения, разъяснять ценности, носителями которых являются активисты, обсуждать со знанием дела проблему, которую пытается разрешить НПО конкретной акцией/кампанией, если речь идет о таковой.

Работа по привлечению ресурсов оказывается более эффективной, если у организации уже есть авторитет, если она известна в своем городе, если она имеет офис, печатную продукцию, буклет, посвященный описанию истории, структуры и деятельности организации, а также свою символику — эмблему, собственные бланки, значки.

Для осуществления любой деятельности необходимо материально-техническое обеспечение. И если во времена не столь уж и далекие — в конце 80-х — начале 90-х годов можно было обойтись минимумом таких ресурсов — телефон, пишущая машинка и т.п., то сегодня без оргтехники не обойтись. А это весьма дорогостоящее оборудование, требующее еще и постоянного обслуживания и обеспечения. Кроме того, финансовые средства расходуются и на электронные виды коммуникации. Таким образом, технический уровень и расходы на его поддержание повысились, в то время как экономическое состояние общества в целом остается невысоким, этому уровню соответствует и финансовое положение организаций общественных движений.

И, тем не менее, большинство НПО сегодня постепенно обеспечивают себя компьютером, принтером, сканнером, копировальными ма-

пинами. Более того, наиболее сильные организации, часто выступающие как ресурсные центры для других НПО, обладают достаточным количеством оргтехники, чтобы предоставлять ее для других. Некоторые владеют и ризографами или минитипографиями, что позволяет выпускать самодеятельную печатную продукцию.

Аудио-, фото-, видеотехника — это оборудование, без которого можно обойтись, но все же оно оказывается необходимым на разных стадиях осуществления акций — для сбора информации, подготовки публикаций, привлечения людей. Оно незаменимо как средство наглядного информирования, оказания давления, а также для последующего анализа собственной деятельности НПО и использования полученного опыта. На современном этапе сформировались НПО, которые профессионализируются на предоставлении такого вида работ другим организациям, их видеопродукция часто вполне может выдержать соревнование с профессиональной.

Высокой обеспеченности достигли отдельные движения в развитии сети электронной связи. Первую такую сеть еще в начале 90-х годов удалось создать экологическому движению, которое сегодня проводит в этом формате дискуссии по принципиальным, идеологически важным проблемам, вовлекая в них практически все свои организации во всех концах страны, держит связь с мировым экологическим сообществом, распространяет информацию, в том числе и оперативную. Быстрая форма коммуникации позволяет вовремя реагировать на многие проблемы и организовывать их разрешение, эффективно мобилизовывать людей на срочные действия и поддержку друг друга.

Информационное обеспечение деятельности общественных движений также одна из важнейших задач, поскольку без многих других ресурсов еще как-то можно обойтись, по крайней мере в выполнении конкретных акций, но без знаний о проблеме и о том, что и как необходимо сделать для ее разрешения, любые действия исключены.

Информация, требующаяся движениям подразделяется на несколько видов:

- специальная (информация по проблеме и необходимые знания, с ней связанные), на основе которой строятся аргументы;
- организационная — опыт работы и управления НПО, способы мобилизации ресурсов, формы и методы действий и т.п.;
- общая — о регионе, в котором осуществляется деятельность, о социальном, политическом, экономическом, культурном контексте и пр.

Работа по информационному обеспечению деятельности неправительственной организации включает в себя сбор информации, ее систематизацию и анализ, адаптацию и подготовку для использования и распространения в виде листовок, пресс-релизов, статей, обращений,

петиций, требований и предложений к властям. Сюда же входит работа с источниками информации. Наибольший объем ее НПО получают из официальных источников (администрация города, дирекции предприятий, СЭС, НИИ и т.д.). Часто приходится обращаться с письменными или устными запросами к властям. Большой объем данных предоставляют СМИ, этот источник хорош тем, что он открыт для всего общества, но все же эти сведения требуют проверки и дополнений. Еще одним источником информации, особенно в случаях конкретных акций, являются специалисты, как ведомственные, так и независимые. И, наконец, о проблемах, возникающих в обществе, лучше всех знают те, кто испытывает на себе их негативные последствия, то есть население, которое общественные движения рассматривают как один из важнейших источников информации.

Научные ресурсы — это вся совокупность используемой движениями научной информации, а также знания и опыт помогающих в общественной деятельности ученых, занимающих принципиальную гражданскую позицию. Используются результаты экспериментальных и мониторинговых исследований, научные методы планирования и прогнозирования.

Организационные ресурсы — это, по меткому определению самих активистов, «то, что у вас есть, даже когда вы считаете, что у вас нет ничего, и это то, чего вам может не хватить для успеха, когда есть все остальное».²⁶ В ресурсы такого типа входит многое, но в первую очередь способности, знания, навыки организаторов и их эффективное применение, степень отлаженности системы внутреннего и внешнего взаимодействия (оргструктура, контакты, каналы связи, имидж и пр.), умение точно распорядиться временем или выбрать верный момент для определенных действий. Мобилизация организационных ресурсов — это искусство управления, искусство организовать эффективное использование всех прочих видов ресурсов для достижения поставленных целей.

²⁶ Акции экологического движения. Руководство к действию. — М., 1996. — С. 105.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ И ДОСТИГНУТЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ: СРАВНЕНИЕ РОССИЯ — ЗАПАД

За короткий срок около 20 лет общественные движения в России, с нашей точки зрения, прошли 4 этапа развития, весьма сходные с теми, которые были характерны для западных стран и проанализированы зарубежными учеными, предложившими три основных теоретических подхода к их исследованию²⁷. На Западе развитие общественных движений прошло, судя по научным трудам социологов, три стадии развития. На наш взгляд, сейчас — четвертый.

Первый этап начался сразу после второй мировой войны и продолжался до середины 60-х годов. Считалось, что это были стихийные, неорганизованные, не формулировавшие точно цели и задачи движения. Это были ценностно ориентированные движения, в центре внимания исследователей находилось коммунистическое и фашистское (националистическое) движения. Они были ориентированы на изменение социального устройства и ценностных установок общества, т.е. радикальные изменения. В этом смысле они не представляли интересов широких слоев населения и даже отдельных его групп, а лишь требования наиболее социально обделенных групп (если не сказать — индивидуумов).

Второй этап — 60-70-е годы — организационный или стратегический: формируются организации, определяются цели и задачи, мобилизуются ресурсы для их достижения. Движения в основном представляют экономические и социальные интересы различных социальных групп, борются за их права. В первую очередь, это рабочее, профсоюзное, традиционное женское движение, движение за участие в избирательном процессе, выступления национальных меньшинств и т.п. Это были движения реформаторские, их требования не выходили за рамки представлений и установок современной социально-политической системы.

В 70-е годы, после массовых протестных выступлений в Европе, которые не сформулировали почти никаких конкретных целей и требований, складываются новые системы ценностей и на их основании строятся новые идентичности (ввиду начавшегося процесса глобализации, стирания граней между классами и социальными группами, а также глобальных вызовов современности — экологических, антивоенных, правозащитных и т.п.).

²⁷ Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. — Санкт-Петербург: Наука, 1993.

Так называемые «Новые социальные движения» в 80-е — начало 90-х годов уже не отстаивают экономические интересы при помощи организаций и их институционализации, а выдвигают новые ценностные ориентиры и требования, пытаются внедрить их в сознание общества²⁸. Таким образом, в повестку дня опять встает вопрос о радикальном изменении действующей системы. Постепенно институционализируются требования движений — появилась экологическая политика, признаны справедливыми требования женщин и меньшинств о равноправии и т.п. Таковы основные характеристики третьего этапа развития движений.

Но политическая система призвана, в первую очередь, сохранять самое себя, и она борется. К середине 90-х годов ей удастся институционализировать «новые» (а вместе с ними и традиционные) движения, сделав их частью политической системы, четко определив их место, роль и функции. Это и есть современный этап развития движений. В результате, по свидетельству одного из современных членов экологического движения Нидерландов, произошло следующее²⁹:

«1. Члены организаций и доноры переложили свою ответственность на плечи экспертов. По иронии судьбы, такая вот «экспертотократия» была, фигурально выражаясь, тем ужасом, с которым ранее экологическое движение так неистово боролось.

2. Вторую особенность развития я бы назвал «проектификация». Многие организации, в том числе наша, в высшей степени зависят от субсидий. В этой нескончаемой карусели заявлений, выплат, осуществления и отчетов истинные цели и задачи проектов отходят иногда далеко в сторону от стратегии и политики организации. Так что напрашивается вопрос: а принимаются ли в расчет интересы защиты природы?

3. Правительство определяет критерии, выбирает проекты и оценивает их выполнение. По сути дела, эти проекты есть не что иное как правительственная политика, проводимая в жизнь экологическим сектором. Понятие «движение» не имеет с этим ничего общего.

4. Третье положение заключается в возросшем значении совета извне. Создается впечатление, что приглашенные со стороны советники во многих отношениях занимают место заинтересованного члена организации. Они советуют менеджеру, как сформулировать миссию, какой стратегии придерживаться, как наладить связь с общественностью и какую структуру организации выбрать. В некоторых, особенно очень больших организациях, советники по маркетингу имеют боль-

²⁸ Touraine A. An introduction to the study of social movements // Sociological Research. — 1985. — Vol.52. — N. 4.

²⁹ Доннер Е. Прошлое экологического движения // Альманах «Участие. Социальная экология регионов России». — М., 2003. — Вып. 8.

шое влияние; они, правда, привлекают больше спонсоров, но это в свою очередь ставит под угрозу независимость политики. Поддержка общества становится настолько важной, что бывает затруднительно сделать здравый выбор в сторону приоритетов охраны природы. Тем самым возникает фундаментальная проблема, когда вопросы охраны природы, не совпадающие с желаниями сотен тысяч рядовых доноров, не принимаются во внимание. Остаются только внешне привлекательные кампании, которые уделяют внимание симптомам, но не решают проблемы в целом.

5. Четвертый момент можно назвать «семинаризацией». Вполне реально, что, будучи профессиональным экологом, вы заполните свои дни участием в семинарах, конгрессах, консультациях и других очень интересных собраниях — с результатами, абсолютно не оправдывающими затрат. Конечно, мы живем в мире развитой сети и, конечно же, на подобного рода встречах можно наладить важные контакты. Но очень часто трудно прослеживается связь между намерениями и окончательной целью защиты окружающей среды.

6. Утрачивается связь с обществом: значение рядовых членов организации и поддерживающей их общественности не является больше главенствующим фактором; стремление включиться в процесс принятия решений также подчиняет движения политической логике, а не логике защиты интересов тех или иных групп; организации имеют лишь до некоторой степени открытую горизонтальную структуру.

7. И последнее, что хотелось бы отметить: то, что я назвал бы «легко решаемые задачи». Некто, довольно долго вращающийся в авторитарных кругах и имеющий опыт ведения переговоров и поисков компромиссов, старается ставить перед собой задачи полегче. Это влияет на характер организаций. Творческий дух и воображение все больше отступают на задний план, пока совсем не покидают организацию. Прискорбная потеря, ведь все это так важно для вдохновения и воодушевления, что когда-то присутствовало и было фундаментом для идеи, которая поначалу всем казалась воздушным замком. Эксцентричные гении сейчас почти исчезли из организованного экологического движения».

Все это свидетельствует о том, что НПО больше не являются общественным движением, а значит, практически перестают представлять интересы тех или иных социальных групп.

Но есть и другая сторона этого процесса. Граждане развитых стран Запада, достигшие высокого материального благополучия, стали пассивны настолько, что это оказывается неприемлемым даже для властей, — им (властям) нужна и довольно часто поддержка населения.

А что же в России? Практически все эти 4 этапа мы прошли за годы наших реформ, т.е. за последние 20 лет, а не за более чем 60 — как западные движения (см. Табл.).

Первый этап возникновения и развития российских общественных движений пришелся на конец 80-х годов, когда страна откликнулась массовой активностью на появившуюся возможность социально-экономических и политических преобразований, о которых даже мечтать в советское время никто не решался.

Люди, не имевшие прежде навыков самоорганизации, вышли на улицы наших городов, чтобы продемонстрировать свою позицию в отношении начавшихся преобразований. Общественные открытые дискуссии, митинги, собрания были посвящены в первую очередь обсуждению сути и направлению реформирования общества и государства. Но не только.

Впервые узнав об огромном количестве негативных фактов из прежней и современной жизни страны, определенные группы, причем часто многочисленные, выступили с различными видами и формами протеста, волной прокатившегося по России. Первыми протестными массовыми митингами стали экологические митинги и пикеты в Нижнем Новгороде, Великом Новгороде, Самаре и других промышленных центрах. Эти выступления в основном были направлены против высшего уровня промышленного загрязнения. Особое значение для активизации экологической деятельности имела авария на Чернобыльской АЭС, которая заставила обратить пристальное внимание общественности на объекты атомной энергетики и мощно продвинула возникновение антиядерного движения.

Массовое политическое движение вылилось в создание Народных фронтов, которые, впервые появившись в советских республиках, оказались приемлемой формой политического объединения граждан и для многих российских городов. Процесс развития политической активности шел ураганными темпами. Формирование партий началось не только потому, что политические изменения были сутью первого этапа трансформаций — перестройки, но и потому, что налицо был основной и в то время сильный противник — КПСС.

Третьим массовым движением стало рабочее движение, выдвигавшее тогда не только, а может быть, и не столько экономические требования, сколько требования политические. Практически, это движение стало той социальной силой, которая позволила начать реализацию демократических преобразований.

Этот период развития российских общественных движений, с нашей точки зрения, весьма близок к первому этапу их развития на Западе, как его интерпретирует социологическая теория. Российские движения (как и западные в 1930–50 гг.) возникли, во-первых, в виде активности социальных групп массового общества, каковым являлось общество советское в отличие от современного гражданского общества индустриально развитых стран. Во-вторых, их действия были слабо

организованными, цели, задачи и даже ожидаемые результаты еще не были четко сформулированы и осознаны. Пожалуй, единственное, что проявилось достаточно явно, это ценности, которые выдвигали действующие движения — демократического общественного устройства, жизни в здоровой окружающей среде и т.п.

В результате они стали не только фундаментом социально-политических перемен, но и основой дальнейшего развития общественной самоорганизации и самоуправления. Они добились того, что в повестку дня общественного развития и государственного управления были поставлены многие проблемы, ранее никак не звучавшие. Самыми яркими примерами можно считать то, что в структуре государственных органов возникло никогда не существовавшее прежде Министерство охраны природы, а также факт признания легитимной самоорганизации граждан в форме закона об общественных объединениях. Таким образом, достигнутое нашими движениями на этом этапе весьма близко к тому, чего добились на первом этапе своего развития западные движения.

Второй этап (первая половина 90-х годов) развитие общественных движений в России определялось главным образом разрушением старых форм государственности и крахом экономики, в первую очередь, промышленности. В этих условиях оказалось, что перед большинством российских граждан, в том числе и тех, кто был вовлечен в массовые действия в начале перестройки, во весь рост встали проблемы, которые ранее, в советское время, так или иначе, но разрешало государство. Теперь оно оказалось неспособным обеспечить занятость тех, чьи предприятия закрылись, начались долговременные задержки выплат заработной платы, да и их денежное выражение, особенно учитывая инфляционные процессы, было совершенно неадекватно даже прожиточному минимуму. Почти полностью прекратилось обеспечение социальной сферы, которую раньше чаще всего поддерживали градообразующие предприятия. Люди столкнулись с массой собственных повседневных проблем, которые никто даже не обещал разрешать.

Таким образом, социально-экономическое положение общества представляло собой реальную причину необходимости объединяться для обустройства жизни различных социальных групп. С другой стороны, политический контекст характеризовался глубокой перестройкой всех форм управления. Это определяло такую структуру политических возможностей, которая создавала относительно благоприятные условия для дальнейшего развития общественных движений. Если они и не приветствовались открыто, то уж во всяком случае не запрещались, а точнее сказать — им не мешали, на них просто не обращали особого внимания.

Все это означает, что причины и условия продолжающегося возникновения и развития общественных движений были весьма сходны со

вторым этапом их развития на Западе в 60–70-е годы. Более того, близкими оказались и их основные характеристики. Начали формироваться организации общественных движений, деятельность которых была направлена на разрешение конкретных проблем. Так, экологическое движение сконцентрировало внимание на охране живой природы, создании для этого новых и поддержание уже существовавших особо охраняемых природных территорий, на экологическом образовании и просвещении, на требовании соблюдения появившегося экологического законодательства, на проведении общественной экологической экспертизы. Появляется множество организаций, направленных на разрешение социальных проблем определенных сообществ — детей, инвалидов, женщин, соседских общин и др. Политические движения превращаются в партии и вообще выпадают из категории общественных движений.

Именно с этого периода начинается и активная поддержка развития организаций общественных движений как первых ячеек гражданского общества, осуществляемая западными фондами. Причем их общей установкой в это время было развитие демократических начал в российском обществе, поэтому реальную помощь получали общественные организации, созданные по инициативе снизу.

Однако при многих сходных характеристиках западных и российских движений этого, второго этапа развития, результаты, достигнутые ими, оказались различными. Западные движения достигли институционализации их ценностей и организаций, легитимизировали свою деятельность.

Институционализация российских движений по-прежнему, как и на первом этапе, заключалась лишь в законодательном признании их права на существование. Их деятельности не препятствовали, но и все-таки не принимали. К участию в процессе принятия решений почти не допускали, не признавая, таким образом, их как агентов политической системы. Такое участие происходило лишь в тех случаях, когда движение было достаточно мощным и активным, да и то, если оно оказывало серьезное давление на власти с целью быть услышанными. Конечно, в целом, справедливо будет сказать, что такое отношение к общественным движениям со стороны властей вызвано и оправдано их собственной слабостью. Но дело в том, что власти того периода на словах держали курс на демократизацию общества, либерализацию экономики. Именно поэтому прежде всего от них следовало ожидать осуществления соответствующей политики, и едва ли не в первую очередь — поддержки развития гражданского общества в нашей стране, первыми ячейками которого являлись общественные организации. Но такой политики не наблюдалось.

Больше того, с нашей точки зрения, именно из-за позиции властей в отношении движений и в средствах массовой информации крайне

редко о них упоминалось, а если и были материалы, то чаще негативные или носящие некий пренебрежительный оттенок. В результате и у общества сформировалось недоброжелательное отношение к организациям общественных движений. Наши респонденты тогда (да и сегодня) говорили, что мотив участия в движениях — это самореализация, это достижение своих личных целей, это стремление заработать много денег, не затрачивая больших усилий и т.п. На наш вопрос «Что плохого в стремлении к самореализации в сфере общественной самодеятельности, и чем это хуже, чем самореализация на государственной службе или в коммерции?», люди лишь пожимали плечами. Иными словами, у большинства населения сложилось мнение, что движения преследуют лишь собственные корыстные интересы, а общественные интересы призвано защищать государство. Хотя на практике было много ситуаций, когда эти «неверующие» в случаях собственной крайней нужды все же обращались к общественным движениям и их организациям как к последней надежде. И нередко не только получали поддержку, но с их помощью действительно разрешали свои проблемы (в первую очередь, такие случаи характерны для экологического, правозащитного движений, движения солдатских матерей и общества потребителей и др.). Но при этом трудно назвать конкретный случай, когда, получив помощь, люди становились действующими активистами движения (или, по крайней мере, такие ситуации не часты). Таким образом, и в общественном мнении российским движениям утвердиться не удалось, в отличие от западных.

И все это на фоне того, что в достижении своих конкретных целей многим организациям на этом этапе удалось достичь серьезных успехов. Более того, часто они выполняли многие функции государства, не получая от него ни поддержки, ни даже внимания. Хуже того, в это время многие организации лишились своих помещений (особенно это коснулось организаций, работающих с детьми), которые чаще всего передавались вновь появившимся коммерческим структурам, получившим «зеленый свет» для своего развития. Тогда же были разрушены сформировавшиеся в большом количестве комитеты местного общественного самоуправления — добровольные объединения людей, живущих по соседству. Их работа была сведена на нет простым способом: органы местной власти были объявлены местным самоуправлением, что выбило почву из-под ног общественных активистов и надолго затормозило развитие самодеятельности населения в деле обустройства своей непосредственной среды обитания.

Подводя итог этому этапу развития общественных движений в нашей стране, можно утверждать, что они оказались в социальном и политическом окружении, которое характеризуется в лучшем случае как индифферентное по отношению к ним. А скорее даже, социальный,

политический и экономический контекст был для их деятельности неблагоприятным, а его действующие лица — политики, чиновники, хозяйствующие и экономические субъекты — старались (хотя и мягкими способами) вытеснить активистов движений с арены общественной жизни или в крайнем случае умолчать об их существовании и активных действиях на пользу общества.

На третьем этапе развития (вторая половина 90-х годов) традиционные российские общественные движения продолжали выражать экономические и социальные интересы различных социальных групп и оказывать им помощь, часто — вместо государства. Они по-прежнему стремились к институционализации своих ценностей, целей и деятельности.

Продолжали действовать и «новые социальные движения». Они все еще сопротивляются институционализации их как организаций и собственному включению таким образом в существующую политическую систему. Но они стремятся институционализировать свои ценности путем просвещенческой деятельности, направленной на все общество. А также пытаются оказывать давление на органы власти с целью добиться того, чтобы агенты политической системы в процессе принятия решений опирались на предлагаемые «новыми социальными движениями» ценности.

Государство также не изменило своей политики в отношении самоорганизации своих граждан. Зато зарубежные фонды все больше и больше обнаруживают склонность финансировать лишь те организации, которые зарегистрированы, имеют офис и штат, успешную историю действий. Появляется и новый аспект в их требованиях: особо поддерживаются проекты, предполагающие сотрудничество органов власти и неправительственных организаций. В ответ те, кто пытается сохранить себя как общественное движение, не утратить связь с населением, не превратиться в выразителя интересов власти, выражают сомнения в такой ориентации фондов, упрекая их в том, что они перестают выступать за развитие демократических начал в российском обществе.

Однако установка на развитие встроженных в политическую систему неправительственных организаций на Западе все больше становится одним из тех факторов, которые ведут российские движения к тому же, современному (четвертому) этапу их развития, какой характерен сегодня для индустриально развитых стран.

В результате, на наш взгляд, российское общество, для которого еще далеко не настали времена устойчивой экономики, развитой демократии и здоровой окружающей среды, постепенно утрачивает своего практически единственного защитника, выразителя интересов массы граждан и носителя новых ценностей. Опасно такое развитие событий и потому, что власти всех уровней, не подвергаясь общественному контролю, вольны не принимать интересы общества в расчет.

Но, может быть, самое важное на современном этапе то, что общественные институты практически исключены из процесса разработки и реализации реформ.

Таблица «Сравнение развития общественных движений на Западе и в России»

ОД развитых стран	Годы	Результаты	ОД России	Годы
1 этап развития				
Стихийные, неорганизованные, протестные, не формулировавшие поначалу точно цели и задачи движения. Ориентированы на изменение социального устройства и ценностных установок общества. Не представляли интересов широких слоев населения и даже конкретных групп, а лишь требования наиболее социально обделенных людей, считавших, что их положение может измениться только при смене социально-политической системы.	40-е — начало 60-х годов	Положено начало массовой социальной активности и самостоятельному объединению граждан	Возникновение массовых экологического и политического общественных движений, которые также были стихийными, слабо организованными, протестными («митинговый период»). Поддерживали начавшуюся перестройку, т.е. также ориентированы на изменение социального устройства и ценностных установок общества. Не представляли интересов широких слоев населения и даже конкретных групп, а лишь социально активной части населения.	Конец 80-х — начало 90-х годов
2 этап				
Организационный или стратегический: формируются организации, определяются цели и задачи, мобилизуются ресурсы для их достижения. Движения в основном представляют экономические и социальные интересы различных социальных групп, борются за их права. Это были движения реформаторские, их требования не выходили за рамки представлений и установок современной социально-политической системы.	Вторая половина 60-х — 70-е годы	На Западе — институционализация требований и самих движений как легитимного участника политического процесса. В России — институционализация в виде государственной регистрации и закона об ОД почти без институционализации требований и самих движений как легитимного участника политического процесса.	Организационный или стратегический: формируются организации, определяются цели и задачи, мобилизуются ресурсы для их достижения (в основном гранты западных фондов). Появляются ОД, выражающие экономические и социальные интересы различных социальных групп и оказывающие им помощь вместо государства, представлять интересы почти невозможно в виду отсутствия политических каналов. Большинство ОД практически не выдвигают требований, работают на	Первая половина 90-х годов

ОД развитых стран	Годы	Результаты	ОД России	Годы
			становление новой социально-политической системы.	
3 этап				
«Новые социальные движения» уже не отстаивают экономические интересы при помощи организаций и их институционализации, а выдвигают новые ценностные ориентиры и требования, пытаются внедрить их в сознание общества. Таким образом, на повестку дня опять поставлен вопрос о радикальном изменении действующей системы.	80-е — начало 90 годов	Формирование новой системы ценностей и установок, дающей основу для изменения «доминирующей социальной парадигмы». Институционализируются их требования — появилась экологическая политика, признаны справедливыми требования женщин и меньшинств о равноправии и т.п.	Традиционные ОД продолжают выражать экономические и социальные интересы различных социальных групп и оказывают им помощь вместо государства. «Новые социальные движения» — правозащитное и экологическое — продолжают действовать. По-прежнему стремятся внедрить в сознание общества свои ценностные ориентиры и требования, сопротивляясь институционализации. Выступают за учет новых ориентиров при продолжающемся формировании социально-политической системы.	Вторая половина 90-х годов
4 этап				
Полностью институционализированы новые (а вместе с ними и традиционные движения), ставшие частью политической системы с четко определенными ролями и функциями.	90-е годы — по настоящее время	«Экспертотократия», «проектификация», «семинаризация» ОД, утрачивается их связь с обществом, зато теснее связь с государством, ставятся только «легко решаемые задачи», их требования не выходят за рамки представлений и установок современной социально-политической системы.	Продолжение институционализации ОД в виде проведения Гражданского форума и последующей установки на взаимодействие власти и ОД, стремление ОД к собственной институционализации, а не своих требований и ценностей.	2000 г. — по настоящее время.

ГЛАВА III

**Местные сообщества в
России: порождающая среда
и контекст деятельности
общественных движений**

МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА: СООТНОШЕНИЕ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ В ИХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Российские СМИ постоянно или, по крайней мере, регулярно демонстрируют гражданам «ужасы», происходящие где-то на локальном уровне. Крайне редко удается узнать что-то позитивное, не говоря уж о том, чтобы сложить сколь-либо полный образ местных сообществ, понять как и чем они живут в районах мегаполисов, в наших малых городах и других типах поселений. В виду этого представляются крайне важными любые попытки сбора конкретных данных по заявленной теме и их анализа — ведь именно в указанных населенных пунктах живет большая часть населения России, с которой рано или поздно придется считаться ресурсным группам страны.

Такой анализ необходим обществу, чтобы знать: каковы общие условия жизни на местах и от чего они зависят; что такое сообщество и каковы его основные характеристики; кто и что влияет на происходящее с местными сообществами — извне и внутри него; чем сообщества отличаются друг от друга; чего следует от них ожидать в современных условиях и в ближайшем будущем; откуда обо всем этом можно черпать информацию.

Не претендуя на полноту и неоспоримую истинность ответов на эти вопросы, попробуем найти их, опираясь на исследования местных сообществ, проведенные сектором по изучению социокультурного развития регионов России ИС РАН в следующих поселениях: города Пестово и Боровичи (Новгородская область), Новозыбков (Брянская область), Семенов (Нижегородская область), Касимов (Рязанская область), Волгодонск (Ростовская область), Медвежьегорск (Республика Карелия), Кириллов (Вологодская область), Первоуральск (Свердловская область), Усть-Илимск (Иркутская область), Чернушка (Пермская область), Рыбинск (Ярославская область); поселки Пяозеро (Республика Карелия), Рустай (Нижегородская область), Октябрьский (Мурманская область), а также региональные центры — Москва, Тверь, Рязань, Новгород, Нижний Новгород, Великий Новгород, Петрозаводск и Брянск.

В течение последних 15 лет в названных местах проводился ряд самых разнообразных исследовательских проектов, для каждого из которых были определены свои цели (в том числе, формулируемые не самими учеными, а заказчиками) и свои методы сбора данных и их анализа. Но все они объединялись общим научным подходом исполнителей — всеми доступными способами собирался материал о жизни каждого сообщества в целом (включая контекст их существования и развития). Применялись и качественные и количественные методы сбора

данных — опросы, фокус-группы, глубинные и экспертные интервью, включенное наблюдение, изучение конкретных случаев. Это позволило подвергнуть весь собранный массив данных комплексному вторичному анализу.

Новое осмысление имеющихся данных производилась на основе деятельностно-активистского подхода с учетом теоретизирований, посвященных проблемам глобализации. Понимая и принимая положение о том, что современное общество — есть сетевая структура, поддерживающая движение глобальных потоков (М. Кастельса, Дж. Юри и др.)¹, в виду чего ни место, ни актор (как действующий и влиятельный субъект) не имеют радикального значения, но, соглашаясь одновременно с тем, что все же ни то, ни другое не прекратило своего существования и продолжает оказывать определенное воздействие на мировые социальные и политические процессы (А. Турен, З. Бауман)², мы попытаемся выявить основные характеристики «места», которые сегодня имеют значение для развития российского общества, осуществления полномочий всех уровней и ветвей власти и которые, вероятно, будут оказывать влияние в ближайшем будущем.

Кроме того, исследование местных сообществ — есть изучение адаптационного потенциала российских трансформаций³. От того, что собой представляют местные сообщества, в которые самим проживанием объединены рядовые «граждане страны», каковы их поведение и действия, устойчивые социальные практики, есть ли среди них носители инноваций и традиционализма и кто эти носители, во многом зависит реализация демократического и модернизационного проекта в России, а также ее включение в глобальные потоки.

¹ Castels M. The Rise of the Network Society. L., 1996. Theorization // Public Culture. — 2000. № 12 (1). — P. 215-232; Urry J. Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century. New York: Routledge, 2000.

² Турен А. Способны ли мы жить вместе? Равные или различные // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Изюмцева — М.: Academia, 1999; Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. — М.: Весь мир, 2004.

³ Т.И. Заславская пишет: «Что касается адаптационного потенциала общества, то он зависит, в первую очередь, от объективного положения, установок, деятельности и поведения рядовых граждан страны — крестьян, рабочих и служащих, массовой интеллигенции. Располагая очень ограниченными ресурсами, они, на первый взгляд, не оказывают самостоятельного влияния на ход институциональных реформ, нередко становясь их заложниками. Однако мнение о незначительной роли этих групп в трансформационном процессе, на мой взгляд, обманчиво. Дело в том, что ни установление новых правил игры, ни даже освоение новых способов организации общественной жизни не являются конечной целью реформ, а следовательно, и конечным критерием оценки их результатов. В действительности таким критерием является преобразование социальных практик, отражающих повседневное поведение не столько верхних и средних слоев общества, сколько самых массовых социальных групп...» (Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. — М.: Дело, 2002. — С. 521).

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ РОССИЙСКИХ ЛОКАЛЬНОСТЕЙ

Таких условий несколько. Первое — пространственная замкнутость поселений. Все они в разной степени (от почти полной недоступности до относительной близости) оторваны от остального российского мира (как от крупных индустриальных и культурных центров, так и друг от друга). Для одних это означает почти полную изоляцию — для большинства членов местного сообщества отсутствует возможность держать регулярную связь с внешним миром (самые яркие примеры в наших исследованиях — бывшие лесорубные и шахтерские поселки, где природные ресурсы однозначно исчерпаны, а люди остались на своих местах, часто в таких случаях перестает поддерживаться почти вся транспортная инфраструктура — дороги, маршруты общественного транспорта и т.п.). Для других — остается доступной связь лишь с районным центром (отлаженная транспортная инфраструктура плюс близкое расстояние, что создает благоприятные технические и финансовые возможности для большей части представителей местных сообществ). Но связь с региональными и наиболее развитыми индустриальными и культурными центрами и для этой категории граждан весьма ограничена. Это означает, что жители (причем далеко не все) российской глубинки могут выезжать туда на заработки, некоторые (если не сказать — единицы) способны отправлять детей там учиться. Однако наладить устойчивое взаимодействие (в торговой, производственной, социокультурной и т.п. сферах) удается лишь небольшой части локальностей.

Второе, общее для большинства, условие: пространственная замкнутость часто приводит к экономической отсталости, подтверждая тезис З. Баумана о том, что «богатство глобально, нищета локальна»⁴. Тот факт, что российские локальности в своем большинстве не являются узлом, обеспечивающим прохождение глобальных потоков, более того, они не являются таким узлом даже для российских финансовых и производственных потоков, сам по себе свидетельствует об отсутствии в этих местах связанных с национальной экономикой ресурсов. Но еще хуже то, что даже если в некоем поселении находится крупное транснациональное или российское предприятие, это не означает, что местное сообщество в целом оказывается востребованным современной экономикой и что все его члены обретают более или менее равные возможности и ресурсы для собственной жизни.

Третье условие — вытекающая из первых — двух иммобильность большей части (или, по крайней мере, большей части) населения российской провинции. В свою очередь такое условие жизни крепко при-

вязывает основную массу жителей к месту, заставляя рассматривать его как единственно возможную среду своего обитания.

Четвертое условие — низкий уровень доступа к информации. Знание о том, что происходит в мире и в месте своего проживания, возможность сообщать обществу о себе, об условиях и стилях собственной жизни и существующих проблемах у местных жителей весьма ограничены. Центральная пресса недоступна большей части населения России — и потому, что дорого стоит, и потому, что доставляется с опозданием (в некоторых местах — раз в неделю), и потому, что до сих пор не до всех населенных пунктов доходит теле- и радиосигнал, и потому, что Интернет для многих — даже не мечта, о нем просто не знают. В результате огромная часть российских граждан замкнута рамками местных СМИ (а в некоторых местах и таковых нет).

Еще сложнее гражданам заявить о себе. Это не всегда им удается (чаще — не удается) даже на местном уровне. Центральные СМИ транслируют собственные (а, вероятнее, своих учредителей) мнение и изыскания о местной жизни. Чаще всего это выглядит так и приводит к таким же последствиям, как об этом пишет З. Бауман, говоря о западном обществе: «Тот факт, что «жители далеких мест» ассоциируются у нас с убийствами, эпидемиями и грабежами, играет еще одну важную роль. Раз они там такие чудовища, остается только благодарить бога за то, что он создал их именно там — далеко от нас, и молиться, чтобы там они всегда и оставались»⁵.

А ведь информация — это не просто возможность знать, обладание знаниями — это возможность влиять на решения властей, в том числе, касающиеся самой жизни граждан на местах. «Не только знание — сила, но и, что важнее, сила — знание» — вывод Б. Фливерга⁶, к которому он пришел, изучая собственный родной город и с которым невозможно не согласиться.

Пятое — неконтролируемость местных властей и их бездействие. Здесь влияние оказывают все вышеописанные условия. И действительно, насколько значимое влияние могут оказывать федеральные власти, если на местах главы районов в наших интервью частенько на подобный вопрос отвечали: «Где я, а где Путин? Он приехал и уехал и нет его, а я здесь остаюсь». Внимание властям этого уровня уделяется лишь тогда, когда обостряется ситуация (как, например, в Кондопоге или в башкирском Благовещенске), да и то это внимание краткосрочно.

⁵ Бауман З. Указ. Соч. — С. 109.

⁶ Фливерг Б. Рациональность и власть: еще раз о кейс-стади // Социологические исследования. — 2007. — № 1. — С. 63.

⁴ Бауман З. Указ. Соч. — С. 107.

Отсутствие информации у населения о реальных процессах, происходящих в локальностях, зависимость местных СМИ от ресурсных групп также ведет к бесконтрольности властей, как со стороны местных сообществ, так и со стороны российского общества в целом.

Крупные экономические акторы (если они есть) на местах тоже имеют все возможности действовать по своему усмотрению, часто даже не оглядываясь на местные власти или обладая и их поддержкой. О действенном контроле за ними вышестоящих властей речь возникает только в экстремальных случаях (как, например, в ситуации на Сахалине в связи с антиэкологичной деятельностью компании Шелл).

Все это приводит к формированию шестого, общего для всех локальностей, условия жизни — неустойчивости интересов в виду неустойчивости социальных групп, неспособности их сформулировать и актуализировать, то есть невозможности стратегического мышления не только отдельных местных жителей, но и местного сообщества в целом, включая и власти.

МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА: ЧТО ЭТО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Само понятие «сообщество» означает наличие какой-либо общности, чего-то общего для определенной группы людей, в случае с местным сообществом — общего для целого конгломерата, некоторой, относительно замкнутой части общества. В связи с этим сразу возникает мысль о соотношении сообщества — общества, которую Теннис обозначил в своей известной формуле перехода от *Gemeinschaft* к *Gesellschaft*, то есть от сообщества к обществу.

Что же такое сообщество, и существуют ли местные сообщества в современной России? Для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать жизнь местного населения по нескольким признакам.

Без сомнения, базовым признаком здесь является территориальная замкнутость (которая, как было выше показано, в нашей стране особенно ощутима) и ограниченность миграции членов сообщества. Однако из этого следует лишь одна черта общности — общее место проживания, — которая вполне может не стать основой для появления остальных признаков общности, вкуче создающих сообщество. И в первую очередь наличие различных типов и форм взаимодействия, которые, с точки зрения деятельностно-активистских теорий, обуславливают не только определенный и устойчивый образ жизни, но и его изменения. Эти взаимодействия обязательно должны иметь не только формы, разделяющие людей, но и консолидирующие их.

Современные российские местные сообщества демонстрируют, с одной стороны, распад сложившихся в советские времена форм взаимодействия не только по линии власть — население, но и по линии разделения труда (многие трудовые коллективы были разрушены в начале 1990-х годов в связи с обвалом экономики страны, сохранившиеся коллективы сотрудников — учителя, медики и т.п. — превратились в своем большинстве в атомизированных индивидуумов, которые вне исполнения своих профессиональных обязанностей оказались в ситуации жесткой необходимости действовать в целях выживания — личного и своей семьи).

Произошел развал взаимосвязей и на соседском уровне. Для советских людей нормой было взаимодействие на бытовом уровне, открытые и гостеприимные дома, относительное доверие к соседям, которых знали долгие годы. Ныне стратегия выживания требует изоляции, которая, по словам З. Баумана, до сих пор была в большей мере характерна для мегаполисов⁷. Разрушилась даже зафиксированная социологами на примере малых городов США «иллюзия равенства», вызывающая чувство общности местных жителей. Иными словами, многое из того, что было традиционным для советских местных сообществ, в 1990-е годы оказалось разрушенным в той или иной мере.

Однако в условиях оживления экономики стали заметны и обратные процессы — возникновение новых форм взаимодействия, возрождение некоторых старых, но уже в измененном виде. Так, вынужденная миграция создает или возрождает идентичность «мы-они» по отношению к тем, кто уже является частью местного сообщества. В самых тяжелых случаях (почти полной отчужденности от внешнего мира) возникает другой тип идентичности — «мы тут, они там».

Разделяет местное сообщество и одновременно консолидирует отдельные группы наличие предприятий крупных корпораций (мы — работники, они — все остальные жители).

Абсолютно новый тип идентичности местного сообщества в целом (даже если не все отдадут себе в этом отчет) вызывает проникновение глобализации в российские локальности — идентичность места, суть которой в формуле «я — гражданин своей малой родины». Вследствие имобильности основной части населения страны, многие люди осознают себя, свою жизнь и жизни последующих поколений неразрывно связанными с местом проживания — непосредственной средой обитания. Именно качество этой среды (всех ее составляющих — экономического положения и состояния социальной сферы, действующей системы управления и установившегося способа принятия решений, степени институционализации экологической политики и характери-

⁷ Бауман З. Указ.соч. — С. 72.

ки окружающей среды) полностью определяют сегодня уровень и образ жизни многих местных сообществ⁸.

Наконец, впервые возникает консолидация в виде самоорганизации населения, принимающей форму неправительственных организаций, которые стремятся выражать и представлять интересы тех или иных групп местного населения — это процесс развития демократии снизу в условиях, не вполне к этому располагающих, но все же предоставляющих некоторые возможности — социальные и политические. Сегодня мы можем констатировать, что во многих (если не в большинстве) городах и поселениях нашей страны таких организаций насчитывается в среднем до десяти. Более того, в ситуациях всеобщего для отдельного местного сообщества или нескольких сообществ риска (например, в связи с прокладкой нефтепровода по берегу озера Байкал) неправительственные организации оказываются способными эффективно мобилизовать население на борьбу за свои интересы. Можно утверждать, что современные риски во многом и часто являются катализатором солидаризации местных сообществ.

Таким образом, на данном этапе развития в местных сообществах проявляются тенденции к консолидации, что позволяет говорить о процессе преобразования, пусть медленного и неоднозначного, местного населения в некую общность или общности, способные сформировать впоследствии из местного населения единую общность.

СТИЛИ УПРАВЛЕНИЯ И ТИПЫ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Россия сильна (или слаба?) тем, что при наличии ряда общих для всех условий имеет огромное многообразие социальных реалий. Это многообразие можно систематизировать по различным основаниям. Однако одним из самых главных сегодня на местном уровне остается стиль реализации властных полномочий административными органами, поскольку в большинстве случаев именно это определяет большую часть разворачивающихся здесь социальных процессов.

Хотя стиль управления местных властей практически повсеместно носит авторитарный характер, что подтверждается не только рядовыми членами местных сообществ, но даже чиновниками областной администрации одного из самых продвинутых в экономически и демократически регионов России⁹, тем не менее, этот авторитаризм про-

⁸ Подробнее см.: Россия реформирующаяся. Ежегодник — 2004. — М.: Институт социологии РАН, 2004. — С. 291-317.

⁹ Автопортрет местных сообществ. Анализ социологических опросов и глубинных интервью. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 93-109.

является по-разному. Это позволяет на данной основе определенным образом классифицировать способы взаимоотношений властей с местными сообществами:

- подчинение сообщества власти;
- попытки реализации демократических отношений власть-общество;
- полное отсутствие исполнения властью своих функций.

Но и внутри этих типов отношений есть свои деления. Разберемся в этом последовательно.

В первом типе взаимоотношений доминирование власти бывает практически безграничным. Это, конечно, не означает, что администрация не соблюдает требуемых или принятых в современном российском обществе процедур, или что ликвидированы представительные органы, просто и то, и другое жестко контролируется главой администрации. Более того, почти полному контролю подлежат и местные СМИ, учредителем которых является все та же администрация¹⁰. Но и в этих условиях продолжают действовать и возникать новые неправительственные организации. И не все они инспирированы властью и подотчетны ей. Есть и такие, которые выражают протест при необходимости и которые стараются, так или иначе, участвовать в принятии решений¹¹. Но и это не все. Происходит постепенное объединение усилий различных неправительственных организаций (например, объединения местных предпринимателей и экологической общественной организации), в отдельных случаях они создают собственную газету для выражения и придания публичности альтернативного мнения.

К этому же типу можно отнести и некоторым образом отличные отношения авторитарной власти и местного сообщества. В местах, где есть устойчивые риски (например, районы радиоактивного загрязнения, полученного в результате чернобыльской катастрофы, в России), власти, которым невозможно справиться в одиночку со всем тем, что требуется делать для выживания поселения, пусть и нехотя, но идут на сотрудничество с неправительственными организациями и даже создают вместе с ними местные СМИ¹².

Второй тип — стремление к демократизации — также следует разделить на две модели. Наиболее распространенным является такой стиль

¹⁰ Информационная политика местных СМИ и экологические проблемы // Институционализация экологической политики в России: социальные практики, государственная политика, управленческие решения. — М.: Институт социологии РАН, 2006. — С. 126-164.

¹¹ Белов И.Ю. Экополитическая арена: пересечение интересов // Альманах «Участие. Социальная экология регионов России». — Вып. 13. — М.: Институт социологии РАН, 2003. — С. 5-9.

¹² Альманах «Участие. Социальная экология регионов России». — Вып. 9. — М.: Институт социологии РАН, 2003.

управления, при котором власти, не имея опыта работы в демократических условиях, реализуют лишь внешние признаки демократии, применяя соответствующую риторику, стараясь максимально не вмешиваться в происходящее. Это отражается и в местных СМИ, в которых практически невозможно найти материалов от лица представителей администрации, вплоть до публикации официальных документов. Но есть и реальные попытки демократизации, когда власти допускают, но весьма дозированно, участие общественности в принятии решений, вплоть до заключения официальных договоров между администрацией и неправительственными организациями¹³. Иногда такое происходит и при абсолютно авторитарной власти под давлением сообщества¹⁴.

Наконец, последний тип отношений также содержит в себе, как минимум, две модели. В рамках одной из них полное безвластие приводит к диалогу всех остальных акторов в попытке повлиять друг на друга (например, экологи-общественники пытаются заставить местные предприятия осуществлять производственный процесс более экологичным способом). Пространством такого диалога становятся местные СМИ. Однако все усилия оказываются напрасными, поскольку некому принимать окончательные решения¹⁵. При реализации другой модели в экономически весьма благоприятных условиях местное сообщество вообще никак не реагирует на отсутствие власти, хотя в интервью выражают озабоченность многими городскими проблемами.

ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ И РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Одним из важнейших условий самоорганизации, активизации граждан является знание о том, что и как происходит в их месте проживания, кто и за что отвечает, какие действия и каким образом могут осуществлять сами жители (прожившие большую часть жизни в советские времена, когда никакой возможности действовать самостоятельно люди не имели, современные российские граждане не обладают ни знаниями, ни навыками, ни опытом самоорганизации).

В такой ситуации особенно значимыми становятся местные СМИ, которые в потенциале способны быть инструментами информирова-

ния и просвещения, т.е. они могут оказаться частью «питательной среды» для развития самоорганизации на местах.

Что же происходит в реальной жизни?

Первое. Чему бы ни посвящались наши опросы или интервью, из них отчетливо следует недостаточность информированности. Так, опрос москвичей относительно их непосредственной среды обитания (два района Москвы — Лефортово и Академический, опрошено по 400 человек в каждом районе) и деятельности неправительственных организаций на этих территориях, проведенный в 2002 г., показал, что около половины опрошенных считают себя неосведомленными о том, что происходит в районе. И это притом, что большая часть из них пытается черпать сведения из СМИ. Более того, из тех, кто в основном черпает информацию из СМИ, лишь четвертая часть считает себя осведомленными. Ответы на вопросы о действиях неправительственных организаций также демонстрируют почти полное отсутствие сведений у населения¹⁶.

Немногим отличались результаты изучения в российской глубинке — в районном центре Боровичи Новгородской области, где было проведено в то же время аналогичное исследование. Представлялось, что в месте более компактного проживания (т.е. не в мегаполисе) люди должны больше знать о собственном городе. Но превышение «осведомленных» в сравнении с москвичами оказалось весьма незначительным (здесь таковыми себя посчитала ровно половина респондентов)¹⁷.

Значительно большую осведомленность в проблемах места своего проживания продемонстрировали жители лишь одного города — Усть-Илимска Иркутской области. И связано это с весьма конкретной ситуацией: с продолжением строительства Богучанской ГЭС, которая может привести новые экологические и социальные риски в жизнь района. Так считает не только население, но и местные власти, в результате чего идет широкомасштабная информационная кампания в районных СМИ. Здесь опрошенные жители обнаружили весьма высокую информированность со ссылкой на то, что сведения черпают из СМИ (таковых оказалось около 80%)¹⁸.

Второе. Даже в одном из наиболее демократически ориентированных регионов России — Пермской области — местные СМИ дают весьма скудную информацию о деятельности гражданского общества и самодетельной активности граждан.

¹³ Альманах «Участие. Социальная экология регионов России». — Вып. 12. — М.: Институт социологии РАН, 2003.

¹⁴ Фомичев С.Р. «Хранители радуги» и гражданское общество в Касимове // Альманах «Участие. Социальная экология регионов России». — Вып. 1. — М., 1999. — С. 47-52.

¹⁵ Подлесная М.А. Социально-регуляторные функции СМИ в условиях формирования государственной экологической политики. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. — М., 2006.

¹⁶ Автопортрет местных сообществ. Анализ социологических опросов и глубинных интервью. — М.: Институт социологии РАН, 2006. — С. 11-88.

¹⁷ Там же. — С. 64-87.

¹⁸ Аналитический отчет «Жители Усть-Илимска об экологических проблемах города и путях их разрешения». — М., 2006.

Исследование местной прессы осуществлялось в 2005 г. Проанализированы газеты 22 районов Пермской области за май-октябрь того же года. Из исследованного материала выбрано 302 публикации, прямо или косвенно связанные с рассматриваемой темой¹⁹.

Анализ показал, что в материалах, касающихся гражданского общества, превалирует информация о неправительственных организациях. Они, и являются основным актором в общественной сфере. В списке НПО доминируют организации ветеранов и инвалидов, что соответствует жизненным реалиям: таких организаций по всей стране больше, чем всех остальных неправительственных объединений вместе взятых. Значимое место занимают публикации о деятельности профсоюзов (их 13 из 121, то есть чуть больше 10%). Материалов обо всех остальных неправительственных организациях 38. Такое соотношение свидетельствует либо о недостаточной развитости гражданского общества, поскольку пропорция явно не соответствует пропорциям интересов реальных социальных групп, либо об избирательном отношении прессы к информированию о действующих общественных организациях на территории области.

На втором месте по количеству упоминаний находится актор, которого мы условно обозначили как «власти». Можно предположить, что эта позиция в данном рейтинге означает, что в целом власти ориентированы на внимательное отношение к общественной активности. Значимым актором оказались местные газеты. Часто именно они выступают с различными социальными инициативами или контролируют те или иные процессы.

Практически поделили между собой четвертое и пятое место субъекты, обозначенные нами как «граждане» и «госучреждения». В категории «граждане» мы рассматривали общественные инициативы, выдвигаемые конкретными индивидуумами. Иными словами, речь здесь идет не об институтах гражданского общества, а о тех местных жителях, которые являются его членами по своим жизненным установкам, даже если они и не вовлечены в коллективные действия неправительственных организаций. Знаменательно, что равное положение в рейтинге занимают две пограничные по отношению к гражданскому обществу структуры — политические партии и бизнес. Обе они находятся в середине списка. То есть их активность по отношению к гражданскому обществу умеренна, что вполне соответствует их статусу: партии — это мостик между гражданским обществом и властью, бизнес иногда сам выступает в роли институтов гражданского общества.

¹⁹ Автопортрет местных сообществ. Анализ социологических опросов и глубинных интервью. — М.: Институт социологии РАН, 2006. — С. 109-120.

Чем же занимаются, судя по материалам газет, все эти акторы, которые составляют гражданское общество, или те, кто с ним сотрудничает?

На первое место выдвинулась категория «конвенциональные акции», под которыми имеются в виду самые различные действия институтов гражданского общества, отдельных граждан или представителей властных структур и бизнеса, направленные на достижение социально значимых результатов. Например, среди них находятся экологические акции, акции по обучению граждан навыкам самоорганизации, проведение фестивалей, спортивных мероприятий и т.п. Наиболее целенаправленной и системной при этом выглядит деятельность экологическая, потому что таких материалов около двадцати, все остальные акции смотрятся как одноразовые и не вызывают ощущения четкого целеполагания и устойчивой направленности. Таким образом, судя по материалам прессы, можно говорить о слабости гражданского общества в определении своих целей и в их достижении.

В категории «информирование» (второе место в рейтинге) собраны материалы, в которых различные социальные и политические организации и органы власти предоставляют значимую для населения информацию, в том числе и структурах гражданского общества и их деятельности. Эти публикации мы рассматриваем в связи с оценкой потенциала гражданского общества, потому что, во-первых, своевременное и подробное информирование населения об интересующих его проблемах свидетельствуют об уважительном отношении к населению тех, кто предоставляет информацию, что, собственно, является одним из условий, необходимых для развития гражданского общества. Во-вторых, часто информация (например, о выигранном в суде деле местного жителя против ЖКХ) дает гражданам основания полагать, что многого они могут достичь собственными силами, в том числе путем объединения заинтересованных лиц в некие организации и посредством осуществления коллективных действий.

Почти равные количественные значения имеют три формы действия — благотворительность, благоустройство места проживания и проведение конкурсов. Занятость благоустройством поселений обусловлена несколькими факторами. Во-первых, обустроить свою непосредственную среду проживания люди склонны и вне зависимости от действий власти. Во-вторых, есть проблема, насущность разрешения которой, с одной стороны, постоянно нарастает, а с другой стороны, для ее разрешения очень часто нет ни соответствующих технологий, ни достаточных ресурсов. Это проблема обращения с твердыми бытовыми отходами, с которой власти в одиночку не справляются. А в-третьих, действительно, не имея достаточных ресурсов для благоустройства окружающей среды населенных пунктов, местные власти не просто поддер-

живают всяческие инициативы гражданского общества в этой сфере, но и активно призывают граждан к подобным действиям.

В целом, исследование показало, что эффективность местных газет Пермской области в формировании позитивного образа гражданского общества в целом, как социального и политического явления и как реально существующего социального субъекта, не просматривается. Можно сделать вывод, что такой цели и не ставилось теми, кто является учредителем газет (т.е. органами местного самоуправления) и их издателями.

Публикации о гражданском обществе представляют собой единичные, разрозненные, разноречивые и различные по тематике сообщения, не акцентирующие внимание именно на гражданском обществе (да и словосочетание такое ни разу не встретилось) и на необходимости и общественной значимости его существования.

Третье. Неправительственные организации практически не имеют доступа к размещению собственной информации, даже тогда, когда готовы ее представить. Об этом свидетельствовали участники фокус-групп, проведенных в Перми²⁰. Так в фокус-группе, участниками которой были представители региональной власти, прозвучало следующее заявление: «Позитивный опыт не популяризируется. Я уже второй год пытаюсь пробить то, что нам нужен постоянный информационный канал, но пока не получается, так как это не считается важным. Если бы власть уяснила, что это для нее важно...». Сначала эти участники утверждали, что представители институтов гражданского общества не способны готовить материалы для публикации, но в ходе обсуждения этого тезиса пришли к выводу, что если бы была возможность опубликовать их, то все, зависящее от членов неправительственных организаций, было бы сделано.

В фокус-группе с участием представителей неправительственных организаций большей частью пеняли СМИ по различным поводам: «Например, в Англии мы знаем, к какой политической силе относится та или иная газета. У нас происходит примерно также. Никакой системы ценностей наша пресса не транслирует. То, что наши газеты отыгрывают какую-то точку зрения, это верно. В данном случае, «Местное время», «Обозреватель», «Новый компаньон». «Новый компаньон» имеет хорошую финансовую базу, поэтому занимает более монетаристскую позицию. «Звезда» режет правду-матку народу. Но такого, чтобы четко было видно, что газета ведет какую-то политику, такого нет. Получается, что газеты поставили в условия рыночной конкуренции. Платят им за интервью, они напечатают, не платят — не напечатают.

²⁰ Автопортрет местных сообществ. Анализ социологических опросов и глубинных интервью. — М.: Институт социологии РАН, 2006. — С. 88-109.

Пока не произойдет структурирования политического поля, мы будем иметь такую прессу»; «Не только власть ничего почти не знает о гражданском обществе, но и мы про нее мало что знаем, хотя вроде все СМИ на них работают»; «Проблема еще в том, что власть через СМИ говорит, что она уже сделала, но не говорит, что собирается делать, а население хочет быть сопричастным».

Четвертое. В таких (вышеприведенных) ситуациях общественность вынуждена создавать собственные средства информирования граждан. Например, в Пестово Новгородской области экологическая неправительственная организация Клуб «Экология» в девяностые годы вынужден был издавать информационные листы и вывешивать их в общественных местах, а позднее, объединив свои усилия с организацией местных предпринимателей, создать собственную газету, ставшую оппозиционным изданию, учредителем которой является районная администрация²¹. Другой пример: в Новозыбкове Брянской области на базе неправительственной организации «Радимичи» была создана газета, поддержанная городской администрацией, и буквально через несколько лет это предприятие разрослось до уровня медийного холдинга, который включает в себя уже и местное радио, и собственный телеканал²².

В некоторых поселениях нами обнаружено полное отсутствие каких-либо источников информации о местной жизни. В таких случаях с инициативой могут выступить местные учреждения, организации или частный бизнес. В наших исследованиях мы наблюдали активность заповедника «Керженский» в поселке Рустай Нижегородской области по изданию местной газеты, материалы которой готовят старшие школьники. Газета пользуется огромным интересом у жителей²³.

Пятое. Нередкое отсутствие информации в СМИ даже о весьма значимых событиях, связанных с серьезнейшими рисками и попытками неправительственных организаций не допустить реализации нависшей опасности. Примером может служить борьба экологических общественных организаций Сибири против строительства трубопровода по берегу озера Байкал. Практически об этом не было публикаций на протяжении всего периода проводимой ими протестной кампании, которая длилась несколько лет. И только после принятия В. Путиным решения о переносе месторасположения трубопровода, центральные газеты дружно заговорили о существовавшей для озера угрозе.

²¹ Альманах «Участие. Социальная экология регионов России». — Вып. 4. — М., 2000. — С. 67-74.

²² Там же. — С. 63-67.

²³ Автопортрет местных сообществ. Анализ социологических опросов и глубинных интервью. — М.: Институт социологии РАН, 2006. — С. 173-199.

Шестое. Исследования показали, от чего зависит та или иная ситуация с доступом к информации, информационная политика местных СМИ в целом.

Основное влияние здесь оказывает политика центральных (федерального уровня) СМИ. Именно они задают некую планку, определенное направление и даже удельный вес публикаций различной тематики. Изучение публикаций газеты «Известия» за 1989, 1995 и 2000 гг. показало, что область принятия экополитических решений и их реализации, хотя и была освещена в исследуемой нами прессе наибольшим образом, все же оказалась неадекватно отраженной. Можно утверждать, что ключевые события в развитии экополитики почти не нашли места в информационном потоке. Все ключевые экополитические события не только не были проанализированы на страницах газеты (и это притом, что аналитических материалов оказалось самое большое количество), но о них даже не было вовремя сообщено. Причин тому несколько. Во-первых, очевидным благодаря произведенному анализу представляется факт, что экологическая тематика, хотя ей и уделяется внимание в газете, отнюдь не занимает места, адекватного общественной значимости данного сюжета. Материалы появляются от случая к случаю, это приводит к тому, что далеко не все важные, а подчас и судьбоносные для охраны природы события оказываются незамеченными. Во вторых, такое несистематическое информирование, обнаруженное в ходе исследования, свидетельствует о том, что у государства не было и нет собственной политики в сфере распространения экологической информации. Включенность государственных структур в процесс информирования общественности только в 1989 г. (хотя и тогда не было системного подхода к делу) доказывает, что центральные власти уделяют этому внимание лишь тогда, когда экологическая информация особенно востребована обществом. В противном случае, как это оказалось даже с фактом ликвидации основной государственной природоохранной структуры, власти предпочитают сохранять молчание.

Однако не только от Центра зависит степень информирования общества на местах и доступ к СМИ институтов гражданского общества. Много определяет стиль управления, осуществляемых в наших городах и районах. Изучая экологические публикации местной официальной прессы в трех районных центрах — Медвежьегорске (Республика Карелия), Пестово и Боровичи (Новгородская область), неожиданно обнаружилось, что характер информирования соответствует стилю управления глав администраций. Авторитарный стиль правления в Пестово определил, в первую очередь, авторство публикаций — оно принадлежит практически только сотрудникам администрации и другим официальным лицам. В Боровичах, где совершается попытка

осуществления демократически ориентированного управления, совсем напротив, не публикуется официальных материалов вообще, но и публикаций от неправительственных организаций на страницах газеты не найти, хотя известно, что в районе они есть и достаточно активные. И только в Медвежьегорске, где нет никакого управления — власти бездействуют полностью, местная газета стала публичным пространством, на котором происходит диалог различных социальных акторов, причем нередко в форме весьма острого противостояния.

Наши респонденты из различных городов и поселений практически в равной степени не осведомлены о том, что происходит в местах их проживания. Их информированность не зависит от прожитых там лет и лишь частично связана с возрастом и полом респондентов. Так, женщины в меньшей степени считают себя осведомленными о том, что происходит в их районе, чем мужчины.

В основном жители узнают о происходящем в их месте проживания из СМИ и доверяют им как основному источнику информации. Большая часть всех респондентов по-прежнему склонна черпать сведения из местной прессы. Телевидение и радио в качестве источников информации значительно менее популярны.

Жителям исследованных нами поселений практически не известны случаи самоорганизации населения в решении общих проблем. Количество тех, кому такие случаи известны, минимально, чаще о них знают либо сами участники инициатив, либо так называемые сочувствующие — жители соседних дворов и подъездов.

Большинство опрошенных практически ничего не знают об общественных организациях, действующих на территории их проживания. Это отражает, с одной стороны, слабую заинтересованность в подобной информации, с другой — недостаток информации, получаемой из СМИ. Те же, кому были известны общественные организации, называли вполне конкретные НПО, что указывает скорее на их личные знания, приобретенные «опытным» путем, чем на информацию, добытую из публичных источников, хотя у большей части всех респондентов нет знакомых, работающих или готовых хоть иногда работать в общественных организациях.

И все же большая часть всех респондентов положительно относится к общественным организациям, считая, что их деятельность направлена на решение как общих для всех, так и частных проблем их участников. В большинстве граждане положительно относятся к общественным организациям, однако больше половины всех опрошенных не стали бы участвовать в деятельности НПО. Это указывает в первую очередь на высокую степень пассивности граждан, а также на низкий уровень информированности населения о том, что такое неправительственные организации и для каких целей они создаются.

На основании произведенного исследования можно сделать вывод о том, что информационная политика в отношении гражданского общества заключается в дозированном предоставлении данных о его деятельности без цели создать установку на его более активное развитие.

Кому же нужна такая политика, какие социальные субъекты в этом заинтересованы? Анализ данных показал, что в этом не заинтересованы ни региональные власти, ни неправительственные организации, ни научное сообщество. Мнения наших респондентов позволяют предположить, что заинтересованными структурами являются местные органы самоуправления в виду осуществляемого ими авторитарного стиля управления, а также федеральная власть, поскольку она не дает четких установок на качественное информирование общества по рассматриваемым вопросам. В результате даже в наиболее демократически «продвинутых» регионах реализуемая информационная политика в отношении деятельности гражданского общества не представляется ориентированной на его поддержку и дальнейшее развитие.

Изучая то, что происходит в самом «низу», то есть то, как люди на местах взаимодействуют друг с другом, мы пытались продвигаться к анализу проблематики социальных общностей и механизмов их функционирования в современном мире перманентных трансформаций, стараясь определить перспективы дальнейшего развития в связи с восприятием, поведением и социальными действиями того трансформационного слоя, который Т.И. Заславская назвала «базовым»²⁴.

В результате наши данные, во-первых, подтверждают наличие подвижности социальных систем на современном этапе, сопровождающееся сохранением элементов устойчиво существовавшего ранее уклада (и в советские, и в досоветские времена). Более того, эти изменения базируются на прошлой устойчивости, видоизменяются не только под воздействием происходящего «здесь и сейчас», но и с опорой на прошлое. Во-вторых, нами отмечается становление новых типов и форм взаимосвязей и взаимодействий, то есть формирование нового социального порядка. В-третьих, эти новые взаимовлияния зависят не только от контекста их становления и развития, но в большей мере являются «продуктом конструирования субъектами». Все это позволяет интерпретировать современную ситуацию как «открытый сценарий», ибо реальность очевидно зависит от конкретных социальных, экономических, политических действий социальных субъектов и от их вос-

приятия/интерпретации отдельными людьми и сообществами, участвующими в построении новой реальности.

Наше исследование показало, что рациональность выбора местных жителей — не мечтать быть востребованным экономикой, но делать для своего выживания то, что возможно, а социокультурные основания такого выбора — делать то и так, что и как умеем, применяя исторически сложившиеся формы и навыки жизнедеятельности и жизнеобеспечения, подчас даже избегая инноваций. Чего «нашему» человеку при этом не хватает, так это «практических знаний». Причем их не хватает обывателю для собственной ориентации в окружающем мире с целью определения, как выжить. Их не хватает субъектам социального действия, поскольку неустойчивость только складывающихся институтов не позволяет выстраивать тактику и стратегию действий. Их недостает и тем, кто является «конструктором» трансформаций, ибо они имеют слабое представление (и это представление изменчиво) о том, как производящееся реформирование воспринимается «базовым слоем».

Как сторонников деятельностно-активистского подхода, наше внимание акцентировалось на метаморфозах практических взаимодействий социальных субъектов, которые являются одной из важнейших причин социальных изменений и устойчивости общественных структур. На самом деле, от активной деятельности конкретных социальных субъектов сегодня часто зависит налаживание взаимоотношений, никто, кроме них, не берет на себя функцию координации действий и налаживания сотрудничества (как показали наши исследования, нередко это зависит от частной инициативы отдельного лица — будь то чиновник или «общественник»). Местные власти их на себя не берут, поскольку они не заявлены жестко в их должностных обязанностях, а если и прописаны в них, то уж точно никогда и никем не контролируются их выполнение. Важно и влияние того факта, что произошла утрата этих функций теми, кто в прежние времена их исполнял — ярчайший пример здесь градообразующие предприятия. Однако не следует сбрасывать со счетов и влияние на этот процесс социально-экономического контекста, в том числе и производственных отношений, которые стали выражаться в новой форме — в виде сообществ, вовлеченных в экономику и невовлеченных в нее.

Нами выявлены типы социокультурных установок, действительно консолидирующих местные сообщества, их, как минимум, пять:

1. односторонний протест;
2. выживание;
3. сохранение местных условий жизни;
4. ожидание помощи извне в сочетании с обреченностью на выживание собственными силами;

²⁴ Заславская Т.И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социологические исследования. — 2001 — № 8. — С. 4.

5. ожидание активной поддержки от обладающих ресурсами акторов — членов данного сообщества.

Качественные различия сообществ выявлены нами по критерию особенностей социальных взаимодействий. Мы обнаружили их среди групп внутри изучаемых нами местных сообществ. Первое — выделяется группа субъектов социального действия, особенностью которой является стремление не только к налаживанию взаимодействий с другими субъектами, но и к отстраиванию механизмов таких отношений, то есть к созданию институтов. Второе — из групп субъектов социального действия выделяются акторы, стремящиеся создать некоторое сообщество, то есть выступают созидателями осознанного объединения граждан и их организаций, которые могут целенаправленно и совместно действовать для разрешения стоящих перед ними и сообществом проблем. К ним следует отнести соседские сообщества, консолидацию деятельности неправительственных организаций, возникновение временной солидаризации местных жителей в экстремальных ситуациях. Третье — группа, включающая в себя местных жителей, выпадающих из сферы социальных взаимодействий. В нее входят, конечно, этого не осознавая, все те, чье поведение называется девиантным. Таким образом, первые две группы активно участвуют в созидании нового социального порядка, третья группа — влияет на этот процесс весьма опосредованно.

Тем не менее, следует подчеркнуть, что в большинстве случаев отсутствует готовность местных жителей к коллективным действиям по обустройству жизни своих сообществ при слабом, по их мнению, выполнении соответствующих функций местными властями. Выявлено в целом позитивное отношение наших граждан к неправительственным (общественным) организациям при весьма низком уровне информированности об их деятельности и неготовности присоединиться к ним. Можно констатировать, что местные сообщества являются порождающей общественные организации средой²⁵, не являясь при этом средой их поддерживающей.

Также анализ местных сообществ позволил выявить черты современного российского традиционализма, которые, по нашему мнению, заключаются в следующем:

1. Невовлеченность основной массы населения (членов местных сообществ) в самоорганизационную деятельность и готовность к вовлечению в общественную (коллективную) деятельность, организуемую сверху (властями, возможно, крупным бизнесом).

2. Принятие патернализма как основной формы взаимодействия государства с гражданами, большинством населения (от них и только от них можно что-то получить). Этот патернализм сопряжен с жесткой установкой основной работоспособной части рядовых россиян на осуществление самостоятельной (но не коллективной, в лучшем случае, коллектив может представлять семья) деятельности, направленной на выживание, и с отсутствием ожиданий качественной и решающей поддержки со стороны власти преобладающих.

3. Отсутствие у самой властной элиты (а также у представителей других элит, включая элитарные круги интеллигенции) установки на взаимодействие с населением, на поддержание развития гражданского общества, на создание институтов (устойчивых практик, каналов, площадок, процедур и т.п.), направленных на организацию общественного диалога.

4. В результате вышеозначенной позиции элит все виды и уровни СМИ практически не транслируют информацию о самоорганизации граждан, причинах и условиях ее возникновения, ее целей, возможных и реальных достижений.

5. Не получая соответствующей информации, рядовые граждане не знают о деятельности организаций гражданского общества, а потому не рассматривают их как социальных акторов, способных оказать реальную помощь, тем более, что власти очевидно их не поддерживают.

6. В итоге не обнаруживается даже стремления основной массы граждан вступать во взаимодействие с властями по собственной инициативе для организации процесса согласования интересов, взаимодействие осуществляется только в тех случаях, когда остро необходимо или вероятно получить от конкретных властных структур или чиновников реальную помощь.

7. Большой части рядовых членов местных сообществ (и не только старшего поколения, но и их детям и внукам) свойственна ностальгия по прошлому. В советские времена государство несло ответственность за все и обеспечивало гарантии выживания своих граждан, предоставляя, кроме того, возможности для организации досуга и коллективного времяпрепровождения (спортивные соревнования, самодеятельность, работа клубов и т.п.), позволявшие членам местных сообществ ощущать некоторое единение друг с другом.

²⁵ Понятие «порождающей среды» введено О.Н. Яницким. См.: Экологическое движение в России. Критический анализ. — М.: Институт социологии РАН, 1996. — С. 28-32.

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ПО ИНИЦИАТИВЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

В современных условиях, когда российское государство до сих пор так и не предложило управленческим структурам и обществу в целом конкретной и четкой стратегии развития страны, особенно актуальными становятся попытки разработать такую стратегию «снизу», то есть по инициативе местных сообществ. Весьма наглядным примером может служить российско-голландский проект «Местная повестка дня на XXI век в России», выполненный российскими неправительственными организациями в 2002-2004 гг.²⁶ Идея реализации проекта принадлежала коллективному члену Российского общества социологов — Женской ассоциации «ЭкоСоциология» (одним из ее лидеров является автор монографии), которая, выполняя свою миссию общественной организации, стала его координатором. С другой стороны, как ученые, мы рассматривали его в качестве научного эксперимента, в котором социологи осуществляли постоянное включенное наблюдение, в результате чего стало возможным проведение углубленного анализа конкретного случая (case study).

РЕШЕНИЯ КОНФЕРЕНЦИИ В РИО И ИХ ВОПЛОЩЕНИЕ В РОССИИ

На Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. был подписан ряд программных документов (в том числе и Россией), которые определяли политику мирового сообщества для обеспечения устойчивого развития и сохранения биосферы Земли. Среди них — два главных: Декларация по окружающей среде и развитию и долгосрочная программа дальнейших действий в глобальном масштабе («Повестка дня на XXI век»). В Декларации отмечалось, что правительства должны утвердить национальные стратегии устойчивого развития с учетом решений, принятых на Конференции. Цели таких стратегий — экономическое развитие и одновременно защита ресурсной базы и окружающей среды с учетом интересов будущих поколений. Стратегию устойчивого развития предлагалось разрабатывать с широчайшим участием всех групп населения. «Повестка дня на XXI век» является программой конкретных действий в сфере социально-экономического развития с целью рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды для обеспечения процветания человечества.

По своей юридической силе Повестка близка к многостороннему международному соглашению: государства приняли на себя обязательство руководствоваться данным программным документом в своей деятельности. В ее четырех разделах содержатся подробные рекомендации, касающиеся планирования социального и экономического развития, сохранения и рационального использования ресурсов, укрепления роли основных групп населения, а также относительно инструментов и методов реализации такой программы. Но, очевидно, что конкретные действия совершаются на локальном уровне. Именно от местных органов власти, различных организаций и учреждений, от самого населения и отдельных его представителей — интеллигенции, молодежи, активных тружеников, пенсионеров-общественников — будут зависеть достигнутые обществом результаты. Транслируемые сверху ориентиры — лишь одно из условий успеха. Это осознавали и участники Конференции, в связи с чем в Повестке целый раздел посвящен необходимости разработки программы действий на местном уровне («Местная повестка дня — 21», далее — МПД). Более того, было предложено всем местным сообществам (при ответственности местных органов власти) уже к 1996 году такие программы иметь.

За прошедшие с тех пор более десяти лет ни одна из стран не продвинулась по этому пути значительным образом. Реализуя свои международные обязательства, Россия подготовила и утвердила Указом Президента РФ от 01.04.96 № 440 «Концепцию перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». Документ был представлен на Первом всероссийском природоохранном форуме. Больше эта тема, насколько известно, ни руководством страны, ни региональными властями, ни обществом не обсуждалась. Но попытки осуществления конкретных действий в данном направлении периодически производились в различных российских регионах и городах — Санкт-Петербурге, на Байкале, в Выборге, Томске и др.²⁷ Их результаты, с нашей точки зрения, оказались не слишком обнадеживающими:

- инициатива выполнения подобных проектов принадлежала чаще всего местным властям и близким им неправительственным организациям (далее НПО), причем вовлечения широкого круга общественных организаций в этих случаях не обнаруживалось;
- в подобных проектах население к разработке стратегии напрямую не привлекалось, в основном происходило информирование местных жителей, практически, без обратной связи;
- если инициатива осуществления проекта исходила от какой-либо НПО, не связанной тесно с местными властями, то последние не проявляли высокой активности;

²⁶ Материалы об МПД и о ходе проекта можно найти на сайте localstrategy.seu.ru.

²⁷ См.: ЭкоLogos. Журнал московского ИСАР. — 2002. — №15.

- самое большое внимание при разработке стратегии уделялось изучению современного экологического состояния того населенного пункта, где осуществлялся проект; много меньше исследовалась экономика, еще меньшему анализу подвергались проблемы управления и социальные аспекты;
- в заключительном документе оказывались разделы, содержащие конкретные материалы, посвященные определенным направлениям развития населенного пункта, которые не подвергались комплексному анализу;
- соответствующим образом составлялась и сама стратегия: предлагались стратегии развития по конкретным аспектам и направлениям, что не давало общую концепцию и вектор развития местного сообщества;
- часто (особенно если финансирование проекта было значительным) все работы выполнялись приглашенными специалистами, причем в основном не местными жителями, что почти полностью исключало участие местного сообщества в процессе;
- в результате получалась многостраничная публикация, содержащая тексты, написанные научным языком, что не давало возможности населению и общественным организациям пользоваться стратегией как руководством к действию;
- не нашлось примеров реализации разработанной стратегии, похоже, что работа заканчивалась созданием документа;
- выполнение проектов сопровождалось проведением семинаров для населения и научных конференций; семинары были призваны разъяснить людям, что такое МПД и зачем она нужна, но поскольку чаще всего эти знания не использовались в социальной практике, то и оставались невостребованными или неиспользуемыми; научные конференции, как им и полагается, проводились для ученых, обсуждавших научные проблемы, хотя и связанные с объектом проекта, что по своей сути очень далеко от духа МПД;
- наконец, каждый проект выполнялся для конкретного (одного) населенного пункта, поэтому не было возможности сравнивать ход выполнения с коллегами из других мест, не производилось обмена опытом, не анализировались успехи и неудачи.

ПРОЕКТ РОССИЙСКИХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В этой связи решение экологических неправительственных организаций осуществить еще одну попытку создать экологически ориентиро-

ванную стратегию действий местных сообществ в пяти городах России (Тверь, Рязань, Пестово Новгородской области, Семенов Нижегородской области и Новозыбков Брянской области) казалось вполне актуальным.

Главная цель проекта — определение местным сообществом основных направлений развития своего города с учетом сохранения окружающей среды и живой природы. Это означает, что местные жители в лице представителей различных социальных структур (власти, бизнеса, школ, больниц, всего спектра НПО и т.п.) совместными усилиями осмысливали современное состояние своего места проживания, образа и уровня жизни населения. Далее, опираясь на собственный анализ, ими были выделены основные проблемы — долгосрочные, которые существуют всегда, а их разрешение требует постоянных усилий на протяжении долгого времени; среднесрочные — те, что требуют срочного разрешения, но при этом необходимы большие финансовые средства, которых найти совсем не просто; и, наконец, насущные проблемы, над которыми надо работать, не откладывая на завтра, и которые могут быть разрешены при помощи малых средств и при непосредственном участии всех членов местного сообщества. И уже на основании полученных материалов опять же совместно разрабатывалась собственно стратегия развития. В результате, подготовленный документ определил концепцию развития, выделил то главное, что, с точки зрения общественности, требуется радикально изменить, чтобы началось экологически ориентированное развитие города.

Организационно процесс выглядел следующим образом. На установочном семинаре, проведенном в каждом из городов-участников проекта ассоциацией «ЭкоСоциология», была создана рабочая группа из семи человек, в которую обязательно входили представители власти, бизнеса и НКО. Также был избран Попечительский совет, первоначальный список которого состоял почти из 40 членов. Этот список не был закрытым и Совет, таким образом, мог расширяться по мере необходимости. Основная работа и выполнялась этими двумя органами. Для вовлечения населения применялись самые разные способы: от простого информирования (в прессе и специальными бюллетенями и листовками) до анкетирования по разным вопросам и проведения собраний в учреждениях и на предприятиях для обсуждения хода проекта и достигаемых результатов. Кроме того, важно было выяснить и отразить в стратегии, кто, по мнению жителей, должен заниматься разрешением городских проблем, готовы ли сами жители что-то для этого делать или полагают, что все должны выполнять власти. С этой целью была разработана анкета и проведен опрос населения. Результаты опроса определили многие позиции стратегий. Так, в Пестове анкетирование

выявило, что местные жители весьма слабо понимают свои права и возможности и мало надеются на общественные организации. В итоге разработчики стратегии пришли к выводу, что одним из насущнейших действий должно стать усиление позиций общественности, увеличение ее влияния на процесс принятия решений. С этой целью было решено выдвинуть в качестве одной из ближайших задач разработку местного положения об общественных слушаниях.

Рабочие группы приступили к подготовке стратегий. Надо было проделать огромную работу за год, притом что от постоянной службы никто из участников проекта освобожден не был. Так что действовать приходилось в режиме почти постоянного цейтнота — времени катастрофически не хватало, что стало одной из главных проблем проекта. Насколько нам известно, в западных странах такие проекты выполнялись на протяжении гораздо более длительных периодов.

Вторым фактором, затруднявшим работу, была сложность согласования позиций вовлеченных в процесс людей. Каждый из них представлял интересы определенной социальной группы, учреждения или структуры власти. Даже на стадии описания современного состояния города или района разногласия вызывали высокое напряжение. Иногда приходилось работать не коллективно, а собирать у членов рабочей группы готовые тексты и потом объединять их в единое целое. В связи с этим особую роль играли участники проекта, практически оказавшиеся редакторами-составителями документа. Конфликты (или, по крайней мере, недовольство) проявлялись и при обсуждении уже готовой стратегии — достичь полного согласия в некоторых случаях так и не удалось.

Особая сложность возникла при информировании общественности о ходе выполнения проекта. Просто рассказывать о его реализации было практически нечего — велась кропотливая исследовательская, аналитическая и редакционная работа. Изначально планировалось, что будут публиковаться (по мере готовности) разделы стратегии, и дальше информация должна была развернуться в виде полемики по сути предлагаемых материалов. Этого не произошло нигде. Еще можно было рассказывать об обсуждении таких материалов во время встреч с трудовыми коллективами. Но, похоже, что ничего особо яркого во время таких встреч не происходило, и выступлений в СМИ не последовало. Наиболее успешно удавалось информировать местных жителей о проекте там, где проходили какие-либо крупные конференции, праздники, выставки. В Твери, например, на нескольких таких мероприятиях были продемонстрированы стенды, посвященные самой МПД, ходу выполнения проекта, достигнутым результатам и т.п. Дело с информированием населения оживилось только тогда, когда уже появились опубликованные стратегии в виде привлекающих внимание книжечек,

в которых говорилось о жизни людей и о перспективах, что, конечно, вызывало интерес.

Понятно, что за относительно короткое время было практически невозможно разработать стратегию развития населенного пункта в целом, поэтому все имели возможность избрать какое-либо конкретное направление развития города. Тем не менее, Семенов, Пестово и Новозыбков сначала были нацелены на стратегию развития района в целом. Однако в ходе работы им все же пришлось принять некие ограничения, но это произошло не в результате волевого решения команды исполнителей, а было продиктовано проясненной в ходе работы насущной необходимостью.

В результате в Семенове весьма успешно работали над стратегией разрешения проблемы утилизации твердых бытовых отходов (далее — ТБО), о чем свидетельствует появление проекта постановления администрации Семеновского района Нижегородской области, гласившего:

«В целях реализации проекта «Местная повестка дня на 21 век» и обеспечения устойчивого развития Семеновского района постановляю:

1. Утвердить прилагаемую экологически ориентированную Стратегию социально-экономического развития района на срок с 2004 по 2007 год.

2. Поручить Семеновскому межрайонному отделу экологического контроля (Пискунов В.П.) разработать детальный план мероприятий на 2004 год для реализации данной Стратегии.

3. Юридическим и физическим лицам при осуществлении хозяйственной и иной деятельности на территории Семеновского района руководствоваться принципами данной Стратегии.»

Пестовчане в ходе выполнения проекта столкнулись с тем, что общественность не имеет возможностей, достаточных для влияния на процесс принятия решений. Команда пришла к выводу, что в первую очередь необходимо разработать стратегию, посвященную созданию условий и согласованных с властями механизмов участия неправительственных организаций и населения в управлении районом.

В Новозыбкове, страдающем от последствий Чернобыльской катастрофы, конечно же, пришлось сосредоточиться на экологической составляющей и здоровье населения, что серьезнейшим образом было отражено в стратегии.

Благоустройству городов посвятили свои стратегии рязанцы и тверитяне. Причем тверская стратегия сосредоточена на создании «зеленого каркаса» города, о чем уже давно мечтал и над чем работал Тверской экологический клуб (неправительственная организация — основной исполнитель проекта в этом городе). Целью было «формирование зеленого экологического каркаса для поддержания удовлетворительного качества среды в условиях городской экосистемы и удовлетворе-

ние законных прав граждан на благоприятную окружающую среду». И им удалось подойти к этой теме действительно системно.

Рязанская команда пыталась решить проблемы не только озеленения города, но и разрешения проблем утилизации ТБО. Свой выбор они обосновали следующим образом:

«Проблемы озеленения и замусоренности города можно контролировать визуально, для этого не нужны никакие приборы контроля, при анализе ситуации нет необходимости полагаться только на мнение специальных служб, проводящих замеры параметров окружающей среды (как это имеет место при решении проблемы загрязнения воздушного бассейна и проверки качества питьевой воды). К тому же братья решать сложные экологические проблемы современности, не решив проблемы рационального озеленения, сохранения зеленых зон, очистки территории от мусора, без создания грамотной, рациональной и экономически оправданной системы утилизации и захоронения твердых бытовых отходов, совершенно невозможно. Ведь в любом устоявшемся городском хозяйстве в этих двух сферах должно быть давно все отлажено. Но наша беда в том, что мы живем во время исторических перемен, когда так легко разрушается все хорошее и с таким трудом восстанавливается».

Все документы, кроме тверского, имеют раздел «Современное состояние города», однако наполнение этих разделов весьма различно. Мнение населения о проблемах городов и возможностях их разрешения более всего отражено в трех стратегиях — пестовской, тверской и рязанской. В пестовской и рязанской звучат воспоминания конкретных горожан о минувшем и их мнения о настоящем. Кроме того, все три стратегии содержат результаты проведенного анкетирования. Интересно, что можно выявить много общего в позициях местного населения этих городов. Большая часть опрошенных не собираются покидать родные края, готовы участвовать в деятельности по улучшению состояния своего непосредственного места проживания и все же считают, что отвечать за качество жизни и быть главным организатором работы должны в первую очередь местные власти. Основные проблемы, названные горожанами Пестова и Рязани, тоже очень схожи — приоритетными являются недостаток рабочих мест, пьянство и низкий уровень материального обеспечения семей, отсутствие молодежных и детских организаций.

Наиболее подробным образом и с приведением большого количества официальных данных описано современное состояние Семенова и Новозыбкова, то есть в тех городах, где активное участие в создании документа принимали представители местной власти.

Выход в свет (имеется в виду не только публикация, но и презентация обществу) «Местных повесток дня на XXI век» для Новозыбкова,

Пестово, Рязани, Твери и Семенова не остался незамеченным ни властями, ни населением. С чем-то люди были согласны, что-то вызывало неприятие, но интерес был со всей очевидностью проявлен всеми.

Основную задачу — вовлечение как можно более широкого круга представителей населения, различных социальных и управленческих структур — удалось выполнить всем, но, конечно, в разной степени. По нашим оценкам, больше всех опереться на население стремилась рабочая группа Пестово, получить же официальные данные оказалось для них делом непростым. Семеновцы тесно сотрудничали с местной властью, но мнение населения, похоже, не прозвучало. Новозыбковской команде, видимо, больше всех удалось включить в работу и тех, и других, что, как представляется, случилось в основном потому, что местная власть не просто сама была активной, но и поддерживала усилия участников проекта по мобилизации в процесс остальных групп городского сообщества. При создании тверской стратегии опорой со всей очевидностью стали ученые, преподаватели и студенты Тверского государственного университета (далее — ТвГУ) и средних специальных учебных заведений, а также Ботанический сад ТвГУ, а из состава местной власти особую заинтересованность в проекте проявил главный архитектор города. Наконец в Рязани главными действующими лицами были экологические неправительственные организации города.

ИНИЦИАТИВА СНИЗУ И ВЛАСТИ

Как же отнеслись власти к инициативе неправительственных организаций, выступивших как субъект социального действия, сущность которого, по А. Турену, «заключается в стремлении индивидуума быть действующим лицом».²⁸ Попробуем проследить эволюцию отношений власти — НПО, которая произошла за три года выполнения проекта. Сразу следует отметить, что власти пяти городов, вовлеченных в проект, не продемонстрировали унифицированных подходов. Наоборот, ярким образом обнаружилась специфика каждого.

На старте проекта выявились следующие типы взаимодействия. Изначально готовность к сотрудничеству выказали только муниципалитет Новозыбкова (города, переживающего последствия Чернобыльской катастрофы) и администрация Семеновского района (на экологическую ситуацию которого оказывают влияние промышленные объекты и риски, связанные с захоронением на территории района радиационных

²⁸ Турен А. Способны ли мы жить вместе? Равные или различные // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева — М.: Academia, 1999. — С. 473.

отходов, так называемый Семеновский могильник). Тверь и Рязань, будучи областными центрами, то есть крупными городами, на столь мало обеспеченную финансовыми ресурсами деятельность гражданских объединений просто не обратили внимания: она политически не опасна и материально не выгодна, можно не препятствовать, но и не поддерживать. Лишь отдельные энтузиасты включились в работу: в Твери им оказался главный архитектор города, в Рязани — те организации, которые призваны выполнять конкретные действия по благоустройству городской среды, а не те, кто принимает решения, например, муниципальное учреждение «Дирекция по благоустройству города». Неготовность к какому-либо участию в инициативе снизу, но и не абсолютный отказ — такова позиция местной, весьма авторитарной власти, проявившаяся в Пестово. Открыто не препятствовать и контролировать происходящее, сдерживать, а не поддерживать активность граждан — так можно выразить данный подход. Общим для всех на первоначальной стадии было скептическое отношение к проекту: отсутствовала уверенность в возможности достижения каких-либо результатов.

На этапе активной работы по выполнению проекта все более ярко проявлялось сотрудничество или противостояние властей и НПО. В Новозыбкове укреплялась кооперация: общая установка администрации участвовать во всем, что может принести пользу городу, позволила в ходе совместной с местными общественными организациями работы ближе познакомиться с активистами и обрести новые формы взаимодействия, основанные на большем взаимопонимании и доверии. В Семенове благодаря реализации проекта произошло увеличение открытости местной власти, которая поначалу была откровенно против вовлечения населения в непосредственные действия. Позиция «лучше не провоцировать людей» сменилась на «допустить их дозированное участие». Обнаружились скрытое до этого времени полное неприятие властей кооперации со структурами гражданского общества областных администраций. В Твери был снят с должности главный архитектор — активный участник проекта, занявший его место чиновник уже ни в какие контакты с общественностью не вступал. Главе администрации Новозыбкова областное руководство указало на то, что его участие в проекте неправительственных организаций нежелательно. Областные власти Твери и Рязани продолжали свою «политику невмешательства». Авторитарная власть в Пестово от скрытого недовольства и настороженности перешла к открытому конфликту, поскольку контроль удавалось осуществлять только в дозировании доступа населения к информации о происходящем, но влиять на процесс серьезным образом представителям власти не удавалось — слишком самостоятельными оказались участники проекта, ощущавшие к тому же поддержку российской и зарубежной общественности.

По ходу реализации проекта выявился и круг тех, кто стал постоянным и активным участником, помимо экологических НПО: школы и школьники, другие детские учреждения, Ботанический сад и городской парк культуры и отдыха в Твери и Рязани; районное управление образования, председатели колхозов, представители местного бизнеса, учреждения культурно-массовой работы в Пестово; представители власти в Семенове и Новозыбкове.

На заключительном этапе реализации проекта сотрудничество и противостояние достигли своего апогея. Дискредитации со стороны властей подверглись достигнутые в проекте результаты в Пестово. И, наоборот, в Новозыбкове и Семенове между властями и неправительственными организациями были заключены договоры о дальнейшем сотрудничестве. Наконец, отказывавшиеся как бы то ни было реагировать на происходящее субъекты политического действия Твери и Рязани попытались воспользоваться наработками общественности, используя опубликованные стратегии в своих предвыборных кампаниях (после выборов внимание депутатов опять кануло в небытие).

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ ПРОЕКТА

Для анализа осуществленной деятельности был проведен заключительный семинар, в котором приняли участие по пять человек от каждого из пяти городов. Всем было предложено ответить на пять вопросов: 1) Чем вызвано то, что в документах «Местная повестка дня» собственно стратегия развития была менее объемна по сравнению с описанием современного состояния города? 2) Не кажется ли вам, что мы все столкнулись с проблемой распространения информации о проекте? 3) Не кажется ли вам, что такая структура как Попечительский совет оказалась лишней и не включилась в работу в полной мере практически в каждом городе? 4) Получилось ли вовлечь в исполнение проекта широкие слои населения? 5) Была ли работа «Мильеконтакта» (голландская организация — участница проекта) и ассоциация «ЭкоСоциология» эффективными и важными для работы участников проекта на местах? Наиболее аналитические ответы участников проекта представляется необходимым процитировать, поскольку они дают представление о том, как исполнители проекта оценили проделанную ими работу.

Алексей Краснов, Семенов, Нижний Новгород

Наши слабые места и проблемы, проявившиеся в ходе выполнения проекта.

Слабая работа и контакт рабочей группы с попечительским советом. Не сказать, что это нам очень помешало, но, действительно,

не получилось так, чтобы совет утверждал какие-либо наши решения или чтобы мы обращались к нему за помощью — не было такой нужды. Может быть, так было потому, что все необходимые для работы люди из попечительского совета входили в состав рабочей группы. Следует сказать, что проект наш заканчивается, но работу в избранном направлении мы, т.е. наиболее активные горожане и совет, продолжим. Возможно, у совета будет какое-то другое название, но как действующая структура он сохранится.

Первый семинар был важной отправной точкой, многое, что было тогда обсуждено, вошло в разработанную нами стратегию: развитие туризма, транспорта, экологического воспитания, просвещения, переработки и утилизации отходов. И сейчас мы все это пытаемся реализовать.

Вторая проблема — слабое информационное освещение. Действительно, если выйти на улицу и спросить людей, что такое МПД, вряд ли кто-то ответит. С этим связано много проблем: во-первых, так ли уж много горожан читают газеты? Однако, безусловно, заинтересованные в такой тематике люди обратили внимание на наши материалы. Пример. Иван Евтифьевич Лопаткин до начала проекта ничего не знал о нашем существовании. Но когда в семеновской газете было опубликовано о нашем самом первом семинаре, он появился у нас и сказал: я занимаюсь сбором и переработкой ТБО, хочу участвовать в проекте в какой-либо форме. Мы поняли, что его сфера деятельности — это часть нашей стратегии, это реальная организация, которая выполняет определенную, очень важную для города работу. Поняли, что для эффективной работы нужно дополнительное финансирование, получили грант (из другого источника) для выполнения проекта «Чистый Семенов своими руками». Конечно, нельзя сказать, что проблема решена, но мы смогли купить оборудование, запустили новые виды работ. И теперь это направление развивается вполне самостоятельно. В таком частном результате, на наш взгляд, и заключается цель нашего общего проекта в целом.

Третья проблема: почему собственно стратегия занимает наибольшую часть нашей МПД. Мы считаем, что она не мала. Просто мы полагали, что на первом этапе мы должны были зафиксировать отправные точки, которые существуют на сегодняшний день, это как раз и есть первая часть стратегии — описание современного положения города, которое должно быть как можно более полным, чтобы и людям, и нам было ясно, от чего мы отталкивались в далеком 2001 году и чтобы в конце этого проекта и на всех последующих этапах нашей работы можно было бы сравнивать, есть ли какие-то качественные изменения. Для этого и нужны цифры, таблицы, графики. Сама же стратегия, то есть направления дальнейшего разви-

тия, которые в ней обозначены, это то главное, что и нужно было сейчас разработать, ничего другого мы сделать и не могли, ничего другого и быть не может. Дай бог, чтобы наши чиновники выучили это наизусть, положили себе этот документ на стол, чтобы каждый раз, принимая решения, они сверяли их с этой стратегией, определяли, соответствуют ли они ей. И я убежден, что в нашей стратегии и не должно быть написано, как и что делать конкретно, в ней должны быть обозначены рамки для принятия решений.

Обозначенные направления будут далее осуществляться в виде отдельных программ и проектов. А поскольку в нашей рабочей группе было много представителей власти, то наша стратегия — это не просто мечты общественности о лучшем будущем, а те стратегические цели, которые приняты властями, которые власти согласовали и готовы развивать. Многие выдвинутые в стратегии направления уже утверждены местным органом самоуправления как официальный политический курс, часть уже выполняется, видны конкретные результаты.

У всех депутатов есть наша стратегия, которая воспринимается как руководство к действию. Например, Семеновский экологический фонд выделяет каждый год определенную сумму на газификацию транспортных средств, уже действует одна газозаправочная станция, поддерживается малый бизнес, связанный с переводом транспортных средств на газ. Это как раз реализация одной из идей, заложенных в стратегии. Таким образом, в МПД мы просто обозначили приоритеты, определили основные направления развития, обсудили их, согласовали, одобрили. Теперь разрабатываются конкретные механизмы, инструменты, способы их реализации.

По поводу широкого вовлечения населения. Мы не пошли в каждый дом: может, поленились, может, времени не хватило, может, это было не самым эффективным в нашем случае. Мы действовали, исходя из спроса и потребностей. В Москве на самой первой встрече местных координаторов проекта была принята идея работать с самыми активными социальными группами. Этому мы и следовали. У нас есть круг людей и организаций, которые как пионеры поднимают руки в знак готовности к работе. Благодаря нашему проекту мы смогли этим людям помочь действовать. И руки не опустили, наоборот, многие наши горожане увидели, что их готовность, активность поддержаны и востребованы. Поэтому, может быть, и не стоило нам идти в каждый дом. Наверное, наша задача — показать такие результаты, чтобы люди сами приходили к нам.

Главное, что мы от вас получаем, это знания, информацию, опыт. Выстраивается хорошая цепочка: Семенов — Нижний Новгород (экоцентр «Дронт») — Москва («ЭкоСоциология») — Амстердам («Ми-

ллеконтакт»). И на каждом уровне есть те необходимые знания, которых нет на другом, но которые, без сомнения, нужны.

В целом, разработанная стратегия и ее наличие — дело очень полезное. Во-первых, это означает появление системы действий, а не хаотичное затыкание дыр и прорех. Во-вторых, мы теперь знаем, что будет делаться, почему и для чего, а значит, это будет воспринято и поддержано местным сообществом.

Елена Пушай, Тверь

Очень важен был установочный семинар, потому что нам было необходимо научиться разрабатывать стратегию. И все участники семинара смогли осознать значимость начинающейся работы. Конечно, мы занимались стратегическим планированием в нашей организации и прежде, потому что ей уже 10 лет и нам уже необходимо было видеть перспективы своей деятельности. Но здесь стратегия должна была быть разработана уже не только для себя, но для города. И особенно важно было, что стратегия начнет осуществляться, и хотя бы первые шаги будут выполнены в виде малых (пилотных) проектов.

Когда стратегия была опубликована и мы роздали ее СМИ, общественности, отклик пошел самый разнообразный. В библиотеке книга была воспринята с энтузиазмом, там сказали, что никогда никто по зеленым зонам города информацию не собирал. Администрация сначала похвалила, пригласили к себе, сказали: как здорово, что такой документ появился, мы читаем, самое важное подчеркиваем, давайте сделаем совмещенную пресс-конференцию. Но она так и не состоялась. Думаем, что влияние нашего проекта есть и еще будет сказываться в будущем. Так, за период выполнения проекта администрация подтвердила статус ООПТ для нашего ботанического сада. Другой пример. Наши новые, только что избранный губернатор провел несколько совещаний с общественностью, нас всегда приглашали. Он планирует создать несколько общественных комитетов по различным направлениям, в том числе и по экологическому. Мы считаем, что большую роль в этом сыграл наш проект.

С разработкой стратегии сначала мы испытывали некоторые трудности, поскольку опыта маловато. Но мы вовремя получили консультации от ЭкоСоциологии, что очень помогло в работе.

СМИ сначала мало обращали на нас внимания, хотя журналисты приходили к нам, и мы беседовали с ними очень подолгу, думали уже, что будет целая серия публикаций. Но, к сожалению, весь первый год они не уделили проекту должного внимания. А вот после выхода в свет МПД, журналисты ее прочитали и сказали, что сделают репортаж о нашей работе. И вот сейчас мы вместе с ними готовим первую публикацию.

Для нашей организации это был очень важный проект — таких серьезных, длительных проектов у нас еще не было. Мы многому сами научились, мобилизовали такие собственные силы, о которых и сами не подозревали, повысили престиж нашей организации. Нам кажется, что до сих пор тверская администрация не думала, что общественность может выполнить такой серьезный проект. Кроме того, у нас появились новые контакты с различными социальными группами и организациями. Например, объединение соседей в одном из домов квартала «Южный» с самого начала в проекте не участвовало, но, прочитав в газете о МПД, их лидер Ирина Владимировна Смылова позвонила нам, и мы начали сотрудничать. К нам обращались многие и предлагали выполнить ту или иную работу.

Михаил Панов, Рязань

Говоря языком технаря, мы встретились с проблемой, которую можно назвать «линия задержки», т.е. сигнал до нас дошел, где-то полутал, а спустя какое-то время пошла реакция на него. Поэтому просто многое не успевали сделать, что сделать было необходимо.

«Линия задержки» сидит и в журналистах — они очень немного и с опозданием давали информацию о нас. Единственным исключением была работа по благоустройству школьных территорий, в которой они видели конкретные действия, достойные публикации. Но к концу проекта некоторые все же начинают просыпаться. Им попали в руки наши брошюры, и в Дни защиты от экологической опасности одной журналистке поручили сделать цикл передач. Она приходила к нам, взяла три интервью и фрагментарно давала их в эфир. Потом проснулась телевизионная кампания, которая также показала про нас несколько сюжетов. Но это произошло лишь после того, как они, наконец, откликнулись на наши приглашения и посетили заседания рабочей группы и пресс-конференции.

Так что у журналистов «линия задержки» оказалась в год, у нас — несколько месяцев. У администрации, я полагаю, она еще больше — им наша стратегическая деятельность пока вовсе не нужна, никакого практического применения, которое приносило бы деньги, они пока не видят, и сверху с них никто ничего подобного не спрашивает. Поэтому никакого серьезного взаимодействия с властями пока не получилось. Мы для них — что-то там, копошащееся внизу. Однако на этапе прошедших у нас весной выборов мы до некоторой степени стали интересны участвовавшим в них политикам. Это, конечно, не значит, что они нам помогли чем-то или вместе с нами что-то сделали, они просто использовали наши материалы в своей предвыборной агитации. Это, без сомнения, не есть выбор ими такой стратегии — наши наработки были использованы ими в их же

корыстных целях. Но других материалов у них просто не было — наша брошюра в сравнении с другими экологическими материалами оказалась более понятной и доступной их избирателями. Взаимодействовать с властью сложно еще и потому, что члены НПО — люди более или менее постоянные, во властных структурах люди меняются каждые четыре года. Вот и сейчас, после выборов идет такое жесткое лоббирование интересов предпринимателей, что еще труднее стало отстаивать наши интересы и ценности, их просто не понимают и не придают им значения. Даже экологическую комиссию не создают — она им не нужна. Так что с каждой новой властью приходится работать по-новому, опять выстраивая необходимые контакты и способы взаимодействия.

Вывод такой: взаимодействие секторов, которое нам сейчас активно предлагают фонды, сможет оказаться реальным лишь тогда, когда наш сектор усилится. Пока же мы слабы, так что сейчас нам не стоит сосредотачиваться на взаимодействии секторов, но направить свою активность на усиление своего родного. В этом плане наш проект МПД был очень важен.

А вот действительно с нами готовы сотрудничать и прежде сотрудничали организации, занятые благоустройством города. Вот и сейчас они готовы дальше работать с нами по развитию и реализации разработанной нами стратегии.

Относительно содержания нашей МПД. Наверное, мы сами еще не до конца поняли, что она такое, наша стратегия, и что она должна содержать. Думаю, что наше понимание будет меняться и развиваться в соответствии с теми событиями, которые происходят сейчас и будут происходить в будущем. Но на текущий момент мы видим это так, как изложили в документе. Это некий набор мер, направлений, действий, которые необходимо осуществить в комплексе. Лучшие видят это так, чем не видят никак.

Последствия нашей деятельности есть уже сейчас, но, думаю, что они проявятся и сказываться еще и в будущем.

И последний вопрос: зачем нам нужна была ЭкоСоциология и Миллеконтракт. Я бы сказал, что вы для нас тот микроб, который заражает нас актуальными идеями. Они и в нас самих вызревали, но без толчка извне, мы их не формулировали и тем более не осуществляли. Так что вы — наши «будители».

Валерий Гусев, Пестово

Вы просили покритиковать, я с этого и начну. Два с половиной года мы работаем, пять разных регионов участвуют в проекте, а общения регулярного между нами так и не было. Были, конечно, встречи — четыре, сейчас — пятая, но сами мы друг с другом особо

не взаимодействовали. Почему? Потому что проблемы, возникшие в каждом из регионов в ходе осуществления проекта, оказались разными. А разными они оказались потому, что масштаб объектов был разный — где-то областные центры, а где-то маленький район. Мне кажется, что подбор участников проекта был не совсем верен. Если бы были выбраны равнозначные районы (например, все типа Пестовского — в глубинке и экономически не очень сильные), то там и проблемы были бы одинаковые, и можно было бы всем вместе заинтересованно их обсуждать и находить нужные решения.

Тогда бы и стратегии оказались сравнимыми. А так, я только от рязанской команды слышу, что с властью не очень-то удастся сотрудничать. А у меня глубокое убеждение, что везде в нашей стране это пока невозможно. В некоторых городах для разработки стратегии избраны те направления деятельности, которые и для власти важны, а потому неконфликтны. В результате там удастся вступить в отношения кооперации.

Может быть, мы в Пестовском районе проявили некий максимализм, но мы попытались выявить главные, большие проблемы и независимо от того, удобно ли их поднимать, задевает это власть или нет. Поэтому у нас отношения с властью были гораздо сложнее. В действительности, это логично. Ведь чем крупнее город, тем больше дистанция между НПО и властью. Если, например, в Москве отдельный москвич что-то скажет, то этого не услышит никто. Но если в маленькой деревне любая старушка что-то произнесет, чем-то будет недовольна, то ее придется слушать, потому что ее мнение дойдет до всех. Видимо, и нам это следовало учесть.

Вот тут Михаил сказал, что надо сначала усилить НПО, а уж потом пытаться вступать в сотрудничество с властью. Мы пошли другим путем: не усиливать отдельную организацию а попытаться объединить все местные НПО, чтобы консолидировать общественное мнение и усилить его звучание. Так получилось, что у нас общественные организации не сотрудничали друг с другом. С Союзом предпринимателей мы долго искали общий язык, с Советом ветеранов практически не общались, с обществами инвалидов и другими тоже связи не было, наши робкие попытки найти точки взаимодействия с творческими кругами (художниками, поэтами) также были безуспешными. Я думаю, что издание стратегии и многочисленные публикации о проекте сыграли в процессе налаживания контактов положительную роль. Мы с Союзом предпринимателей попытались собрать всех, несмотря на то, что личные отношения у нас сложные. Тут у меня есть протокольчик (я его специально взял с собой, мы гордимся им как важным достижением) нашего первого совместного заседания. И встреча прошла довольно плодотворно, и с положитель-

ными эмоциями все разошлись. Мы будем стараться и дальше объединять сначала хотя бы лидеров этих организаций. Тогда, возможно, и власть немножко по-другому будет себя вести.

Об информационной кампании. У нас в районе две газеты. Та, которая учреждена местной администрацией, как не печатала наших материалов, так и про проект ничего не публиковала. С газетой предпринимателей мы сначала долго искали общий язык, но когда его нашли, то опубликовано было очень много наших материалов. Значимым способом распространения информации стали наши беседы с детьми и взрослыми в школах. Живое слово лучше доходит до людей. Я столкнулся на своей работе (а это организация, в которой работает человек тридцать-сорок) с таким фактом: на столе лежит газета «Пестовская правда», но никто не знает, что в ней написано — никто не читал.

Относительно разработанной нами МПД. Действительно, так получилось, что собственно стратегия занимает гораздо меньшее место, чем описание современного состояния района. Но ведь вопрос то как перед нами был поставлен: издание этой книжечки — это не единственная цель, главное — чтобы в ее составлении приняли участие как можно больше жителей Пестово. А как только мы стали привлекать всех, кого смогли, материала набрали очень много. А потом оказалось, что почти все время на это и ушло. С другой стороны, может быть, это не так уж и плохо, потому что то, что написано на последних страницах, можно было бы написать, не проводя никакого сбора данных, но тогда никто не чувствовал бы себя причастным к этому документу.

Валерий Колесников, Пестово

У нас в районе ежегодно создается концепция развития района на следующий год. И вот мы изучили их за последние четыре года, и оказалось, что они практически не меняются. Все пункты благополучно перекочевывают из одной в другую почти без изменений. Из этого можно сделать вывод о том, нужна ли была наша стратегия, которая резко отличается от административной. На наш взгляд, ответ однозначный — да.

Теперь по поводу того, как ее реализовать и к чему это должно привести. Если мы действительно сможем усилить влияние общественности на власть, то ситуация изменится. Если раньше и сейчас глава администрации сосредоточил в своих руках всю полноту властных полномочий, то в будущем должно состояться реальное разделение функций — исполнительных, законодательных, а также должно учитываться мнение общественности. Роли депутатов и председателя гордумы должны стать весомей, именно они будут разрабаты-

вать стратегии развития. В октябре у нас состоятся выборы, и я предложил выступить на них общими усилиями, чтобы выдвинуть деятельных и авторитетных людей, которые живут рядом с нами. Если мы коллективом пройдем в думу, то можно будет ожидать реальных перемен. И тут очень важно, что мы приняли решение о ежемесячных встречах представителей НПО. Ведь если не будет активных общественных организаций, то никакого необходимого развития или перемен не будет. Ведь почему власти не идут на контакт с общественностью? Они боятся выдвигения конкретных требований и контроля со стороны НПО за их удовлетворением. А часто многие общественные организации могут сделать сами даже лучше, чем власти. И МПД, на мой взгляд, тоже может включать в себя спорные компоненты. Просто для достижения согласия в этих случаях потребуется много времени. Но компромисс может и должен быть достигнут. На нашем примере мы доказали, что поначалу пестовские бизнесмены и экологи никак не могли найти общий язык, но со временем это получилось и оказалось, что у нас есть точки соприкосновения, позволяющие сотрудничать в реализации своих планов.

Александр Онищенко, Брянск — Новозыбков

На мой взгляд, стратегия тогда будет общей, единой для всех, когда все социальные группы местного сообщества с ней согласятся. А если кто-то с разработанной стратегией не согласен, то это уже не МПД, а стратегия действий какой-то группы или нескольких групп — не больше того.

О проекте. Мы вписались в стратегию бассейна Днепра. Именно поэтому нам так важно было участие в данном проекте — ведь это освоение практики стратегического планирования. И когда мы начали работать, то увидели, как МПД вписывается в стратегию сохранения Днепра, и, наоборот, стратегия по Днепру многое может предложить для местного развития.

Этот проект оказался для нас одним из самых крупных и важных, хотя наша организация уже много их выполнила. Основной вывод, который мы сделали: разрабатывать такую программу развития для муниципалитета — это само по себе очень и очень сложное дело. Но сложность заключается еще и в том, что созданная нами стратегия будет в будущем постоянно дополняться, перерабатываться, потому что даже каждый выполненный нами шаг будет давать свои результаты и менять ситуацию. А у нас и в стране-то ситуация очень быстро меняется. А в оценке проделанного надо будет от чего-то отталкиваться. И такой отправной точкой теперь станет результат, который мы получили в ходе выполнения данного проекта.

Очень мощным было у нас участие специалистов городской администрации и различных общественных организаций. В итоге в нашей стратегии обозначены основные направления, по которым надо дальше работать, составляя уже более конкретные планы действий. Кроме того, нам удалось определить, какие средства в ближайшие 7-10 лет окажутся в распоряжении города для реализации стратегии. Мы провели ряд встреч с региональными властями, с представителями федеральной целевой программы по экологии, в ее рамках нам предложили создать центр, в ведении которого будет разрешение проблем городов России.

Виталий Харкевич, Новозыбков

У нас в городе складываются хорошие отношения с властями. И вот почему. Это только временщик может себе позволить сделать что-то, а потом — трава не расти. Я думаю, что настоящий хозяин должен знать свой город, людей, которые в нем живут, учитывать их интересы. Если заниматься только развитием промышленности и не обращать внимания на экологические проблемы, то рано или поздно дело пойдет в тупик. И наше руководство это понимает, что нам очень помогало в реализации проекта. И те СМИ, которыми я руководжу — телевидение, радио, газета, в полной мере информировали население о происходящем. Итогом стала теледискуссия, посвященная стратегии развития города. Надо сказать, что хотя новозыбковское телевидение существует уже более десяти лет, такая форма ток-шоу была для нас новой. Конечно, мы видим такие передачи на центральных каналах, но это совсем другое. Там выступают люди, которых мы лично не знаем. В нашем случае свободно обсуждались известные всем проблемы известными всем людьми. Мы опасались того, что люди будут волноваться, почувствуют себя скованными перед телеобъективом, но получился живой диалог. И даже те люди, которые находились в оппозиции к администрации, были удивлены тем, что они смогли высказать все, что хотели, и что во время дискуссии не прозвучало ничего такого, что нужно было бы критиковать.

Анализ результатов проекта самими его участниками привел к следующим выводам. Первое и, пожалуй, самое важное то, что все пять команд не просто разработали стратегию, но в ходе своих действий в большой степени смогли оказать влияние на реальные управленческие практики. Они внесли в них изменения, направленные не только на экологизацию принимаемых решений, но и на создание механизмов участия населения и неправительственных организаций в самом процессе принятия решений, включающие принцип «двойного инфор-

мирования» (населения и власти) и принцип «взаимодействия в проектировании», о которых писала Т.М. Дридзе.²⁹

В ходе взаимодействия различные социальные группы смогли осознать, сформулировать и транслировать местному сообществу и власти свои собственные интересы.

Были не только выявлены, но и достигли стадии своего разрешения многие конфликтные ситуации, до той поры протекавшие латентно, а потому и без действий, направленных на снятие социальной напряженности. Благодаря этому определились позиции тех, кто прежде не видел своих интересов в тех или иных ситуациях, что позволило прояснить расстановку социальных сил по многим вопросам.

Возникли новые социальные связи, поскольку представители разных социальных слоев и структур в ходе взаимодействия смогли лучше узнать установки, потребности и возможности друг друга. Возникли новые социальные практики и новые объединения социальных акторов.

Проект помог предоставить большую (хотя она все еще недостаточна) информацию о деятельности НПО и сделать более широкой их известность среди местного сообщества.

Изучение данного конкретного случая позволило проверить ряд теоретических подходов современных социологов.

Выявленные устойчивые социальные практики, появившиеся благодаря инициативам местных сообществ, можно трактовать, опираясь на положения Т.И. Заславской, как институты, поскольку они ведут к возникновению новых норм, союзов и даже официальных договоров и других регламентирующих социальную и управленческую деятельность документов, что соответствует институтам и с точки зрения теории неoinституционализма.³⁰

Анализ полученных данных подтвердил наличие активных субъектов социального действия, отстаивающих, согласно А. Турену, свои интересы в современных условиях. Более того, их влияние необходимо (и осуществляется) для формирования демократических институтов социального управления. Данные убеждают в том, что процесс субъективации может развиваться только в том случае, если имеет место «достаточный контакт между миром инструментальности и миром идентичности». Действительно, взаимодействие общественных объединений местного сообщества («мир идентичности») с составляю-

²⁹ Дридзе Т.М. Социальное управление и социальная коммуникация на рубеже XXI века: к преодолению парадигмального кризиса в социологии // В контексте конфликтологии: проблемы коммуникации и управленческого консультирования. — М.: ИС РАН, 1999. — Вып. 2.

³⁰ Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. — М.: Наука, 2004. — С. 113.

щими системы местного управления («мир инструментальности») вызвал к жизни конкретные формы сотрудничества различных социальных групп, направленные на вполне определенные и согласованные цели. В результате коллективные действия преобразуются в ту силу, которая, по словам А. Турена, защищает права индивидуума и позволяет субъекту выжить.³¹

Исследование показало, что процесс осуществления социального управления (в нашем случае — это целенаправленные коллективные действия власти и сообщества) «отражает специфику общества, взаимосвязь отношений необходимости и свободы, возможности человека как сознательного существа активно влиять на действительность и изменять ее в соответствии со своими целями, идеалами».³²

В целом, само выполнение представленного в статье проекта подтверждает жизнеспособность выдвинутой Т.М. Дридзе концепции «социального участия», которое «строится на методах перманентной коммуникации с людьми и представляющими их интересы экспертами на всех этапах разработки и реализации любых программ развития территорий и организаций».³³

РЕАКЦИЯ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ НА ПРОНИКНОВЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ЛОКАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Расхожий довод в пользу глобализации: это естественный процесс, и бороться с ним — все равно что сражаться со стихией. Споры нет, любое природное явление естественно и закономерно, точно так же как и любой социальный и политический процесс. В обществе тоже ничего искусственного произойти не может: даже для того, чтобы спровоцировать чьи бы то ни было и какие бы то ни было действия, необходимы определенные условия — социальные, экономические или политические, чтобы провокация легла на «удобренную почву». Из этого следует, что естественными являются и глобализация, и выступления против нее. Кто прав, кто виноват, выяснять непродуктивно. Понять следует, откуда взялось это противостояние, какие интересы движут сторонниками оппозиционирующих друг другу процессов и почему их интересы противоположны.

Предметом анализа в данной статье является проникновение глобализации на местный уровень (то есть интродукция глобализации — появление в таких местах, где ее прежде не было) и вызванные этим экополитические конфликты. Имеются в виду попытки размещения предприятий ТНК или иная форма их активности в российской глубинке (в районах, районных центрах, других населенных пунктах) и реакция на это представителей местных сообществ (чаще всего в лице экологических неправительственных организаций и их сторонников) и/или общероссийских социальных движений. Внимание фокусируется на ситуациях, в которых такая форма глобализации встречает негативное отношение вышеназванных социальных акторов, вступающих в конфликтное взаимодействие с теми, кто одобряет, поддерживает, согласовывает и реализует подобные проекты. Со всем этим следует разобраться, дабы не оказалось неожиданным, что «под тонким слоем пены глобальных символов, ярлыков и услуг кипит котел неизвестности, которая нас не слишком интересует и о которой нам, в общем, нечего сказать»³⁴.

По нашему мнению, это «движение сопротивления» опирается на новую гражданскую идентичность: «я — гражданин своей малой родины». Вследствие имобильности основной части населения страны, многие люди осознают себя, свою жизнь и жизни последующих поко-

³¹ Турен А. Способны ли мы жить вместе? Равные или различные // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. — М.: Academia, 1999. — С. 473.

³² Голенкова З.Т., Акулич М.М., Кузнецов В.Н. Общая социология. — М.: Гардарики, 2005. — С. 234.

³³ Дридзе Т.М. Социальное управление и социальная коммуникация на рубеже XXI века: к преодолению парадигмального кризиса в социологии // В контексте конфликтологии: проблемы коммуникации и управленческого консультирования. — М.: ИС РАН, 1999. — Вып. 2. — С. 9.

³⁴ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. — М.: Весь мир, 2004.

лений неразрывно связанными с местом проживания — непосредственной средой обитания. Именно качество этой среды (всех ее составляющих — экономического положения и состояния социальной сферы, действующей системы управления и установившегося способа принятия решений, степени институционализации экологической политики и характеристики окружающей среды) полностью определяют сегодня уровень и образ жизни местных сообществ.

Эта локальная гражданская идентичность выкристаллизовывается в непосредственном столкновении активных членов местного сообщества с конкретными представителями международных финансовых и промышленных структур. Последние все чаще воспринимаются первыми как противники, поскольку привносимые ими инновации не всегда безболезненно вписываются в местный контекст, но локальный мир во многом начинает от этих инноваций зависеть. В результате, как справедливо заметил З. Бауман, «наши зависимости сегодня полностью глобальны, а наши действия, однако, как прежде, локальны»³⁵. Наличие очевидного оппонента актуализирует данную идентичность, а жизнеспособной она становится благодаря разнообразным ресурсам, имеющимся у ее носителей. В первую очередь, это политические и организационные ресурсы: способность к самоорганизации, объединению, осуществлению коллективных протестных действий; возможности ведения диалога с субъектами власти и другими социальными акторами, участия в процессе принятия решений; поддержка со стороны местного сообщества и доступ к средствам массовой коммуникации и информации.

Хотя главными загрязнителями окружающей среды, по мнению отечественных неправительственных экологических организаций (основного исследуемого нами актора), выступают российские предприятия, в действительности российскими их можно назвать только в соответствии с демонстрируемым имиджем. Капитал у многих из них международный: большинство крупнейших ресурсодобывающих и ресурсоперерабатывающих (нефтяных, металлургических и т.п.) предприятий России уже являются транснациональными корпорациями. Национальность и гражданство предпринимателей на современном этапе практически перестают играть роль. Тем не менее, в данной работе рассматриваются протестные выступления экологических неправительственных организаций (экоНПО) как прямые формы протеста против проникновения глобализации на местном уровне именно против деятельности иностранных, а скорее совместных предприятий. Главная задача — в ходе анализа конфликтных ситуаций обнаружить признаки появления новой гражданской идентичности, выявить те социальные группы или слои населения, которые являются ее носите-

³⁵ Бауман З. Индивидуализированное общество. — М.: Логос, 2002.

лями, определить роль политически ресурсных групп в процессе принятия экологически и социально значимых решений в российских локальностях.

Исследование проводилось в 2000-2004 годах в восьми регионах России. Основными методами сбора данных были анкетирование (всего собрано и обработано 1546 анкет, из них 800 получены методом телефонного опроса в двух районах Москвы, 756 — путем анкетирования в форме структурированного интервью жителей поселка Пяозеро), глубинные интервью с представителями конфликтующих сторон (20 интервью в каждом регионе), изучение пяти конкретных случаев (case study), а также включенное наблюдение, осуществлявшееся автором в пяти городах России в качестве участника проекта «Местная повестка дня на XXI век в России».

ОСНОВНЫЕ ЗАПАДНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЙ

При всем многообразии определений глобализации, мы будем опираться на одно из самых общих, которое представляется наиболее адекватным заявленной теме: «Глобализация — это процесс, при котором географические ограничения, налагаемые на социальные и культурные установления, отступают и в ходе которого люди все более осознают, что эти ограничения отступают»³⁶.

Попытки социологов осмыслить процесс глобализации начались в конце 1980-х годов и оказались столь же противоречивыми и конфликтными, как и предмет их исследований. Концепции глобализации фактически разделили научное сообщество на глобалистов и антиглобалистов, причем требования научной объективности не принимались в расчет. Дело в том, что все эти концепции либо содержат в себе определенную оценку глобализации и ее последствий, либо дают научно обоснованную базу для такой оценки. Анализ влияния глобализации на национальные государства, местные сообщества и экологическое состояние окружающей их среды сопровождается особо острыми дебатами. Но не менее жаркие дискуссии вызвала интерпретация самого процесса. Она необходима для того, чтобы выделить глобализацию из других социальных и экономических явлений, а уж затем искать причины ее существования и внутренние механизмы развития.

Интерпретация во многом зависит от выбора позиции наблюдения, позволяющей очертить границы изучаемого явления в современном мире, рассмотреть его форму. К настоящему времени в западной со-

³⁶ Waters M. Globalization. — L.: Routledge, 1995.

циологии сложились три основных направления исследования глобализации, исходящие из разных «точек отсчета»: концепция сетей и потоков, основанная на взгляде «сверху», «извне», через анализ глобализации как деятельности социальных групп; подход, рассматривающий явление с уровня, на котором осуществляется деятельность этих социальных групп; рассмотрение «снизу», отталкиваясь от происходящего в местных сообществах.

Сети и потоки: глобализация без актора

Исследователи пытаются выяснить, является ли глобализация простым изменением масштаба уже существующих процессов (например, капиталистической торговли, сущность которой не изменилась со времен Ганзейского союза), или мы имеем дело с качественно иным этапом их развития, с чем-то доселе неизвестным. Представления о глобализации как о совершенно новом явлении изложены в работах М. Кастельса и Дж. Юри³⁷. Авторы интерпретируют его как процесс циркуляции людей, денег, ресурсов, идей, информации и пр. Это движение характеризуется возрастающей скоростью и предполагает растущую открытость национальных границ.

По мнению ученых, глобализация разрушила иерархию, существовавшую в колониальном и раннем постколониальном мире, в соответствии с которой рабочая сила и природные ресурсы двигались в центр, метрополии, а капитал — в обратном направлении. Движение потоков теперь осуществляется по сетям связей, где систематически не доминирует никакая сила. Исчезает неравенство, так как его не существует между ячейками и узлами сети. Все социальные различия сводятся к одному-единственному — «включенности/выключенности» индивида, социальной группы или сообщества относительно потока (или сети). Те, кто включен или, по крайней мере, близок к потоку или узлу сети, получают доступ ко всем благам, связанным с движением вещей и информации. Те, кто не включен, такого доступа не имеют (чем дальше от потока, тем беднее индивиды, сообщества и государства).

Глобализация предстает абсолютно новым явлением не только потому, что ликвидирует (или, скорее, упрощает) социальное неравенство, но и потому, что фактически «ликвидирует» человека (социальную группу) как главное действующее лицо в происходящих про-

³⁷ Castels M. The Rise of the Network Society. L., 1996. Theorization // Public Culture. — 2000. — № 12 (1). P. 215-232; Rosenau J.N. Global Environmental Governance: Delicate Balances. Subtle Nuances, and Multiple Challenges // International Governance on Environmental Issues. — Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997. — P. 19-56; Urry J. Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century. — New York: Routledge, 2000.

цессах — как социального актора. Потоки движутся не в чьих-либо интересах, не в результате чьих-либо действий, а сами по себе, даже если те, кто их когда-то запустил, руководствовались соответствующими интересами. Люди лишь обслуживают, регулируют (но не формируют, не направляют или изменяют) движение, заданное, по сути, автоматически, механизмом. Они более не акторы, они лишь агенты, выполняющие заданную потоком функцию. Существует глобальное управление, которое часто сравнивается с компьютерным; в его основе лежат коммуникация и контроль, обеспечение всей системы правилами и стандартами. Глобальное управление осуществляется автоматически и не связано с чьими-либо интересами³⁸.

Теории потоков рассматривают глобализацию с «высоты птичьего полета», и данная наблюдательная позиция обусловила оценку соотношения глобального и локального. Любая локальность, любое местное сообщество и окружающая его среда являются только узлом сети. По утверждению М. Кастельса, местный уровень потерял смысл. Экономические, социальные, экологические и прочие проблемы стали глобальными и не могут решаться местным сообществом или национальным государством.

Социально-экологическая интерпретация глобализации как потоков, основанная на концепции М. Кастельса и Дж. Юри, в трудах их последователей становится даже более механистичной, так как движение природных ресурсов, сырья, отходов рассматривается практически с инженерно-технической точки зрения. Государственные экологические организации, местные эконоНПО или глобальное гражданское общество должны обслуживать эти потоки таким образом, чтобы минимизировать наносимый ущерб³⁹.

Глобализация как социальное действие

Ряд социологов (С. Сассен, Ф. Мак-Михаэль и др.) полагают, что описанная выше теория не дает удовлетворительного объяснения многим социальным и социально-экологическим явлениям, поскольку оперирует «безлюдными» потоками и сетями, предельно упрощая социальные различия. Взгляд сверху просто не позволяет заметить социальные взаимодействия, происходящие внутри потоков.

³⁸ Mol A. P.J., Spaargaren G. Towards a sociology of environmental flows. A new agenda for 21st century environmental sociology. Presentation at the conference: «Governing Environmental Flows; Re-inventing the State in Global Modernity», Wageningen, The Netherlands, 13-14 June 2003.

³⁹ Sassen S. Spatialities and Temporalities of the Global: Elements for a Theorization // Public Culture. — 2000. — № 12 (1). — P. 215-232.

В качестве альтернативы эти ученые интерпретируют глобализацию как процесс, основанный на социальном действии и осуществляющийся в интересах могущественных экономических акторов (компаний, наднациональных финансовых организаций), которые заменили проект развития бедных стран неолиберальным проектом их включения в глобальную сеть международной торговли. Именно в связи с последним протекционистские барьеры (например, высокие пошлины на импорт), призванные защитить национальную экономику, устраняются, а внутренняя национальная политика должна обеспечивать свободу иностранных инвестиций и подчиняться международному финансовому регулированию. Все это происходит не в автоматической системе, в которой люди играют роль обслуживающего персонала, а в процессе столкновения и взаимодействия интересов, принятия решений, разработки и осуществления соответствующей стратегии. Национальное государство при этом не исчезает. Оно продолжает действовать на глобальном и местном уровнях и активно влияет на глобализацию, играя существенную роль в формировании глобальной политики⁴⁰.

Взгляд снизу: проекты обустройства местной жизни

Наконец, третья группа исследователей (А. Цинг, А. Гупта, Ж. Жилле и др.) предлагает взглянуть на глобализацию с местного уровня. Многие из этих авторов представляют бывшие социалистические или развивающиеся страны и на практике столкнулись с последствиями глобализации и глобального «проэкологического» управления.

В сетевой теории М. Кастельса смысл понятия «место» испарился, хотя невозможно утверждать, что «испарилось» само местное сообщество. Исчезновение смысла обусловлено тем, что степень развития местного сообщества стала определяться глобальными явлениями, а теория потоков не фиксирует последствия этих процессов, поскольку рассматривает локальность только как узел сети.

Как показали исследования, социальные и экологические результаты глобального управления на местном уровне могут быть катастрофическими для «места». Например, Всемирный банк осуществляет свои экологические проекты в Лаосе и Вьетнаме на основе весьма кратких (несколько дней) консультаций с экспертами. Территория страны делится на рисоводческую и рыболовную, затем строятся дамбы, реализуются другие проекты, которые полностью разрушают местные

⁴⁰ McMichael Ph. Globalization: Myths and Realities // Rural Sociology. — 1996. — № 61 (1). — P. 25-55; Tsing A. The Global Situation // Cultural Anthropology. — 2000. — № 15 (3). — P. 327-360.

сельскохозяйственные и экологические системы, равно как и сложившийся уклад жизни⁴¹.

Венгерский исследователь Ж. Жилле показывает, что вступление Венгрии в Европейское сообщество (а это может быть интерпретировано как подключение к глобальным потокам) и адаптация местных сообществ к европейским стандартам ведут к экологической деградации природной среды, потере социальной и культурной самобытности. Так, чтобы привести производство яблок в соответствие со стандартами Евросоюза, Венгрия заменила разнообразные сорта, выращивавшиеся традиционно в одном из регионов страны, на западные культуры — с коротким жизненным циклом и высокой продуктивностью. Это не только привело к экологической катастрофе (новые культуры истощают почву и требуют применения большого количества пестицидов), но и изменило социальные связи региона с миром, разрушило традиционную социальную структуру местного сообщества.

С точки зрения Жилле, глобальная экологическая политика сильно формализована, строится на крайне схематизированном регулировании. На местном уровне она стремится дискредитировать и вытеснить экополитику неформальную, основанную на неписаных правилах, традициях или накопленных в данной местности знаниях⁴².

Социологи, выбравшие местный уровень в качестве наблюдательной позиции, призывают коллег не фетишизировать глобализацию, не считать ее приоритетным уровнем для анализа и рассматривать потоки в локальном контексте, сделать главным отправным пунктом анализа локальность, «место». Такая позиция позволит не упустить разрушительные последствия глобализации и на основе их анализа разрабатывать проекты местного развития⁴³.

В тех общесоциологических исследованиях, где уделяется внимание и социально-экологическим проблемам, глобализация рассматривается в основном как фактор, ведущий к ухудшению состояния окружающей среды и появлению озабоченности общества в связи с этим. Большинство авторитетнейших социологов современности, среди которых Э. Гидденс⁴⁴, У. Бек⁴⁵, З. Бауман⁴⁶, И. Валлерстайн⁴⁷ сходятся в том, что экологические последствия глобализации весьма опасны. Особое внимание в таких работах уделяется взаимоотношению глобаль-

⁴¹ Gille Z., O'Riain S. Global Ethnography // Annual Review of Sociology. — 2002. — № 28. — P. 271-295.

⁴² Ibid.

⁴³ Giddens A. The Consequences of Modernity. — Cambridge: Polity Press, 1996.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.

⁴⁶ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. — М.: Весь мир, 2004.

⁴⁷ Валлерстайн И. После либерализма. — М.: Эдиториал УРСС, 2003.

ного и локального. З. Бауман утверждает, что это «две разные модели жизненного опыта, предполагающие и наличие двух резко отличающихся взглядов на мир, на его недуги и способы излечить эти недуги». С одной стороны, существует идеология, формулируемая теми, кто говорит от имени глобалистов. С другой стороны, предупреждает З. Бауман, нельзя забывать и о действиях местных или насильственно локализованных, точнее — тех из них, кто пытается, и все с большим успехом, подставить свои политические паруса ветрам гнева... Возникающее в результате столкновение нисколько не способствует преодолению раскола, а, наоборот, только углубляет его».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ: ПОЗИЦИИ В ОТНОШЕНИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Когда в 80-е годы прошлого века были подняты глобальные проблемы современности (состояние окружающей среды, нарушение прав человека, низкий уровень развития демократии, бедность и даже голод в странах третьего мира), это было близко и понятно всем людям, по крайней мере, большинству. Чуть позднее перечисленные проблемы справедливо были названы глобальными вызовами, которые настойчиво требовали ответа. Эти вызовы объединили людей из разных стран, социальных групп, организаций и движений. Казалось, что спасение — в преодолении различий и противоречий, вызванных существованием двух противоборствующих систем — советской и западной. Люди — граждане всех стран — в большей или меньшей степени, подчас с настороженностью, но открывались друг другу. И естественным стал процесс познания, узнавания и единения сообществ двух миров.

Поэтому возникший в это время термин «глобализация» (обозначивший, как казалось, этот процесс единения) не был принят в штыки. Однако очень скоро выяснилось, что все не так просто. Во-первых, неоднозначным оказалось единение. Международная политика «дружбы семьями» постепенно затухала, пока не стала совсем незаметной. Зато ярко проявилась тенденция к глобальному, то есть беспредельному, объединению капитала и его проникновению во все страны в виде транснациональных корпораций и мировых экономических структур — ВТО, Всемирного банка, ЕБРР и т.п. Стало очевидным, что сильные мира сего, действуя в едином направлении, оказываются включенными в процесс глобализации. И это могло бы стать полезным для человечества в целом.

Но далеко не всегда удовлетворение интересов «сильных» способствует разрешению проблем «слабых». В случае с глобализацией «сла-

быми» оказались не только бедные слои населения мира, но и западающие в экономическом развитии страны, и общества, живущие в условиях тоталитарных, посттоталитарных, авторитарных режимов или только начавшие движение в сторону демократии. К ним относятся и страны со слабо развитой инфраструктурой — не соответствующей западным образцам благоустройства непосредственной средой обитания граждан. И большинство локальных сообществ, если в местах их проживания еще нет крупных, экономически мощных международных структур. И территории, где сохранилась живая природа, не слишком сильно измененная вмешательством человека. И страны, поддерживающие свою экономику почти исключительно за счет эксплуатации собственных природных ресурсов. Причем перед такими странами, хотя они и плотно «встроены» в процесс глобализации, постоянно стоит вопрос, как будут развиваться события, когда ресурсы закончатся.

Таким образом, значительная часть мира остается вне глобализационных потоков, то есть не получает от процесса мировой интеграции ресурсов, необходимых для их поступательного развития.

Но глобализационные процессы разворачиваются не только в сфере финансов и крупного бизнеса. Создаются международные объединения неправительственных организаций, и число их растет. Важно выяснить, чьи интересы они будут представлять: станут ли выступать за разрешение проблем тех, кого мы назвали в числе «слабых», или скорректируют свою деятельность в соответствии с политикой «сильных»?

Объединяются профсоюзы, декларируя борьбу за глобализацию «с человеческим лицом». Но возможно ли такое, по крайней мере, в современных условиях? Процесс глобализации капитала заставил объединиться — сначала стихийно — и выступить с протестными акциями тех, кого сегодня называют антиглобалистами и в большинстве СМИ обвиняют в бесчинствах и насильственных или разбойных действиях. На определенном этапе (особенно после 11 сентября 2001 года) антиглобалисты начали серьезно размышлять и обсуждать, кем они являются, какие ценности отстаивают и почему. С этого времени их единение стало обретать ценностный и политический характер — это уже идейное, преследующее определенные цели движение, осуществляющее политику «другими средствами» (как определяли активность социальных движений социологи 1970–1980-х годов). Сегодня это движение называет себя альтернативным.

Рассмотрим позиции лидеров общероссийских движений (выявленные нами в глубинных интервью), входящих в международные объединения. Эти деятели существенно влияют на установки неправительственных организаций на местах, поддерживают их протестные действия, а подчас сами их инициируют.

В первую очередь обратимся к мнению двух лидеров российского антиглобалистского движения, один из которых также участник радикального экологического движения «Хранители радуги». Оба они считают, что *«глобализация — это просто иной термин, по сути обозначающий все тот же «неолиберализм», который представляет собой ничто иное, как идеологию, политику, экономический курс современных западных стран и экономическую систему, которая опирается на эту идеологию и реализует этот курс»*. Отсюда следует, что есть авторы такого курса, есть действующие лица, определенные силы, осуществляющие эту политику, то есть *«присутствует конкретный объект противостояния, ненависти или одобрения, согласия или несогласия»*. Таким образом, по мнению респондентов, глобализация представляет собой некоторую политику, которую можно остановить или противопоставить ей другую; существуют и агенты этой политики, с которыми можно бороться. Утверждение о том, что это явление, которое происходит естественным образом, никто не виноват в его возникновении и не несет за это ответственности, что это процесс неуправляемый и необратимый, респонденты рассматривают как попытку скрыть правду и тем самым избежать социального противостояния. Одной из основных проблем в области охраны окружающей среды они называют *«нежелание многих корпораций идти даже на небольшие уступки экологическим движениям, если это снижает их прибыль»*. А противостоять этому, с их точки зрения, может только гражданское общество, поддерживаемое национальным государством. Лидеры-антиглобалисты считают, что национальное государство — такая политическая система, в рамках которой осуществляется представительная демократия, призванная учитывать мнения своих граждан. Демократическое государство невозможно без демократической организации всего общества, начиная с местного уровня. Однако *«демократия и социальные гарантии вообще начали тяготить элиту, — утверждают респонденты. — Если раньше она в них видела противовес коммунистической угрозе, то теперь — лишь пустую трату средств. Западные демократии научились манипулировать гражданским обществом через подконтрольные «неправительственные организации», маргинализируя тех, кого не удалось подчинить»*. В результате этих процессов и возникло антиглобалистское движение как *«осознание большим количеством людей, с разным политическим и культурным прошлым, пришедших с разных сторон, общей и уже глобальной опасности»*. И потому задача антиглобалистов состоит не в том, чтобы свергнуть что-то, а в том, *«чтобы выработать альтернативы и создавать такие общественные движения, силы гражданского общества, которые в условиях кризиса смогут вмешаться и осуществить реконструкцию, не допустив стихийного развала»*.

Эта позиция, бескомпромиссно обличающая негативный характер последствий глобализации, необходимость ей противостоять и практически строить альтернативное сообщество, лежит в основе действий, предпринимаемых движением «Хранители радуги». Борьба его участников против деятельности ТНК в Касимове является одним из конкретных случаев, анализируемых в этой статье. Таким образом, перед нами представители той части российского общества, которая категорически отказывается вписываться в глобальные потоки.

Среди организаций экологического движения есть такие, от которых логично ожидать прямо противоположной точки зрения, уже потому, что они-то изначально оказались встроенными в эти потоки и соответствующим образом воспринимаются представителями мирового капитала. Прежде всего, к ним относятся работающие в России подразделения международных организаций. Среди них, например, Всемирный фонд охраны дикой природы (WWF). Директор его российского отделения в своей оценке последствий глобализации представил очень близкую вышеизложенной оценку влияния глобализационных процессов на развитие демократии: *«Сказать однозначно, позитивное это явление или негативное, нельзя. С одной стороны, это не навязанный кем-то процесс, а естественная эволюция мирового сообщества. С другой стороны, нас этот процесс сильно волнует. На примере своей страны мы наблюдаем, что фактически исчезает роль демократических институтов, роль выборных органов власти. Любая власть имеет лицо, которое остается потом в истории. Лицо нынешней российской власти — с каким-то флюсом, перекошено в сторону бизнеса. Неинтересно и неважно государству ни мнение граждан, ни мнение общества, а интересно только, чтобы развивался бизнес»*. Однако, как утверждает респондент, это не только российское явление, то же самое происходит и на международной арене. Например, в состав делегации США, участвовавшей в работе по подготовке саммита в Йоханесбурге, в качестве представителей НПО были включены «Ассоциация угледобытчиков Северо-Востока», «Ассоциация добытчиков нефти Мексиканского залива». Но никакие экологи, никакие социальные организации на самом деле представлены не были. Тогда (во время подготовки и проведения саммита) неправительственные организации осознали, что политическая реальность изменилась.

И тем не менее, респондент полагает, что *«правительство и государство, выборный президент и парламент — это и есть те проявления демократии, через которые общество могло бы влиять на процесс глобализации, но это влияние оказывается совершенно недостаточным, неадекватным ситуации...»*. Проблема, по его мнению, в следующем: *«в то время как бизнес достаточно глобализован, межправительственные отношения остаются слабыми: они*

очень отстали от развития глобальной экономики, глобальных финансов и т.д.». В институтах представительства интересов национальных государств и соответствующих обществ, не говоря уж о неправительственных организациях, отсутствуют необходимые механизмы контроля над глобализационными процессами. «Складывается ощущение, что в мире есть только одно международное соглашение — ВТО, а все остальное не должно ему противоречить. Тенденция такова: если какая-то конвенция вступает в противоречие с соглашением по ВТО, значит, ее положения должны быть изменены. Что, конечно же, неправильно». Но, полагая приоритетными демократическими институтами представительные органы власти, лидер WWF не может обойти тему необходимости влияния прямой демократии: «...я думаю, что правительства не будут эффективно работать, если народ, который их выбирает, не будет того требовать. Это главное. А сейчас не только у нас, но и в мире наблюдается социальная пассивность. В 90-е годы очень многое в мире делалось для охраны окружающей среды — правительствами, собственно, делалось. Многие поэтому и перестали оказывать поддержку НПО. Люди еще не прочувствовали перемену, не осознали, что власти стали ориентироваться в первую очередь на интересы бизнеса, а вовсе не на интересы общества. И это не только у нас, но и в Америке, и в значительной мере в Европе».

На вопрос о том, могут ли НПО оказывать влияние на деятельность ТНК, был получен развернутый ответ, из которого явствовало включенность многих (в первую очередь, международных) неправительственных организаций в глобальные сети. Во-первых, сами ТНК ищут контактов с соответствующими организациями, что заканчивается вхождением отдельных представителей НПО в состав менеджеров компаний: «Они [руководители ТНК] спрашивают у нас, кого бы им взять из наших коллег на должности, связанные с охраной окружающей среды в их компаниях. Например, прежний руководитель нефтяной программы российского Гринпис сейчас возглавляет отдел охраны окружающей среды в «Бритии петролеум» в России. И на Западе таких примеров немало. Скажем, сотрудником компании «Шелл» в рамках проекта «Сахалинская энергия» является один активных участников международного экологического движения. Примеров хватает». Во-вторых, крупные международные неправительственные организации могут оказывать давление на ТНК через осуществление кампаний, обращенных к потребителю: «Это хорошо работало, когда WWF, Гринпис и другие стали призывать потребителей и своих сторонников не покупать тропическую древесину. Тогда представители одной из крупнейших сетей розничной торговли в Англии «Би энд Кью» пришли в WWF и сказали: нам тоже не нравит-

ся, что тропических леса исчезают, давайте подумаем, что можно сделать. Так появился и существует уже более 10 лет Лесной попечительский совет и система добровольной сертификации лесопромышленности. Последняя стоит компаниям денег, но они платят, потому что взамен получают лучший доступ на рынок и конкурентные преимущества — считается, что их продукция произведена без урона для окружающей среды». Не удивительно, что подобные общественные организации, по свидетельству лидера российского WWF, ориентируются на крупные корпорации. Им «намного проще и эффективней работать с крупными транснациональными корпорациями, эдакими локомотивами глобализации, чем с мелкими местными компаниями, потому что последних этот имидж не интересует: у них маленькие обороты, а следовательно, и замкнутый рынок. С ними работать гораздо сложнее. То есть в этом отношении мы видим положительную сторону глобализации».

В качестве примера респондент приводит ситуацию на Дальнем Востоке. Там действуют две крупные компании — «Тернейлес» и «Дальлеспром — импортный лес», и WWF стремится улучшить то, «как они работают в лесу, то, как они вырубают древесину». «Нам, конечно, интересней, — утверждает далее представитель WWF, — чтобы такие компании, как «Тернейлес», расширили свою сферу деятельности, вытесняя эти спекулятивные, мелкие, в значительной степени криминальные структуры». Очевидно, что такая позиция, во-первых, ведет к поддержке международного капитала практически за счет мелкого российского бизнеса. Во-вторых, благодаря подобным действиям поддерживается монополизация, в данном случае в лесозаготовительной сфере. В-третьих, очень трудно поверить, что монопольное владение данным производственным сектором будет вести к снижению рубок или к экологически безопасной деятельности, основанной на императиве сохранения леса.

В отношении к местным сообществам представитель WWF также не усматривает причин для беспокойства, полагая, что все местные жители, «даже те, кто не работает на предприятии ТНК, живут от этой компании; они учат детей, обеспечивают снабжение в магазинах, либо что-то еще делают — строго говоря, там ничего другого и нет, конечно, люди рады, что компания есть, потому что она дает им работу». Таким образом, некоторые международные экологические структуры, присоединяясь к большинству сторонников глобализации, уверены, что «монополизация» жизни всего местного населения — явление позитивное и для всех благоприятное, и как будто не замечают, что она ведет к утрате рычагов влияния любых представителей местного сообщества, ставя их в полную зависимость от той или иной корпорации.

Однако, отвечая на вопрос об организации охраны живой природы и оздоровления окружающей среды, респондент снова обращается к теме полномочий местного населения и органов местного самоуправления. Он утверждает, что от них зависит многое (если не все): *«Что произошло, когда ликвидировали в 2000 году федеральный природоохранный орган? Проблемы-то никуда не делись, их указом не отменишь. Кто-то все равно должен ими заниматься, да и люди того требуют. И этим стали заниматься на уровне муниципальных образований. Все спущено в регионы, на места. Все, кроме полномочий и денег. И ничего — берут полномочия явочным порядком, находят способы. Мне нравится то, что не из Москвы указывают, что делать. В общем, муниципальное самоуправление многое может. Эта структура и создавалась снизу. Я думаю, что это и есть залог нашей будущей стабильности. Он не в том, что какие-то выборы происходят, а в том, что люди на местах начинают подниматься».*

Итак, оказывается, что местное сообщество, с одной стороны, экономически полностью зависит от ТНК, а с другой — должно вести себя независимо, думать самостоятельно, принимать верные решения и добиваться их выполнения. Противоречие в позиции деятеля, включенного в глобальные сети, очевидно. Но ситуацию он описал верно: действительно, в сфере охраны окружающей среды сегодня многое зависит именно от местных властей и настойчивости, с которой местное сообщество требует действий в этом направлении. Поэтому наличие столкновения экономических и экологических интересов внутри самого местного сообщества, противостояние культурных, моральных, нравственных и т.п. установок собственным экономическим интересам. Результат был бы однозначной победой экономической составляющей, если бы действительно оказывалось везде и всякий раз так, что все население или, по крайней мере, большая его часть были бы обеспечены высокими доходами благодаря наличию предприятий ТНК на местах. В этом случае задачей социолога стал бы поиск ответа на вопрос, как будет развиваться «экологическая составляющая» ситуации. Но пока в современной России такого в основном не происходит: лишь у некоторой части населения наблюдается рост материального благосостояния, большинство остается за бортом, становясь ресурсной группой (потенциально готовой к конфликтам) в противодействии антиэкологичной деятельности ТНК и отстаивании социальных интересов населения. Эти же люди представляют собой ресурсную группу для поддержания культурных установок, традиций, ценностей местного сообщества.

Неоднозначность оценки процесса глобализации, выявленная в предыдущем примере, еще более очевидна в интервью с российским лидером Гринпис. С одной стороны, эта организация, являясь, по сути, глобальной структурой, признает глобализацию неизбежной, а ее резуль-

таты — позитивно влияющими на экономическое развитие. С другой — она позиционирует себя как организацию радикальную, активно протестующую против экологических рисков и нарушений, даже если они возникают в процессе глобализации. В своем интервью респондент больше упоминал о реальных и потенциальных негативных последствиях экономической интеграции для местных сообществ, отдавая последним приоритетное право отстаивания своих интересов любыми способами — от прямых действий до обращений в суд. Больше того, российский Гринпис, как правило, поддерживает выступления на местах, хотя и далеко не всегда. В исследованных нами случаях такая поддержка наблюдалась лишь в одном конфликте (в Пяозере), где широким фронтом выступали все ведущие отечественные и некоторые международные организации, специализирующиеся на охране лесов.

Наиболее взвешенной позицией представляются политические установки Международного социально-экологического союза (МСоЭС), который возник в советские времена, превратившись в международную структуру в связи с распадом СССР. Лидер этого объединения в первую очередь подчеркивает слабое институциональное сопровождение процессов экономической интеграции. Это проявляется в противоречиях законодательной базы: *«Причина многих порождаемых глобализацией конфликтов заключается в том, что сумма национальных рынков постепенно превращается в единый глобальный рынок, а международное законодательство за этим процессом не поспевает. Чем такое положение тревожно, с точки зрения воздействия на окружающую среду и дикую природу? Тем, что компании, становясь транснациональными, не слишком связаны законодательством территории, на которой действуют. Они могут выбирать, в какой стране зарегистрироваться, и подчиняются соответствующему законодательству, а работать имеют право где угодно. Тут и начинаются проблемы: налоговое законодательство в странах разное, природоохранное — тоже, и так далее. Кроме того, действуя в соответствии с некоторыми международными нормами, ТНК выходят тем или иным способом из-под юрисдикции национального законодательства. Интересы ТНК, сталкиваясь с интересами страны, на территории которой они работают, не могут быть разрешены международным правом, поскольку механизмы международного правового регулирования таких взаимоотношений несовершенны или отсутствуют. В результате появляются хозяйствующие субъекты, которые сами определяют границы своей ответственности».* Респондент особо подчеркивает, что отсутствует международное законодательство, которое *«отражало и отстаивало бы интересы человечества как такового, вне зависимости от того, в какой части земного шара действует тот или иной субъект».* Но и это не все.

Несмотря на то что принято огромное количество международных конвенций и соглашений экологического характера, *«конкретных механизмов воздействия на тех, кто их не соблюдает, кто нарушает интересы всего человечества, не существует»*. Это усугубляется и конфликтами интересов внутри каждой страны: *«есть национальный интерес, сегодня, к сожалению, часто сводящийся к пополнению бюджета, и есть необходимость сохранить ценный природный объект, принадлежащий не только нации, но и всему человечеству»*. Респондент подчеркивает, что именно вокруг этих интересов и идет постоянная борьба, а *«наше законодательство защищает природоохранные интересы нестрого и допускает отступление от них во имя экономических или общегосударственных»*.

Анализируя приоритеты современного государства, лидер МСоЭС делает вывод, что *«сегодня благосостояние большинства государств мира зависит от того, насколько они включены в международную глобальную экономику, в какой мере участвуют в международной торговле»*. Он считает, что это условие меняет весь подход государства к делу: *«доля внешней торговли в ВВП становится определяющей величиной для лиц, принимающих решения, что влияет на их отношение к проблеме сохранения природного и культурного наследия»*. Угроза этому наследию рассматривается, по его мнению, как вынужденная плата за благосостояние. *«Впрочем, — отмечает респондент, — это благосостояние, как правило, не распространяется на большую часть населения»*. И это еще один аспект исследуемого нами процесса — интенсивное расслоение населения мира на, условно говоря, богатых и бедных. Иными словами, на участвующих в глобальной экономике и не участвующих в ней. В свою очередь, процесс расслоения влияет на отношение общества к экологическому состоянию своего места проживания, и, как утверждает лидер МСоЭС, *«очень сильно, поскольку большая часть населения земного шара вынуждена думать только о собственном выживании, а ради этого люди, как и любое живое существо, готовы принести в жертву все, что только можно»*.

Отмечая позитивные следствия глобализации, лидер экологов-общественников подчеркивает: *«Народ в развитых странах — относительно образованный, хорошо живущий и в силу этого способный предъявлять требования к производителю. Пока информационное поле остается более или менее открытым, потребитель в развитых странах имеет возможность знать, каким способом получено то, что он покупает. Он имеет возможность выбора товаров с учетом того, повлияло ли их производство на состояние окружающей среды. И западный покупатель уже начинает выбирать по этому принципу, оказывая тем самым давление на рынок и производителя»*.

«Конец глобализации», предполагает наш респондент, будет таким же естественным, как и ее возникновение — именно к нему ведет «монополизация всего и вся». По его мнению, особой катастрофы не произойдет: *«Обрушение мира ТНК будет таким же, как обрушение министерств СССР. Наверное, будут локальные конфликты, но масштабы их не должны быть большими — нет причин для этого. Мы еще долго будем жить в условиях локальных конфликтов, но мир не впадет во что-то всеобъемлюще ужасное»*.

Сеть экологических неправительственных организаций стран, образовавшихся после распаде СССР, мы рассматривали как акторов, не вписавшихся в глобальные потоки. Поэтому логичным был наш вопрос респонденту как лидеру одной из таких организаций, — не считает ли он себя антиглобалистом. Его ответ определяет позицию большей части российских экологов-общественников по отношению к процессу глобализации, а следовательно, их место или роль в условиях разворачивающегося процесса. *«Я не отношу себя к антиглобалистам. Я — скорее наблюдатель, который пытается ответить на вопрос, что делать тем, кого глобализация исключила из участия в макрофинансовой активности. В чем, на мой взгляд, проблема этих людей? Глобалистская, неолиберальная идеология вместе с подконтрольностью СМИ унифицировала и присвоила понятие успеха. Твердят о том, что все, кто неуспешен, — маргиналы и слабаки. Дескать, учитесь быть успешными! Но объективный анализ ситуации свидетельствует о том, что для этих людей в рамках неолиберальной парадигмы просто нет места. Их успех — не в наличии машины, коттеджа, большой зарплаты и т.п., а в том, что, несмотря на все обстоятельства, они в тяжелейших условиях решили вопрос собственного существования, у них есть семья, дети, дом, друзья, счастье... Но СМИ не говорят им, что они тоже молодцы. И хотя большая часть человечества на самом деле успешна, им внушается их неполноценность»*. Итак, в новых условиях человечество начинает распадаться на два мира, теперь уже по границе участия—неучастия в глобальных финансовых потоках. *«Это естественный процесс, с ним ничего нельзя сделать, — говорит наш респондент, — если только в среде глобальной экономики не появятся люди, осознающие проблемы взаимоотношения этих двух миров, и не захотят инвестировать в то, чтобы «другие» тоже осознали себя успешными. Это были бы важные инвестиции, потому что, так или иначе, ощущение себя маргиналами питает и терроризм, и всякого рода националистическую агрессию, и межэтнические конфликты»*.

Поскольку WWF и Гринпис не имеют в своих организациях членства (хотя они и известны населению России — благодаря телевизионной рекламе и материалам СМИ) и мало работают с местными жи-

телями, их идеологические установки не могут серьезным образом повлиять на общественное мнение и местные экоНПО. Наиболее же влиятельными в плане такого влияния среди организаций, включенных в исследование, являются МСоЭС и «Хранители радуги». И это потому, что первые включают в свой состав около 300 местных и региональных экологических неправительственных организаций, вторые — обязательно вовлекают в проводимые кампании местное население (насколько возможно и в той форме, в которой удастся).

Несмотря на разнообразие взглядов о естественности и необратимости глобализации, участники гражданских организаций сходятся во мнении о необходимости регулирования этого процесса с тем, чтобы он осуществлялся в интересах общества, хотя не все верят в эту возможность. Почти все из опрошенных признают, что деятельность по решению проблем, вызванных глобализацией, наиболее эффективна и должна осуществляться именно на местном уровне.

Свидетельства наших респондентов позволяют сделать вывод о том, что исключенная из глобальных потоков часть человечества делится на тех, кто агрессивно реагирует на свое исключение, и тех, кто обустроивает свою жизнь и пытается сохранить нормальными условия своего существования. В итоге образуются различные ресурсные группы — одни представляют собой социальную базу агрессивного противостояния, другие (к ним мы относим и анализируемые далее местные сообщества и организации экологического движения) являются носителями идей и ценностей сохранения среды обитания — своей и будущих поколений, и выступают против возникающих в ходе глобализации рисков.

ОТВЕТ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ НА ПРОЦЕСС ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Проникновение глобализации на местный уровень нередко интерпретируется представителями местных сообществ как процесс, сопровождающийся появлением различных социальных, экономических, экологических, этических и морально-нравственных рисков. Об этом свидетельствуют суждения наших респондентов — как лидеров общероссийских и региональных НПО, так и жителей поселений. Это подтверждают и исследованные нами случаи.

Экономическая неэффективность сотрудничества российского предприятия с американской корпорацией выявлена при изучении деятельности швейной фабрики в городе Новозыбкове Брянской области⁴⁸. Здесь обошлось без конфликта: руководство российского пред-

приятия ожидает завершения контракта, пребывая в убеждении, что прибыль от реализации продукции на внутреннем рынке будет выше, а производственный процесс обретет большую устойчивость.

Столкновение этических установок российских работников со стилем управления западных менеджеров приняло форму конфликта на автозаправочной станции «NESTE» в Ленинградской области. Конфликт развернулся по поводу грубого, неуважительного поведения менеджера, которое россияне терпеть отказались. Они создали профсоюзную организацию и, обратившись за помощью в профсоюз «NESTE», получили самую активную поддержку, благодаря которой ситуация была разрешена. Беспокойство о морально-нравственных устоях местного сообщества проявилось у населения в поселке Пяозеро, расположенном в 100-километровой российско-финской пограничной зоне в Карелии. С 1950-х годов леспромхоз этого поселка в соответствии с договором между двумя государствами поставляет необработанный лес в Финляндию. В Пяозере стало известно о планах Правительства России сделать границу на этом участке открытой. Наши опросы (анкеты получены от 756 респондентов) показали, что, по мнению трети, реализация этих планов приведет к росту алкоголизма, проституции и преступности.

Наиболее распространены в социуме опасения по поводу экологических нарушений, которые являются центром внимания в данной работе. Подобные опасения были вызваны событиями, произошедшими в районных центрах Касимове (Рязанская область), Пестово (Новгородская область) и в поселке Пяозеро (Республика Карелия).

Изложим коротко суть событий.

Касимов. С августа 1997 года местная фирма «Росконтакт» совместно со шведской фирмой «Болиден Контек АБ» начала подготовку к строительству на территории АО «Кротберс» (кирпичный завод) предприятия по получению цветных металлов из отходов радиоэлектронной промышленности (электронных плат, кабелей и т.п.). По мнению экологов, функционирование предприятия должно было сопровождаться значительными выбросами диоксинов в атмосферу и загрязнением солями тяжелых металлов воды и почвы. Кроме того, не были выдержаны размеры санитарно-защитной зоны. Летом 1998 года члены организации «Хранители радуги», в состав которой входят экоанархисты, радикальные экологи, хиппи, панки, развернули протестную кампанию. Пропагандистские действия «хранителей» вовлекли в нее население Касимова. И хотя здесь не были развиты гражданские инициативы, активность жителей была на достаточно высоком для провинциального городка уровне: они самостоятельно собрали и передали в СМИ несколько сотен подписей с протестом против этого проекта. Местные власти при помощи милиции и мобилизованных работников предприятий пытались раз-

⁴⁸ Участие. Социальная экология регионов России. Альманах. — М., 2003. — № 9.

решить конфликт силовым способом. Мирные действия экологов (лагерь протеста, обращения в суд, митинги, публикации в СМИ, переговоры с администрацией) взяли верх. Глава местной администрации заявил о готовности выполнить все требования «хранителей» и населения и назначил на 24 августа того же года официальное подписание постановления администрации района. Пять пунктов этого документа касались строительства нового предприятия (запрет строительства, отзыв землеотвода и т.п.), шестой пункт гласил: «С настоящего времени не допускать размещение объектов, вызывающих сомнение населения в их экологической безопасности, на территории Касимовского района без учета мнения населения, выраженного путем референдума». Следует добавить только, что через несколько лет подобное предприятие начали строить в другом районе Рязанской области.

Пяозеро. Поселок расположен в стокилометровой российско-финской приграничной зоне в Карелии. С 1950-х годов здесь работает крупный леспромхоз (ЛПХ) «Пяозерский», поставляющий срубленный лес зарубежному соседу. За эти годы в округе были вырублены практически все пригодные для промышленности леса. Нетронутым остался лишь самый северный массив, в котором члены международного объединения «Лесной клуб» обнаружили участок со старовозрастными деревьями, подлежащими, по их мнению, особой охране. К протесту против их вырубки присоединились МСоЭС, российский Гринпис, ряд международных и финских экологов. Общественностью в переговоры были вовлечены республиканские и местные власти, руководство ЛПХ, представители финской компании — получателя леса. Население поселка, почти поголовно занятое в ЛПХ и соответственно практически полностью от него зависящее, выступало за продолжение рубки. Согласования интересов добиться не удавалось, пока международные экологические организации не развернули среди западных потребителей кампанию бойкота товаров, произведенных из добытого в этом районе дерева. Только после этого финская фирма признала мораторий на вырубку отдельных участков леса в отведенном ей массиве.

Пестово. Районный центр, в равной степени удаленный от Велико-го Новгорода, Москвы и Санкт-Петербурга, обладает единственным природным ресурсом — лесными массивами. Лесодобыча и торговля — единственные сферы, благодаря которым развивается местное предпринимательство и обеспечивается занятость населения. Основным деревообрабатывающим предприятием до недавнего времени был лескомбинат. В советские времена здесь работало 1,5 тыс. человек, а в период экономического кризиса — до 400. На базе этого предприятия в 2001 году развернулось строительство деревоперерабатывающего завода «Пестово-Ново», совместный российско-финский проект ЗАО «Новгородские лесопромышленники» (Великий Новгород, Россия) и

URM Kummene (Финляндия). Было обещано создание новых рабочих мест, хотя и объявлено при этом, что работать будет всего 150 человек.

Против строительства выступила местная неправительственная организация — клуб «Экология» и пестовский Союз предпринимателей. Они привели следующие основные доводы: предприятие экологически опасно (технологически мощное производство вырубит остатки лесов в районе), экономически невыгодно (местные предприниматели утратят ресурсную базу, само предприятие будет освобождено от налогов на пять лет), несет потенциал социального разрушения (количество рабочих мест сократится, местное предпринимательство, в которое вовлечен каждый пятый житель района, прекратит развитие). Таким образом, местное сообщество будет лишено последних возможностей, обеспечивавших его выживание. Протестной деятельности общественности противостоят местные и региональные власти, администрация финской фирмы. Население, подвергшееся мощной пропагандистской кампании, в основном соблюдает нейтралитет. Изначально клуб «Экология» боролся за запрет продажи земли финским предпринимателям, но успеха не добился. Общественность пыталась организовать переговорный процесс с местной властью и предпринимателями. Представители финской компании от переговоров отказались. Местный исполнительный директор, приглашенный на заседания клуба в качестве члена Совета по устойчивому развитию в рамках проекта «Местная повестка дня на XXI век в России», так ни разу в них и не участвовал и никаким иным образом в диалог с общественностью не вступал. По инициативе клуба были проведены общественные слушания, на которых мнение членов различных НПО было озвучено, и только. Реакции не последовало. Строительство завода заканчивается, скоро он должен быть запущен на полную мощность.

Возникновение предприятий ТНК в российских локальностях осуществляется в растущих масштабах почти беспрепятственно, поскольку областные и районные власти рассматривают это как стимул развития местной экономики и ее включения в глобализационные потоки. При этом ТНК не только не заботятся об экологических последствиях своей деятельности, но и не ставят перед собой цели разрешения местных социальных проблем (среди которых создание новых рабочих мест, повышение уровня благосостояния населения, развитие местной инфраструктуры и т.п.). Такая позиция вполне обоснована, поскольку главную задачу они видят в росте собственной прибыли. Функция отстаивания местных интересов должна выполняться региональными и местными структурами власти, однако, по мнению организованной части российских сообществ, это происходит далеко не всегда.

В итоге разворачивается конфликт интересов представителей ТНК, с одной стороны, и представителей НПО, с другой. При этом ре-

шения о размещении предприятий принимают власти, у общественности же лишь один конвенциональный путь быть услышанными в случае несогласия — инициирование и организация публичного диалога различных социальных акторов. Основным политическим ресурсом для тех, кто представляет интересы населения, является наличие публичного политического пространства, что, в свою очередь, также зависит от стиля правления властей.

В результате в конфликтное взаимодействие между НПО и ТНК вовлекается местная власть. Модели развития такого взаимодействия могут варьировать в зависимости от политических условий, политических традиций той или иной локальности и расстановки сил — участников конфликта, в соответствии с объемом и качеством имеющихся у них ресурсов.

В исследуемых конфликтах можно выделить трех основных акторов, характер взаимодействия между которыми определяется их целями и ресурсами.

Первый актор — экологические неправительственные организации, действующие как на местном, так и на региональном, общероссийском и даже международном уровнях. Именно они артикулируют проблему и, мобилизуя ресурсы, пытаются добиться ее разрешения. Вступая в борьбу за свои интересы, они первыми начинают действия, ведущие к конфликтной ситуации. Под «своими» они понимают интересы местного сообщества, поскольку пытаются защищать права граждан участвовать в принятии хозяйственных решений и жить в благоприятной экологической обстановке.

В подобных ситуациях основным ресурсом для деятельности экоНПО является поддержка населения, особенно с учетом того, что состав этих организаций, как правило, насчитывает всего несколько человек. Однако население нечасто бывает в состоянии выступить на стороне противников возникновения новых предприятий, тем более, иностранных, поскольку ожидает для от последних роста материального благосостояния. Кроме того, это связано с влиянием на общественное мнение со стороны других, более сильных агентов. Простой обыватель еще не осознает таких долгосрочных интересов, как сохранение живой природы или поддержание биосферы. Никогда не выступают на стороне инициаторов конфликта работники предприятий (не только вновь образующихся, но и любых местных).

Второй ресурс — организационный или тактический. Под ним имеется в виду объединение усилий нескольких местных НПО (например, клуба «Экология» и Ассоциации предпринимателей в Пестово) или выступление широким фронтом, когда в конфликте участвуют местные, региональные, общероссийские, международные организации (Пяозеро). Важным ресурсом может оказаться доступ к СМИ (так, в

Касимове местная пресса и газета экологов «Зеленый луч» сыграли значительную роль в вовлечении населения в кампанию протеста).

В наши дни у местных НПО появляется возможность мобилизации стратегического ресурса. Это участие общественности в разработке экополитической концепции на уровне района или муниципалитета. Яркими примерами определенных достижений в этой сфере стали экологически ориентированные стратегии Семеновского и Новозыбковского районов, разработанные общественностью и властями в рамках проекта «Местная повестка дня в России». В них специально введено положение о недопустимости размещения экологически опасных международных объектов и обязательное согласование значимых решений с местным сообществом⁴⁹.

В качестве способа участия в принятии решений современные НПО рассматривают проведение общественных слушаний. В этом случае ресурсом становятся некоторые установленные законодательством нормы, зависящие от них процедуры и механизмы реализации. Правда, как показывает опыт Пестово, чтобы высказанные на слушаниях позиции учитывались, необходимы дополнительные действия, в том числе обращение в суд или прокуратуру. Идейным или идеологическим ресурсом для экоНПО становится в последнее время самоидентификация представителей местных сообществ со своей непосредственной средой обитания как единственным средством выживания (это показывает пример включения в борьбу против деревообрабатывающего предприятия ТНК частных предпринимателей, опасющихся ликвидации природной ресурсной базы собственного дела).

Таким образом, ресурсная группа, выступающая инициатором конфликта, весьма ограничена в возможности оказывать влияние на происходящие процессы и на своих противников. Но, видимо, именно поэтому она стремится осуществлять максимально эффективную их мобилизацию, в результате чего иногда оказывается победителем.

Второй актор — представители иностранного бизнеса, в нашем случае транснациональных корпораций. Российские предприятия (чаще всего в описанных выше случаях это крупный бизнес), могут выступать в качестве их партнеров. Их основная цель — организовать производство и получать максимальную прибыль с минимальными издержками. Это не означает, что все ТНК намеренно игнорируют экологические нормы, стремясь к сокращению издержек. В большинстве случаев они заинтересованы в имидже «экологичной» компании и потому сотрудничают и ведут переговоры с представителями зеленого дви-

⁴⁹ Местная повестка дня на 21 век для Семеновского района Нижегородской области Российской Федерации. Экологически ориентированная стратегия социально-экономического развития муниципалитета. — Семенов, 2003.

жения. Однако приведенные в данном исследовании примеры показывают, что такой подход осуществляется не всегда. Зачастую местные экологические организации вынуждены вступать в конфликт с недобросовестными предпринимателями, которые отказываются от диалога и не идут навстречу выдвигаемым требованиям.

Основные ресурсы ТНК — это, в первую очередь, крупные финансовые средства и современные промышленные технологии. Их социальную базу составляют крупные российские компании, для которых сотрудничество с ТНК представляется механизмом вхождения в глобализационные структуры, что приносит значительные доходы, а также работники предприятия (реальные или потенциальные). Политический ресурс — поддержка властей всех уровней.

Рассматривая себя как весьма сильного актора и размещая свои предприятия в «медвежьих уголках» России, где не ожидается мощных организованных выступлений со стороны гражданского общества, ТНК часто уверены в своей защищенности от протестных действий местных сообществ.

Обычно несколько позднее других в конфликт вступают местные власти. Это связано с тем, что экологи пытаются сначала вести переговоры с представителями ТНК и оказывать давление на них, и только в случае неудачи обращаются к администрации для отмены или корректировки принятых решений. Администрация выступает арбитром в конфликте между экологическими НПО и ТНК, так как обладает властным ресурсом, которым не располагают другие участники конфликта. Именно от того, в чью пользу администрацией будет принято решение, во многом зависит ход и результат противодействия сторон. В ходе принятия решений важна квалификация представителей органов власти, определяющая справедливость, непредвзятость и добросовестность решений. В идеале местная власть должна стремиться к защите интересов сообщества, развитию экономики и пополнению бюджета. В подобных случаях особое значение имеет и то, насколько самостоятельны местные власти, зависит ли окончательное решение именно от них, или оно практически принято на более высоком уровне. Чаще всего решения действительно принимаются региональными или даже федеральными властями, и местные администрации вынуждены их отстаивать, вне зависимости от собственного мнения или блага местного населения.

Основной ресурс властей — административный. Это означает не только контроль над всеми процессами и управленческими структурами, вплоть до силовых, но и то, что в руках администраций или под их мощнейшим влиянием оказываются средства воздействия на общественное мнение — СМИ, учреждения образования и культуры.

Результаты подобных противостояний можно представить в виде трех моделей. Первая — перенос предприятия, против строительства

которого были активные выступления, из одного местоположения в другое. Результат нельзя назвать позитивным, поскольку проблема остается практически неразрешенной. Вторая модель — достижение согласия, когда или некоторые требования общественности удовлетворяются. Такой результат можно считать наиболее приемлемым, если в будущем согласие не окажется лишь тактическим ходом одной из сторон. Третья модель — наиболее бесперспективная для местного сообщества — полное игнорирование со стороны ТНК позиции и интересов населения, которое в этом случае подвергается разнообразным рискам, уже не единожды описанным в социологической литературе.

Однако в любом случае достигается очень важный результат — формируется самосознание и осуществляется самоорганизация определенной части местного сообщества, что свидетельствует, во-первых, о развитии гражданского общества. Во-вторых, возникает ситуация публичного обсуждения проблем и решений, диалог власти и общества. Это ведет к расширению демократических начал в системе управления и делает местную политику публичной. В рамках такой политики происходит согласование интересов различных социальных групп, которые, выдвигая свои требования и позиции, участвуют таким образом в процессе принятия значимых для них решений.

С самого начала российских трансформаций основными факторами, влиявшими и продолжающими влиять на местные сообщества, стали долговременный экономический упадок, ликвидация страны, в которой жили ныне российские граждане, истории, личных биографий, идеологии, которая, по меткому определению О.Н. Яницкого, была «непосредственной средой обитания советского народа»⁵⁰, разрушение традиций, культуры, быта, социальных связей. Кроме того, государство отказало гражданам в своей заботе, что на местах означало бездействие или невозможность действий местных властей. Рухнуло большинство предприятий, погребая при этом устойчивые трудовые коллективы. Все это, без сомнения, привело к разрушению прежней идентичности народа, а значит, и идентичности тех, кто составляет местные сообщества. Люди становились все более разобщенными, весьма насущная в это время проблема собственного выживания для каждого местного жителя оказывалась личным делом или в лучшем случае задачей семьи. Призывы к активизации собственных действий каждого члена общества, звучавшие сначала от М.С. Горбачева, позже — от Б.Н. Ельцина, ложились на почву разрушенных связей и отсутствия

⁵⁰ Яницкий О.Н. ИндустрIALIZED и инвайронментализм: Россия на рубеже культур // Социологические исследования. — 1994. — № 3.

навыков самоорганизации, лишь усиливая необходимость индивидуально разрешать все свои проблемы.

Инициаторами самоорганизационных действий местного сообщества выступили общественные организации, в первую очередь, те, которые существовали еще в советское время — общества инвалидов, ветеранов войны и труда, отделения Всероссийского общества охраны природы и т.п. На протяжении всех лет реформ возникали местные экологические неправительственные организации, существующие ныне уже почти в каждом российском городе и даже в селах. В последнее время все чаще появляются ассоциации местных предпринимателей. Эти организации стали и первыми носителями новых идентичностей, основанных на формирующихся ценностях и интересах. У людей появляется возможность найти тех, кто сходным образом думает, чувствует, живет. И все же процесс единения идет медленно, большая часть местных жителей совсем не спешит к кому-либо присоединиться, относясь с недоверием к деятельности подобных НПО, а то и просто не зная о них (наши опросы показали, что даже в Москве большинство жителей не знают об их существовании и деятельности).

Но главным тормозом на пути объединения людей остается отсутствие осознанных и сформулированных интересов, поскольку до сих пор не удовлетворены базовые потребности — в еде, одежде, жилье, постоянном и достаточном заработке. В таких условиях НПО становятся для представителей местных сообществ ресурсной группой, которая способна выражать и отстаивать их интересы. Именно эти организации актуализируют ценность непосредственной среды обитания, которая многим (если не большинству) помогает выживать, просто предоставляя продукты питания или оказываясь ресурсом для развития частного предпринимательства. Они выступают в защиту нравственных устоев местного сообщества и поддерживают работников местных предприятий в отстаивании их прав. Кроме них, встающие сегодня на ноги промышленные предприятия заинтересованы в том, чтобы обеспечивать продуктами своего производства население района, в котором они расположены, и ближайших к нему населенных пунктов.

Таким образом, постепенно складывается и все больше артикулируется новая самоидентификация — идентификация своей жизни с местом обитания, идентификация себя с малой родиной, что мы и назвали локальной гражданской идентичностью. Процесс идет медленно, и это можно объяснить тем, что в условиях глобализации «аннулирование пространственно-временных расстояний под влиянием техники не способствует единообразию условий жизни человека, а, напротив, ведет к их резкой поляризации... Оно освобождает некоторых людей от территориальных ограничений и придает экстерриториальный характер некоторым формирующим общество идеям — одновре-

менно лишая территорию, к которой по-прежнему привязаны другие люди, ее значения и способности наделять их особой идентичностью»⁵¹.

Однако вместе с тем глобализация, постепенно проникающая на местный уровень, оказывается и катализатором становления новой идентичности. Сегодня в России можно констатировать проникновение на этот уровень лишь некоторых конкретных объектов, в наших случаях — предприятий ТНК. Это точечные проявления глобализации, очень похожие на «пробные шары». Следствия деятельности этих предприятий пока не проявились, по крайней мере, полностью, но уже прогнозируются и интерпретируются представителями местных сообществ в лице НПО как экологические, экономические, социальные и др. риски. В результате общественные организации вступают в переговоры и часто следующие за ними конфликты с администрацией ТНК и, как правило, поддерживаемыми их российскими властями различных уровней. Неправительственные организации становятся в таких случаях ресурсными группами противостояния, носителями определенных ценностей, интересов и организационных возможностей. Но глобализационные структуры склонны избегать ситуаций столкновения, легко перенося при их возникновении свои предприятия (как это было в Рязанской области) в «более гостеприимную среду, то есть не оказывающую сопротивления и мягкую»⁵².

Глобализация, по мнению ряда социологов, влечет за собой гибридизацию самоопределения, которая является «порождением группы, самоопределяющейся и/или определяющей мир... не путем этнографического понимания, а путем самоидентификации». И это успешно осуществляется теми, кто включен в мировую политику, экономику, культуру. Но для представителей местных сообществ, «оставшихся местными скорее по везению судьбы, чем по собственному выбору — дерегуляция, распад общинных структур и насильственная индивидуализация судьбы... требуют совсем иной стратегии»⁵³. Такая среда не содействует появлению новой «гибридной идентичности», поскольку проблемы выживания (которые на местном уровне преобладают) тесно связаны с территорией и созданием безопасного жизненного пространства. В результате и складывается, в соответствии с нашим определением, новая гражданская идентичность, которую западные социологи назвали «классовой идентичностью, идентичностью местного гетто».

⁵¹ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. — М.: Весь мир, 2004.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

ГЛАВА IV

**Общественные движения
и власть:
формы взаимодействия**

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Российское экологическое движение, созданное по инициативе российских граждан, существует уже более 40 лет и, по нашему мнению, имеет несколько этапов развития. Каждый из них теснейшим образом связан с тем, что происходит в стране практически во всех сферах жизнедеятельности общества — прежде всего в экологической, но и в экономической, социальной, культурной и пр. Будучи частью российского гражданского общества, экологическое движение (его состояние, структура, репертуар действий, способы взаимоотношений с другими социальными и политическими институтами) во многом зависит от типа политического режима, который на протяжении означенных лет (особенно двадцати последних) находился в перманентном процессе трансформации. Такая зависимость в социологии социальных движений анализируется посредством теоретического подхода «структура политических возможностей», который предоставляет инструмент для выяснения того, какие политические режимы являются наиболее, а какие — наименее благоприятными для возникновения и развития самоорганизации населения¹. И только тоталитаризм не рассматривается в этой связи вообще: такого социального явления при нем не может быть по определению.

Однако, несмотря на указанные трансформации и соответствующую им реакцию экологического движения, неизменной остается главная: конечная цель его активности — сохраняя островки живой природы и ратуя за здоровую окружающую среду, экологизировать сознание членов современного общества, изменить их базовые ценности, включив в них в качестве первоосновы самоценность природы, то есть самой жизни. В виду этого российское экологическое движение, как и экологические движения других стран, следует отнести к «новым социальным движениям»².

¹ McAdam D., McCarthy J., Zald M. Social movements // Handbook of sociology / Ed. by N. Smelser. — N.Y., 1988. — P. 695-736; Eyerman R., Jamison A. Social movements. A cognitive approach. — The Pennsylvania State University Press. 1991.

² К «новым социальным движениям», как правило, относят экологическое, женское, антиядерное движения и движение за мир. Их объединяет ориентация на поиск и обретение новой идентичности, на новые ценности — ценности постиндустриального общества. Разработка данной парадигмы связана с именами таких социологов, как А. Турен (Франция), К. Оффе и Д. Рухт (Германия), Х. Кризи (Швейцария), А. Мелуччи и А. Пиззорно (Италия), М. Кастеллс (Испания) и ряда других. Наибольшее развитие эта парадигма получила во Франции и Германии, где сформировались соответствующие исследовательские школы (Здравомылова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. Санкт-Петербург: Наука, 1993. — С. 126).

Данный параграф последовательно представляет результаты анализа каждого из этапов развития российского экологического движения (от истоков до его современного состояния), произведенного на основе данных, собранных автором совместно с коллективом научных сотрудников сектора по изучению социокультурных процессов в регионах России Института социологии РАН на протяжении почти 20 лет различными методами. Здесь и анализ документов и материалов различных экологических неправительственных организаций (далее — экоНПО), и участие в качестве наблюдателей в их конференциях, семинарах и прочих мероприятиях, глубинные интервью с их членами, выполнение социально-экологических проектов совместно с региональными и местными организациями экологического движения и др. Можно сказать, что это был не просто сбор данных, а постоянное включенное наблюдение. Мы старались не просто получать информацию и анализировать ее, но, действуя в рамках эвристических теорий³, использовать и интерпретативный подход.

ИСТОКИ: ЭТАП ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

В конце 1950-х — начале 60-х годов, во времена «оттепели», нарушая все социологические и политологические каноны, в Советском Союзе возникли организованные снизу, то есть самими гражданами, первые экологические общественные организации — студенческие дружины охраны природы (ДОП) вузов страны⁴. 13 марта 1958 г. считается днем образования кружка тартуских студентов, 13 декабря 1960 г. собрание студентов биологического факультета МГУ организационно оформило создание ДОП, в 1965 г. образована Факультетская естественнонаучная исследовательская группа студентов на биологическом факультете Ульяновского педагогического института и секция «Любителей природы» на биофаке Одесского университета. К концу 1969 г. Дружины действовали в университетах Еревана, Ленинграда, Томска, Харькова, в Брянском технологическом институте.

Именно «оттепель», попытка реформировать жизнь страны, открыла некоторые политические возможности, в частности, до определенной степени приветствовались молодежные инициативы, исходящие

³ Эвристические теории, близкие к социальной философии, затрагивают вечные вопросы: а) что является основой социального порядка и каковы механизмы социальных изменений? (Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций. — СПб: Интерсоцис, 2006. — С. 19).

⁴ 30 лет движения. Неформальное природоохранное молодежное движение в СССР. Факты и документы, 1960-1992 гг. — Казань, 1992. — С. 40.

от комсомольских организаций, особенно если они не затрагивали доминирующую идеологию и не требовали изменения политического режима. Для экологических инициатив это было подходящее время еще и потому, что в это время отсутствовали государственные природоохранные ведомства, но браконьеры, наносящие живой природе значительный урон, существовали всегда, и бороться с ними было некому. Созданное в 1924 г. сверху (государством), хотя и по инициативе ученых, Всероссийское общество охраны природы (ВООП) выполняло лишь исследовательскую и просветительскую функции (что уже немало). Таким образом, само время диктовало необходимость и возможность создания студенческих природоохранных организаций.

В первую очередь, дружины стали бороться с браконьерством, постепенно их деятельность расширялась, прирастая программами «Ель» (против незаконных рубок в предновогодние дни), «Первоцвет» (против сбора и продажи весенних дикорастущих цветов), «Заповедники» (сотрудничество с особо охраняемыми природными территориями), начали заниматься просветительской и пропагандистской деятельностью. С самого начала своей активности дружинники (которые являлись будущими учеными, а потому обучались стратегии и методологии проведения исследований, то есть обладали определенными навыками) стали особое внимание уделять созданию методических разработок для обмена опытом, составлению и координации программ действий, сотрудничеству и поддержке друг друга, что, в конечном счете, привело к объединению дружин в единое всесоюзное движение. «С весны 1971 г. практически постоянно в тех или иных формах дружина биофака МГУ ведет поиск возникающих дружин в вузах страны, снабжает их методической информацией, собирает и обобщает опыт работы. В результате, когда в сентябре 1972 г. в Москве собрался Первый всесоюзный семинар молодежных природоохранительных организаций, на нем были представители 28 вузов из 22 городов страны — от Киева и Гомеля на западе до Иркутска на востоке, от Ленинграда на севере до Еревана на юге. Главным итогом этого семинара было то, что его участники впервые смогли осознать себя и своих товарищей участниками всесоюзного движения...»⁵ — свидетельствуют сами участники движения. Так, в 1972 г., когда мир еще не ведал ни о каком сетевом устройстве общества, которое сегодня, в эпоху глобализации, считается нормой, в нашей стране возникла сетевая организация — Движение дружин охраны природы. И до настоящего времени в мире так и не возникло подобной общественной молодежной структуры, действенной и устойчивой, несмотря на постоянную смену поколений студентов.

⁵ 30 лет движения. Неформальное природоохранное молодежное движение в СССР. Факты и документы, 1960-1992 гг. — Казань, 1992. — С. 41.

Таким образом, в недрах тоталитаризма возникло уникальное движение, положившее начало российскому экологическому движению и создавшее базу — кадровую, организационную, идейную, ценностную, методологическую — для дальнейшего его развития.

КОНЕЦ 1980-х ГОДОВ: СТАНОВЛЕНИЕ «ВЗРОСЛОГО» ДВИЖЕНИЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНЕ

«Перестройка» конца 1980-х и Чернобыльская катастрофа — начало следующего этапа развития российского экологического движения. Структура политических возможностей оказалась полностью благоприятной для самоорганизации населения страны: лидеры государства и перестроечного процесса во главе с М.С. Горбачевым призывали граждан страны к активным самостоятельным действиям — им крайне необходима была массовая поддержка осуществлявшегося тогда процесса демократизации общества. Чернобыль «заставил» открыть экологическую информацию. Россияне узнали многое из того, что происходит с местом их проживания, и данные эти были неутешительными — они взывали к действию. Экологизация сознания вызвала массовые коллективные действия. Но они не могли бы быть эффективными и организованными, если бы не было людей, которые уже имели соответствующие навыки, опыт, научные знания, то есть если бы не было целого сообщества выходцев и современных членов ДОП.

К этому времени «бывшие» дружинники («бывшие» помещены в кавычки, потому что они сами себя таковыми не считают, их связь с ДОП и друг с другом никогда не прерывалась, потому что они сохраняли в себе те ценностные установки, приобретенные в юности; таковое же и состояние всех последующих поколений доповцев) не могли оставаться в стороне от экологической деятельности, а государство по-прежнему не имело управленческих природоохранных структур, в которых профессиональные экологи могли бы реализовывать собственные знания и обретенный в движении опыт. Общественную активность в экологической сфере проявляла и та часть творческой интеллигенции, которая еще с 1960-х годов была вовлечена в борьбу за сохранение озера Байкал⁶. В регионах и их центрах лидерами экологических массовых акций выступила местная интеллигенция — врачи, журналисты, ученые, преподаватели вузов, в большинстве своем те, кто был непосредственно связан с населением и кто был ему известен. В результате

⁶ См. подробнее: Яницкий О.Н. Социальные движения: 100 интервью с лидерами. — М.: Московский рабочий, 1991. — С. 115-133.

возникло сразу несколько экологических организаций, претендующих быть общенациональными: Социально-экологический союз, Экологический союз, Зеленое движение, Экологический фонд. Однако вскоре выяснилось, что устойчивой общенациональной может стать только та организация, которая имеет реальных членов в различных регионах страны. А таковой была только одна — созданный бывшими дружинниками Социально-экологический союз (СоЭС), оформившийся как реальная структура на конференции его учредителей, состоявшейся 27 декабря 1989 г., который существует и сегодня. На региональном уровне в короткие сроки (в течение 2-4 лет с начала «перестройки») сложились действенные группы, многие из которых позже преобразовались в экологические неправительственные организации. И только что созданный СоЭС и Движение дружин стали ядром и поддерживающими структурами массового движения россиян, их члены — лидерами и участниками региональных и местных организаций, их сторонниками, консультантами, методологами, организаторами.

Этот период в развитии российского экологического движения принято называть «митинговым». И действительно, первыми массовыми митингами в перестроечный период были митинги экологические — в Москве, Нижнем Новгороде, Великом Новгороде, они прокатились по всей стране. Но такое определение данного периода весьма однобоко и не отражает реалий в полной мере. Митинги не были просто только клапаном, который позволял снять социальное напряжение (дать возможность людям высказаться). Они были посвящены конкретным насущным экологическим проблемам и выдвигали четко сформулированные требования, обращенные к властям. Так, в Нижнем Новгороде шла конкретная борьба против строительства атомной теплоэлектростанции и разрушения городской среды в связи с прокладкой линии метро; в Великом Новгороде боролись против промышленных загрязнений, производимых предприятиями ВПК. В любом случае участники митингов выдвигали требования к государству наладить деятельность по охране живой природы и окружающей среды и осуществлять ее квалифицированно, последовательно и целеустремленно.

Были у движения в этот период и конкретные победы: запрещение строительства нижегородской атомной теплоэлектростанции, приостановка строительства Крымской АЭС, запрет подъема Чебоксарского водохранилища выше отметки 63 м, отказ от постройки Катуньской ГЭС и поворота сибирских рек и многое другое. Но едва ли не главное достижение этого времени — возникновение большого числа новых экологических общественных организаций (термина «неправительственные организации» тогда еще не существовало). Именно с той поры и поныне действуют такие, ставшие впоследствии сильными и даже зонтичными организациями (то есть объединяющими многие группы и

организации) как Экологический центр «Дронт» (Нижний Новгород), Экологический правозащитный центр «Беллона» (Санкт-Петербург), Киевский эколого-культурный центр, Уральский экологический союз (Екатеринбург), «Экозащита» (Калининград), Союз защиты Арала и Амударьи (Нукус), Клуб «Экология» (Великий Новгород), Байкальская экологическая волна (Иркутск).

Точной статистики не существует, но можно смело утверждать, что в большинстве индустриальных и культурных центров СССР экологические общественные структуры возникли и, как минимум, 80% от их числа действуют по сегодняшний день. Более того, их представители избирались народными депутатами в 1989 году, выступали как консультанты многих кандидатов в депутаты, были их представителями. Это означает, что члены экологического движения принимали активное участие в политической жизни страны и оказывали влияние (пусть и опосредованное) на политические изменения. Весьма экологизированной выглядела работа Съезда народных депутатов СССР — практически на всех заседаниях рассматривались те или иные экологические проблемы, в жесточайших дискуссиях осуществлялся поиск их решений. Именно экологические сюжеты вызвали к жизни самоорганизацию других сообществ, например, коренных народов Севера, осознавших свою идентичность, в том числе, и под влиянием разворачивавшейся борьбы за их непосредственную среду обитания на съезде. В союзных республиках экологи-общественники добились весьма ощутимых результатов на политической арене: в Эстонии и Грузии им удалось войти в состав правительств.

Этот этап развития экологического движения завершился тем, что государство под натиском «зеленой» общественности в 1988 году создало первое в истории страны природоохранное ведомство — Государственный комитет охраны природы, который возглавил крупный специалист, авторитетный ученый, известный общественный деятель Николай Николаевич Воронцов. Практически, того, за что на Западе экологическое движение боролось 40 лет, движению нашей страны удалось добиться всего за несколько лет «перестройки» — государство согласилось с необходимостью заниматься защитой природы.

Таким образом, назвать этот этап развития экологического движения «митинговым», это все равно, что ничего не сказать. С нашей точки зрения, это скорее период активной мобилизации и частичной институционализации не только общественного движения, но и экологической политики в целом. Да, митинги, пикеты и прочие протестные действия доминировали, но они были целенаправленными, они формулировали интересы различных социальных групп и преобразовывали их в политические требования, они способствовали утверждению новых форм социальных и политических взаимодействий различных акторов.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1990-х ГОДОВ: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЫ В РОССИИ

Рухнула экономика, на самостоятельные государства распался Советский Союз, граждане России, исключая лишь вновь сформировавшуюся элиту, оказались на грани выживания. Все органы государственной власти в новой России находятся в стадии формирования, в стадии согласования интересов, статусов и позиций по линии Центр — регионы. В этих условиях лидеры государства провозгласили единственно возможную для них (собственного самосохранения) и выживания всей страны в виду почти полного отсутствия ресурсов стратегию, квинтэссенция которой заключалась в формуле президента Б.Н. Ельцина: «Берите суверенитета столько, сколько сможете унести».

Такова новая структура политических возможностей для развития экологического движения. Единственное, что она предоставляет, — это свобода действий: ни ресурсов, ни социальной поддержки населения, ни управленческой государственной активности не существует. В эти тяжелейшие времена не только экологическое движение России, но страна в целом продемонстрировала наличие социально активных граждан, готовых к самостоятельным действиям в самых различных направлениях, к мобилизации собственных ресурсов, необходимых для выживания. Речь идет и о тех, кто активно и эффективно занялся предпринимательством, и тех, кто продолжал участвовать в социальных движениях, кто даже в это время создавал новые (например, общественные организации, действующие в социальной сфере, или движения шахтеров, выдвинувших экономические и политические требования демократизации общества). Однако, главным ресурсом выживания страны в этот период оказались в буквальном смысле народные массы: они стоически вынесли испытания экономической разрухой, в большинстве своем не сорвавшись с родных поселений, не оставив своих рабочих мест (в первую очередь, это армия учителей и врачей), не изменив своему профессиональному долгу.

Но в этот же период формирующиеся государственные институты, в том числе и законодательство, предоставили социальным движениям новые механизмы и ресурсы для развития, которые они с успехом использовали. Законодательная база закрепила роль и место общественных объединений на политической арене страны. Появились законные основания их сотрудничества с властями всех уровней. Теперь и властями они стали восприниматься как вполне легитимные структуры, с которыми следовало как-то считаться. А вот насколько считаться, зависело напрямую от качества самих общественных инициатив.

И в этом экологическое движение оказалось одним из наиболее эффективно действующих в стране. Оно активно сотрудничало со структурами всех уровней и ветвей власти различными способами. Многие его организации находились в постоянном диалоге с властными органами, так или иначе пытаясь участвовать в принятии решений: в форме проведения консультаций; в форме организации круглых столов; выдвигая требования и предложения, касающиеся охраны природы; организовывая и осуществляя общественные экологические экспертизы; участвуя в общественных слушаниях. Реализовывались и другие, возникшие в это время возможности. Реализуя собственный лозунг «У природы везде должны быть свои люди», многие члены экологического движения стали делегатами в представительных органах страны в ходе выборов 1991 года; нередко были случаи их вхождения в качестве сотрудников в исполнительные органы власти и, в первую очередь, в структуры Министерства охраны природы в центре и на местах, а также в созданные в некоторых регионах часто по инициативе экоНПО комитеты охраны природы при губернаторах или администрациях субъектов федерации (самый яркий пример — лидер Экологического центра «Дронт» был назначен директором такого комитета в администрации Нижегородской области). Наконец, советником президента России по экологической безопасности в Комитете безопасности РФ стал один из лидеров российского экологического движения Алексей Владимирович Яблоков.

Однако очевидно, что одной свободы для осуществления столь широкомасштабной деятельности далеко недостаточно. Нужны и другие ресурсы. Прежде всего, при почти полном отсутствии человеческих, необходимо обладать ресурсами финансовыми, организационными, материально-техническими, методическими, информационными и научными (причем отныне требуются уже не только научные знания в области биологии и экологии, но и в области общественных наук и реальной социальной практики). Сравнительно благополучно обстоят дела у движения с организационными и методическими ресурсами, благодаря накопленному опыту. Несложно движению и найти экспертов, профессионалов-практиков (исследователей, бухгалтеров и т.п.) для их привлечения в качестве консультантов или штатных сотрудников, однако полностью бесплатно они теперь работать не имеют возможности, мобилизовать их можно хотя бы при частичной оплате их труда. Весьма финансово обременительным оказалось в это время материально-техническое обеспечение. Во-первых, чтобы быть уважаемой и респектабельной организацией, нужно иметь офис, а это в большинстве случаев дорогостоящая аренда (конечно, мобилизуя свои организационные возможности, многие экоНПО находили сочувствующих им людей в бизнесе, власти, политических партиях и т.п., которые пре-

доставляли им площади для офиса бесплатно, но чаще это были лишь временные условия). Во-вторых, компьютеризация, без которой невозможно современное ведение дел, поддержание связи с соратниками и мировым сообществом, требовала также значительных расходов.

Часть финансовых средств в этот период пришла из-за рубежа. Это была активная помощь западных фондов, которые своей целью определяли поддержание демократии в России. И тогдашние в отношении экологического движения они не ошибались. Из всего спектра неправительственных организаций и политических объединений экоНПО объективно выделялись своей самоорганизованной активностью, направленной не только на охрану природы, но и на демократизацию общества и его уклада: они выступали носителями и выразителями интересов населения и его отдельных групп; представляли эти интересы в властных структурах посредством преобразования их в политические требования и предложения конкретных решений; они реализовывали эти требования, работая во властных органах всех ветвей и уровней. В результате они получили определенную известность в отдельных сообществах — от структур власти до социальных движений и западных грантодателей. Поэтому справедливым итогом оказалось то, что большая часть западных средств, поступавших в Россию в поддержку демократизации, попадала именно в распоряжение экоНПО, по нашим оценкам, это около 30%. Такая оценка основана на следующих фактах:

- эко НПО к этому времени создали первую в России сеть электронной связи по всей стране (а это значит, что дорогостоящее компьютерное оборудование появилось у большинства организаций и имелись средства на поддержание связи);
- большая часть экоНПО имели собственные офисы, ставшие центрами мобилизации экологической активности;
- многие организации имели средства для привлечения экспертов в случаях необходимости;
- регулярно проводились различные научно-практические конференции, семинары, отчетно-выборные мероприятия зонтичных организаций и т.п.;
- многие экоактивисты смогли пройти стажировку (в научной и практической сферах охраны природы) в экологических неправительственных, государственных и научных организациях стран Запада, принять участие в ознакомительных поездках.

В это время экологическими неправительственными организациями по всей стране выполняются тысячи природоохранных проектов. Основное внимание уделяется охране водных объектов России (Волге, Байкалу, Аралу, Черному и каспийскому морям), а также укреплению самих общественных организаций, их влиянию на экополитической

арене, экологическому образованию и просвещению (возникает Ассоциация «Экологическое образование». Большинство проектов поддержаны грантами Института поддержки общественных инициатив (ISAR-Moscow), который реализует программу «Семена демократии». Постоянно осуществляются крупные проекты российских экоНПО совместно с голландской организацией «Millieukontakt- Oost Europa», целью которой, как определено в ее уставе, является «поддержка экологических движений стран Восточной и центральной Европы». Эти организации продолжают свою работу и по настоящее время.

Одновременно, представившиеся социальным движениям финансовые возможности вызвали и весьма негативный процесс: как грибы стали вырастать все новые и новые неправительственные организации, лидеры которых имели единственную цель — воспользоваться ситуацией в корыстных целях. Однако для экологического движения они так и остались на «обочине» — истинные, ценностно ориентированные экологи их не приняли, и в основной своей массе они быстро сошли с общественной сцены.

В целом этот этап развития экологического движения ознаменовался активным процессом институционализации самих экоНПО, а также устойчивых практик взаимодействия движения с властями и влияния первого на вторых, что российской социологией интерпретируется как создание новых институтов⁷. В качестве риска для развития экологического движения можно было предположить, что, привыкнув к западным финансовым влияниям, в иных условиях движение существовать не сможет. Некоторые ученые выдвигали гипотезу о том, что «зеленые» действовали в соответствии с установками и требованиями Запада, а потому действовать стратегически самостоятельно окажутся неспособными. Последующая практика показала, что все это далеко не однозначно, если не сказать — совсем не соответствует действительности.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1990-х ГОДОВ: ИЗМЕНЕНИЕ СТАРЫХ, СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ ПОДХОДОВ И ПРАКТИК

К середине 90-х годов началось оживление экономики и поначалу не потому, что выросли цены на энергоносители, но поскольку к этому привела активность малых и средних российских предпринимателей. В регионах это оживление было особенно заметно: снова появилось их деление на более или менее развитые или благополучные; заработали

⁷ См подробно: Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. — М.: Дело, 2002. — С. 568 с.

некоторые старые предприятия — перепрофилированные и нет. Постепенно стало активизироваться и государство, и в первую очередь, налаживая контроль над субъектами социального действия.

Экоактивисты сами констатировали, а еще более их действия, статус и позиции свидетельствовали об изменениях в способах взаимодействия экоНПО и власти. Новый способ, осуществляющийся ныне властными структурами всех уровней, состоял в том, что в диалоге с общественными организациями участвовать они еще не отказывались, но учета их мнений уже не просматривалось. Открыто такая ситуация была озвучена А.В. Яблоковым, который, добровольно сняв с себя полномочия советника президента по экологической безопасности, публично заявил, что не будет делать вид, что он советник, когда к его советам нисколько не прислушиваются. Началась замена участников экологического движения на обычных чиновников, не имеющих социально-активного прошлого, в структурах исполнительной власти: уволен по собственному желанию директор природоохранного департамента в Нижнем Новгороде, полностью заменен состав регионального Комитета охраны природы в Рязани, таких примеров было много. Выборы 1995 года показали, что теперь стать даже кандидатом в депутаты практически невозможно: это стоит больших денег, которых экоНПО никогда не имели.

Сменилась (происходило это постепенно) и тактика западных фондов. Их интерес отныне не демократизация России, а поддержание становления и развития рыночных отношений. На практике это означало, что гранты выдают под проекты, которые осуществляют совместно органы власти и неправительственные организации, причем поначалу обязательной была инициатива снизу, то есть общественности, а позже и это сделалось непринципиальным. Наши исследования показали, что во многих случаях это привело к тому, что давно существующие и независимые от власти экоНПО перестали получать гранты, ибо по большей части они стали выдаваться тем организациям, которые либо созданы самими властями, либо образованы при них. Исключение составили лишь наиболее сильные экологические организации, которые обойти все же не удавалось.

В середине 1990-х возникают и организации, которые в социологии принято называть контрдвижением⁸. Членами одной из таких зонтичных структур стали служащие Госкомприроды, второй — сотрудники Санэпиднадзора. Будучи полностью лояльными по отношению к властям, они были призваны перехватывать инициативы организованного снизу экологического движения, с тем, чтобы результаты деятельности минимально затрагивали интересы правящей элиты.

Особую значимость в этот период приобретает сетевое устройство движения: наиболее мощные (российские и региональные) организа-

ции получают гранты на проекты, осуществляемые совместно с организациями российской глубинки или привлекая местные экоНПО к их выполнению. Таким образом продолжается разрешение конкретных локальных проблем и поддерживается активность местных экологических инициатив.

Такая политика российских властей и западных фондов привела экоНПО к отказу от прежних практик с акцентом на взаимодействие с властями, зато подвигла их к работе и более близким и регулярным контактам с населением. Региональные организации начали целенаправленно работать на создание собственных сетей. Так, в Карелии возникает Ассоциация зеленых Карелии, в Новгородской области клуб «Экология» оказывает активную поддержку инициативным группам на местах, стремящимся создать свои экоНПО (вплоть до сельских поселений), и все они становятся отделениями клуба. Многие региональные движения открывают линии «зеленых телефонов», для того, чтобы население могло обратиться к ним за помощью в случаях экологических нарушений. Организации экологического движения пытаются найти партнеров в лице других социальных акторов, в первую очередь, наладить контакты с региональным и местным бизнесом, школами, вузами, учреждениями дополнительного образования и т.п. Подтверждается тезис социологии социальных движений о том, что в условиях более закрытых политических систем деятельность НПО не затухает, а, наоборот, возникает потребность работать активнее и масштабнее, стараясь шире распространять свое влияние и налаживать связи с большим кругом социальных групп и структур.

С уходом грантовых программ, исчезли те организации, которые преследовали меркантильные цели, но неизменным остался костяк экологического движения, который к этому времени насчитывает, как минимум, 500 организаций по всей России, действующих на протяжении практически всего трансформационного периода. Сошедшие со сцены НПО замещаются теми, которые возникают в глубинке России (таковые, судя по нашим исследованиям, с учетом зарегистрированных организаций и незарегистрированных групп существуют почти в каждом российском городе, сколь бы мал он ни был, а в некото-

⁸ С понятием «общественное движение» соотносится термин «контрдвижение», которое определяется как «совокупность мнений и убеждений, имеющих противоположную движению направленность» [Offe C. Reflections on the institutional self-transformation of movement politics: a tentative stage model // Challenging the political order / Ed. by R. Dalton, M. Kuchler. — N.Y., 1990. — P. 1220]. Таким образом подчеркивается вторичный характер контрдвижения, а именно, тот факт, что оно возникает как реакция на общественное движение. Если целью движения является социальное изменение, то цель контрдвижения — консервация существующего порядка или сопротивление изменению. Движение, таким образом, носит наступательный (проактивный) характер, а контрдвижение охранительный (защитный). (Здравомылова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. — Санкт-Петербург: Наука, 1993. — С. 65).

рых, например, в Боровичах Новгородской области и не по одной). Очень часто это детские организации, созданные и действующие благодаря энтузиазму учителей и нередко на основе местных отделений ВООП, продолжающего функционировать все эти годы. На наш взгляд, в это время мы можем говорить о наличии более 2000 экоНПО. Рядовые граждане, постепенно и, конечно, далеко не все, начали осознавать, что, если они не будут заботиться о своей среде, никто не станет этого делать. И представители природоохранных ведомств также ощущают, что без поддержки населения и его авангарда — экологических неправительственных организаций — им почти невозможно выполнять свои функции. В основном негласно они пытаются поддерживать экоНПО, а в наиболее откровенных интервью прямо об этом говорят (на Западе та же картина: без социального заказа со стороны населения в столь неприбыльной, а, наоборот, затратной области политики и управления, каковой является экологическая сфера, выполнять свои функции в полной мере природоохранные органы власти не способны).

Чем характеризуется этот период с точки зрения собственно природоохранного эффекта деятельности экологического движения? Его можно обозначить как время в основном конвенциональных, легитимных действий: это общественные экспертизы, общественные слушания, отстаивание своих интересов в суде, заключение формальных договоров с властями, организация и проведение референдумов, законотворческие инициативы.

Приведем несколько примеров такой деятельности региональных и местных экоНПО, чтобы показать, что не только общественность индустриальных и культурных центров проявляет активность. Новгородский клуб «Экология» обратился в арбитражный суд с иском к государственному предприятию «Канал им.Москвы» о прекращении эксплуатации и о консервации экологически вредного объекта — Вельевской плотины на р.Либья Валдайского района Новгородской области. Арбитражный суд Тверской области (г.Тверь) 6 декабря 1999 года признал исковые требования общественной организации полностью обоснованными, законными и подлежащими удовлетворению⁹. В городе Судогда Владимирской области 20 января 1999 г. были проведены общественные слушания с участием местной экоНПО, представителей нескольких общероссийских организаций, местной и региональной власти, привлеченных экспертов. Слушания были посвящены проблеме строительства Верхне-Судогдского водозабора, который, по мнению местных экологов-общественников неизбежно должен нанести значительный урон природе. В их ходе был подписан документ, в котором зафиксировано компромиссное решение сторон¹⁰. 29 октября 1999 г. областная дума

Калининградской области приняла в первом чтении Закон «О радиационной безопасности населения», запрещающий ввоз зарубежных радиоактивных отходов (РАО) и их захоронение на территории области. Закон был подготовлен рабочей группой при областной Думе, в которую входили представители Госатомнадзора, Санэпиднадзора, Госкомэкологии, ГО ЧС, таможенного управления, МИДа и общественных организаций региона¹¹. Первый в России областной референдум по вопросу размещения и строительства атомной электростанции состоялся в Костромской области 8 декабря 1996 г. Его результат самым убедительным образом продемонстрировал нежелание костромчан стать заложниками интересов правительства и Минатома, существовать в тени АЭС и жить с чувством страха перед возможной аварией. Против строительства АЭС высказалось подавляющее большинство жителей области (87,43%). Такой результат был не случаен, ему предшествовала большая работа местных, российских и международных экологических организаций. Огромную роль сыграло Костромское общественное экологическое движение «Во имя жизни»¹².

Но и в эти годы экологическое движение не единожды было вынуждено выступать и с протестными акциями. Наиболее известной из них являются консолидированные действия общероссийских организаций и экоНПО Северо-Запада страны против строительства высокоскоростной магистрали Москва — Санкт-Петербург по проекту, который экологи и население посчитали неприемлемым. В результате строительство было приостановлено¹³. В городе Касимов Рязанской области радикальное экологическое движение «Хранители радуги» в 1997-98 гг. провело протестную кампанию против строительства на территории местного кирпичного завода предприятия по получению цветных металлов из отходов радиоэлектронной промышленности (электронных плат, кабелей и т.п.). По мнению экологов, функционирование такого предприятия должно сопровождаться значительными выбросами диоксинов в атмосферу и загрязнением солями тяжелых металлов воды и почвы. Мирные действия экологов (лагерь протеста, обращения в суд, митинги, публикации в СМИ, переговоры с админи-

⁹ Подробнее см.: Рогоцкий В.В. Длинная рука Москвы // Альманах «Участие. Социальная экология регионов России». — Вып. 2. — М., 1999. — С. 62-68; «Экология» против «Канала им. Москвы» // Там же. — Вып. 3. — М., 1999. — С. 50-51.

¹⁰ Подробнее см.: Халий И.А. Водозабор — природа — общество // Там же. — Вып. 1. — М., 1999. — С. 40-46.

¹¹ Участие «зеленых» в политике — есть прецедент! // Там же. — С. 27-29.

¹² Добрецова Т. Народ и власть, закон и референдум // Альманах «Участие. Социальная экология регионов России». Вып. 1. — М., 1999. — С. 30-34.

¹³ Никулина Л. ВСМ — школа защиты экологических прав // Там же. — Вып. 2. — М., 1999. — С. 69-73.

страцией) дали результаты. Глава местной администрации заявил о готовности выполнить все требования «хранителей» и населения и постановлением администрации района не только запретил стройку, но и зафиксировал положение о недопустимости «размещения объектов, вызывающих сомнение населения в их экологической безопасности, на территории Касимовского района без учета мнения населения, выраженного путем референдума»¹⁴. Некоторые из программ, начатых еще ДОП в советские времена, такие как «Ель», «Первоцвет», проведение экологических лагерей для детей начинают реализовывать региональные власти, и это одно из основных достижений движения.

Рассмотренный этап развития российского экологического движения характеризуется, в первую очередь, изменением взаимоотношений с властями. Чтобы быть услышанными, экоНПО приходится предварительно оказывать серьезное давление, мобилизуя при этом население самыми различными способами, а также экспертов, способных дать научное заключение по той или иной проблеме. Таким образом, увеличивается спектр социальных взаимодействий движения, укрепляется его связь с собственной социальной базой, коей являются граждане страны.

2000-е ГОДЫ: ОТВЕТ ДВИЖЕНИЯ НА ВЫЗОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В 2000 году указом Президента РФ расформирован государственный природоохранный орган. Следует отметить, что в течение 15 лет его существования много раз менялось его название (в 1988 году это был Государственный комитет по охране природы СССР, в 1990 — Министерство экологии и природопользования СССР, в 1991 — Министерство экологии и природных ресурсов РФ, в 1992 — Министерство охраны окружающей среды и природных ресурсов России, в апреле 1996 — Государственный комитет РФ по охране окружающей среды, в августе того же года — Государственный комитет Российской Федерации по охране окружающей среды и гидрометеорологии, в 1998 — Государственный комитет РФ по охране окружающей среды). Единственное, что оставалось неизменным, — это его определение как органа, в первую очередь, природоохранного.

Ликвидация этого ведомства стала первой на этом этапе развития движения проблемой, которая вызвала активную реакцию экологического сообщества. Выступление против этого события объединила боль-

шую часть российских экологических неправительственных организаций — от общероссийских (СоЭС, Центр охраны дикой природы, Лесной клуб и др.) до отделений в России международных организаций (Гринпис, Фонд охраны дикой природы и др.). Экологи-общественники посчитали, что разрушение государственного управления в области охраны окружающей среды — это угроза экономической, экологической и социальной безопасности России, и приводили весомые доводы в пользу этого мнения¹⁵. Но поскольку отклика от руководства страны на это не было, экологическое движение приняло решение провести референдум по данному поводу. По всей стране экоНПО активнейшим образом собирали подписи, которых в результате оказалось много больше необходимого (проведение референдума, в соответствии с законодательством, может быть инициировано лишь при поддержке 2 миллионов человек), но Избирком большую их часть посчитал недействительной, и в проведении референдума было отказано.

Название нового ведомства — Министерство природных ресурсов РФ — свидетельствовало об очевидной смене государственных приоритетов. Это подтверждали и публичные выступления руководителей страны, утверждавших, что «устойчивое развитие экономики России в ближайшие годы должно базироваться на планомерном росте ее составляющих и, прежде всего, за счет минерально-ресурсного потенциала»¹⁶.

В 2001 году власти РФ объявили о проведении политики, направленной на укрепление гражданского общества в России, и Президент РФ выступил с инициативой проведения Гражданского Форума. Его подготовка и проведение стали следующим фактором объединения, но уже не только российского экологического движения, но самых различных неправительственных организаций, в результате чего была создана новая общественная структура — Народная ассамблея России¹⁷. Такую реакцию вызвала попытка организовать Гражданский Форум сверху и принять на этом мероприятии решения, документы для которых были подготовлены заранее и без консультаций с авторитетными НПО страны. В результате ряда конкретных действий структур гражданского общества, в которых самое активное участие принимало экологическое движение, подготовленный сверху сценарий проведения Гражданского Форума был отвергнут, новый был выработан совместно ведущими НПО страны и властными структурами, за-

¹⁵ Альманах «Участие. Социальная экология регионов России». Вып. 6. — М., 2001. — С. 40-49.

¹⁶ Путин В.В. Минерально-сырьевые ресурсы в стратегии развития российской экономики // Россия в окружающем мире: 2000 (Аналитический ежегодник). — М.: Изд-во МНЭПУ, 2000. — С. 18.

¹⁷ Страна понятного завтра. Материалы к Первой конференции Народной Ассамблеи. — М., 2001. — 92 с.

¹⁴ Фомичев С.Р. «Хранители радуги» и гражданское общество в Касимове // Альманах «Участие. Социальная экология регионов России». — Вып. 1. — М., 1999. — С. 47-52.

действованными в подготовке мероприятия. В ходе форума работали переговорные площадки органов власти и организаций гражданского общества, в том числе и несколько экологических, которые, как предполагалось, будут и впредь оставаться инструментом согласования интересов. Но последующая практика показала, что этот диалог не стал устойчивым способом взаимодействия власти и общества.

Для экологического движения это означало необходимость продолжать поиски путей влияния на процесс принятия решений. Политические реформы и в первую очередь переход к модели 100%-ных пропорциональных выборов в нижнюю палату парламента (Государственную Думу РФ) означал, что общественные движения не смогут выдвигать своих членов в кандидаты в депутаты, а значит — не смогут доносить свое мнение до лиц, принимающих решения. Чтобы быть услышанными, нужно создать свою партию. После длительных дискуссий внутри движения, было решено поддержать создание «зеленой» партии, и в декабре 2003 года была создана инициативная группа, которая обратилась с письмом к активистам неправительственных экологических организаций России.

К чести экологического движения следует отметить, что его повседневная деятельность по защите природы не прекращалась. Активизировалась борьба против трансгенных продуктов. Так, Костромское движение «Во имя жизни», член Альянса СНГ «За биобезопасность» и Международного Социально-экологического союза, работая над проблемой доступа к информации, выиграло в 2006 г. судебное дело против госорганов, контролирующих содержание трансгенов в продуктах питания. Свердловский суд Костромы обязал ответчиков предоставить все данные о проверках с наименованиями фирм-производителей. В этом же году Движение «Во имя жизни» выиграло дело против местного Буйского мясокомбината по непредоставлению информации о содержании трансгенов в его продукции. Как видим, проблема, в первую очередь, заключается в получении необходимых данных для последующих действий, на это уходят время, силы и прочие ресурсы экоНПО¹⁸.

Продолжается деятельность движения в поддержку развития особо охраняемых природных территорий. Здесь приходится в основном бороться за сохранение их статуса и выступать с требованиями должной активности в этой сфере со стороны государственных органов. Пример регионального уровня. В 2006 г. В адрес главы администрации и председателя Законодательного собрания Краснодарского края направлено обращение общественности о необходимости срочных мер по спасению особо охраняемых природных территорий краевого значе-

¹⁸ Бюллетень о работе Международного социально-экологического союза. — 2006. — № 5 (72).

ния, которые на Кубани включают более 400 памятников природы и пять ландшафтных заказников общей площадью более 150000 гектар, 6 зоологических заказников, один дендропарк. Осознавая, что без государственной поддержки уникальное природное наследие Кубани будет безвозвратно утрачено, природоохранные организации региона своим обращением к главам исполнительной и законодательной властей края надеются обратить их внимание на эту острейшую проблему.

Особое и общероссийское звучание приобрела деятельность региональных, общероссийских и международных экологических неправительственных организаций, пытающихся держать под контролем подготовку Сочи к Олимпийским играм, здесь и протесты местных экоНПО, и переговоры с соответствующими органами власти местного, регионального и федерального уровней, и выступление МСоЭС с заявлением по этой проблеме, призывающее к бережному отношению к живой природе и соблюдению законодательства по отношению к сочинскому заповеднику.

В современной ситуации общественные организации остаются основной силой, сдерживающей наступление на систему особо охраняемых природных территорий. Представители общественности все чаще и чаще вынуждены обращаться в органы прокуратуры субъектов РФ для того, чтобы остановить произвол, творящийся на региональных охраняемых территориях. Однако во многих случаях и поддержка прокуратуры не может изменить ситуацию.

Специфическая область действий экологического движения связана с глобальными проблемами. Осознавая их актуальность, экоНПО России активно работали в рамках форума «Гражданская восьмерка-2006». Наибольшее представительство имели в нем экологические и правозащитные организации. Главная тема саммита «Большой восьмерки» — энергетическая безопасность, и самые горячие баталии на гражданском форуме происходили в группе по энергобезопасности. Сражение развернулось вокруг положений документа, внесенного МСоЭС, Гринпис и Всемирным фондом дикой природы. В итоге защитникам окружающей среды удалось отстоять свою точку зрения, и предложенный ими документ был принят¹⁹. Это — серьезная победа реального гражданского общества.

¹⁹ Текст «О действиях по обеспечению глобальной энергетической безопасности. Рекомендации Группы по энергетической безопасности гражданского форума «Гражданская восьмерка-2006» к встрече лидеров стран «Большой восьмерки» в г. Санкт-Петербурге в июле 2006 г.» находится в Интернете по адресу http://www.seu.ru/news_ru/index.html?x=8122

Экологические движения стран Запада (например, Нидерландов — одной из самых передовых в разрешении экологических проблем стране) сорок лет боролись за то, чтобы государство стало осуществлять экологическую политику²⁰. Российское экологическое движение справилось с этой задачей буквально за несколько лет перестройки.

Многие природные объекты в России сохранены по сегодняшний день благодаря действиям эконоНПО. Весьма значимой является поддержка экологической общественности, оказываемая особо охраняемым природным территориям. Внимание экологов-общественников к окружающей среде в индустриальных центрах страны оказывает влияние на развитие экологической деятельности промышленных предприятий и на степень их подконтрольности со стороны региональных и местных властей. Наконец, население, российские граждане во многих населенных пунктах страны знают, что в случаях экологических нарушений надо обращаться к экологическим неправительственным организациям. Более того, они получили много конкретных знаний об окружающей среде и природе благодаря просветительским программам экодвижения. Большие надежды сегодня можно возлагать на подрастающее поколение: многочисленные детские экологические организации и участие в них огромного числа школьников позволяет ожидать, что будущее общество будет намного более аккуратно относиться к среде своего обитания.

Экологическое движение России своей последовательной деятельностью, постоянными контактами с властью и другими социальными акторами способствуют развитию демократии в нашей стране, пытаются участвовать в процессе принятия решений и оказывая давление на власти, требуя учета интересов населения и его различных слоев и групп. Сегодня экологическое движение сохраняет свои позиции одного из наиболее развитых и активных институтов гражданского общества и как одного из главных субъектов действия на экополитической арене.

ОТВЕТ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ НА ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ: ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО «ЗЕЛЕННЫХ»

Долгие годы своего существования экологическое движение России в целом пыталось быть вдалеке от политической системы, хотя и осуществляло определенное взаимодействие с ее агентами. И вдруг в 2004 году быстрыми темпами и при активной поддержке большей части движения (как в Москве, так и в регионах) началась активная деятельность по созданию экологической партии. Что явилось причиной активизации экологического сообщества в политической сфере? Какое влияние оказали на этот процесс политические и социальные реформы, осуществляемые центральной властью на современном этапе? Почему существовавшие до этого времени экологические партии не смогли добиться ощутимых результатов? Какие цели будущей партии выдвигает оргкомитет по ее созданию, чьи интересы и каким образом интерпретируются в уже разработанных партийных документах? Какие функции собирается выполнять создаваемая партия? Соответствуют ли они тем, которые им отводят социология и политология? Что дает сегодня надежду на успех партийного строительства? Какую пользу делу защиты природы и оздоровлению окружающей среды может принести деятельность экологической партии, которая будет иметь поддержку общественного движения и его сторонников? Какую позицию по отношению к партстроительству должны или могут занять экологические неправительственные организации? Попробуем найти ответы на все эти вопросы.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ: ЧТО ЭТО И ЗАЧЕМ?

Определений много, приведем наиболее общие и значимые для темы номера. Политические партии — это общественно-политические организации граждан, выражающие интересы определенных слоев и групп, созданные для борьбы за власть (или, по крайней мере, за влияние на нее) и являющиеся одним из элементов политической системы демократического государства²¹. Углубляя это определение, можно добавить, что политическая партия — это организация, которая может считать главным смыслом своего существования создание цепочки связей, ко-

²⁰ Аксенова О.В. Экологическая модернизация в условиях стабильного Запада и трансформирующейся России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. — М.: Институт социологии РАН, 2002. — С. 39-46.

²¹ Гражданское общество в России: структуры и сознание. — М.: Наука, 1998.

торая идет от избирателей через кандидатов и электоральный процесс к представителям власти²².

Очевидно, что политические партии — это некие пограничные структуры гражданского общества, которые должны активно взаимодействовать с обществом (а точнее — с конкретными группами интересов) и государством. Корни политических партий — в обществе (это основная масса их членов), руководящие органы — в механизме государственного управления, между ними располагается еще одно партийное звено — постоянные штатные сотрудники, выполняющие определенные обязанности на своем уровне повседневно. Практически партии — это единственный институт гражданского общества, который призван и создан именно для осуществления означенного взаимодействия, остальные имеют полное право не контактировать с государством.

Таковы основная роль и место политических партий в жизни общества. Но каковы же их функции? Как конкретно такая роль должна выполняться?

В первую очередь, политические партии призваны формулировать и выражать политические интересы тех групп, которые они представляют. Артикуляция интересов — дело совсем непростое, само собой оно не происходит, это целый процесс. А интерпретация различных интересов (экономических, социальных, гендерных и т.п.) в политическом аспекте и вовсе призвание профессионалов, обладающих не только политологическими знаниями, но и опытом политического участия на всех уровнях. Конечно, среди лидеров общественных движений, без сомнения, есть такие, которые подготовлены для таких действий. Но для них всегда есть и будет дилемма — заниматься повседневной работой, требующей обычно напряжения всех сил, или, отложив на какое-то время дела движеческие, заняться политикой.

Второй функцией является агрегация интересов. Обычно партии не выражают интересы только одной группы или только находящиеся в одной сфере общественной жизни. Чтобы стать полноценной и сильной организацией, политические партии должны иметь массу сторонников, а, значит, видеть, понимать, адаптировать, соединять различные позиции, выстраивать их «компромиссное единение».

Эти две функции означают, что партии — это такие организации, которые обязаны учитывать политические интересы и иметь свои позиции по многим, очень разным вопросам. Таким образом, третьей функцией становится выработка системы ценностей в их политическом звучании и в конечном счете формирование партийной идеологии (в рамках которой интересы, ценности, позиции, принятые формы и

нормы поведения и действия, стратегические цели и задачи и т.д. выстраиваются в определенную систему, которая в обязательном порядке доводится до сознания всех членов партии).

Четвертой функцией политических партий является то, что их деятельность позволяет даже самым слабым политически и обездоленным экономически участвовать (через своих более сильных представителей) в политическом процессе. Степень такого участия во многом зависит от активности самого субъекта, причем на местном уровне, ибо его задачей становится транслировать свои проблемы местным сотрудникам политической партии и отследить, передана ли эта информация и в каком виде она появилась в документах партии или действиях партийных лидеров.

В результате партия выступает не только как агент интеграции (в первую очередь, внутренней), но и как агент конфликта, ибо призвана политическими методами бороться за разрешение проблем, выдвигаемых в политическую повестку дня ее членами.

Пятая функция — функция мобилизации своих членов и вовлечение все более широкого круга граждан в участие в политическом процессе, в действия и выступления по отстаиванию своих интересов и требований. Собственно, этим же занимаются и общественные движения, но, во-первых, не только (а скорее и- и не столько) в политической сфере, а во-вторых, не в столь формализованной форме. Формализация, канализация, институционализация такого участия — есть функции партии. Под формализацией имеется в виду жесткий набор легитимных способов действия и форм их организации. Канализация означает, что политические партии действуют в рамках уже определенных процедур, структур, на основании конкретных политических норм и в пределах устоявшихся практик. Институционализация означает, что партии как организации и их политическая активность входят в состав общепринятых политических структур и систему политической деятельности, вследствие чего они воспринимаются другими агентами политики как легитимные и признанные партнеры.

Выполнение пятой функции — ориентации — создает определенные ориентиры для своих членов и собственный имидж для остального общества и своих партнеров. Этому (хотя и не только) служат программные документы, буклеты, листовки, собственные печатные органы и выступления лидеров в СМИ, принятая и представленная обществу партийная символика, имидж партии и ее лидеров и, наконец, сама идеология. Презентация и утверждение идейно-политических ориентиров упорядочивает расстановку политических сил на политической арене в целом.

Всего этого невозможно достичь без выполнения шестой функции — политической социализации граждан, которая является пред-

²² Lawson K. When Linkage Fails / / K. Lawson, P. Merkl (eds.). When Parties Fail: Emerging Alternative Organizations. — Princeton, 1988.

варительным условием не только политической ориентации, но и эффективной и продолжительной деятельности самой партии. Обязательными в этой связи для политических партий становятся: политическое воспитание, распространение политических знаний и представлений, разъяснение партийных позиций, обучение определенным нормам политического поведения.

Но, конечно, главной функцией политических партий является завоевание власти или, по крайней мере, вхождение в нее отдельных членов, а не только получение отклика государства на выдвигаемые требования. А победившая партия (партия, находящаяся у власти) обладает еще и функцией отбора и ротации кадров, собственно, является гарантом их смены для постоянного улучшения отправления функций самой власти. Да и не будучи у власти политические партии способствуют такой ротации, ибо имеют возможности оказывать влияние на своих партнеров.

Описанные функции в полном объеме выполняются лишь уже сформировавшимися партиями, а возможности для этого предоставляет только демократическое общество и государство. Ожидать, что на ранних стадиях демократического развития будут осуществляться все эти действия, не приходится.

УЧАСТИЕ ЗЕЛЕННЫХ В ПОЛИТИКЕ, 1980-е — 2000 гг.: ПОПЫТКИ РЕАЛИЗАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ СТРАТЕГИЙ

У политической активности российских зеленых есть уже многолетняя история. По определению одного из лидеров политического крыла экологического движения, эту историю можно разделить на четыре этапа — «Искушение демократией» (конец 80-х), «Искушение анархизмом» (первая половина 90-х), «Искушение выборами» (вторая половина 80-х), «Искушение беспартийностью» (2000–2003 гг.)²³. Можно согласиться с такой периодизацией и с этими обозначениями сути происходивших процессов. Однако интерпретация причин, результатов и следствий, с нашей точки зрения, должна быть несколько иной. А потому предложим другие наименования этапов развития политических действий движения и способов политического участия: «Готовность к демократии», «Поиск демократии нового типа», «Попытка политической институционализации», «Отступление». Рассмотрим их последовательно.

Готовность к демократии (конец 80-х годов). Большинство членов экологического движения, начавших действовать на добровольных

началах еще в советские времена, на собственном опыте убедились, что бороться за сохранение природы и окружающей среды при тоталитарном режиме весьма трудно и мало эффективно. Кроме того, развитые страны Запада к 80-м годам уже продемонстрировали, что условия демократии позволяют достичь значительных успехов в этой сфере и что далеко не последнюю роль в этом играют неправительственные организации, имеющие свое место и легитимную роль в этом процессе. Поэтому к периоду трансформаций участники российского экологического движения (в первую очередь Социально-экологический союз — одна из самых активных сетевых организаций страны тогда и до сих пор) подошли уже будучи убежденными демократами, имевшими значительный опыт самоорганизации, самостоятельных действий и навыков разработки политических стратегических документов. Именно в связи с этим они оказались востребованными на политической арене того времени. Организации экологического движения активно участвовали в демократических преобразованиях и, казалось, они станут действенной политической силой. И надо сказать, что с этой арены они ушли не по собственной воле: возникавшие при их участии политические партии быстро перехватили инициативу, более того, многие активные члены движения сами оказались уже членами движения политического, также скоро утрачивая связь со своими бывшими коллегами. Так что из первого периода развития своего политического участия экологи-общественники вышли не без потерь. Речи о строительстве собственной партии на этом этапе не возникало: огромное количество вновь появившихся политических организаций, их слабо организованная и разнонаправленная деятельность не демонстрировали возможности таким способом эффективнее осуществлять природоохранные действия. Однако полностью с политической арены движение не ушло, поскольку в их руках оставались некоторые, ими же самими созданные инструменты политического участия. Продолжалась работа с экологически ориентированными депутатами представительных органов власти всех уровней, в Совет безопасности при президенте еще некоторое время входил близкий по своим убеждениям человек. Кроме того, это был период наиболее эффективной работы природоохранной государственной структуры, с которой многие наладили определенные формы сотрудничества. Конечно, при отсутствии устойчивых каналов и процедур взаимодействия (только что возникшие структуры власти еще не достигли необходимого уровня институционализации) быть политически активным движению, находившемуся за пределами политической системы, было сложно.

Поиск демократии нового типа (начало 90-х годов). Процесс демократизации уже через пять лет продемонстрировал, что интересы политической элиты сосредоточены лишь на борьбе за власть. На это

²³ ЭкоLogos. Журнал московского ИСАР. — 2004. — № 21.

отреагировали и СМИ: из прессы, радио и телепередач постепенно исчезли экологические сюжеты, которые только недавно были столь популярны. Неправительственные организации, переставшие служить трамплином, обеспечивавшим вхождение во власть, оказались ненужными политическим агентам. Зарождающийся частный бизнес пребывал в стадии первоначального накопления капитала, и ждать от него экологической ориентации не приходилось. Население, лишенное былой экономической стабильности, было полностью погружено в проблемы собственного выживания. Единственным демократическим достижением для НПО оказалась только их свобода — никто не обращал на них внимания, не хотел взять под свой контроль, но и не обеспечивал ресурсами. Запущенный президентом Б.Н. Ельциным лозунг «Что не запрещено, то разрешено» работал в полную меру.

Это были условия, требовавшие от экологического движения определиться со своей стратегией действий и разработать альтернативную стратегию социального развития российского общества, ибо та, что осуществлялась, была не только не ориентированной экологически, но и ее социально-политическая направленность представлялась неприемлемой. Хищническая приватизация, мощнейшая инфляция, отсутствие товаров на прилавках магазинов, мизерные и часто не выплачиваемые вовремя зарплаты, закрывшиеся и разграбленные промышленные предприятия, отказ государства от выполнения социальных функций — таков далеко неполный перечень разворачивавшихся в стране событий.

Эти условия одновременно оказались подходящими и для реанимации идеологии анархизма. Действительно, при самоустранении государства единственным выходом из сложнейших жизненных обстоятельств для отдельных сообществ могла стать только самоорганизация в разрешении своих проблем. И движение, ставшее носителем этих ценностей, появилось. Организаторами анархистов, его идейными вдохновителями и лидерами стали молодые люди, в основном только что закончившие вузы, главным образом гуманитарные. Анархистских центров в стране оказалось несколько. Большая часть анархистов избрала сферой своей активности экологическую деятельность, во-первых потому, что этим все меньше и меньше занималось государство, а во-вторых, потому, что СоЭС, членом которого многие из них стали, с самого начала своего существования имел горизонтальную структуру и оказалось (или казалось?) наиболее близким анархистам по духу. Это означало, что в движение впервые влилось значительное количество людей гуманитарно и социально ориентированных (позже оказалось, что многие из них нацелены на политическую активность). До сих пор состав экологов СоЭС был сформирован в основном из специалистов в области биологии, медицины, химии и т.п. Экоанархисты принесли с собой волну протестных прямых действий. Но, кроме того, они

пытались распространить свои идеалы — свободы и солидарности, минимизации власти госчиновников и частных собственников, самоорганизации и самоуправления — среди экологов. Для этого им потребовалось заняться разработкой стратегических документов уже созданного ими радикального движения «Хранители радуги» и участвовать в формировании стратегии деятельности СоЭС и всего российского экологического движения. Логичным завершением этого процесса явилась попытка создания партии зеленых. Один из экоанархистов того времени свидетельствует: «Программные документы российских анархистских организаций уделяли большое внимание не только ключевым для своей идеологии темам свободы и самоуправления, но и экологической тематике, выступали за замену индустриальной модели развития информационной, что не могло не импонировать экологами. Анархизм увязывал экологические задачи и основы своей идеологии более органично, чем представители других идеологических направлений. Базовые ценности конструктивного анархизма в конце 80-х — начале 90-х гг. не противоречили задачам защиты окружающей среды. Главная угроза этим задачам исходила от государственных ведомств и бизнеса. Так что не случайно анархисты — участники зеленого движения сыграли ключевую роль в формировании идеологии партии зеленых».

Но внутри самих анархистов не было единства: одни выступали за «рыночную демократию» и планировали создание реально действующей партии, другие были последовательными анархистами и считали, что политическое крыло движения необходимо только для формирования стратегии самого экологического движения и влияния благодаря ее реализации на общественное сознание. Тем не менее, все они сотрудничали в рамках Движения за создание партии зеленых, и в марте 1990 г. созвали учредительную конференцию партии. Но уже в мае 1991 г. Партия зеленых раскололась на Российскую партию зеленых и Лигу зеленых партий. Последняя сосредоточилась на работе в организации «Хранители радуги» и к 1994 году прекратила свое существование. Российская партия зеленых (РПЗ) была официально зарегистрирована в 1993 году. Руководящий орган — Совет сопредседателей. Крупнейшие организации в Санкт-Петербурге, Рязани, Перми. Основные цели уставной деятельности:

- содействие созданию общества, ориентированного в своем развитии на гармонию между человеком и природой, на права человека как личности;
- распространение гуманистических идей и воспитание людей в духе человеколюбия;
- вовлечение населения России в экологическую, миротворческую и гуманистическую деятельность.

В области экономики РПЗ требует «ликвидации монополии министерств на природные ресурсы, передачи их в распоряжение регионов, которым должно принадлежать приоритетное право на контроль за состоянием окружающей Среды». РПЗ выступает за принятия «действенных мер, способных замедлить снижение жизненного уровня народа в переходный период к рыночной экономике». Особенность Устава РПЗ — положение о праве партии предъявлять иски в суд о прекращении экологически вредной деятельности, причиняющей вред здоровью и имуществу граждан, народному хозяйству и окружающей природной среде.

Так было положено начало выработки политической платформы зеленых. Экологическое движение в целом сохранило собственные подходы к формам участия в политическом процессе, заключавшиеся все же не в борьбе за власть, а в работе с природоохранными структурами и представительными органами власти по разрешению конкретных экологических проблем и сохранении движения как неполитической организации. Тем не менее, это сопровождалось поддержкой политической активности РПЗ. Казалось, что участие экологов-общественников в предстоящих в 1993 г. выборах в Госдуму осуществится.

Попытка политической институционализации (середина 90-х годов). И так, в 1992 — 1993 гг. произошло сближение СоЭС и РПЗ. В результате появилось политическое заявление СоЭС и позднее — разработанные на его основе при участии РПЗ предложения Российского СоЭС для Конституционного совещания. Все это актуализировало экологическую тематику в глазах основных политических и экономических акторов — государства и частного бизнеса. К выборам 1993 г. ими были созданы две сетевые общественные общероссийские организации, созданные таким образом контрдвижение. Первая — Российский зеленый крест — объединила в себе сотрудников природоохранных государственных структур, действующих в регионах. Вторая — Конструктивное экологическое движение (КЭДР) — возникла по инициативе крупного бизнеса, возглавлена их же представителем, включила в себя служащих Государственной службы санитарно-эпидемиологического надзора. Зеленый крест начал действовать в сфере разрешения конкретных экологических проблем в тесном сотрудничестве со структурами власти, то есть на поле деятельности СоЭС. КЭДР заявил себя как политическая структура, готовая активно работать в том направлении, в котором пыталась реализовать себя РПЗ. Слабо организованная и немногочисленная РПЗ, не успевшая вооружить себя хорошо проработанными программными документами и поддержкой общества, была вытеснена с политической арены. В очередных выборах в Госдуму участвовало движение КЭДР, впрочем, без всякой надежды, а скорее — и без цели, победить. Лидеры РПЗ объясняют это тем, что «КЭДР столкнулся с бойкотом экологичес-

кого движения и так и не смог выйти из этой изоляции, поскольку продемонстрировал абсолютную лояльность антиэкологичной политике правительства». Итог — резкое разочарование лидеров экоНПО в «политике», острые споры на тему «кто виноват». РПЗ еще некоторое время готовилась к следующим выборам, но политические условия уже изменились. Если в 1993 г. можно было пройти в Думу и в региональные органы власти на запасы энтузиазма, считают представители политического крыла экологического движения, — то уже через два года для этого требовались нешуточные деньги. Под проект партии зеленых с действительно зеленой программой никто денег не давал». Так что в 1999 г. РПЗ тихо прекратила свое существование.

Отступление: тактика «малых дел». Этот период в жизни страны ознаменовался утверждением олигархического капитализма и доминирования олигархов в политике. Для экологического движения это означало полное отсутствие возможности участия в выборах как самостоятельной политической силы, а также и влияния на политику государственных структур другими способами. Единственной формой действия осталось сотрудничество с отдельными политическими партиями (главным образом с «Яблоком» и СПС) и природоохранными органами власти, особенно в регионах и на местах. К тому же в это время резко упал протестный потенциал населения — наметившаяся тенденция выхода из экономического кризиса сопровождалась упорядочиванием выплат зарплат, возникновением новых рабочих мест, что поддерживало в гражданах ориентацию на разрешение собственных проблем и обеспечение выживания своих семей. Социальная база движения поэтому сузилась до предела. Лейтмотив всех наших интервью того времени с лидерами экоНПО стало утверждение «делаем все, что возможно». Движение инкапсулировалось в своих рамках, пытаясь сохранить себя и довольствоваться тактикой «малых дел», которые не только не преследовались властями, но даже временами получали их поддержку. Так продолжалось до 2000 года — нового этапа политических перемен.

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ: ЗЕЛЕННЫЕ НЕ МОГУТ ОСТАВАТЬСЯ В СТОРОНЕ ОТ ПОЛИТИКИ

Изменения в экополитике. Приход к власти нового президента ознаменовался большими изменениями, и в первую очередь они коснулись экономической и экологической политики государства. Уже в 2000 году был ликвидирован Государственный комитет охраны природы. Это было первым вызовом, спровоцировавшим новую волну политической активности «зеленых». Экологическое движение (СоЭС, Гринпис, WWF и их региональные отделения) начали борьбу за его восстановление.

Апогеем стала попытка организации общероссийского референдума по этому поводу. Движение смогло собрать необходимое число подписей (проведение референдума, в соответствии с законодательством, может быть инициировано лишь при поддержке 2 млн. человек). Тем не менее, власти нашли возможность отказать в его проведении.

Новые перспективы активизации политического участия зеленых могли открыться в связи с проведением по инициативе президента Гражданского форума, который состоялся в 2001 году. Властям всех уровней было дано указание вступить в диалог с НПО. На форуме работали переговорные площадки, в том числе несколько — по экологической тематике. В результате был создан ряд общественных комитетов при различных ведомствах. Казалось, что наступила эра конструктивного сотрудничества. Но этого не случилось. «Апогеем политики беспартийного экологического движения стали первые годы нового века, — утверждает А. Шубин. — Слава нашему президенту: он и его администрация ясно показали, что такая ситуация ведет к полному бессилию движения. Власть не то что бы игнорирует экологов. Она их слушает. Даже милостиво. Слушает, да ест. Бессилие ведет и к исчерпанию ресурсов движения, к нарастанию внутренних конфликтов»²⁴.

Причины создания партии: мнения лидеров экоНПО. Ситуация еще более обострилась после последних выборов. Отвечая на вопрос о том, как и почему возникла идея создания экологической партии, признанный лидер современного партстроительства и известный деятель экологического движения России А. Яблоков в своем интервью, данном автору, сказал: «До последних парламентских выборов в стране существовала хоть какая-то маленькая парламентская демократия. И парламент что-то значил, и мы могли с экологическими проблемами поплакаться в жилетку то «Яблоку», то аграриям, то коммунистам, а то и правящей партии, и они что-то там еще могли. А после того как Кремль произвел кастрацию парламента, парламента потерял свое значение. Однако политическая жизнь вне парламента сохраняется. Параллельно все более и более широко развиваются процессы подавления экологической активности. Раньше какие-то разговоры с нами велись, министры встречались с нами, какие-то общественные советы создавались — пусть фикция, но все же что-то такое было, общественные организации хоть какой-то выход имели и могли что-то сказать, настаивать на чем-то. Теперь же нас вообще не видят, не слышат, как будто нас нет, не принимают во внимание. И в этих условиях мы приходим к выводу: создание экологической партии — один из возможных путей действия, если мы хотим решать экологические проблемы, а мы-то их и хотим решать. Да, нам горько и больно, что страна идет не

по пути демократии, но все равно приоритетным является решение экологических проблем. И вот мы приходим к выводу, что выход на политический уровень окажется хоть каким-то шагом в решении экологических проблем. Вот подоплека».

Проведенный нами интернет-опрос экоНПО (ответы получены от 20 организаций), выявил целый спектр мнений относительно причин, по которым необходимо создание партии. Точку зрения А. Яблокова в отношении государственной политики разделяют многие. Вот один из примеров: «Костромские экологи приветствуют создание партии. Только с созданием партии мы сможем влиять на политическую обстановку в стране. В России наступили тяжелые времена, постепенно сокращаются, уничтожаются права и свободы, завоеванные в 90-е годы прошлого века. Госдума совместно с правительством и президентом меняют в худшую сторону экологическое право, земельное право, водное право, лесное право, социальное право, градостроительный кодекс, политическое право. Если до сих пор населению предоставлялось хоть какое-то право на участие в принятии решений, то в новой редакции законов права населения сильно урезаны... Пришло время объединиться всем гражданам, НКО, которым не безразлична судьба России, будущее наших детей, внуков и правнуков, в партию. Нужно идти во власть, куда на данном этапе можно попасть только при наличии партии. Поэтому создать партию — наша задача номер один».

Некоторые видят причину в разобщенности движения, как, например, лидер одной из московских организаций: «Я — за. Сама вступать не собираюсь, но буду поддерживать. Нужна сила, которая сможет консолидировать зеленых, сможет отстаивать интересы тех, кого беспокоят экологические проблемы. А это ведь очень широкий круг проблем, это не только птички и бабочки. Фактически это касается всех. Одно экологического движения здесь недостаточно. Нужна именно политическая сила, которая выразила бы волю определенной части электората, а также показала бы власти, что есть и такая группа интересов, которую нужно учитывать — ведь тот вакуум, который создается вокруг нынешней власти, не полезен и ей самой, он мешает принятию рациональных решений. Нужна также сила, которая могла бы быть партнером для подобных политических сил за рубежом». Точку зрения москвички разделяют в Волгограде: «Экологическая партия нужна. Слишком мы разрозненные, а в других политических партиях нет ни зеленого крыла, ни каких-то осознанных действий в «зеленом» направлении». Однако для других эта разобщенность как раз является тем фактором, который будет препятствовать созданию партии: «Такая партия нужна, но необходимые и достаточные предпосылки для этого не созданы. Во-первых, так называемое «экологическое сообщество» весьма многолико, не спаяно идеологически, не имеет жесткой

²⁴ ЭкоLogos. Журнал московского ИСАР. — 2004. — № 21.

программы конкретных действий и потому способно лишь на политиканские, но отнюдь не на серьезные политические шаги для преодоления экологического кризиса. Во-вторых, разброд и размазня в «экологическом сообществе», как показывает опыт, представляет собой отличную питательную среду для проходимцев, рвущихся к кормилу власти на пенистой волне, воздымаемой временами этим самым сообществом. В-третьих, «честный зеленый», не имеющий за душой ничего, кроме горячего зеленого сердца, не обладающий широкой социальной базой, а главное — принципиально новыми «инструментами», способами экономического управления (не путать с финансовым), — это смехотворный ноль без палочки на политическом небосклоне».

Но совсем не все экоактивисты уверены в необходимости создания партии. Основные доводы заключаются в следующих высказываниях: «Предложение вкладывать силы и средства в строительство очередной партии — это результат опасной иллюзии, что партия, пусть даже набравшая 5-6%, что-то сможет изменить. Партия не наберет эти проценты, а партстроительство приведет к отвлечению сил на политические игры с неясным результатом и, безусловно, ослабит так называемое зеленое движение»; «Если считать главной задачей партии в Думу своих засунуть и кресла там протирать до блеска — кому сейчас нужна такая экологическая партия?!».

И все же большинство эконоНПО выступают в поддержку движения за создание партии: «Партия нужна. Будем в нее вступать, участвуем в подготовке регионального собрания сторонников. Будем участвовать в разработках подпрограмм по разным направлениям, какие будет реализовывать партия в области политики, направленной на устойчивое развитие».

Представляется, что на текущий момент именно человеческие и организационные ресурсы — это как раз то, чем движение за создание партии реально обладает. На наш вопрос о том, смогут ли новые «партийцы» получить поддержку эконоНПО, А. Яблоков ответил: «Обязательно. Так и будет. Другого пути просто нет. Мы с этого начали, и все это понимают, кто входит в оргкомитет. У нас большой оргкомитет, около 60 человек, очень много региональных лидеров, узнаваемых людей. Марина Рихванова, звезда нашего экологического движения, далее — Дима Рыбаков из Карелии, Андрей Рудобаха... Они трое — сопредседатели Социально-экологического союза, члены нашего оргкомитета. То есть самая крупнейшая организация представлена у нас мощнейшим образом. За час до вас на этом стуле сидел Александр Веселов, председатель Союза экологов Башкирии. Ну и поехали: с нами и Урал, и Дальний Восток и многие другие российские территории представлены!».

Возможности политического сотрудничества. Один из тех экоактивистов, кто считает, что партия не нужна, выдвинул фундаменталь-

ное обоснование своей позиции: «Здоровая окружающая среда нужна всем и каждому в отдельности, независимо от классовой, национальной или религиозной принадлежности. Комфорт, деньги и власть вторичны по отношению к вопросам выживания, и экологическая безопасность необходима всем народам, а не какому-то неопределенному «экологическому сообществу». Поэтому максимально экологическими должны быть все партии, а их экологизацией должны заниматься экологические НПО, не стремящиеся к политической власти».

В интервью мы задавали вопрос на близкую тему — о возможности и необходимости сотрудничества различных политических сил и даже об их объединении в единую политическую структуру. При этом нас интересовало не только мнение членов эконоНПО, но и точка зрения региональных членов партий демократической направленности («Яблоко», СПС), а также членов других структур гражданского общества, тоже уже заявляющих о своих намерениях создать партию (правозащитные организации). Их ответы свидетельствуют о наличии сомнений относительно возможности эффективной деятельности будущей экологической партии. Так, известный политолог, общественный деятель и президент фонда «Индем» Г. Сатаров считает, что «корпоративные партии, то есть партии, объединенные не по политическим интересам, имеют, как показывает история, мало шансов на успех. Они имеют шансы только тогда, когда проблема становится архиактуальной. Я напомним: когда в ФРГ появлялась «зеленая» партия, там это было крайне актуально, потому что бешеная индустриализация сгубила все. И именно экологи заставили все это прекратить и восстановить окружающую среду. Теперь, когда едешь по Германии, видишь прекрасную картину. Это сделала эта партия. У них был исторический шанс именно потому, что окружающая среда действительно стала колоссальной проблемой, вышедшей на первое место и актуализировавшейся как политическая. У нас сейчас экологическую тематику подавляет столько актуальных проблем — для граждан, для политической элиты, — что у экологов-политиков мало шансов».

Действительно, сегодня, когда политический курс государства направлен на экономическое развитие страны исключительно за счет максимального природопользования (особенно в условиях высочайших цен на нефть), ожидать, что экологическая партия станет влиятельной политической силой и что ей позволят стать таковой, совершенно нелогично. По всей видимости, из этого следует, что экологам просто необходимо искать союзников, создавать политическое объединение, блокироваться с другими политическими акторами. И представляется, что условия для этого сегодня существуют. Практически все опрошенные нами активисты говорили о такой необходимости, однако формы объединения предлагаются различные. Пожалуй, едины все в од-

ном — власть сама толкает структуры гражданского общества к тесному сотрудничеству.

Георгий Сатаров объясняет причины обращения гражданского общества к политической деятельности следующим образом: «Если граница между гражданским обществом и политикой проведена, она стабильна, все живут по правилам, власть не «наезжает» на гражданское общество, то оно как бы говорит: «Ну ладно, раз ты нас не трогаешь — нет проблем. Есть мы с нашими неполитическими интересами, вот есть партии — мостики между политикой и неполитическими организациями, есть власть, и все хорошо живут». Но как только эта картина меняется, то реакция гражданского общества неизбежна. И это не теория. Я много общаюсь с нашими классическими общественными организациями — правозащитными и другими, которые всегда мыслили себя вне политики, и вдруг я от них слышу: «Нам надо создавать свою партию». Это недавно началось. Я не знаю, хорошо это или плохо, не берусь оценивать, но это факт: раз на нас «наезжают» из сферы политики, то ответный удар мы должны наносить в той же сфере — это нормальный рефлекс».

Мнение Сатарова разделяет и предлагает свои варианты возможной реакции гражданского общества на политическую ситуацию представитель Международного молодежного правозащитного движения (Воронежское отделение): «В последнее время у меня к политическим партиям весьма скептическое отношение. Мне кажется, что сегодня освобождено место для партий гражданского типа. Поле расчищено, и это сделала сама власть, в общем-то, не желая такого результата. Но я не думаю, что такие партии возникнут в том виде, какой обычен для политических партий, к которым мы привыкли. Я со многими общаюсь и могу сказать, что речь идет скорее о создании некоего народного фронта, почти как в конце 80-х — начале 90-х годов. И это довольно любопытно. Сейчас очень модно говорить о сетях. И если создастся такая сеть из мобильных гражданских организаций, которые смогут быстро и адекватно реагировать на разнообразные вызовы, в том числе политические, то действия такого объединения могли бы быть очень эффективными... Меня пугают две вещи. Первое: я уже раз пятый за последние несколько лет слышу, что создается новая экологическая партия. И если их будет даже только две, а не пять, то ничего хорошего из этого не получится. Второе: если не повторять ошибок предыдущих демократических движений («Яблоко», СПС и т.п.), самым действенным было бы создание не партии, а широкого гражданского движения, которое выдвигало бы не только экологические требования, но и правозащитные, социально-экономические, отчасти выражая антиглобалистские, молодежные и студенческие интересы. Для такого движения партия могла бы стать просто маленьким инструментом политической активности.

Если бы начали создавать такое масштабное движение, то я бы мог назвать десятки движений и организаций, как региональных, так и общероссийских, которые в таком проекте стали бы участвовать, хотя в саму партию они, может быть, и не вступили бы. Это совершенно другой подход. Если экологи подойдут к этому таким образом, то есть формируя мощный социально-гражданский институт, который мог бы формулировать запросы для собственной партии, то из этого могла бы возникнуть жизнеспособная политическая структура.

Сейчас у правозащитников есть проекты объединения демократических сил, но, с моей точки зрения, у правозащитников нет устойчивой социальной базы, способной объединить большую часть общества, здесь опять будет довольно узкий круг участников. Они, возможно, носители самой мощной и самой организованной гражданской идеологии, но при этом не смогут мобилизовать массы. И поэтому важно, чтобы был какой-то общий проект. Будет очень жаль, если возникнет отдельный политический проект правозащитников, отдельный — экологов, отдельный — партия Солдатских матерей... А сейчас так и происходит: каждое социальное движение пытается создать свою политическую партию. Это не вызывает оптимизма. Я, например, ко многим из них примкнул бы, но только если бы они попытались объединиться, и не как партия, а как гражданское движение с перспективой создания партии».

Несколько иной взгляд на проблему создания экологической партии и взаимодействие с ней у представителей проигравших на выборах демократических партий. Одни понимают, что объединять усилия необходимо — такова точка зрения лидера Екатеринбургского отделения «Яблока»: «Моя позиция, как мне кажется, несколько отличается от позиции нашей партии. Не секрет, что партии, которая не прошла в Госдуму, очень сложно выживать в дальнейшем и не только потому, что сейчас никто не поддерживает оппозиционную структуру материально. Я полагаю, что в сложившихся условиях все демократические партии, все гражданские союзы должны объединиться в единую структуру. И если они хотят влиять на власть, то это должна быть политическая организация, то есть партия, но партия гражданского общества. Если бы у нас был другой политический режим, который бы давал возможность гражданскому обществу влиять на принятие решений без создания специальной политической структуры, то можно было бы партию и не создавать. Вместе с тем в такой ситуации могло бы быть эффективным и создание самостоятельной экологической партии. А при нынешних обстоятельствах экологическая партия 7% на следующих выборах не наберет. Даже мы, партия «Яблоко», которая существует уже более 10 лет, — если мы не станем объединяться с другими демократическими силами, в

том числе с экологами, то опять в Думу не пройдем. И тогда нас просто выкинут с политической арены окончательно».

И все же у других возможность объединения вызывает некоторые колебания даже при понимании его необходимости. Таковой представляется позиция лидера Воронежского отделения СПС: «Партийная система в России переживает закономерный процесс — укрупнение. Помните те времена, когда у нас было партий несчетное количество, у каждого лидера по партии? В демократическом движении процесс укрупнения произошел в 1999 году. И это процесс закономерный, мы должны пройти через это. Вы посмотрите на лозунги различных партий — они практически одинаковы. Все говорят об одном и том же: об улучшении жизни населения, о прорыве России в социально-экономическом развитии и т.п. Мы сейчас здесь, в Воронеже, готовимся к выборам в областную думу. Идут переговоры об объединении в блок еще с какими-то демократическими силами, формируется группа лидеров блока. Мы уверены, что в Воронежской области у нас есть поддержка. Если в Воронежской области будет экологическая партия, которая на самом деле будет действовать во благо природы, то эта партия может занять определенную нишу. У нас есть такие люди и организации, но они очень мало рассказывают о своей работе в СМИ, так что население о них практически не знает. И я думаю, что мы могли бы выступать в едином блоке, но это не обязательно. Все же борьба за утверждение демократических ценностей — это одно, а экология — другое, поэтому партия экологов должна быть самостоятельной. Но ее дело касается всех, мы все дышим одним воздухом».

Очень схожие мнения и у лидеров экологического партийного строительства: «Давайте рассуждать, кто мы и где мы. Мы говорим о гражданском обществе. Ясно, что экологические проблемы диктатура решить не может, мы видели: это не получается. Единственный путь решения экологических проблем, долгосрочный — это нормальное демократическое общество, развитое гражданское общество, общество, в котором приоритет закона, а не «порядка» и т.д. И как бы мы ни говорили, что мы — экологи, ясно, что мы — партия демократического сектора. Давайте смотреть: а кто еще в этом демократическом секторе появляется? Не из старых, старых забудем. Партия Солдатских матерей. И тогда возникает следующая ситуация. Вы знаете, принят закон о том, что в партии должно быть не менее 50 тысяч членов. Но столько сейчас даже СПС не имеет, даже Жириновский не имеет. И мы не настолько наивны, чтобы предполагать, что мы с легкостью найдем такое количество. Да, мы найдем 500 человек в Челябинской области, 500 человек в Мурманской — в каких-то экологически горячих местах, где уже жареный петух клюнул. Там мы найдем по 500, но чтобы в каждом регионе... И тут мы говорим: а кто еще? В таком же положении оказы-

ваются Матери. И тогда возникает вопрос: а почему бы нам не сделать социально-экологическую партию с двумя фракциями — фракция Солдатских матерей, фракция экологов, а там, может быть, и еще кто-то присоединится. Это та самая ошибка Кремля — они нас толкают к объединению. Но когда мы объединимся, они нас не затолкают уже никуда. Они будут вынуждены иметь дело с сильной оппозицией». Однако в этих рассуждениях заметна и специфика: экологи-политики, похоже, уже не надеются на сотрудничество с проигравшими демократическими силами, а еще скорее — не стремятся объединяться именно с партиями, больше доверяя им внушают те политические силы, которые могут появиться на основе действий гражданского общества, различных социальных движений.

ЧТО ЕСТЬ: ЦЕЛИ, РЕСУРСЫ, ГОТОВНОСТЬ К ДЕЙСТВИЮ

Попробуем определить цели и функции будущей партии, основываясь на проекте программных тезисов, подготовленных рабочей группой организационного комитета по созданию партии.

Заявив себя как организацию, базирующуюся на целях и ценностях экологического движения, экологическая партия, конечно, должна в первую очередь формулировать и выражать именно его политические интересы. В результате даже описание современной ситуации не только составлено в соответствии с позицией экологического сообщества, но содержит в себе прямое указание на то, что партия создается как политическое крыло общественного движения, еще раз подтверждая тезис о том, что политическая партия — это пограничная структура между гражданским обществом и властью.

В России стремительно ухудшается здоровье населения. Среди развитых стран у нас самая низкая продолжительность жизни. Страна превращается в мировую свалку отходов и устаревших технологий. Хищническое и неэффективное использование природных ресурсов угрожает экономическому, социальному и экологическому будущему нашей отчизны. Повсеместно нарушаются экологические и другие конституционные права граждан. Новой реальной угрозой становится экологический терроризм. Экологические и связанные с ними социально-экономические проблемы не находят своего адекватного разрешения ни в органах исполнительной, ни в органах представительной власти. Власть игнорирует общественное мнение по большинству экологически значимых вопросов (от ввоза иностранного ОЯТ и развития атомной энергети-

ки до передачи лесов в частные руки). Де-экологизация затронула государственное управление, экономику, образование и науку. Усугубление социально-экологических проблем России напрямую связано с ростом бюрократии, преступности, коррупции, коллапсом правоохранительной системы. Получив мандат доверия от российского экологического движения, мы можем и должны привлечь в свои ряды многих россиян, обеспокоенных не только экологическими проблемами, но и обозначившимися опасными тенденциями в развитии страны — торможением в строительстве гражданского общества и демократического правового государства.

Второй тезис заключает в себе утверждение, что «экологические проблемы — приоритеты для партии». И они не только сформулированы в соответствии с мировоззрением «зеленых», но и весь документ представлен экологическому движению (разослан по электронной рассылке и вывешен в Интернет, с просьбой вносить коррективы, если это необходимо). Правда, в этом тезисе практически отсутствует отражение интересов каких-либо других социальных групп, за исключением обещания, что «партия сосредоточит усилия на решении социальных и связанных с ними экологических проблем России».

Однако следующий раздел «Основные позиции партии» содержит задачи, которые партия ставит перед собой, и они состоят не только из разрешения экологических проблем, но также охватывают области социально-экономического и общественно-политического развития общества, причем на первый план выдвигаются многие, уже озвученные населением и различными структурами гражданского общества требования.

Заключительный тезис с еще большей точностью подтверждает, что будущая партия планирует агрегировать самые различные интересы и ценности, привлечь в свои ряды или получить поддержку широких слоев общества: «Для достижения поставленных целей и задач партия действует как политическое крыло широкого общественного экологического движения России, в сотрудничестве и при координации действий с другими заинтересованными партиями, политическими и неполитическими движениями, объединениями и конфессиями».

Выдвинутые цели и задачи, в которых поднимаются проблемы, способные вызывать противостояние и властей, и бизнес-структур, свидетельствуют и о том, что экологическая партия будет не только агентом интеграции, но и агентом конфликта, ибо будет политическими методами продолжать актуализировать насущные, требующие скорейшего реагирования вопросы и тем самым инициировать их разрешение, что часто сопровождается обострением противостояния заинтересованных сторон.

В рассматриваемых тезисах совсем не прописано, каким образом будет действовать партия. Но это можно понять, поскольку сегодня совершенно не известно, в какой форме можно будет производить (в соответствии с законодательством и нормативами, которые до сих пор не были точно определены) формализацию, канализацию, институционализацию политического участия. Совсем преждевременно было говорить на этом этапе и о способах ориентирования и социализации граждан. Документ не содержит и упоминания о том, что партия будет бороться за власть. Видимо, такую цель «зеленая» партия России и не выдвинет, поскольку в современных условиях экологическое движение, являющееся социальной базой партии, этого очевидно не одобрило бы.

ЧТО БУДЕТ: ПЕРСПЕКТИВЫ, ОЖИДАНИЯ, РИСКИ

Так увенчается ли очередная попытка строительства экологической партии, которая сможет представлять политические интересы большинства членов экологических организаций страны, успехом? По мнению одного из членов оргкомитета по созданию партии, для успеха необходимо наличие определенных условий:

1. Наличие группы авторитетных лидеров экологического движения, готовых работать вместе.
2. Наличие минимальных финансовых условий для работы аппарата партии.
3. Выработка программы преобразований общества, которая отличается от позиций других партий и приемлемая для большинства активистов экологического движения и для хотя бы для нескольких социальных групп.
4. Общественный подъем, который заставит власть хотя бы считать голоса правильно и позволять оппозиции говорить с избирателями по телевидению.

Первое условие явно имеет место. Процесс создания партии уже показал, что многие известные лидеры либо уже работают в оргкомитете, либо выражают готовность помогать ему. Второе условие оказалось выполнить гораздо сложнее: по свидетельству одного из лидеров партстроительства, крупный бизнес отказывается финансировать создание партии до тех пор, пока администрация президента не выскажет позитивного мнения по поводу данного процесса. Третье условие означает необходимость осуществления довольно-таки длительной и кропотливой профессиональной работы. На рассматриваемой стадии идет разработка учредительных партийных документов, а создание программы социально-экономического и политичес-

кого устройства общества еще впереди. Как показали последние события, вызванные проведением социальных реформ, подъем общественной активности (четвертое условие) уже происходит, пусть пока и только в связи с социальной напряженностью. Однако уже на этой стадии власти вынуждены были пойти хотя бы на переговоры с депутатами Государственной Думы, чего уже давно не происходило. Президент на одной из таких встреч прямо заявил о необходимости согласовывать интересы различных социальных групп прежде, чем предпринимать какие-либо действия. Это транслировалось по государственным программам телевидения, как и те протестные выступления, которые прокатились по стране.

Конечно, пока полной уверенности в успехе быть не может. На что же надеются и чего ожидают лидеры экологического движения?

Алексей Яблоков, признанный лидер партстроительства, считает, что можно надеяться на относительно широкую поддержку граждан страны: «В конце 80-х годов среди нас было очень мало экологов. Но движение было такое, что мы выводили митинги много людей по всей стране. Этот феномен, я думаю, мы сейчас снова повторим. Почему тогда примкнули к «зеленым» многие другие? Потому что «зеленые», «экология» были единственным разрешенным оппозиционным движением. И те люди, которые хотели что-то сказать против коммунизма, но прямо это сделать не могли, присоединились к нам, потому что мы были против. Сейчас Кремль своей политикой толкает людей именно в эту ситуацию. Ясно, что с традиционными демократическими силами кончено. Но в обществе-то настроение вольнодумства сохранилось. Ну конечно, я понимаю, что большинству нужны крыша над головой, телевизор, масло на хлебе и т.д. — и больше ничего не надо. Но примерно 15 — 20% — это люди, которых беспокоит судьба страны, которые хотят жить в демократическом обществе. Для них демократические ценности — не пустой звук. И они будут искать политических выразителей этих ценностей. А мы будем одними из таких немногих выразителей». Наши респонденты отмечают и то, что экологически обеспокоенных в стране тоже немало и что это было продемонстрировано на примере недавнего массового протеста против приватизации лесов: люди, далекие от экологии, для которых, скажем, заготовка грибов или дров была существенным подспорьем, вдруг почувствовали в этом угрозу своим интересам. И мы поймали момент и при их поддержке задержали принятие этого кодекса. Я не уверен, что удастся полностью закрыть эту тему, но то, что задержка произошла больше чем на полгода, это реальный эффект общественного противостояния. За нами, экологами, пошли матери, дети, туристские организации, некоторые ветеранские организации — огромное количество людей».

Каковы же перспективы того, что деятельность экологической партии в случае ее создания окажется успешной и какого успеха ожидают экоНПО? Экологи-общественники оценивают ситуацию довольно трезво, понимая, что прогнозировать бурный рост демократии в ближайшее время невозможно. В связи с этим их ожидания выглядят вполне умеренными, но все же они говорят о возможности достижения некоторых позитивных результатов. «Мы ожидаем, — говорит А. Яблоков, — что голос экологической партии будет услышан властными структурами. Это возможность оказывать большее давление, для того чтобы принимались экологически ориентированные решения». Другой лидер российского экологического движения, директор экологического центра «Дронт» в Нижнем Новгороде А. Каюмов выдвигает еще более умеренную точку зрения: «Сама деятельность — партийная, околопартийная, партийносоздавательная и т.п. — может сыграть большую роль как форма просвещения, распространения информации, постановки «неудобных» вопросов. Ситуация ведь какая? Центральные средства массовой информации как независимые органы убиты, и нечего надеяться на то, что в СМИ появится какая-то информация об антиэкологичной государственной политике. Но такая информация сможет появиться в рамках материалов о создании зеленой партии, о том, что эта партия говорит. И тогда власти не смогут совсем уж игнорировать вновь создаваемую партию». Кроме того, по свидетельству того же респондента, вероятны определенные успехи на региональном уровне: «Особой пользы от того, что появятся два-три депутата в региональных Законодательных собраниях, не будет. Но это будет возможность получить выход на общественную трибуну, а кроме того, депутаты от партии «зеленых» должны будут инициировать создание экологического комитета. И это уже хорошо, что в депутатском корпусе будет структура, которая обязана заниматься экологическими проблемами».

Но даже если создать полноценную политическую партию «зеленым» не удастся, то и в этом случае осуществленная деятельность не пройдет, по их мнению, даром: «Но если эти условия не будут соблюдены, стоит ли вообще заниматься этим «сизифовым трудом»? Стоит. Само обсуждение, какими путями добиться усиления влияния экологической общественности, уже будит в ней интерес к политике, к социальным проблемам, способствует формированию нашей социальной программы. А эта программа понадобится в период нового подъема общественного движения, когда нужно будет играть самостоятельную роль, а не роль массовки для новых демократов. Для этого неплохо заранее озаботиться и созданием зарегистрированной партии «зеленых», даже если для ее участия в выборах пока нет финансовых и политических условий».

ПРОТЕСТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ: ЗАЩИТА БАЙКАЛА — ДЕМОКРАТИЯ В ДЕЙСТВИИ

В пору небывалого и постоянного роста цен на нефть преобладают политические стратегии (основанные на сырьевой экономике) по превращению российского государства в энергетическую сверхдержаву. В результате ожидать приходится только возникновения все новых рисков, в первую очередь, экологических, а также угроз демократии или, лучше сказать, демократической ориентации развития страны. «Мягкий авторитаризм» современного российского правления, по мнению российских политологов, «содержит в себе возможности развития, как в направлении постепенной демократизации общества, так и в направлении «жесткого авторитаризма». Последняя возможность представляется маловероятной: уж слишком она расходится с потребностями российского общества и стремлениями людей, уже ощутивших вкус свободы и самостоятельности»²⁵. Что может удержать нас всех от реализации самых мрачных сценариев? Попробуем выяснить это, проанализировав один из последних случаев столкновения различных социальных сил на экополитической арене.

Речь пойдет о проблеме строительства нефтепровода Восточная Сибирь — Дальний Восток — Китай, вызвавшей резкую реакцию общественности России, интерпретировавшую это хозяйственное решение государства как реальную угрозу для существования Байкала.

Исследование опирается на материалы экоНПО «Байкальская Экологическая Волна» (сайт <http://baikalwave.eu.org/>, экодайджест №№ 55-69, 2004-2006 г., журнал «Волна» №№ 38-42), «Социально-экологический союз» (сайт <http://www.seu.ru/>, экосводка №№ 1-19 за 2004 и 1-36 за 2005, внутренняя рассылка МСоЭС); сообщения информационных агентств REGNUM и «БАБР.RU-Сибирь»; материалы пресс-конференции главы «Ростехнадзора» Константина Пуликовского от 30 марта 2006 года, публикации в центральных газетах и интервью руководителей «Транснефть», прозвучавшие на радио «Эхо Москвы».

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПРОБЛЕМЫ

В 2001 году появились проекты ЮКОС и АК «Транснефть» по экспорту российской нефти в страны АТР, для чего предполагалось построить нефтепровод через Восточную Сибирь и Дальний Восток, общей

протяженностью около 4200 км. С этого времени были предложены два проекта, согласно которым нефтепровод предполагалось проложить по маршрутам «Ангарск-Дацин» (Проект ЮКОСа) или «Ангарск-Находка» (проект «Транснефти»). Оба они были отвергнуты государственной экологической экспертизой, так как должны были оказаться в нескольких километрах от Байкала, нарушая тем самым границы Участка всемирного наследия, который Россия должна охранять в соответствии с ее международными обязательствами.

Последний — третий проект «Тайшет-Перевозная», разработанный «Транснефтью», появился в начале 2004 года. Проект вызвал сильнейшие опасения российской общественности, вылившиеся в целый комплекс действий. Ситуация разрешилась во время встречи президента России с заинтересованными в проблеме официальными лицами в Томске в апреле 2006 г., где прозвучало его однозначное требование изменить маршрут прокладки трубопровода. Эти события и составляют анализ конкретного случая, которому посвящена данная статья.

СУБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ, ИХ ИНТЕРЕСЫ И ПОЗИЦИИ. РАССТАНОВКА СИЛ

Неправительственные организации

Инициаторами протестной активности стали экологические неправительственные организации — местные, региональные, общероссийские и международные. Мотором кампании, ее главным организатором и ядром, вокруг которого формировалось впоследствии «Байкальское движение», объединившее ряд общественных организаций самой различной направленности (вплоть до политических партий), стала Иркутская региональная организация «Байкальская экологическая волна» (БЭВ). «Байкал дороже нефти» — лозунг, под которым осуществлялись действия байкальской общественности, главной задачей было предотвратить строительство нефтепровода в водосборном бассейне озера. Защитники озера считают строительство нефтепровода по существующим проектам недопустимым или преждевременным по следующим причинам:

1. АК «Транснефть» отказала местным экологическим организациям в проведении независимой общественной экспертизы. Сначала представители Транснефти ссылались на то, что уже была проведена государственная экспертиза, затем, на то, что документы для экспертизы уже были предоставлены двум московским экологическим организациям.

2. Материалы ОВОС не носили комплексный характер:

— не был проведен анализ затрат на ликвидацию возможных аварий и демонтаж трубопровода после окончания срока эксплуатации.

²⁵ Красин Ю.А. Демократия перед вызовами: модификация или смена парадигмы? // Россия реформирующаяся. Ежегодник 2006. — М.: ИСПАН, 2007.

- отсутствовал анализ воздействия строительства на жизнь местных коренных народностей, в частности, на развитие традиционных для края отраслей, связанных с использованием и переработкой местных ресурсов, включая рыбные, лесные и рекреационные, на которых построены существующие программы развития региона;
- строительство и функционирования нефтепровода может угрожать редким видам животных и растений: он проходит через заповедник «Кедровая падь», а в бухте перевозная находится уникальный морской заповедник.

Ряд предоставленных документов экологи сочли необъективными.

3. Неизвестна экономическая обоснованность проекта: для обеспечения рентабельности проектируемого нефтепровода требуется перекачивание 80 млн. тонн нефти в год, однако для достижения этой цифры необходима разработка новых месторождений в Восточной и даже Западной Сибири. В то же время доступные сегодня 30-35 млн. тонн можно доставлять по железной дороге.

4. Первоначальный проект предполагал прохождение трассы на 100 км севернее от Байкала, она задевает водосборный бассейн озера, пересекая 70 рек Ангарского бассейна, 120 рек Ленского бассейна, и 8 водотоков, впадающих в Байкал, включая реки Верхняя Ангара и Кичера. По оценкам экологов, около 50% нефтепровода проходит через климатически сложные условия. Последний проект должен был проходить в 700 метрах от озера, что представляет неприкрытую угрозу уже для самого Байкала.

Землетрясения на участках, по которым проходит маршрут нефтепровода достигают силы в 7-11 баллов по шкале Рихтера, там возможны сходы снежных лавин и селевых потоков, наводнения. Большая часть трубопровода пролегает в малонаселённых районах, так что зафиксировать аварию моментально будет практически невозможно, и риск попадания нефти в Байкал очень высок. Нефтяной терминал для отгрузки нефти планируется построить в бухте Перевозная (Приморский край), в непосредственной близости от единственного в России морского заповедника и территории, которая является местом отдыха для всех жителей Дальнего Востока. Кроме того, нефтепровод будет пересекать реку Амур выше городского водозабора города Хабаровск, так что в случае крупной аварии в ситуации экологического бедствия может оказаться целый мегаполис.

5. Из предоставленных АК «Транснефтью» материалов не ясно, кто будет оплачивать последствия аварий на нефтепроводе, если она произойдет. Практика показывает, что эти последствия ликвидируются за счет местных бюджетов, как, например, это произошло в 1993 г. в пос. Тыреть, где местные жители до сих пор пьют привозную воду. Со-

мнение экспертов вызвали расчеты авторов проекта по налогам, которые поступят в местные бюджеты. Известно, что магистральные трубопроводы освобождены от налога на имущество, а это единственный налог, учтенный в проекте, который как раз и идет в местный бюджет. Инвестировать в развитие местной инфраструктуры АК «Транснефть» по данным эконоНПО не планирует.

Байкальским движением предлагались следующие меры по обеспечению экологической безопасности:

1. Провести независимую экологическую экспертизу и общественные слушания в соответствии с законом.

2. Изменить маршрут трубопровода. По мнению двух профессоров, участвовавших в пресс-конференции, проведенной «Байкальской Экологической Волной» (далее БЭВ) 22 декабря 2004 года в Иркутске, Юрия Тржцинского, доктора геолого-минералогических наук и Ярослава Иванько, доктора технических наук, более безопасным был бы другой вариант проекта, еще более северный: Тайшет—Усть-Кут—Киренск—Ленск, и затем с выходом на Байкальско-Амурскую магистраль. Такая трасса позволила бы обойти области геологических разломов, где землетрясения достигают 11 баллов, а также уменьшить риски схода снежных лавин и селей.

БЭВ приводит мнение экспертов-моряков, с точки зрения которых, «Перевозная — наихудший из многих вариантов размещения нефтебазы, если уж кому-то ее приспичило построить независимо от нефтепровода. Безусловно, разумнее было бы делать это в Чажме вместе с нефтеперерабатывающим комплексом, что, кстати, уже предполагалось сделать в середине 90-х годов, и тем более в Находке, в развитие существующего нефтепорта».

Кроме того, экологи требовали перенести маршрут трубопровода ниже водозабора Хабаровска по реке Амур.

3. Рассчитать экономическую рентабельность строительства трубопровода. Президент ОАО «Российские Железные Дороги» Геннадий Фадеев в ходе своей поездки в Иркутск 9 апреля 2004 года заявил, что 30 млн. тонн нефти возможно перевозить по железной дороге, и в этом случае строительство нефтепровода не требуется.

4. Рассмотреть возможность замены экспорта сырой нефти на экспорт нефтепродуктов.

Последние два пункта соответствуют позиции БЭВ о том, что строительство магистральных нефтепроводов вообще не является необходимым: оно не только выглядит потенциально опасным для природы, но и усиливает зависимость российской экономики от экспорта сырья.

Федеральные власти

Нефтепровод «Восточная Сибирь — Тихий Океан» является проектом федерального масштаба, поэтому в процесс принятия решений в данном случае вовлечены органы власти федерального уровня. Проблема находится в компетенции Федеральной Службы по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзору), который «осуществляет свою деятельность с учетом положений Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации и в соответствии с планами действий Правительства Российской Федерации»²⁶. На пресс-конференции в марте 2006 г. его глава Константин Пуликовский заявил: «При реализации проекта будут использованы самые совершенные технологии. В случае землетрясения нефть действительно может пролиться в Байкал, однако технологий, позволяющих предотвратить такую аварию, не существует». Протест против строительства, по мнению Пуликовского, инициирован «силами, которым очень невыгодно, чтобы в России появился нефтепровод, который пойдёт в Азиатско-Тихоокеанский регион». Очевидно явное противоречие позиций экоНПО и Ростехнадзора, представляющего точку зрения федеральных органов власти.

Проблема Байкала обсуждалась в Государственной Думе, в частности, в связи с принятием новой редакции Водного Кодекса РФ. Мнения депутатов разделились: опасения и призывы защитить Байкал были высказаны лишь небольшой группой, в основном коммунистами и теми депутатами, которые и прежде занимались экологическими проблемами. Фракция «Единая Россия» выступала за реализацию проекта, требуя устранения всех препятствий на его пути.

Региональные власти

Губернатор и председатель Законодательного собрания Иркутской области выступили с официальным заявлением против данного проекта (но не против его экономической необходимости). «Мы не раз беседовали на эту тему, рассказал иркутский губернатор корреспонденту «Ведомостей», — последний раз встречались 5 апреля (2006 г.), я на картах географических аргументировал, как мог, что нельзя так близко строить трубопровод». Эту позицию поддерживал и сенатор от Иркутской области. В своем интервью Информационному агентству REGNUM он отметил: «Озабоченность всех экологических структур, власти, населения, мирового сообщества по поводу судьбы озера Бай-

²⁶ Итоги работы Ростехнадзора в 2005 году и задачи на 2006 год. Пресс-релиз от 30 марта 2006 года.

кал совершенно обснована». Сенатор подчеркнул необходимость строительства нефтепровода ВСТО: «Это очень перспективный проект, обеспечивающий геополитические интересы России. Он обещает серьезное расширение рынков, открывает новые возможности для реализации российской нефти, в частности, в Юго-Восточной Азии». Но в то же время, по его словам, «мы сталкиваемся с проблемой защиты нашей жемчужины — озера Байкал».

Власти Бурятии оказались менее единодушны. Народный Хурал выказал обеспокоенность вероятной реализацией проекта. Как передавало ИРА «Восток-Телеинформ» в марте 2008 г., обращение председателя Народного Хурала Бурятии к президенту России В. Путину по поводу проекта и обеспечения безопасности экосистемы Байкала станет одним из вопросов повестки дня заседания республиканского парламента. В качестве докладчиков выступают первый заместитель министра природных ресурсов Республики Бурятия, заместитель директора Геологического института и директор регионального отделения Байкальского движения. Проект обращения к президенту страны уже подготовлен. Однако губернатор Бурятии продемонстрировал на встрече с президентом России иную позицию. В ответ на выступление губернатора Иркутской области, который, по свидетельству газеты «Время новостей», «осторожно заметил, что общественность региона все же обеспокоена экологическими последствиями строительства нефтепровода», глава Бурятии выдал жесткую отповедь: «Вы бы лучше, если так о Байкале заботитесь, перепрофилировали свой целлюлозно-бумажный комбинат! У нас таких митингов не было, потому что мы народу все объясняем! И вообще, петухов политических вокруг этого дела слишком много развелось, надо прекратить это и начать строить!».

Когда речь зашла о прокладке трубопровода по берегу Лены, немедленно забеспокоились якутские власти. В прессе никаких конкретных высказываний региональных политиков по этому поводу не публиковалось, лишь констатировался факт их озабоченности.

Такая «защитная» позиция региональных властей вполне понятна: для экономики регионов Байкал и другие водные ресурсы имеют не меньшее значение (а даже большее, потому что это именно их ресурсы!), чем нефть. К тому же в восточносибирских регионах все большее экономическое значение приобретает развитие туризма, перспективы которого также непосредственно связаны с сохранением экосистем природных объектов.

Экономические акторы

«Транснефть» яростно отстаивает свой проект, подчеркивая его экономическую эффективность. Не смущаясь, ее руководители навешивают

вают на противников проекта ярлыки шпионов или исполнителей чье-то заказа, намекая на их действия в интересах третьих сторон, как в России, так и за рубежом.

Отсутствие нефтепровода собираются использовать железнодорожники. ОАО «РЖД» включило в инвестиционную программу пункт о вложениях в развитие инфраструктуры для резкого увеличения поставки нефти в Китай в цистернах. Причем руководство РЖД отмечает, что восточный нефтепровод будет построен не ранее чем через 15 лет, а за это время РЖД успеет окупить затраты ([www.://izvestia.ru](http://www.izvestia.ru), 15.11.2004). Однако в дискуссии по поводу проекта менеджеры РЖД не вступали, равно как и Байкальское движение не было замечено в их вовлечении в протестные действия.

Остальные компании крупного бизнеса и их организации в обсуждении проекта участия не принимали.

Представители малого и среднего регионального бизнеса поддерживали деятельность защитников Байкала, эпизодически оказывая финансовую, материальную и организационную поддержку во время организации и проведения массовых акций «зеленых».

СМИ

В 2004 г. центральная пресса еще освещала то, что происходило вокруг проекта. Однако уже тогда информации о нем в официальных печатных органах (газеты «Российская» и «Парламентская») не появлялось. В материалах о предстоящем строительстве трубопровода описывалось отношение к нему различных социальных сил, иногда подчеркивалось, что выступления «зеленых» оказались направлены против одних (Транснефть), но выгодны другим (РЖД).

После того, как решение Правительством РФ было принято и Государственная экологическая экспертиза вынесла положительное решение по проекту, центральные СМИ замолчали надолго, вплоть до апреля 2006 г. Буквально в дни пребывания в Томске В.В. Путина, где он предложил перенести трассу нефтепровода, газеты начали активно публиковать сообщения по теме. И стало очевидным, что «получен ответ на главный вопрос, будораживший умы российской общественности несколько месяцев» (Российская газета), что в процесс обсуждения этого вопроса были вовлечены самые различные социальные, политические и экономические акторы, наконец, что президент выступил в данном случае как арбитр и решающий голос. Названия материалов, посвященных решению президента (Российская газета — Нефтяная труба больше не угрожает Байкалу; Коммерсант — Трубопровод чистой воды; Независимая газета — Путин спас Байкал; Комсомольская правда — Путин отодвинул трубу от Байкала; Ведомости — Трубы прочь от Байкала;

Газета — Он трубы разведет руками; Время новостей — Байкальская загогулина), косвенно свидетельствуют, на чьей стороне симпатии редакций. Однако большинство материалов представляло финал истории как угодно, только не как победу общественности, лишь единичные издания признали, что «власти вняли ее голосу».

Экспертное сообщество

Консолидированное мнение высказывали ученые Российской академии наук. Так, «Известия» в июле 2006 г. опубликовали мнение председателя Иркутского научного центра Сибирского отделения РАН, академика РАН М. Кузьмина: «Строительство нефтепровода «Восточная СИБИРЬ — Тихий океан» в 800 м от Байкала является огромным экологическим риском, тем более что есть альтернативные варианты. Понимая геополитическую и экономическую значимость реализации проекта, тем не менее, нельзя подвергать опасности такое наше национальное достояние, как озеро Байкал, объем воды в котором равен 10-летнему стоку Волги, Оби, Енисея, Лены и Амура вместе взятых. Ведь вероятность аварий на магистральном трубопроводе допускается самими разработчиками проекта: объем нефти, которая может достигнуть озера за 20–40 минут, составляет до 3 тысяч тонн, а время локализации аварии потребует более двух часов. А это значит, что нефть в короткий срок покроет треть площади акватории озера. Хотя проектировщики намерены использовать новейшие технические решения, они не могут дать гарантии того, что оболочка трубы не прорвется там, где происходит до тысячи землетрясений в год».

Как пишут «Ведомости», нынешнему маршруту есть два альтернативных варианта трассы, разработанных учеными СО РАН. Об этом рассказала эксперт государственной экологической экспертизы ВСТО Ирина Максимова. По ее словам, расчеты показали, что прокладка альтернативной трубы на 600 млн. долларов дешевле варианта «Транснефти», хотя и на 50 км длиннее. Второй маршрут, предложенный учеными, на 120 км длиннее, и его стоимость неизвестна.

Наконец, требование В. Путина перенести строительство подальше от озера было высказано в ответ на выступление на встрече в Томске академика Лаверова.

Международное сообщество

Жесткую позицию и активные действия демонстрировали только международные экологические неправительственные организации — Гринпис и WWF. Насколько известно, даже ЮНЕСКО, занесшее озе-

ро Байкал в список охраняемых объектов, ни с каким официальным заявлением не выступил.

Особенно показательно то, что власти стран Запада, очевидно обеспокоенные переориентацией потоков российских энергоносителей на Восток, при всей их экополитической ориентированности не выдвинули публично экологические доводы против строительства ВСТО.

Президент России

В течение всего времени принятия решения по проекту ВСТО В.В. Путин не делал никаких официальных заявлений. По свидетельству газеты «Ведомости», ее источник в администрации президента утверждает, что до совещания Путин ни разу не высказывался по поводу того, в каком месте будет проходить трубопровод. А все разговоры о том, что президент сначала поддерживал позицию «Транснефти», а потом изменил ее, — домыслы. Чиновник сообщил, что Путин провел множество встреч с представителями различных точек зрения и потом принял решение: «Думаю, одним из главных аргументов был тот, что Байкал на всем земном шаре у нас один».

Население

Позицию населения можно выявить тремя способами: участие в митингах людей, не являющихся членами неправительственных организаций, количество собранных подписей под петициями протеста против реализации проекта, мнения о позициях и действиях населения, высказанные в Интернет-форуме.

Митинги протеста собирали тысячи человек, а это означает, что большую часть участников составляли граждане, не входящие ни в какие организации, ибо собрать одновременно такое количество своих членов действующим региональным экологическим и другим НПО сегодня не под силу (численность организаций весьма невелика). То же можно сказать и про сбор подписей: их насчитывались десятки тысяч, в электронном режиме письма подписывали жители различных регионов страны.

Изучение форума в Интернет, посвященного байкальской проблеме, позволяет сделать вывод, что многие люди не из числа членов организаций поддерживают протестные действия, имеют и заявляют свои позиции, однако счет идет лишь на десятки человек.

Можно сделать вывод, что наиболее активные граждане из местных жителей (в основном это население Байкальского региона) свою позицию так или иначе озвучивали. Однако большая часть населения не только страны, но даже и Восточной Сибири никак себя не проявила. Об этом свидетельствуют и неудовлетворенные таким положением активисты

протеста, констатировавшие в Интернет-форуме следующее: «Более того, мощного движения российской интеллигенции (за исключением ученых), какое наблюдалось в 1960-е годы, заметно не было. Лишь мнения отдельных ее представителей просачивались сквозь выставленные в СМИ заслоны: так, известные российские музыканты участвовали в митингах в Иркутске, из интервью с Е. Евтушенко, показанном по центральному телевидению, стало известным, что поэт написал письмо В. Путину, высказав в нем опасения за судьбу Байкала в связи с проектом ВСТО.»

ПРОЦЕСС ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТОРОН

С самого начала (с 2001 г.) проект прокладки трубопровода вызвал протест со стороны экологических неправительственных организаций и местного населения. В акциях протеста принимали участие 18 экологических региональных, общероссийских и международных организаций, включая Центр охраны дикой природы, Гринпис России, Байкальскую Экологическую Волну, Ассоциацию коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, экологических организаций из Улан-Удэ, Хабаровска, Иркутска, Читы, Владивостока, Благовещенска.

С 2004 года обсуждался уже только проект ВСТО. Поначалу представители природоохранных органов проявляли недовольство проектом. Так, по свидетельству «Известий», заместитель руководителя Росприроднадзора грозился даже пожаловаться в Генпрокуратуру. Но С. Вайншток повез «на объект» представителей Минприроды. «Когда они прибыли на место, когда они увидели скалы, 83 градуса, и вернулись обратно, сказали — извините, мы неправы, это максимум возможного, что можно предложить» — поделились чиновники в интервью «Эху Москвы». А сам О. Митволь примирительно заметил, что если выбирать между старой железной дорогой в 10 метрах от озера и новой трубой в 800 метрах, построенной по самым современным методам, то, конечно, труба лучше».

Принять решение о строительстве нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий Океан правительство планировало до 15 декабря 2004 г. И поэтому уже в ноябре развернулось первое действие борьбы общественности против реализации проекта. Одним из первых выступлений была акция активистов «Гринпис», проведенная у штаб-квартиры компании «Транснефть». С подачи гринписовцев 11 ноября прокуратура Москвы предъявила главе компании С. Вайнштоку представление о выявленном нарушении законодательства. Оно касается общественных слушаний по оценке воздействия на окружающую среду (ОВОС) проекта строительства трубопровода. Согласно документам

прокуратуры, информация о предполагаемом строительстве не публиковалась в официальных изданиях федеральных органов исполнительной власти, а потому требование по обеспечению участия общественности в оценке проекта не было выполнено.

Представители «Транснефти» были «возмущены заявлениями экологов», как заявил «Известиям» вице-президент компании С. Григорьев. Он сообщил также, что решение о строительстве нефтепровода принимает правительство, все необходимые общественные слушания были проведены, а государственная экспертиза ведется как раз сейчас.

В апреле 2005 г. был подписан приказ об определении этапов строительства нефтепровода общей мощностью 80 миллионов тонн нефти в год. Минпромэнерго в начале ноября 2005 г. согласовало сетевой график проектирования и строительства трубопровода с администрациями субъектов федерации и внесло согласованный документ в правительство РФ. Это означало уже назначение конкретных сроков согласования всех документов и выход на этап строительства.

Экологи призывали население и специалистов к участию в общественных слушаниях, проводимых «Транснефтью». Так, участниками слушаний в Улан-Удэ 21 июля 2005 г. были представители неправительственных организаций, представители природоохранных органов власти, СМИ, ученые, жители Улан-Удэ, Республики Бурятия и других регионов страны. В ходе слушаний были высказаны многочисленные замечания относительно как самой процедуры проведения слушаний, так и содержания представленных «Транснефтью» материалов. В результате в протоколе было зафиксировано несогласие общественности с планами реализации проекта.

В этом же году был создан сайт регионального информационного центра «БАБР.RU-Сибирь», на котором уже к 18 марта были собраны первые 10 тысяч подписей против строительства нефтепровода и переданы депутатам Госдумы, следующие 10 тысяч — были собраны уже к 12 апреля.

После обращения экологических неправительственных организаций Приморья к депутату Госдумы от их округа, депутатский комитет по экономической политике и собственности Приморского Законодательного собрания провел слушания по проблеме размещения в бухте Перевозной гигантской нефтебазы под прикрытием проекта ВСТО. В результате обсуждения было решено вынести вопрос на рассмотрение Законодательного собрания, которое приняло обращение депутатов к губернатору, «Транснефти» и Правительству РФ с требованием провести дополнительный анализ альтернативных вариантов и возможных рисков и на его основании пересмотреть решение о конечном пункте нефтепровода. Кроме того, были направлены депутатские запросы на имя премьер-министра М. Фрадкова, генерального прокурора РФ В. Устинова и губернатора С. Дарькина. В результате была обеща-

на прокурорская проверка по всему маршруту трубопровода. Директор департамента социального развития и охраны окружающей среды отписал запрос «для рассмотрения» Ростехнадзору и другим органам исполнительной власти. Это был первый случай, когда проект (правда, в его конкретной части — относительно Перевозной) был поставлен под сомнение.

13 мая 2005 г. решение о приостановке действия положительного заключения Государственной экологической экспертизы проекта «Обоснование инвестиций в строительство нефтепроводной системы Восточная Сибирь — Тихий океан» было принято Хабаровским районным судом в ответ на иск, который подала Дальневосточная межрегиональная общественная экологическая организация «Экодаль». До проведения новой государственной экологической экспертизы строительство оказалось вне закона. Результаты государственной экспертизы были объявлены в январе 2006 г. Заключение было отрицательным: 46 экспертов из 52 сочли недопустимым прокладку нефтепровода в непосредственной близости от Байкала. Однако это решение не было утверждено руководителем Ростехнадзора. Срок проведения экспертизы был продлен, а состав комиссии расширился еще на 34 человека.

С этого времени общественность переходит к более активным действиям.

В начале 2006 г. было создано «Байкальское движение», позиционируемое как неформальное объединение неправительственных организаций, граждан, политических партий, профессиональных сообществ с целью предотвращения строительства нефтепровода в водосборе Байкала и других опасностей, угрожающих священному сибирскому морю. Появился орган, который стал главным координатором последующих действий.

Между тем, Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор) 6 февраля 2006 г. одобрила технико-экономическое обоснование проекта.

После того, как в марте 2006 г. Ростехнадзор разрешил строить трубопровод, в Иркутске, Томске, других городах начались конкретные действия общественного движения. Защитники Байкала обращались непосредственно к представителям «Транснефти», обращали внимание представителей бизнеса на то, что взаимное сотрудничество может быть выгодно экономически. Однако представители «Транснефти» пытались добиться разрешения на строительство в самые короткие сроки, потому единственным результатом этой деятельности стала возможность доказать в суде, что до сведения «Транснефти» были доведены как требования экологов, общественности, так и нормы права, согласно которым корпорация была обязана к ним прислушаться. Сотрудничества не получилось. После этого развернулась подготовка к проведению массового митинга протеста.

1 марта комиссия Государственной экологической экспертизы приняла решение о допустимости реализации проекта ВСТО.

9 марта 2006 г. Верховный суд РФ признал законным постановление Правительства РФ о строительстве нефтепровода по проекту ВСТО, отклонив жалобы ряда экологических организаций.

В это же время в Российской газете опубликуется интервью с руководителем кампании «Транснефть» С. Вайнштоком, в котором он не только пытается доказать, что проект не угрожает Байкалу, но и обвиняет экологическую общественность в действиях в интересах Запада, которому «не выгодно усиление Китая, который получил бы возможность доставки нефти из России».

Активизация сторонников ВСТО заставила общественность перейти к более радикальным действиям. Их основной задачей стало — привлечь внимание населения к проблеме, чтобы иметь массовую поддержку своей позиции, с одной стороны, а с другой — оказать посредством высказывания отрицательного отношения к проекту большого количества граждан давление на власти — региональные (чтобы не могли пассивно соглашаться с решением федерального правительства), федеральные (чтобы осознавали и учитывали неприятие проекта широкими слоями населения). В связи с этим основным способом действия инициаторы протеста — Байкальское движение — избрали методы демонстративные: митинги, распространение листовок, выступления в СМИ (по мере возможности, а таковой почти не было), выступления с обращениями и заявлениями, обсуждение проблемы в Интернет. На сайте было собрано более 11 тыс. подписей против ВСТО. Главная работа была направлена на подготовку общественного мнения к проведению митинга, который должен был состояться в конце марта.

Деятельность противников строительства была столь публично известной, что на нее стали откликаться даже представители официальных структур. Кроме экологов, на защиту Байкала встали губернатор и председатель Законодательного собрания Иркутской области, выступившие с совместным заявлением, в котором высказались против прокладки нефтепровода через прибрежную зону Байкала, полпред в Совете Федерации от Иркутской области, Народный Хурал Бурятии, а также 70 депутатов Госдумы, потребовавших отвести угрозу от Байкала.

Даже политсовет Иркутского отделения политической партии «Единая Россия» на заседании 13 марта решил в ближайшее время обратиться с просьбой об отмене приказа об утверждении положительного заключения государственной экспертизы проекта ВСТО и предложить направить материалы проекта на доработку, сообщило ИА REGNUM.

20 марта в Иркутске состоялся многотысячный митинг протеста, на телеканале «Россия» прозвучало, что в нем приняли участие более

5 тысяч человек. В оргкомитет митинга вошло большое количество организаций, среди них: «Байкальская экологическая волна», Иркутское областное объединение организаций профсоюзов, движение анархистов «Автономное действие», национал-большевики, Всероссийское общество охраны памятников природы, Всероссийское общество слепых, эколого-правозащитная организация «Земляне», молодежный благотворительный фонд «Возрождение земли сибирской», фонд «Байкал, Третье тысячелетие», Объединенный гражданский фронт, почти все политические партии. Манифестация прошла по центральным улицам города с весьма резкими лозунгами в адрес руководства «Транснефти» и государства, принимающего «такие» решения. Лидер иркутского отделения СПС заявил «Коммерсанту»: «Если президент не прислушается, такой президент нам не нужен». Неудивительно, что, как уточнила газета «Время новостей», представители «Единой России» от участия в общегородском митинге «предусмотрительно отказались, сославшись на то, что проведут ряд мероприятий против строительства ВСТО вблизи Байкала отдельно от прочих политических сил».

В середине апреля группа депутатов выступила с обращением к президенту в кратчайшие сроки принять необходимые меры по обеспечению установления границ Байкальской природной территории и ее водоохранной зоны. Дело в том, что депутаты Госдумы при повторном принятии Водного кодекса и законопроекта «О введении в действие Водного кодекса» исключили статью, определяющую границы водоохранной зоны озера Байкал, которая должна была быть записана в закон «Об охране озера Байкал». По словам депутата фракции КПРФ, обращение подписали около 50 депутатов, в основном представляемой им фракции. Они обращают внимание на то, что Водный кодекс узаконивает частную собственность на водные объекты. Ситуация вокруг озера Байкал, отметил депутат, — «просто вопиющий случай».

Последними акциями стали митинги в апреле, которые прокатились практически по всей стране — Иркутске, Ангарске, Северобайкальске, Улан-Удэ, Томске, Санкт-Петербурге, Москве, Ростове-на-Дону, Нижнем Новгороде и других городах.

ФИНАЛ И ЕГО ОЦЕНКИ

В российских газетах представлены самые разные оценки²⁷.

«Байкалу не грозит опасное соседство с нефтепроводом, который «Транснефть» собираются вести в Китай. Владимир Путин внезапно приказал изменить маршрут трубы так, чтобы она не приближалась к озеру менее чем на 40 км от северного берега озера», — сообщили

²⁷ Обзор российских газет // http://news.bbc.co.uk/hi/russian/press/newsid_4949000/4949180.stm

«Вести». Впрочем, как считает член политсовета партии СПС, политолог А. Кара-Мурза, которого цитирует газета, «суть спора о маршруте Восточного трубопровода была не в стоимости трубы, а в противостоянии бюрократии и общественности». Президент, по его мнению, «давно играет образ человека, который в последний момент рвет цепочку бюрократических согласований и лоббизма... в соответствии с таким имиджем президент встал на сторону общественности».

«Конечно, можно назвать это моделью «добраго царя», но работает она безотказно», — констатируют «Известия». В материале под заголовком «Президент снова отобрал флаг у оппозиции» газета утверждает: «Путин в очередной раз перехватывает инициативу оппозиционных партий: «Еще вчера у представителей «Яблока», СПС, КПРФ и других был лозунг, который мог объединить массы — «Спасем Байкал!». Но президент снова все «испортил». Своим решением он остановил «зарвавшихся нефтяников» и перенес трубопровод подальше от Байкала. Теперь надо искать новые лозунги».

«Коммерсант» пытается разобраться, «кто действительно пролоббировал указание президента перенести маршрут трубопровода подальше от Байкала». Источники газеты в администрации президента уверенно говорят, что о переносе маршрута, а точнее, за увеличение сроков его строительства, связанных с новым маршрутом, перед президентом хлопотал глава АО РЖД Владимир Якунин. Другой версией газеты является то, что «громადье планов Семена Вайнштока...», говорят, активно не нравится президенту «Роснефти» Сергею Богданчикову и председателю ее совета директоров Игорю Сечину. «Роснефть», претендующую не только на лавры главного освоителя Восточной Сибири, но и автора правил игры во всем нефтяном бизнесе, вряд ли могло устраивать намерение «Транснефти» играть первую скрипку в ТЭКе». «Не стоит забывать и канцлера ФРГ Ангелу Меркель, с которой Владимир Путин встречался в том же Томске», — добавляет издание. «Демонстративное внесение корректив в проект ВСТО вполне может быть сигналом госпоже Меркель: мы готовы торговаться, перенаправление российской нефти в Китай — обсуждаемый вопрос. К тому же, в ФРГ «зеленая» тема популярна. Не нужно быть Йошкой Фишером, чтобы понять, что Меркель не может не понравиться забота президента о Байкале ровно на 40 км, указанные Владимиром Путиным», — заключает «Коммерсант».

«Президент прислушался к голосу общественности. Есть надежда, что у нас все-таки появится полноценное гражданское общество», — так депутат Законодательного собрания Иркутской области Алексей Козьмин прокомментировал Независимой газете известие об изменении маршрута нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан. В самом деле, история со строительством нефтяной трубы по берегу «священного моря» превратилась в скандал как минимум всероссийского масштаба.

На фоне непрекращающихся и, конечно, имеющих определенные основания опасений утраты достигнутого уровня развития демократии в нашей стране длительная и многотрудная борьба за убережение Байкала от рисков, которые могут проявиться в связи с реализацией проекта ВСТО, продемонстрировала рост демократии снизу. Оказалось, что местное население (по крайней мере, его активная часть) и сформированные им неправительственные организации не только являются носителями экологических и культурных ценностей, но и способны отстаивать свои позиции, причем вполне конвенциональными способами, хотя и с предупреждениями о том, что готовы перейти и к более радикальным методам.

Представленный случай показал, что неправительственные организации способны формулировать цели, разрабатывать программу действий, мобилизовывать население, являющееся их основным, если не единственным, ресурсом. При практическом отсутствии институтов и каналов трансляции позиций общественности и их учета властями, они смогли применить ряд технологий для оказания необходимого влияния на структуры, принимающие решения, осуществить их и в результате достичь поставленных целей. Это старые, давно известные и проверенные в действии технологии массовых акций (митинги, демонстрации), сбор подписей, заявления и обращения, переговорный процесс с региональными властями, авторами и исполнителями проекта ВСТО, поиск и мобилизация сторонников из числа неэкологических движений, политических партий, вплоть до регионального отделения Единой России, опора на экспертное мнение. В ходе кампании протеста возникли и были применены новые технологии: в первую очередь, это интернет-форум, позволивший показать разброс мнений и интенций защитников Байкала в режиме ежедневного информирования пользователей, что было особенно важно в условиях молчания СМИ, а также новые агитационные формы — граффити, флеш-мобелы и т.п.

В результате анализа развернувшегося противостояния и различного типа взаимодействий внутри него удалось выявить расстановку социальных сил относительно рассмотренной проблемы.

С одной стороны оказались те, кто ориентирован на экономические интересы (хотя и с оговорками об экологической безопасности), — федеральные власти, «Транснефть», Государственная экологическая экспертиза, СМИ, судебные органы. Единственным, кто показал себя экономически ориентированным, но выступающим против ВСТО, был менеджмент РЖД, поскольку его интересы вошли в острое противоречие с интересами «Транснефти». Однако сказать, что этот актер выступил на стороне «экологистов» невозможно: ни с какими экологическими лозунгами и ни в каких протестных действиях он замечен не был. Более того, и сами «зеленые» (несмотря на намеки противостоя-

щей им стороны в створе с РЖД) не вступили на «скользкий путь» мобилизации этой силы против сторонников строительства, даже при том, что они стремились вовлечь в борьбу практически всех, способных и готовых действовать.

Противоположную (экологическая ориентация и резкое неприятие проекта) сторону представили неправительственные организации разной направленности, российское экологическое движение, местное население, экспертное сообщество, отдельные представители Государственной Думы и интеллигенции.

В ходе конфликта проявилось и очевидное противостояние сил региональных Центру. Причина «регионалами» была четко сформулирована: действия федеральных властей не учитывают местные интересы. В Интернет-форуме зазвучали (и вполне весомо — высказывания были весьма резки и часты) рассуждения о том, что, если мнение защитников Байкала не будет услышано, то придется перейти к радикальным действиям, которые будут направлены на отделение Сибири от России.

Позицию наблюдателей занимали президент и население страны в целом. Для демократического общества это представляется правомерным: гарант Конституции должен был изучить проблему и расстановку сил вокруг нее прежде, чем принять решение, а что касается населения, то ни в одной стране мира оно не было вовлечено в длительное отстаивание своих позиций. Именно эти два актора выступают, в конечном счете, как арбитры, выносящие окончательное решение, предварительно проверяя его верность демократическим способом — выясняя, чья точка зрения победит. Так произошло и в нашем случае: когда перевес очевидно оказался на стороне защитников Байкала, В.В. Путин принял уже известное решение, которое молчаливо поддержало все общество, по крайней мере, с его стороны не было озвучено никаких противоположных мнений, не появилось новых групп, поддерживающих проект ВСТО.

Исследование данного конкретного случая подтвердило то, что «россияне сохраняют приверженность многим демократическим ценностям и институтам»²⁸.

ГЛАВА V

Общественные движения и защита интересов социальных групп

²⁸ Горшков М.К., Петухов В.В. Перспективы демократии в России: угрозы реальные и мнимые // Социологические исследования. — 2004. — № 8. — С. 23.

РОССИЙСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ И ИХ РОЛЬ В ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ

Существуют различные определения профсоюзов, но практически все они сводятся к их интерпретации как объединений наемных работников, созданных с целью защиты их прав и интересов, повышения заработной платы, улучшения условий труда. Так, согласно А. Гидденсу, профсоюзы возникли для защиты материальных интересов промышленных рабочих. В начальный период развития индустриального общества наемные рабочие практически не имели политических прав, и не имели возможностей влияния на условия собственного труда. В то же время совместный труд на фабриках приводил к возникновению солидарности, которая стала основой для формирования рабочего движения. «Тред-юнионы появились, в первую очередь, как средство компенсации дисбаланса власти между рабочими и работодателями»¹.

Главную роль профсоюзов некоторые социологи видят в институционализации трудовых конфликтов, то есть в процессе установления правил и процедур их урегулирования. Именно институционализация трудовых конфликтов стала главным фактором снижения напряженности в западном обществе². Помимо институционализации трудовых конфликтов происходит институционализация самих профсоюзов, то есть формирование правил и процедур их взаимодействия с различными социальными акторами, прежде всего, с государством и работодателями.

Российские профессиональные союзы действуют на политической арене очень короткий период времени по сравнению с западными профсоюзами. Профсоюзы, существовавшие в советский период, были частью государственной системы управления и ни в какой мере не могут быть причислены к общественным организациям. Всего лишь за последнее десятилетие XX века многие российские профсоюзы прошли путь от рабочей самоорганизации, противостоящей работодателям и государству, до института современного российского общества, встроеного в систему социального партнерства.

К концу 1990-х годов прошлого столетия в России возникло несколько типов профессиональных союзов, основными из которых являются традиционные профсоюзы, альтернативные профсоюзы, профсоюзы крупных компаний. Традиционные профсоюзы выросли из одноименных советских организаций. Альтернативные профсоюзы появились

в ходе забастовочного движения 1990-х годов. Профсоюзы компаний были созданы администрациями крупных корпораций и полностью ей подконтрольны.

Существует ряд факторов, которые обуславливают специфику функционирования профсоюзов как субъектов публичной политики, а также особенности процесса их институционализации. К этим факторам относится, во-первых, переходная экономика России и свойственные ей острые социальные конфликты, во-вторых, наличие структур бывших советских профсоюзов, которые после распада СССР стремились снова завоевать себе место в политике, в-третьих, существование сформировавшейся системы международных профсоюзных организаций и сложившейся модели социального партнерства. Однако, в целом российские профсоюзы проходят в своем развитии те же стадии, что и западное профдвижение.

ИСТОРИЯ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ

Профсоюзное движение имеет более чем двухсотлетнюю историю, оно начало формироваться на заре становления индустриального общества. Первые профессиональные союзы (тред-юнионы) возникли во второй половине XVIII века в Англии. Их появление было следствием острейшего конфликта между работодателями и наемными работниками. Противостоять предпринимателям и отстаивать свои интересы, можно было только совместными усилиями наемных рабочих. Начался процесс самоорганизации работников, первой ее формой стали союзы взаимопомощи, затем они превратились в тред-юнионы, которые начали защищать интересы рабочих. Основной формой действия и наиболее эффективным средством влияния на предпринимателя, начиная с самых ранних стадий развития капитализма, стала забастовка.

В начале XIX столетия профессиональные организации появились в других странах Европы, а также в США. Постепенно сформировалось тред-юнионистское движение, главным целью которого была борьба с работодателями за повышение заработной платы и улучшение условий труда.

Деятельность профсоюзов в первой половине XIX века носила нелегальный характер, их лидеры преследовались властями. Однако рост рабочего движения, массовые забастовки, восстания и революции заставили и государство, и предпринимателей пересмотреть свой подход к профессиональным союзам, так как превратили последних в реальную социальную силу, с которой нужно было считаться. Именно организации стали инструментом взаимодействия трудящихся с властями. В 1871 году в Великобритании был принят закон о тред-юнио-

¹ Giddens A. Sociology. Third edition. Cambridge: Polity Press, 1998. — P. 23

² Ibid.

нах, устанавливающий нормы и правила отношений между работодателями и наемными рабочими. В 1884 году профсоюзы были законодательно разрешены во Франции. К концу XIX века законы о профсоюзах появились во многих западноевропейских странах и в США. До первой мировой войны во Франции, Германии, Великобритании и США профсоюзам удалось добиться законодательного сокращения рабочего дня до 8-10 часов, началось формирование систем социального страхования и охраны труда.

В начале XX века появляются первые международные профсоюзные структуры. Их возникновение было обусловлено монополизацией капитала, выходом его за рамки национальных государств. Профсоюзы вынуждены объединяться и формировать интернациональные организации, чтобы вести переговоры с транснациональным работодателем.

Таким образом, складывалась законодательно оформленная система взаимодействия профессиональных союзов с предпринимателями, которая строится на принципе трипартизма, то есть обязательном участии представителей государства, работодателей и профсоюзов. Арбитром и посредником в этом взаимодействии выступало государство. В 1903 году создан международный секретариат профсоюзов, начинается организация международных отраслевых конфедераций профсоюзов. В 1919 году создается Международная организация труда (МОТ), в которую входят представители работодателей, государства и профсоюзов всех стран-участниц³.

Государство всегда стремилось контролировать профсоюзное движение: сначала применяя силу, а после принятия законов, разрешающих деятельность профсоюзов, — и более изощренными способами. Лидеров движения подкупали, создавали лояльные правительства и предпринимателям профсоюзы.

Переговоры, а позднее партнерство работодателей и государства с профсоюзами позволили предотвращать назревающие или выходящие из уже разгоревшихся конфликтов со значительно меньшими издержками, чем в случае применения силы и создали новый, более эффективный механизм контроля над движением со стороны государства. Именно государство отвечало за принятие законов, установление правил, регулирующих как взаимоотношения работодателей и работников, так и взаимоотношения профсоюзов и работодателей, определяющих место и роль профсоюзов в экономической, социальной и политической жизни общества.

Институционализация профсоюзного движения вела к их бюрократизации и обособлению союзов трудящихся от самих трудящихся.

³ Подробно о развитии профсоюзов в странах Запада см.: История профсоюзного движения за рубежом. — М.: Профиздат, 1990.

Следствием оказалось расхождение интересов профсоюзных организаций с интересами работников. В результате в тех случаях, когда защита этих интересов становилась острой и насущной проблемой, параллельно институционализированным профсоюзным структурам создавались новые, альтернативные профсоюзы. Так, в начале XX века недовольство рядовых активистов профсоюзного движения соглашательской позицией своих лидеров, бюрократизацией профсоюзных организаций привело к формированию движения революционного синдикализма, в котором также участвовали члены социалистических и социал-демократических партий. Революционный синдикализм отрицал парламентскую борьбу за власть, а также организационный централизм и профсоюзную бюрократию. Революционные синдикаты, объединяя трудящихся по профессиям, рассматривали себя как основу будущего негосударственного устройства общества, к которому можно было перейти через всеобщую забастовку.

Во время первой мировой войны движение революционного синдикализма распалось, на смену ему пришел анархо-синдикализм. В 1922-1923 гг. был создан анархо-синдикалистский Интернационал (Международное товарищество рабочих), объявивший себя продолжателем первого интернационала времен Бакунина. Анархо-синдикализм объединил различные анархистские течения, но общим для них было отношение к профсоюзам как к самоорганизации рабочих. Часть синдикалистов выступала за передачу предприятий в собственность трудовых коллективов. Во время гражданской войны в Испании синдикалисты стали главной силой, противостоящей фашистам. В этот период некоторые предприятия действительно перешли в руки рабочих и управлялись ими.

Наибольшего развития анархо-синдикалистское движение достигло в 20-е и начале 30-х годов XX века в Италии, Испании, во Франции и в Аргентине. Победа Франко в Испании и диктатура Муссолини в Италии привели к полной ликвидации анархо-синдикалистского движения в этих странах. В 30-е годы также были разгромлены сильнейшие анархо-синдикалистские профсоюзы в Аргентине. Анархо-синдикализм существует как течение анархизма и в наши дни, но не играет сколь-либо серьезной роли в профсоюзном движении⁴.

В настоящее время, большинство западных профсоюзов полностью вписано в систему институтов современного общества. Их роль в политике, их функции и правила взаимодействия с работодателями и государством четко определены на всех уровнях, от международного до локального. Однако в последние десятилетия XX века позиции профсоюзов в политике были серьезно подорваны. Существует ряд причин, сни-

⁴ Дамье В. Анархо-синдикализм в XX веке. — М.: ИВИ РАН, 2000.

жения политического влияние современных профсоюзов. Во-первых, это структурные или циклические изменения в экономике, которые либо уменьшают активность профдвижения, либо сокращают количество организаций или их членов. Например, рост безработицы и усиление конкуренции со стороны азиатских стран, в которых заработная плата гораздо ниже, чем на Западе, сокращают возможность «торговли» с работодателем, так как в таких условиях организовать забастовку крайне трудно. Вытеснение крупных производств небольшими высокотехнологическими предприятиями подрывает социальную базу профсоюзов, которой всегда были заводы с большой численностью и высокой концентрацией работающих. Во-вторых, серьезной причиной уменьшения политического веса профсоюзов стала их бюрократизация. Современные западные профсоюзы представляют собой очень крупные организации, в которых занят постоянный персонал, имеющий слабое представление об условиях работы членов профсоюза. Деятельность и позиции лидеров далеко не всегда совпадают с интересами рядовых активистов. Первичные организации часто оказываются в состоянии конфликта со стратегией собственного профсоюза⁵.

В итоге, в 80-е годы в США и ряде европейских стран, включая Англию, Францию, Германию и Данию, были приняты законы, серьезно ограничивающие права профессиональных союзов.

ПРОФСОЮЗЫ РОССИИ

Профсоюзы в царской России и СССР

В России в 1895-1896 годах появились предшественники профсоюзов — стачечные комитеты. Собственно профсоюзное движение возникло во время революции 1905 года. Сильные организации сформировались на Путиловском и Обуховском заводах в Санкт-Петербурге. В 1906 году начали создаваться профсоюзы в Москве. Первые профсоюзы были малочисленны, плохо организованы, разобщены. Последовавшая после первой русской революции волна репрессий не позволила им объединиться. Новый всплеск российского профсоюзного движения начался после революции 1917 года, но с полной победой советской власти профсоюзы фактически трансформировались в формализованную государственную структуру.

С возникновением Советского государства и до конца 1980-х годов они были частью системы управления на всех уровнях, начиная от предприятия или организации и заканчивая органами власти⁶. Проф-

союзы играли роль системы социального страхования, в их задачи входило также осуществление инспекции условий труда.

Работники становились членами профсоюза автоматически, при поступлении на работу. Профсоюзные взносы из первичных организаций перечислялись в центральные профсоюзные органы, которые затем перераспределяли эти средства между организациями разных уровней. Деятельность первичных организаций в основном сводилась к решению социально-бытовых вопросов на предприятии. Они занимались распределением материальной помощи, квартир, путевок в рекреационные учреждения, мест в детских садах, ведомственных поликлиниках, дефицитных товаров и пр. Кроме того, профсоюзы участвовали в организации самого трудового процесса, в числе их задач — организация социалистического соревнования, субботников, руководство профессиональным обучением. Координация деятельности обществ рационализаторов и изобретателей также осуществлялась профсоюзами.

Формально за профсоюзами были закреплены функции защиты интересов работников. Без согласия профкома нельзя было уволить, изменить условия труда, распределить квартиры и пр. В реальности профсоюзы практически полностью зависели от позиции коммунистической партии и правительства, а на отдельных предприятиях — от позиции партийной организации и дирекции.

Российские профсоюзы в 90-е годы

После 1991 года советские профсоюзы утратили свои позиции в государственной системе, поскольку эта система просто перестала существовать. Новое российское государство в начале 1990-х годов пыталось скопировать западную модель трипартизма, приняла ряд законов о профсоюзах и охране прав трудящихся. Была создана трехсторонняя комиссия, в которую входили представители государства, работодателей и профсоюзов. Кроме того, в России действовали Министерство труда и другие государственные структуры, связанные с охраной труда. В середине 90-х годов были созданы региональные структуры Министерства по урегулированию трудовых конфликтов. Однако правовой механизм защиты интересов трудящихся длительное время не работал, а трехсторонняя комиссия долгое время оставалась чисто символической, декоративной структурой, в ней отсутствовала главная сторона — активные и независимые профсоюзы⁷.

⁶ Петрова Л.Е. «Как умирают «советские» профсоюзы» // Мир России. — 2001. — №3. — С. 3.

⁷ Профсоюзное пространство современной России. Под ред. В Борисова, С. Кларка. — М.: ИСИТО, 2001.

⁵ Giddens A. Sociology. Third edition. Cambridge: Polity Press, 1998. — P. 315.

Ситуация несколько меняется по мере развития профсоюзного движения, которое состоит из организаций, различных по происхождению, по способам действий, ресурсам и по характеру взаимоотношений власти и бизнеса. Рассмотрим их подробнее.

Традиционные профсоюзы

Традиционные профсоюзы это бывшие советские профсоюзы. Они объединились в Федерацию независимых профсоюзов (ФНПР) и в начале 1990-х не играли серьезной роли на политической арене, не оказывали влияния на процесс принятия решений. Они сохранили материальную базу советской профсоюзной системы, но численность их членов упала, люди выходили из профсоюза, так как он представлял скорее интересы администрации, нежели работников, не хотели платить членские взносы, переходили в альтернативные профсоюзы и т.п. Тем не менее, из традиционных профсоюзов вышли далеко не все. Многие оставались «на всякий случай» и просто потому что хорошо помнили о роли профсоюзов в недавнее советское время. Кроме того, профсоюзы постарались сохранить свою распределительную функцию, опираясь на налаженные связи в сфере торговли и услуг. Однако даже их члены не рассматривали свои организации как реальных представителей и защитников своих интересов.

Традиционные профсоюзы искали способы вернуть себе (или занять новое) место в политической системе современного общества. Однако государство и работодатели не желали рассматривать их как партнера, несмотря на полную лояльность профсоюзных лидеров по отношению к этим структурам и на сохранившиеся хорошие отношения первичных организаций с администрациями предприятий. Дело в том, что старые профсоюзы не обладали ни властью, ни капиталом, они фактически не представляли интересов трудящихся и не защищали их права, то есть, не могли мобилизовать наемных работников на какие-либо активные действия.

В начале и середине 1990-х годов права работников нарушались постоянно — при увольнениях, при заключении и выполнении трудовых договоров. К тому же начались длительные невыплаты зарплат. Попытки защитить рабочих, используя принятые трудовые законы, полностью провалились. Иски в суд принимались с нарушениями, администрации предприятий информировались о том, кто подал иск. Суд не был защищен от давления, а его решения просто не исполнялись, не выплачивалась зарплата, незаконно уволенных работников сокращали после восстановления и т.п. В итоге, даже те предприятия, которые располагали средствами для выплаты зарплаты, перестали ее выпла-

чивать. Это делалось с согласия региональных и местных властей, которые лишь формально требовали от директората объяснений.

Большинство входящих в ФНПР профсоюзов не могли нарушить сложившиеся отношения с администрацией. В крайнем случае, они могли действовать, не выходя за рамки, определенные трудовым законодательством, а это было бесполезно. Получить разрешение на забастовку было также нереально, как и выиграть судебный процесс. Добиться поддержки работников, сохраняя лояльность к власти и администрации, не удалось.

Традиционные профсоюзы в этот период начинали активно искать новую социальную базу, декларируя свою причастность к разрешению различных проблем, включая экологические, объявляя себя защитниками интересов не только работников, но и всего населения⁸.

Альтернативные профсоюзы: от самоорганизации к институционализации

Альтернативные (свободные) профсоюзы в отличие от профсоюзов традиционных в большинстве случаев были формой самоорганизации работников, объединившихся для защиты своих насущных интересов. В течение десятилетия новые организации постоянно появлялись и исчезали. Некоторые из них существовали не более двух лет, многие активны и сегодня.

Исследователи профсоюзного движения выделяют три волны появления альтернативных профсоюзов⁹. Первые организации появились в результате стихийного забастовочного движения конца 1980-х годов. Наиболее известными стали Независимый профсоюз горняков (НПГ) и Федерация профсоюзов авиадиспетчеров (ФПАД). Эти профсоюзы отказались от универсального членства, не принимали руководителей предприятий и даже специалистов. Они объединяли определенные группы работников, например, рабочих проходческих участков в угольной промышленности, авиадиспетчеров и летный состав в авиатранспорте и пр. Эти группы работников, отвечали за выполнение какой-либо функции предприятия, жизненно важной для производственного процесса, для экономики и потребителей. Например, шахтерская забастовка означала перебой в энергосистеме и приостановку деятельности металлургической промышленности. Забастовка машинистов и

⁸ О конкретных примерах см.: Место под солнцем. Инструментарий деятельности экоНКО. — М.: TACIS, 1988.

⁹ Подробно см. Профсоюзное пространство современной России. Под ред. В Борисова, С. Кларка. — М.: ИСИТО, 2001. — С. 98-125.

диспетчеров могла полностью парализовать железнодорожное и воздушное сообщение, имеющее ключевое значение для огромной страны, и т.п. Именно такой способ организации и мобилизации активистов давал новым профсоюзам силу и реальную возможность влияния на принятие решений.

Новые профсоюзы начали использовать механизм коллективных договоров. Форма переговоров была принципиально новой и представляла собой открытый и равноправный диалог, вместо традиционных закрытых обсуждений, на которых доминировала администрация. Несогласие с требованиями новых профсоюзов или невнимание к ним оборачивалось для работодателя забастовками и акциями протеста.

Администрация предприятий и органы власти не желали признавать новые профсоюзы. Лидеры независимых профсоюзов часто подвергались преследованиям и насилию. Традиционные профсоюзы объединились с администрацией в их позиции по отношению к новым организациям и во многих случаях действовали совместно с ней против них. Совместных акций традиционных и альтернативных профсоюзов по защите прав работников никем не отмечено.

Ряд ресурсов альтернативным профсоюзам доступен не был, по крайней мере, на первых этапах их деятельности. Так, в отличие от традиционных профсоюзов, у них не было нормальных условий для работы, помещений, средств связи. Распределительная активность традиционных профсоюзов в эпоху дефицита, а затем дороговизны была достаточно серьезным средством привлечения членов в организацию. Некоторые альтернативные профсоюзы попытались использовать его, но безуспешно, так как добыча нужных товаров и путевок требовала связей в соответствующих сферах, которых у новых профсоюзов не было. Кроме того, альтернативные профсоюзы не умели управлять организационными ресурсами, то есть, в отличие от бюрократических традиционных профсоюзов, не могли обеспечить выполнение собственных решений, не обладали навыками ведения бухгалтерского учета, делопроизводства, учета членства и т.п.

В середине 1990-х годов результаты работы альтернативных профсоюзов во многих случаях были перехвачены традиционными профсоюзами (например, Росуглепроф, входящий в ФНПП, присваивает себе заключение тарифного соглашения и ряд других инноваций в трудовых отношениях, реализованных альтернативным НПП)¹⁰. В этот же период некоторые альтернативные профсоюзы (например, профсоюз авиадиспетчеров) были институционализированы, признаны работодателями в качестве партнеров и фактически утратили свою альтернативность.

¹⁰ Профсоюзное пространство современной России. Под ред. В Борисова, С. Кларка. — М.: ИСИТО, 2001. — С. 106.

Работодатели в этих случаях начали считаться с интересами работников и перестали создавать острые конфликтные ситуации, по крайней мере, в течение довольно долгого периода времени, что, без сомнения, является серьезным достижением профсоюзной активности. Другие альтернативные профсоюзы первой волны, такие как НПП, просто потеряли свое влияние, поскольку не смогли решить проблемы невыплат заработной платы и незаконных увольнений. Дело в том, что в середине 1990-х годов начались многочисленные привлечения профсоюзов к ответственности за незаконные забастовки, а получить разрешение на легальную забастовку стало практически невозможным.

В ответ на это возникает новая волна рабочего движения. Ее сила в массовости и в возрастающей радикальности протестных действий, которые включали в себя забастовки, голодовки, захват руководителей предприятий, блокады транспортных магистралей и даже демонстрационные самоубийства. Создаются стачечные комитеты, которые нигде официально не регистрируются и юридически не могут быть привлечены к ответственности. В акциях совместно участвуют работники бюджетных организаций (учителя, врачи), рабочие промышленных предприятий. Во многих случаях, стачку начинают учителя и врачи, которые затем мобилизуют, шахтеров, промышленных и транспортных рабочих.

Власти и компании идут на переговоры со стачкомами, несмотря на то, что последние никак юридически не оформлены. Дело в том, что акции становятся настолько масштабными, что возникает угроза крупных экономических и социальных катастроф. Игнорировать их далее было невозможно. Одной из таких акций стала «рельсовая война» 1998 года, когда рабочие перекрывали главные железнодорожные магистрали. Профсоюзы (старые и новые) в эту волну протеста вовлечены не были, так как участники акций считали эти организации продажными, в лучшем случае — бесполезными, и не давали присоединиться к своим действиям.

Стало очевидно, что неограниченное ничем нарушение прав работников и ущемление их интересов чревато серьезнейшими экономическими издержками для работодателя, социальными и политическими потрясениями для власти. Региональная администрация, которая зависела от действующих в регионе компаний и отстаивала их интересы, осознала, что в результате масштабных протестов она может даже потерять власть. В результате суды начали принимать решения в пользу работников.

Таким образом, понадобились массовые, радикальные протесты, для того чтобы трудовое законодательство, наконец, заработало. Это создало условия для возникновения, еще одной, третьей, волны альтернативных профсоюзов. Стачкомы обычно распадались, после того как их требования были удовлетворены. В конце 1990-х появились ма-

лочисленные альтернативные профсоюзы. Они создавались и на промышленных предприятиях, и в бюджетных организациях, в больницах, в школах (например, независимый профсоюз ВАЗа, учительские профсоюзы Новосибирска и др.). Эти профсоюзы не могли быть массовыми, поскольку возникали в небольших коллективах, а также потому, что руководство предприятий и учреждений было настроено резко против их деятельности, в результате чего участие в них оказалось сопряжено с определенным риском. Но, несмотря на свою малочисленность и давление со стороны руководства предприятий, местной власти и традиционных профсоюзов, альтернативным профсоюзам третьей волны удалось заставить работодателей считаться с их требованиями. Лидеры и активисты этих профсоюзов, как правило, грамотны, активно участвовали в профсоюзных учебных программах и успешно использовали полученные знания в переговорах с директором предприятий и властными структурами. Профсоюзное образование превратилось в важный ресурс альтернативных профсоюзов, но лишь после того, как государство и работодатели ощутили угрозу со стороны стихийного рабочего движения. Основной формой действий малочисленных профсоюзов стали иски в суд, многие из которых удалось выиграть. Малочисленность и локальность действий оказались главными признаками альтернативных профсоюзов, их формальная принадлежность к какой-либо из профсоюзных федераций не имела ключевого значения. Отдельные союзы даже вошли в состав ФНПР, что не оказало существенного влияния на их политическую позицию и деятельность. В это время казалось, что они смогут изменить или хотя бы активизировать деятельность профсоюзного движения в целом.

Профсоюзы компаний

Стремление предотвратить трудовые конфликты заставило руководство крупных компаний (прежде всего нефтедобывающих, «Лукойл», «Юкос» и другие) создать собственные профессиональные союзы. Правда, высокий уровень зарплат в этих компаниях сам по себе сильно снижает вероятность конфликтных ситуаций. Профсоюзы компаний, по сути, выполняют функции социального страхования и ряд других функций, свойственных в прежнее время советским профсоюзам. Например, профессиональный союз «Юкоса» организовал аналог социалистического соревнования на предприятиях компании. Создание подконтрольных администрации профсоюзов позволило компаниям решать внутренние социальные проблемы и демонстрировать западную модель трудовых отношений, что крайне важно для работы с западными партнерами.

В конце 1990-х годов государству и компаниям стало очевидно, что неограниченное ничем нарушение прав работников и ущемление их интересов чревато серьезными экономическими издержками для работодателя и что отработанный за два столетия на Западе механизм социального партнерства можно использовать для предотвращения конфликтов и для контроля над рабочим движением.

Государство и работодатели были готовы начать переговоры и перейти к партнерскому взаимодействию. Однако предпочтительным был лояльный и неконфликтный партнер, каким и являлись традиционные профсоюзы. Мало того, международные профсоюзы, стремившиеся в начале 90-х годов помогать в основном альтернативным профсоюзам, в конце десятилетия перенаправили поток своей помощи на ФНПР. Социальное партнерство более ста лет является основополагающим принципом взаимодействия западных профсоюзов с властями и работодателями, поэтому они ориентировались на поддержку тех российских организаций, с которыми активно сотрудничают государство и компании. Эта помощь осуществлялась, прежде всего, в виде учебных программ. Только малая их часть оказалась предназначена для работы с альтернативными профсоюзами. Такая переориентация поддержки существенно усиливала ресурсную базу и политические возможности традиционных профсоюзов.

Таким образом, в России постепенно складывается система профсоюзов западного типа и соответствующие нормы и правила социального партнерства. Российские профсоюзы включены в процесс глобализации. В России действуют международные профсоюзные федерации, в которые входят в основном профсоюзы ФНПР, а также институционализированные альтернативные профсоюзы.

Возникает парадоксальная ситуация: забастовочное движение, к которому профсоюзы ФНПР имеют весьма слабое отношение, и деятельность альтернативных профсоюзов придают ФНПР политический вес, достаточный для того, чтобы вступить с компаниями и государством в партнерские отношения.

Институционализация профсоюзов и становление системы социального партнерства в России, как и на Западе, неизбежно ведет к тому, что эти организации перестают представлять интересы наемных работников. Глобализация усиливает этот процесс. Его последствия для профсоюзного движения и для общества в целом противоречивы. Профсоюзные организации, с одной стороны, получают доступ к ресурсам на национальном и международном уровнях, расширяют возможности влияния на государство и работодателей, с другой — теряют позиции защитников интересов трудящихся. Их действия неизбежно становятся символическими, демонстрационными.

Локальный уровень действий свободных профсоюзов способствует сохранению их альтернативности, независимости, позволяет им оставаться формой самоорганизации наемных работников и частью гражданского общества, при этом доступ к ресурсам и возможности участия в политическом процессе для них существенно ограничен.

Система социального партнерства в России

Термином «социальное партнерство» применительно к профсоюзному движению обычно обозначают согласование интересов наемных работников, государства и работодателей на всех стадиях принятия и реализации решений, которые в какой-либо степени эти интересы затрагивают.

Партнерство между перечисленными социальными акторами осуществляется посредством сформировавшегося в течение прошлого столетия на Западе механизма трипартизма. Трипартизм означает, что процесс согласования интересов, регулирование социально-трудовых отношений, конфликтных ситуаций и т.п. должен происходить при обязательном участии работодателей, представленных их объединениями, профсоюзов, как представителей наемных работников и государства, от имени которого выступает правительственная администрация, отраслевые министерства и ведомства. Трипартизм предполагает наличие законодательной базы, организационных структур разных уровней, а также процедур взаимодействия.

Как уже говорилось, в России в начале 1990-х годов прошлого века систему социального партнерства законодательно и организационно начало создавать правительство, которое использовало западную модель социального партнерства в сфере трудовых отношений.

В 1991 году был принят Указ Президента РФ Б.Н. Ельцина «О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)». Затем принимается ряд федеральных законов о профсоюзах, о коллективных договорах и соглашениях, о российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых споров («Закон о профсоюзах», «Закон о порядке разрешения коллективных трудовых споров», «Закон о коллективных договорах и соглашениях» и др.) и Трудовой кодекс РФ. Формируется система социального взаимодействия на всех уровнях.

На федеральном уровне 1992 году впервые создается Российская трехсторонняя комиссия по урегулированию социально-трудовых отношений (РТК). Задачи, состав и численность комиссии постоянно уточнялись. Наконец в 1999 году Комиссии был придан статус постоянного органа системы социального партнерства в России. Согласно федеральному закону о Российской трехсторонней комиссии, количество чле-

нов каждой из сторон (федеральной власти, работодателей и профсоюзов) не может превышать 30 человек. Кроме того были созданы отраслевые тарифные комиссии, в регионах и муниципалитетах действуют региональные и территориальные трехсторонние комиссии, а на предприятиях двухсторонние комиссии (профсоюз и администрация предприятия)¹¹.

Все перечисленные комиссии должны разрабатывать и принимать соглашения, регламентирующие отношения наемных работников и работодателей (на предприятиях — коллективные договоры), а также контролировать выполнение этих соглашений и договоров.

Основными задачами Российской комиссии являются:

- обсуждение и принятие Генерального соглашения между общероссийскими объединениями работодателей, профсоюзами и Правительством РФ;
- контроль над ходом его выполнения;
- содействие в принятии отраслевых тарифных соглашений;
- урегулирование коллективных трудовых споров;
- проведение предварительных трехсторонних консультаций и обсуждение нормативных актов РФ по экономическим и социальным вопросам;
- экспертиза проектов законодательных актов, федеральных программ, решений федеральных органов исполнительной власти.

Количественные показатели работы Российской комиссии достаточно высоки (большое число заключенных соглашений и принятых постановлений), однако в реальности работа РТК не столь успешна. Многие постановления комиссии и положения Генеральных соглашений так и не были реализованы. Генеральное соглашение во многом остается декларативным документом, за нарушение которого наказание не предусмотрено законом. Выполнение этого соглашения зависит от воли правительства.

Стороны, участвующие в налаживании партнерских отношений в рамках комиссии, ориентированы, прежде всего, на удовлетворение собственных интересов.

Нацеленные на сотрудничество с властями, традиционные профсоюзы добивались доступа к решению социально-трудовых проблем, следовательно, к укреплению своей позиции в процессе принятия решений.

Предприниматели не придавали большого значения участию в трехсторонней комиссии. Необходимый уровень представительства

¹¹ Кацва А.М. Социально-трудовые конфликты в современной России: истоки, проблемы и особенности. — М. — СПб.: Летний сад, 2002. — С. 121-132; 10, 223-241.

промышленников всегда было достаточно серьезной проблемой для работы комиссии. Кроме того, организованных объединений работодателей крайне мало. В ходе приватизационной компании были ликвидированы многие министерства. Профсоюзы стали настаивать на создании объединений работодателей, так как им не с кем было более подписывать соглашения, также исчез субъект, которому можно было предъявить претензии за невыполнение отраслевых тарифных соглашений¹².

В результате, в середине 90-х годов лишь 20% отраслевых тарифных соглашений были заключены с работодателями. Основная их часть подписана с федеральными министерствами и другими ведомствами, не располагавшими необходимыми экономическими, финансовыми и властными полномочиями.

Необходимость заключать соглашения стала подталкивать предпринимателей к созданию объединений. Во многих случаях инициаторами создания организаций работодателей выступили профсоюзы. Например, по инициативе Горно-металлургического профсоюза России был проведен учредительный съезд Ассоциации промышленников горно-металлургического комплекса России (АМРОС).

Однако большинство подобных объединений на федеральном уровне не имеют полномочий на заключение отраслевых соглашений от всех работодателей. В союзы промышленников чаще всего входит несколько крупных предприятий отрасли. В результате эффективность деятельности таких объединений при заключении соглашений не высока.

Правительство, посредством участия в трехсторонней комиссии, рассчитывало ослабить давление протестного движения, однако этого сделать не удалось. В конце 1990-х годов РТК так и не смогла решить проблему невыплат долгов по заработной плате, что только усилило существовавшее в стране социальное напряжение. В результате правительство сузило функции РТК как органа социального партнерства на федеральном уровне. Она была лишена права организовывать трехсторонние консультации по вопросам социально-трудовых отношений, делать заключения о целесообразности регистрации международных правовых норм и т.д. В итоге, комиссия была отстранена от непосредственного подписания Генерального соглашения¹³.

Правительство соглашается на ведение диалога только по проблемам, касающимся подготовки нормативных актов. Профсоюзы и работодатели не допускаются к разработке программ, которые направле-

¹² Профсоюзное пространство современной России. Под ред. В Борисова, С. Кларка. — М.: ИСИТО, 2001. — С. 229.

¹³ Кацва А.М. Социально-трудовые конфликты в современной России: истоки, проблемы и особенности. — М. — СПб.: Летний сад, 2002. — С. 124.

ны на стабилизацию экономики, а программные документы, определяющие развитие российского общества принимаются без участия этих двух стороны социального партнерства.

На региональном уровне активизация деятельности трехсторонних комиссий началась в 1998 году. В начале 1990-х, на первом этапе формирования региональных комиссий в соглашения были записаны декларативные заявления, но никаких мер ответственности за их выполнение не было выработано. Начиная с 1996 года, в регионах формируются механизмы контроля над исполнением соглашений, инициаторами их создания являются и профсоюзы, и региональная администрация. До 1996 года губернаторы назначались президентом, в 1996 году многие из них не были избраны и потеряли свою власть. Новые губернаторы были заинтересованы в том, чтобы институты социального партнерства стали действенными и чтобы их можно было использовать для улучшения собственного имиджа.

Но главной причиной оживления социального партнерства в регионах стало нарастающее движение протеста против невыплат заработной платы, давление со стороны этого движения на региональные власти было сильнее, чем на власть федеральную.

Таким образом, несмотря на все препятствия, социальное партнерство в России постепенно становится реальностью. К концу 1990-х годов под влиянием протестного рабочего движения модель трипартизма начинает реально функционировать.

Итак, формирование профсоюзов в России происходит в соответствии с общими закономерностями развития профсоюзного движения. Профессиональные союзы неизбежно проходят путь от рабочей самоорганизации к институционализации и бюрократизации движения и на определенной стадии своего развития перестают представлять интересы работников и защищать их права. Если при этом права продолжают нарушаться, а трудовые конфликты не решаются в институциональных рамках, то возникают новые альтернативные профессиональные союзы.

Бюрократизация профсоюзов не только приводит их к разрыву с собственной социальной базой, но и снижает их политический вес. Работодатели и власти готовы рассматривать эти организации как равноправного партнера только в том случае, если профсоюзы реально представляют наемных работников, а, следовательно, могут мобилизовать их на активные действия, направленные против государства и компаний. Теряя поддержку со стороны рабочих, профсоюзы перестают быть реальной социальной силой.

Система законодательной охраны прав трудящихся, равно как и система социального партнерства начинают действовать только в результате достаточного давления со стороны рабочего движения на ра-

ботодателей и государство. Никогда и нигде партнерские отношения не возникали по доброй воле работодателей или власти.

В России полная институционализация и бюрократизация профсоюзов, вытеснение с политической арены альтернативных профсоюзов может быть крайне опасным в связи с наличием острых социальных проблем.

ПРОФСОЮЗЫ РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Итак, к рубежу столетий расклад сил внутри профсоюзного движения оказался следующим. Самой массовой и ставшей наследницей советских профсоюзов оказалась ФНПР. Федерация (как показала практика) восприняла традиции взаимодействия с государством, основная масса членов профсоюзов и их организации на местах остались в ее рядах, ей перешла вся материально-техническая база советских профсоюзов, которая прежде принадлежала государству. Практически прежним (советским) остался и отрыв профсоюзной верхушки от своих рядовых членов. Исследования, осуществленные в Институте социологии РАН в начале 2000-х годов, позволили сделать следующий вывод: «Можно утверждать, что в данном случае мы имеем дело с «исчезающей субъектностью» организаций, которые называют себя профсоюзами: здесь нет взаимной идентификации ни со стороны профсоюзных функционеров по отношению к работникам, ни работников по отношению к организационным структурам «старых» профсоюзов. Очевидна рассогласованность между тем, как позиционируют себя профсоюзы и их лидеры, и тем, как их воспринимают и оценивают люди, даже те, кто является членами профсоюзов. Исследования показывают, что профсоюзы на макросоциальном уровне не являются элементом системы, способным определять, изменять или влиять на развитие сферы трудовых отношений в первую очередь из-за того, что их субъектность строится на институционально-формальном основании, а не как субъектность коллективного агента»¹⁴.

Однако полностью оставаться на прежних позициях в новых условиях ФНПР не удастся, но в основном благодаря тому, что появились новые политические и социальные структуры (в том числе альтернативные или свободные профсоюзы), которые активно выступают на поле защиты интересов трудящихся. В связи с этим совсем бездействовать Федерации не удастся. Ярким примером является ситуация с

¹⁴ Климова С.Г. Профсоюзы как форма субъектности наемных работников // Россия реформирующаяся: Ежегодник — 2004. — М.: Институт социологии РАН, 2004. — С. 282-283.

монетизацией льгот. Выступление негодующих народных масс по всей стране было стихийным, на определенном этапе его попытались возглавить радикальные организации (вплоть до НБП), и только в это время проявилась активность ФНПР. Справедливости ради следует отметить, что такая запоздалая реакция — не чисто российская специфика: во время студенческих выступлений во Франции 2006 г. даже собственный студенческий профсоюз вступил в борьбу лишь тогда, когда правительство вынуждено было начать переговоры.

Таким образом, одним из активизирующих деятельность «старых» профсоюзов факторов являлись альтернативные профсоюзы, которые практически были лишены всех ресурсов — материально-технических, административных (поддержки властей и работодателей), организационных (всю деятельность приходилось начинать с нуля). Единственное, что оказалось в их распоряжении, точнее сказать, на что они опирались, была и есть их социальная база, то есть их тесная связь и опора на трудящихся. Ее наличие определяется тем, что они действительно представляют и отстаивают реальные и актуализированные интересы трудовых коллективов или их части (конкретной социальной группы): лидеры и все члены их профсоюза — одно целое, а «профсоюзная работа для них — состояние души, цель, смысл и образ жизни»¹⁵.

Укрепление государственной власти, начавшееся с 2000 года, означало на деле формирование новой системы управления, что затронуло все сферы, в том числе и роль профсоюзов в трудовых отношениях и процессе управления на предприятиях. Основным шагом федеральной власти в этой области стало принятие в 2002 г. нового трудового кодекса (действовавший до этих пор был принят в 1970-е годы, во времена глубокого советского застоя, когда государство позиционировало себя как народное, а значит, как защитника прав трудящихся, что имело реальное выражение, хотя и лишь в документах).

Новый КЗоТ был очевидно ориентирован на поддержку развития активности новых экономических акторов (как, впрочем, и старых) — участников рыночных отношений. В результате в целом роль профсоюзов оказалось сниженной. Они превратились практически в совещательный орган. А главная сохраненная за ними функция — заключение коллективного договора — сформулирована таким образом, что реально ограничивает участие в этом процессе альтернативных профсоюзов. Коллективный договор отныне подписывает только тот профсоюз, в котором состоит большинство членов трудового коллектива. Такого масштаба членства в альтернативных профсоюзах в большинстве случаев не наблюдалось даже во времена их наивысшей активности.

¹⁵ Клеман К. Формальные и неформальные правила: каков оптимум? // Становление трудовых отношений в постсоветской России. — М.: Академический проект, 2004.

Казалось, что таким образом устранен тот мобилирующий на защиту трудящихся фактор, который существовал в лице альтернативных профсоюзов и на который возлагала надежды демократически ориентированная часть общества. Однако к чести свободных профсоюзов следует отметить, что они не снизили своей активности, но оказались в ситуации еще большей ориентации на привлечение поддержки трудящихся. Сегодня они выступают лидерами тех акций, которые отвечают реальным требованиям масс трудящихся и которые молчаливо отказывается возглавить Федерация.

Кроме того, появилась еще одна сила, связанная и вызванная жизнью процессом глобализации. Все больший вес и значимость приобретают профсоюзы транснациональных корпораций, имеющих свои предприятия на территории России. Эти профсоюзы являются российскими отделениями международных профсоюзных организаций. Сегодня широкой общественности известны именно их акции, хотя их участников и пытаются в прессе порицать за стяжательство (выдвигается тезис, что у рабочих таких предприятий итак высокие зарплаты, забывая, что это так только в сравнении с оплатой труда на других российских предприятиях, но не на соответствующих предприятиях ТНК в других странах). Так, рабочие петербургского завода корпорации Coca-Cola 20 апреля 2007 г. провели у его здания пикет с требованием 30-процентного повышения зарплаты. По сведению газеты «Коммерсантъ», «в руководстве компании заявили, что считают зарплаты на заводе конкурентоспособными, и пояснили, что пикет вызван желанием профлидеров реализовать личные и политические амбиции»¹⁶. В пикете участвовали и рабочие пивоварни Heineken, где вторую неделю идет «итальянская забастовка». Такие акции вызывают к жизни новые процессы консолидации и солидаризации: во-первых, их поддерживают трудящиеся и профсоюзы соответствующих предприятий за рубежом, во-вторых, выдвигающие и отстаивающие свои требования профсоюзы ТНК апеллируют к другим российским профсоюзам, призывая их поддержать акции протеста. Наиболее яркими примерами последнего являются обращение рабочих завода «Форд» (г. Всеволожск) к рабочим г. Москвы (www.rwr.ru) и обращение в поддержку акции профсоюза пивоварни «Хайнекен» в Санкт-Петербурге (<http://www.solidarnost.org/ActNow3.htm>). «Вполне возможно, что на отдельных предприятиях свободные профсоюзы потерпят поражение, но долгосрочную тенденцию это не изменит, — констатирует в своей статье о современных свободных профсоюзах Б. Кагарлицкий. — В современной России есть рабочее движение, и с ним придется считаться как работодателям, так и государству. Хотя парадоксальным образом

это движение становится серьезной проблемой не только власти, но и оппозиции. Ведь становясь общественной силой, свободные профсоюзы неизбежно начинают присутствовать и в политике. Время, когда можно было произносить абстрактные слова о «страдающем народе», ушло в прошлое. У «страдающего народа» есть собственные организации, способные и без помощи думских политиков постоять за себя»¹⁷.

В заключение следует подчеркнуть, что и на современном этапе развития российского общества профсоюзы остаются (стремятся они к этому или нет) субъектом социального и политического действия, то есть, хотя и в разной мере, активными участниками процесса принятия тех или иных решений, и не только экономических. Вопрос лишь в степени их влияния, которое зависит и будет зависеть впредь (если мы движемся в сторону демократического развития) от их, профсоюзов, связи с трудовыми коллективами и соответствия их деятельности интересам трудящихся.

¹⁶ Коммерсантъ, 21.04.07.

¹⁷ Кагарлицкий Б. Вирус классовой борьбы // Деловая газета «Взгляд», 04.09.2006. <http://news.made.ru/society/news43271.html>

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РАБОТНИКИ СКОРОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ МОСКВЫ В ПОИСКАХ СОЛИДАРНОСТИ

Эта глава посвящена анализу особого типа гражданской самоорганизации. Во-первых, она является профессиональной, поскольку ее цель — защита профессиональных интересов. Во-вторых, процесс самоорганизации происходит в виртуальном пространстве, но его результатом становится общественная структура, активно действующая в пространстве реальном. Настоящее исследование направлено на выявление основных свойств такого нового для России феномена. Для этого необходимо определить причины самоорганизации, факторы, обусловившие именно такую форму гражданской активности, ее цель, а также особенности взаимодействия складывающейся организации с другими социальными субъектами.

Анализ ресурсов российской части Интернета показал, что формирование виртуальных сообществ, ориентированных на сохранение и развитие профессии, явление не единичное. В сети объединяются транспортники, милиционеры, пожарные. На неформальном сайте пожарных (www.fairman.ru) идет обмен опытом, информацией, обсуждение пожаров, стратегии и тактики действий, организуются акции по оказанию помощи пострадавшим сотрудникам пожарной охраны, обсуждаются возможности активных действий (обращений в правительство, акций протеста и пр.). Однако именно работникам скорой помощи удалось превратить свой интернет-ресурс в общественную организацию, и от ее имени начать взаимодействие со СМИ и государственными структурами, а затем зарегистрировать альтернативный профсоюз. Деятельность врачей и фельдшеров службы скорой помощи, заслуживает особого внимания также и в связи с тем, что, согласно социологическим исследованиям, «социальная активность российских врачей очень низка по причине жесткого централизованного регулирования их деятельности, а также глубокого кризиса здравоохранения, заставляющего специалистов заботиться о физическом выживании на индивидуальном уровне»¹⁸. Уникальность объекта исследования требует выбора концептуальных подходов к его анализу, позволяющих вы-

делить и проанализировать те свойства, которые отличают формирующееся при помощи интернета объединение экстренных медиков от других структур гражданского общества, рассматриваемых в данной работе. Очевидно, что эти новые свойства связаны с особенностями создания и развития сообщества в виртуальном пространстве, а также с профессиональной основой объединения.

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ

За относительно короткий срок существования мировая сеть вышла далеко за рамки информационной и коммуникационной технологии и превратилась в своего рода виртуальное продолжение социальной жизни. Взаимодействие пользователей сети давно стало объектом социологического анализа на Западе. Российская социология обратилась к анализу особенностей интернет-коммуникации и возникающих сообществ несколько позже, поскольку долгое время доступ к интернет-услугам был ограничен даже в больших городах, а потому виртуальная коммуникация не была явлением социально значимым. Однако в последние годы российская часть сети развивается стремительными темпами, соответственно, растет и число социологических исследований различных аспектов виртуального общения. Его специфика потребовала разработки и использования новых концепций и новых методов сбора данных.

В процессе осмысления сетевого взаимодействия уже сформировалось множество концепций, которые складываются в два различных подхода к анализу. Часть исследователей акцентируют внимание на виртуальных характеристиках сетевой коммуникации¹⁹. Так, Покровский Н.Е. под «виртуализацией» понимает создание «другой», идеально-фантазийной реальности, замещающей повседневную жизнь. Виртуальность, с этой точки зрения, есть симулякр, определяемый как копия копии, лишенная подобия в реальной жизни. Копия, которая замещает референт и приобретает самостоятельность²⁰. Таким образом, виртуальная жизнь стремится к разрыву с жизнью реальной, хотя пока еще в полной мере его не достигает. Другим свойством виртуализации, согласно данному подходу, является вытеснение визуальными конструктами всех прочих, замещение текста визуальными имиджами.

¹⁹ См., например: Riva G., Davide F. (Eds) *Communication through virtual technology: identity community and technology in the Internet age.* — Amsterdam: IOS Press, 2001; Wellman B., Hampton K. *Living networked on and offline* // *Contemporary Sociology.* — 1999. — Vol. 28. — N 6. P. 648-654; *Виртуальный анализ виртуальной реальности* / Под ред. Покровского Н.Е. — М.: Государственный университет — Высшая школа экономики, 2007.

²⁰ Покровский Н.Е. *Настоящая — ненастоящая реальность* / *Виртуальный анализ виртуальной реальности.* — М.: Государственный университет — Высшая школа экономики, 2007. — С. 11.

¹⁸ См., например: Мансуров В.А., Юрченко О.В. *Профессионализация российских врачей как процесс конструирования новых статусных позиций* // *Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе* / Под ред. В.А. Мансурова. — М.: Институт социологии РАН, 2007. — С. 148-168.

Интернет-коммуникация существенным образом меняет и участвующего в ней субъекта, что происходит благодаря ряду ее особенностей, среди которых: анонимность общения, отсутствие однозначной связи между виртуальной личностью и реальным человеком, и в этой связи отсутствие явных признаков пола, возраста, внешности, социального статуса и т.п. В результате сам субъект может конструировать не только реальность, но и себя самого, вступая в общение практически в любом образе. В исследованиях эта пластичность потребителя виртуальности подчеркивается особо. Виртуальные личности создают столь же виртуальные, несуществующие в реальности, объединенные только взаимодействием в несуществующем мире, сообщества.

В то же время сами сторонники концептуализации интернет-общения как вольного конструирования реальности признают ее относительность и ограничивают область такой виртуализации, например, разделяя общение в сети на виртуальное и компьютерно-опосредованное. Последнее является продолжением общения в реальном пространстве уже знакомых людей²¹. Визуализация общения в Интернет также относительна, поскольку одним из главных свойств коммуникации общепризнанно является ее вербально-текстовый характер.

Второе направление социологических исследований интернета сфокусировано на сообществах, объединенных реальной деятельностью. Именно она рассматривается некоторыми учеными как основа виртуальных сообществ при анализе их структуры и построении моделей²². Исследователи девиации в сети также связывают сетевое общение с определенным рода активностью (например, распространением наркотиков, борьбой за легализацию легких наркотиков или, наоборот, борьбой с наркоманией)²³. Процесса виртуализации, направленного на отрыв от действительности, в этих случаях не происходит.

Наш собственный опыт использования и анализа интернета показывает, что тесную связь с реальностью сохраняет значительная часть взаимодействий в сети. Сетевая коммуникация в таких случаях существенно расширяет возможности общения, объединяя людей, которым раньше было сложно найти друг друга с тем, чтобы решать общие проблемы, поделиться опытом и информацией. Например, существуют сообщества родителей детей с заболеваниями крови, сообщества молодых мам, любителей аквариумных рыбок и пр. На кулинарном сайте www.good-cook.ru, созданном жительницей Самары, сформирова-

²¹ Сивак Е. Визуальный анализ виртуальной коммуникации: общение в живых журналах // Виртуальный анализ виртуальной реальности. — М.: Государственный университет — Высшая школа экономики. — М.: 2007. — С. 56.

²² Бондаренко С.В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. — Ростов-на-Дону: Издательство РГУ, 2004.

²³ См., например: Он-лайн исследования в России / Под ред. Шапкина А.В. и Поздняковой М.Е. — М.: Институт социологии РАН, 2006.

лось сообщество, участники которого (большой частью женщины) из разных городов России и стран бывшего СССР, русские жены иностранцев и те, кто уехал работать за рубеж. Помимо обмена рецептами, они обсуждают свои реальные проблемы, иногда весьма серьезные, например, сложности с социально-культурной и психологической адаптацией к жизни в арабской стране и т.д.

Один из активистов сайта [Фельдшер.ру](http://www.feldsher.ru) определяет соотношение виртуальности и реальности следующим образом: «Сайт всего лишь отражение действительности нашей службы, это разговоры в курилках, перенесенные в виртуальное пространство, это обычная, колющая глаза, правда»²⁴. При этом такое общение сложно назвать компьютерно-опосредованной коммуникацией знакомых людей, поскольку в большинстве случаев члены сообщества никогда не встречались, и не все из них смогут встретиться когда-либо. Более того, ему свойственны все перечисленные выше особенности виртуальной коммуникации (анонимность, отсутствие признаков пола, статуса и пр.). Участники форумов используют ники (псевдонимы) и аватары (картинки) вместо имен и фотографий. Конструирование виртуальной личности в данном случае возможно, однако не является целью для большинства. Более того, свобода такого конструирования ограничена.

Следует отметить, что субъект, занятый созданием виртуальной реальности и виртуального себя, достаточно точно определен Н.Е. Покровским: «Современный школьник старших классов на своем домашнем компьютере может самостоятельно творить реальность компьютерных игр и компьютерного графического пространства, уходить в это пространство, подключенное к интернету, и жить в этом чисто виртуальном мире»²⁵. Пространство игры, в том числе ролевых он-лайн игр, действительно идеальный объект для анализа процесса виртуализации, как построения копии, почти утратившей связь с референтом. Но обсуждение кулинарии, лечения болезни, ухода за ребенком, разведения собак и пр. осуществляется путем обмена информацией (советами, опытом и пр.), которую можно использовать в реальном, а не параллельном мире. Поэтому авторы сообщений, которые подлежат нашему изучению, в большинстве своем не увлекаются конструированием виртуальной личности. Более того, тех, кто появляются на их форумах с подобной целью, довольно быстро уличают в некомпетентности или в попытках рассорить участников сообщества. В то же время, анонимность, отсутствие признаков возраста и социального статуса, во многих случаях обуславливают более высокую степень свободы высказываний, чем та, которая возможна при личном знакомстве.

²⁴ <http://www.feldsher.ru/forum/index.php?showtopic=4736>

²⁵ Покровский Н.Е. Настоящая — ненастоящая реальность // Виртуальный анализ виртуальной реальности. — М.: Государственный университет — Высшая школа экономики, 2007 — С. 10.

Формирование в интернете активного субъекта гражданского общества не относится к конструированию иного, фантазийного мира, а потому его анализ требует подхода, основанного на общей деятельности. Свойства виртуального общения также должны быть учтены при сборе данных и при их анализе. Следует также подчеркнуть, что вербально-текстовая коммуникация играет в нашем случае особо важную роль. Участникам взаимодействия приходится письменно формулировать собственные мысли, читать и обдумывать чужие. Следовательно, происходит процесс осмысления общих проблем и путей их решения, который в реальности осуществить очень сложно.

Сетевые сообщества формируются в ходе дискуссий на форумах (конференциях), в так называемом «Живом журнале», предоставляющем возможность публиковать бесплатно дневники пользователей и обсуждать их на сайтах (страницах пользователя), в которых предусмотрена та или иная форма он-лайн общения и пр. Первым шагом в исследовании является поиск в сети сообществ, формирующихся в связи с тем или иным видом деятельности. Сделать это можно при помощи поисковых систем (Яндекс, Гугл, Апорт, Yahoo и др.), в которые вводятся ключевые слова, например, «неформальный сайт», «альтернативный профсоюз» и др. Обычно поисковые системы предоставляют большое число ссылок на интернет-ресурсы, в текстах которых упоминаются данные слова. Иногда их просмотра достаточно для обнаружения интересующего исследователя объекта, в других случаях следует анализировать ссылки, размещенные на интернет-страницах схожей тематики, а также в сетевых публикациях.

Изучение сообществ возможно различными методами, качественными и количественными, в зависимости от цели исследования. Дело в том, что все перечисленные формы интернет-коммуникации предполагают сохранение значительных массивов текстовой информации. Форумы и «Живой журнал» в отличие от чатов не требуют одновременного присутствия в сети участников общения²⁶. В форуме пользователь может начать разговор на интересующую его тему — для этого нужно дать ей адекватное сути проблемы название и написать первое сообщение. Те, кто заинтересован в обсуждении, отвечают тогда, когда им это удобно, оставляя свои сообщения, которые фиксируются и демонстрируются последовательно (по времени их поступления). Тема закрывается, если она исчерпана или более не интересна участникам. Таким образом, можно проследить развитие дискуссии (или просто обмена мнениями, советами и пр.) за достаточно длительный период времени (иногда несколько лет), выявить изменения в позициях участ-

²⁶ Подробно описание организации форума дано в статье Хабаровой Е.В. Общий обзор сайтов в Интернете, посвященных феномену наркотиков // Он-лайн исследования в России. — М.: Институт социологии РАН, 2006. — С. 159-171.

тников обсуждения. Кроме того, важные темы сохраняются в архиве. Вербально-текстовый характер осмысления той или иной проблемы дает широкие возможности для использования качественных методов анализа, при этом вмешательство в обсуждение не обязательно. Возникает возможность своего рода включенного наблюдения, не требующего непосредственного включения исследователя в функционирование сетевого сообщества.

Интернет-сайты разнообразны по своей структуре и содержанию, поэтому анализ конкретного ресурса требует уточнения методики сбора данных. Структура сайта Фельдшер.ру выстроена таким образом, чтобы предоставить полную информацию о целях, задачах и действиях и обеспечить максимальное вовлечение пользователей в его работу и интерактивность. На первой странице содержится краткая информация о сайте и истории его создания, новостная лента, в которой представлены события, статьи, официальные документы, связанные с деятельностью СМП, ссылки на все разделы и перечень наиболее обсуждаемых тем форума. Последний дает возможность отслеживать самые популярные и актуальные для членов сообщества проблемы.

Структура форума позволяет обсуждать темы, начиная от профессиональных до политических и общекультурных. Любой материал (информационные сообщения, статьи, публикации в СМИ, а также литературные произведения сотрудников скорой помощи, посвященные ее работе и пр.) размещаются на сайте таким образом, чтобы его пользователи могли оставить свои комментарии. Информативной частью сайта являются голосования, в которых также предусмотрены комментарии с объяснениями причин выбора. Таким образом, практически каждый раздел сайта дает возможность для интерактивного общения.

Свобода слова на форуме ограничена действиями его модераторов, которые решают, какие сообщения не соответствуют заявленной теме, являются оскорбительными и т.п. Модераторами становятся наиболее активные участники сообщества. Сообщения, которые модераторы убирают, отправляются в отдел форума под названием «Сливочная», где хранятся в течение семи дней. Действия модераторов обсуждаются на форуме. Анализ модерирования позволяет определить установки, формирующие идеологию сообщества.

Участники обсуждений пользуются никами и аватарами. Создатели сайта (они же лидеры формирующегося профсоюза) выступают открыто, то есть их имена и фотографии представлены на сайте. Есть возможность просмотреть так называемый «профиль пользователя» — для того, чтобы оставить сообщение на форуме надо зарегистрироваться. Регистрация свободная, то есть посетитель сайта может указать только ту информацию, которую считает нужным, а может ничего о себе не сообщать. В профиле пользователя указываются и открытые им темы (ссылка на тему с первым сообщением), поэтому просмотр

данного отдела позволяет получить определенную информацию о постоянных участниках форума, несмотря на то, что многие из них предпочитают не давать о себе никакой информации.

В исследовании использовался смысловой анализ обсуждений в различных разделах сайта (на форуме и в комментариях к статьям и новостям), а также данные голосований. Осуществлялся мониторинг его работы, позволивший выявить различные этапы создания и действий сайта и профсоюза. Мониторинг осуществлялся с января 2005 по декабрь 2006 года, был также проанализирован архивный материал 2004 года, время создания сайта, а также новостная лента и комментарии к ней 2007 года.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ В ТЕОРИЯХ СОЦИОЛОГИИ ПРОФЕССИЙ

Самоорганизация в западной социологии профессий традиционно рассматривается как саморегулирование, которое осуществляется профессиональными ассоциациями. Более того, практически все современные западные концепции в данной сфере основываются на саморегулировании, как на данности, отправной точке исследований. Западная социология рассматривает профессионалов как корпоративного актора. Объектом анализа является деятельность профессиональных сообществ. Исследования сосредоточены на борьбе этих акторов за ресурсы, власть и статус (в том числе и внутри профессий)²⁷. Профессиональные сообщества независимы от государства и капитала. Одной из их характерных черт является закрытость: профессиональные ассоциации контролируют допуск в профессию, создание и распространение экспертных знаний. Профессиональное саморегулирование обеспечивается действиями следующих типов ассоциаций: научным сообществом, работающим над стандартизацией и распространением знаний, представительными ассоциациями, занимающимися взаимодействием с государством, профсоюзом, квалификационной организацией, регулирующей сертификацию знаний²⁸. Кроме того, ассоциации вырабатывают профессиональную этику и осуществляют контроль над соблюдением ее норм. Они также заботятся о поддержании определенного стиля в одежде и поведении, демонстрирующих респектабельность членов сообщества.

²⁷ См., например: Abbot A. The system of professions: an essay on the division of expert labor. — Chicago: University of Chicago Press, 1988.

²⁸ Цит. по: Мансуров В.А., Юрченко О.В. Профессионализация российских врачей как процесс конструирования новых статусных позиций // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе. — М.: Институт социологии РАН, 2007. — С. 149. См. также: Burrage V. at al. Actor-based framework for the study of the professions // Professions in theory and history / Ed. by V. Burrage, R.Torstendahl. — L.: Sage, 1990.

Данная концептуализация профессионального саморегулирования основана на том, что управление профессионалами на Западе осуществляется профессиональными ассоциациями, в разной степени независимыми от государственной бюрократии. В Германии медицинские профессиональные ассоциации достаточно жестко контролируются государством, там формируются несколько иные подходы к анализу профессии врача (и, одновременно, к стратегии развития профессиональной группы). Так менеджериализм ориентирован на создание доступных и прозрачных систем оценки квалификации профессионалов при помощи управленческих методов. Консьюмеристский подход предполагает максимальную открытость группы и участие потребителя в процессе предоставления услуг. В социологических исследованиях анализируется такая форма самоорганизации, как кружки качества, сети и объединения, которые не инициируются ассоциациями, а продвигаются снизу вверх. Данный тип самоорганизации и саморегулирования является, по мнению социологов, ответом на изменившуюся стратегию здравоохранения, стремлением удержать профессиональную власть в новых условиях. В то же время, сети и кружки делают профессиональное сообщество более открытым, гибким и прозрачным. Кроме того, причиной самоорганизации снизу является бюрократизация немецких профессиональных ассоциаций, их неспособность реагировать на изменения²⁹.

В Советском Союзе и затем в России объектом исследования традиционно были социальные установки и мотивации интеллигенции. Критериями выделения данной социальной группы были сложность и творческий характер труда, призвание и социально-культурная миссия индивидов³⁰. Профессиональные объединения существовали и в СССР (в частности, медицинские ассоциации), однако власть и ресурсы были централизованы, контроль над сферой здравоохранения практически полностью находился в руках государства. Самоорганизации снизу советская система государственного регулирования не допускала. По данным исследований, в современной России ситуация практически не изменилась, управление здравоохранением остается централизованным, разработка стандартов и распространение профессиональных знаний осуществляется государственными структурами.

²⁹ Кульман Э. Развитие профессионализма поздней современности: на примере немецкой системы здравоохранения // Журнал исследований социальной политики. — Том 3. — 2005. № 4. — С. 523-550; Кульман Э. «Ответственные профессионалы» и «разборчивые клиенты»: изменения во взаимодействии медицинских профессионалов, государства и общества // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе. — М.: Институт социологии РАН, 2007. — С. 81-106.

³⁰ Различия между российскими и западными теориями детально описаны в статье Мансурова В.А., Юрченко О.В. Профессионализация врачей как процесс конструирования новых статусных позиций // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе. — М.: Институт социологии РАН, 2007. — С. 148-168.

Решения медицинских ассоциаций носят рекомендательный характер, они не являются реальными защитниками прав врача³¹. Таким образом, гражданская самоорганизация, направленная на лоббирование своих интересов в профессиональной группе врачей российской социологией не была зафиксирована, следовательно, не могла быть концептуализирована. Тем не менее, при анализе этого нового для нашей страны явления, нельзя отказываться от подходов, уже сформулированных российскими учеными. Социальные установки и ценности, в особенности связанные с призванием и творческим характером труда, в любом случае будут оказывать влияние на характер объединения российских врачей, сформировавшихся профессионально и лично в традиционных ценностях советской (российской) интеллигенции.

В этой связи необходимо определить, является ли деятельность работников московской и питерской Скорой помощи аналогом западных моделей саморегулирования — то есть является ли ее целью борьба за ресурсы и статус профессии, установление контроля над созданием знания, разработкой этических норм поведения и респектабельного имиджа, соответствующего статусной профессии и пр. Но, возможно, что рассматриваемая здесь гражданская активность медиков представляет собой явление специфически российское, свойственное к тому же определенному (а точнее — кризисному) состоянию сферы здравоохранения. В последнем случае, следует выяснить, в чем эта специфика заключается.

СЛУЖБА СКОРОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Российское здравоохранение находилось в глубоком кризисе в течение 1990-х годов. Его реформирование не принесло каких-либо существенных перемен. Исследования, проведенные в рамках российско-британского проекта «Российские врачи: социальные установки и стратегии адаптации» в 1999 — 2004 годах, показали, что главной целью российских врачей является обеспечение физического выживания. Так, в опросе, посвященном оценке материального положения медицинских работников, больше половины врачей республики Коми (54,4% опрошенных) и Кирова (50,7%) выбрали ответ — «на питание денег хватает, но уже покупка одежды вызывает затруднение». В Москве положение медицинских работников несколько лучше — такую точку зрения высказали 47, 85% респондентов. Респонденты разочарованы в реформах, счита-

³¹ Мансуров В.А., Юрченко О.В. Профессионализация российских врачей как процесс конструирования новых статусных позиций // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе. — М.: Институт социологии РАН, 2007. — С. 161.

ют, что основные нужды врачей игнорируются. Врачи Коми и Кировской области, считают, что реформы ухудшили положение дел в их учреждениях. Сократились поставки оборудования, снабжение медицинскими препаратами, а также возможности повысить квалификацию³². Государство не предоставляет врачам квартир, не гарантирует выплаты социальных пособий. Сравнительно благополучное положение московских медиков, связано в значительной степени с многообразием источников их доходов. Многие из них работают одновременно в коммерческих и государственных структурах, что позволяет повысить доходы, но существенно увеличивает рабочую нагрузку. В результате физическое выживание требует слишком больших затрат сил. Именно этой причиной главврачи в интервью объясняли слабость медицинских ассоциаций. По их мнению, невозможно говорить об ассоциации с людьми, которым по несколько месяцев не платят зарплату³³.

Результаты закончившегося в 2004 году проекта дали основание предположить что, в данном социально-экономическом контексте, профессиональное саморегулирование может возникнуть среди врачей частной практики: «Некоторым частным врачам, в основном стоматологам и офтальмологам, уже удалось отчасти трансформировать собственную работу в статусную профессию. Определенный управляемый образ групп уже создан, и профессионалы стремятся соответствовать установленным стандартам репутации и респектабельности. Не исключена вероятность того, что именно врачам-частникам удастся создать сильные профессиональные организации для защиты собственных интересов»³⁴.

Исследуемое нами создание профессиональной организации началось в том же 2004 году в сфере государственной экстренной медицины, которое было инициировано рядовыми врачами и фельдшерами Москвы и Петербурга. С нашей точки зрения, причины этого достаточно неожиданного для социологов и медицинского руководства явления, заложены в специфике российской службы скорой и неотложной медицинской помощи, в ее современном состоянии в обоих мегаполисах.

Служба скорой медицинской помощи (далее СМП) в России уникальна по своей организационной структуре³⁵. Западные модели построены на работе стационаров (департаментов экстренной помощи в больницах), в которые большого доставляют бригады парамедиков. В Европе и Израиле существуют и врачебные бригады, но в целом по-

³² Мансуров В.А., Юрченко О.В. Профессионализация российских врачей как процесс конструирования новых статусных позиций // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе. — М.: Институт социологии РАН, 2007. — С. 163.

³³ Там же. — С. 161.

³⁴ Там же. — С. 162.

³⁵ Использована информация сайта [feldsher.ru](http://www.feldsher.ru/index.php?name=News&op=view&id=174): «Модели скорой помощи» // <http://www.feldsher.ru/index.php?name=News&op=view&id=174>

мощь основана на принципе «больной едет к врачу». В России исторически сложилась система медицинской помощи, в которой к больному едут врач или фельдшер, то есть высококвалифицированный специалист со средним медицинским образованием. В сельской местности, чаще всего функции врача выполняет именно фельдшер. Парамедицинские бригады отсутствуют, действуют только врачебные и фельдшерские бригады, которые осуществляют диагностику, госпитализацию в соответствии с диагнозом, проводят лечение на догоспитальном этапе, дают рекомендации. Во врачебной бригаде ответственность за принятие решений полностью лежит на враче, фельдшер подчиняется его указаниям, если вызов обслуживает фельдшерская бригада, то решения принимаются, соответственно, фельдшером.

В зависимости от численности жителей населенного пункта, в нем функционирует станция или сеть подстанций скорой помощи, на которых круглосуточно дежурят линейные бригады медиков, обслуживающие большинство вызовов, специализированные бригады (интенсивной терапии, реанимационно-травматологические, детской реанимации, токсикологические, психиатрические), а также фельдшерские бригады. В Москве центральной организацией скорой помощи является Станция службы скорой и неотложной медицинской помощи (ССиНМП) им. А.С. Пучкова, в ее составе пятьдесят две подстанции, расположенные в различных районах города.

Сложившаяся в России система оказания скорой помощи требует высоких затрат, ее финансирование начало сокращаться еще в советское время. Так, до 1967 года в Москве существовали служба скорой помощи и пункты неотложной медицинской помощи для взрослых в районных поликлиниках, которые брали на себя обслуживание обострений хронических заболеваний, оставляя бригадам скорой помощи действительно экстренные состояния. Неотложка повышала и эффективность работы самих поликлиник: «На утренних пятиминутках в поликлинике дежурный по неотложке сообщал всем своим коллегам, что и как происходило с их пациентами. Вызов неотложки был отчасти сравним с ЧП — участковый недоработал. Три вызова на неотложку в месяц — автоматическая госпитализация. Время нахождения у больного не лимитировалось, экономилось время на сборе анамнеза, а к буйным или пьяным пациентам выезжали только вместе с участковым или нарядом милиции. Да и время на передачу вызова не требовалось — диспетчер сидел рядом с доктором. И ошибиться в своем районе в адресе или квартире было трудненько»³⁶. В 1968 году службы скорой медицинской и неотложной помощи соединили с целью экономии средств, эффективность работы обеих упала.

³⁶ История о том, как СМП стала ССиНМП // <http://www.feldsher.ru/index.php?name=News&op=view&id=186&word=%D1%D1%E8%CD%CC%CF>

Сокращение финансирования в сфере здравоохранения в 1990-е годы привели к почти катастрофической ситуации в системе СМП: сократилось количество бригад, не хватает лекарств, оборудования, машин. Ухудшилась подготовка специалистов в медицинских училищах и ВУЗах. Заработная плата работников заставляет их искать источники дополнительного заработка, как и в других отраслях медицины, при этом число вызовов многократно возросло. Помимо этих проблем, СМП столкнулась с немедицинскими последствиями, политических, экономических и социальных процессов, связанных с развалом СССР и рыночными преобразованиями в России и других странах СНГ.

Обнищание части населения, в первую очередь, пенсионеров в сочетании с перегрузкой поликлиник и слабой работой социальных служб привело к резкому росту непрофильных вызовов от стариков. Скорую вызывают, например, для того, чтобы пройти обследования у врача, потому что до поликлиники трудно добраться, долго стоять в очереди и т.п. Иногда вызывают только для того, чтобы получить лекарства, а нередко и просто от одиночества. Врачи скорой воспринимаются как полноценная замена участкового терапевта или социального работника.

Другой проблемой являются бомжи, к которым часто вызывают СМП, «чтобы забрали куда-нибудь». Если даже вызов обоснован состоянием бездомного, то возникает ряд трудноразрешимых проблем: нет специальных стационаров для их лечения, а в обычные больницы их берут неохотно, машина после перевозки нуждается в дезинфекции и т.п. Непрофильный вызов в условиях нехватки машин скорой помощи, означает, что бригада, скорее всего, не успеет оказать необходимую помощь там, где она действительно требуется.

Неизбежным следствием, сначала кризиса и стагнации, затем сопровождающего экономического роста социального расслоения стало ухудшение криминальной обстановки, рост алкоголизма и наркомании. Целые районы российских городов становятся опасными. Бригады скорой помощи ничем не защищены, мало того, в современных условиях бригада очень часто состоит из одной женщины — врача или фельдшера. Часто они становятся объектами нападения наркоманов, которые хорошо знают, что у врача скорой есть с собой наркотические средства. На форумах feldsher.ru часто возникают темы «Избита на вызове», «Убит врач скорой помощи», «Нападение на бригаду» и т.п.

Особой проблемой для СМП стали мигранты. Нелегальные мигранты не имеют страхового полиса, поэтому на любое недомогание вызывают службу «03» (для оказания скорой помощи полис и регистрация не требуются), увеличивая, таким образом, число непрофильных вызовов. Миграция усугубляет и без того сложную криминальную обстановку, часто придавая конфликтам на вызовах национальную окраску. В мегаполисах, и в первую очередь в Москве, возникла и проблема гастарбайтеров-медиков. Врачи из депрессивных регионов (например,

из Ивановской области) приезжают работать на московской СМП. Они готовы трудиться на любых условиях, потому что дома эти условия много хуже, а нищенские зарплаты не выплачиваются месяцами. Это позволяет работодателям игнорировать трудовые права рядовых работников, блокирует проведение протестных акций, так как руководство всегда имеет возможность заменить протестующих приезжими, оказавшимися в безвыходном положении.

Профессия линейного врача, а тем более фельдшера скорой помощи не является в настоящее время привилегированной и статусной, она связана с трудом тяжелым, опасным, и часто неблагодарным. Сотрудники СМП физически и юридически не защищены, а их права постоянно нарушаются: «Работающие на 03 считаются самыми бесправными и угнетаемыми работодателем сотрудниками в сфере здравоохранения»³⁷. Кроме того, возможности карьерного роста в системе СМП ограничены. Тем не менее, именно этот труд требует от работника независимого, самостоятельного, часто нестандартного принятия решений. Необходимо уметь быстро оценить ситуацию и поставить предварительный диагноз, и также быстро выбрать тактику догоспитального лечения без длительного наблюдения, обследований и анализов, консультаций с коллегами. Единственное, что может сделать линейная бригада, это вызвать бригаду специализированную, например, кардиологическую или психиатрическую, что в настоящее время не всегда осуществимо. В современных условиях необходимо также умение оценить не только состояние больного, но и социально-психологическую ситуацию на вызове, вовремя уловить возможную опасность: «У нас развита привычка осматриваться в незнакомом помещении и не стоять спиной к двери»³⁸.

На форуме Фельдшер.ру есть много тем, посвященных отношению к профессии: «Отличительные черты медика 03», «Почему вы работаете на скорой?», «Какие вызовы вам по душе» и др. В 2006 году проводился опрос на тему «Я работаю на 03 из-за...». В нем приняли участие 1073 посетителя сайта. Ответы распределились следующим образом: «из-за экстрима» — 48,28%; «из-за денег» — 8,02%; «из-за семейных традиций» — 2,42%; «из-за коллег» — 13,33%; «по привычке» — 16,59%; «из-за случайных обстоятельств» — 11,37%³⁹.

«Экстрим», который выбрала почти половина ответивших, расшифровывается в комментариях к голосованию и в перечисленных выше темах: «я ответил, что работаю на скорой из-за экстрима! Действительно — это экстремальная работа, требующая хорошего здоровья и много сил! Никогда не знаешь, что тебя ждёт на вызове! Прихо-

дится общаться с разными людьми и с пьяными, и с наркошами, и с психами, и к каждому надо найти индивидуальный подход, а то они ведь способны на всё...и убить могут!»⁴⁰; «Напряженная физическая и умственная работа, требующая быстрого принятия важных решений»; «Отличительная особенность выездного — терпение. Приходится общаться с разными людьми... Разозлить выездного — надо постараться. Но лучше — не надо!»⁴¹.

«Каждое утро, когда после смены уйду домой, у меня в голове вертится песня Высоцкого со словами: «Стоишь на вершине, ты счастлив и нем, и лишь немного завидуешь тем, тем самым, у кого вершина ещё впереди». Это про новую смену. Всегда нашу работу с альпинизмом сравнивал. Тоже идешь как на войну, как на разведку во вражеский тыл, тоже не знаешь, зачем тебе это надо и чем это все кончится. Зная, что золотых гор не будет. Но идешь. Это уже жизнь»⁴².

Такие комментарии оставляют в основном молодые люди. Но и опытные сотрудники примерно также, разве несколько спокойнее, оценивают свое отношение к работе: «Пришёл на скорую студентом после летней сессии 1987 года — подзаработать. Думал, поработаю чуть-чуть и всё. А получилась судьба... Лет пять назад пробовал уйти — стал главным врачом дома престарелых. Ну, чем не прекрасная работа — кабинет с кондиционером, обед по часам, зарплата на 1,5 тысячи выше!.. Но сбежал через месяц обратно. Теперь уже успокоился и не дёргаюсь — никуда и никогда я с 03 не уйду»⁴³; «Больше 20-ти лет на скорой. Это моя судьба, любимая работа, где я чувствую себя нужной. Это и экстрим, и рутинка, и удовлетворение от того, что жизнь наполнена смыслом. Сейчас на больничном, а по ночам снится работа, все езжу на вызовы. Вот такая патология»⁴⁴.

Однако некоторые полагают, что реальное соотношение увлеченных работой профессионалов и случайных людей иное, чем среди посетителей сайта: «Сейчас на скорой 90% неудачников (алкоголиков, плохих специалистов и просто неустроенных по жизни людей) и только 10% — энтузиастов. Предвижу возражения, но жизнь показывает, что это именно так... А современная работа на московской СМП только способствует увеличению числа 90 и уменьшению числа 10 — мы уже давно вырождаемся из лекарей в «Моспогруз», можем за сутки не увидеть больного — только божжи и алкаши. Грустно»⁴⁵; «Все так. Все верно!! Только вот процентное соотношение 90/10 ни в какие ворота не лезет. При таком положении дел трупы валялись бы штабелями. Со-

⁴⁰ <http://www.feldsher.ru/index.php?name=Voting&op=view&id=6>

⁴¹ <http://www.feldsher.ru/forum/index.php?showtopic=785&st=>

⁴² www.feldsher.ru/forum/lofiversion/index.php/t118-200.html

⁴³ <http://www.feldsher.ru/forum/index.php?showtopic=118>

⁴⁴ <http://www.feldsher.ru/forum/index.php?showtopic=118&st=30>

⁴⁵ <http://www.feldsher.ru/forum/index.php?showtopic=118>

³⁷ <http://www.feldsher.ru/prof.htm>

³⁸ <http://www.feldsher.ru/forum/index.php?showtopic=785&st=0>

³⁹ <http://www.feldsher.ru/index.php?name=Voting&op=view&id=6>

гласен на соотношение 20/80»⁴⁶. Тем не менее, обсуждение на форуме и результаты голосования показывают, что в системе СМП работает значительное число людей активных профессионально и социально, ориентированных на максимальную свободу и независимость в принятии решений, умеющих действовать в рискованной или нестандартной ситуации. К тому же они заинтересованы в сохранении своей профессии и себя в этой профессии: «Работа для нас — это жизнь или хотя бы существенная её часть! Так какого хрена мы позволяем её у нас отнять? Каким угодно образом: заставляя заниматься не нашей работой, унижая нас мизерными заработками, отсутствием необходимого оборудования, разрушая наши коллективы, руководя бездарно»⁴⁷.

Их объединению для защиты своих интересов препятствовала физическая разобщенность бригад и подстанций, которую оказалось возможным преодолеть при помощи виртуальной коммуникации.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ДЕЙСТВИЯ САЙТА И ПРОФСОЮЗА «ФЕЛЬДШЕР.РУ»:

Сайт начал работать в 2004 году, его создатель, администратор и заместитель председателя профсоюза — врач-педиатр, скорой помощи, председатель профсоюза Фельдшер.ру — врач-реаниматолог, совет сайта и активисты профсоюза — врачи и фельдшеры линейных и специализированных бригад СМП. На первой странице сайта с самого начала его существования размещена краткая информация о его создании: «Изначально материал копился по различным мелким и не очень ресурсам. Материала накопилось много, а на размещение не хватало ни денег, ни времени. И вот, совсем недавно нашелся сочувствующий 03-шной братии спонсор. Фельдшер.РУ — проект некоммерческий. На сайте будут размещаться материалы о работниках и для работников 03. Планируется размещение справочников по лекарственным препаратам и оборудованию, кодов диагнозов и прочих полезностей. Ну и конечно баек, песенок, фоток»⁴⁸. С самого начала сайт был ориентирован на работников СМП, в первую очередь, во вторую — на «население»: «Мнение о скорой помощи варьирует в широких пределах — от «ангел в белом халате» до «Бармалея с чемоданом». Ну что ж, изучайте сайт — смотрите, чем живет и дышит служба 03»⁴⁹.

Фельдшер.Ру стал виртуальным местом встречи и общения сотрудников СМП Москвы, Санкт Петербурга. Некоторые из них были зна-

комы по ежегодным туристическим слетам, которые организует профсоюз (официальный). Однако именно на сайте в результате постоянных (иногда каждодневных) обсуждений и споров, сформировалось сообщество, осознающее себя таковым и идентифицирующее себя с Фельдшер.ру. Он объединило медиков не только обеих столиц, но и других российских городов. В настоящее время среди модераторов сайта фельдшер из Финляндии, а среди постоянных посетителей врачи и парамедики из Украины, Белоруссии, балтийских стран, Германии, Израиля, США.

Примерный возраст участников можно определить по темам, посвященным детским и юношеским воспоминаниям, которые содержат описание явлений и событий, привязанных к определенному историческому периоду, по упоминаниям количества лет отработанных на СМП и др. Молодежь, судя по всему, составляет большую часть активно участвующих в общении (недавние выпускники медицинских училищ и университетов, студенты). Организаторы сайта и лидеры профсоюза — люди постарше (от тридцати лет до сорока лет), некоторым активным членам этого сообщества немного больше сорока лет.

Голосование, проведенное в 2005 году на тему «Кто вы, уважаемый посетитель?», в котором приняло участие 1445 человек, показало, что большинство посетителей сайта являются линейными сотрудниками (то есть врачами или фельдшерами СМП). Они составили 53,15% ответивших. Остальные распределились следующим образом: 2,77% — представители администрации, 10,45% — бывшие сотрудники, 10,10% — будущие сотрудники (то есть нынешние студенты), 12,23% — другие медики, 0,97% — люди, недовольные Скорой, 3,11% — довольные, 7,13% — случайные прохожие⁵⁰. Таким образом, и лидеры, и большинство членов общества — рядовые работники СМП. Представителей администрации среди них мало, некоторые из них в комментариях сообщили, что продолжают брать вызовы, несмотря на занимаемые должности.

Идея создания общественной организации, которая защищала бы интересы сотрудников СМП, возникла практически сразу. При этом речь изначально шла не только о трудовых правах как таковых: защите личности физической и юридической, повышении заработной платы, обеспечении достойных условий труда и пр., но и о требованиях обеспечить возможность качественного исполнения своей работы.

Дискуссия о новом профсоюзе на форуме началось весной 2004 года в темах форума «Новый профсоюз» и «А кто защитит нас?». Вначале даже у лидеров сайта не было уверенности в необходимости именно такой формы объединения. Ниже приведены (с сокращениями) первые сообщения данного обсуждения, так как они наглядно демонстрируют процесс осмысления ситуации и выбора стратегии действий:

⁴⁶ <http://www.feldsher.ru/forum/index.php?showtopic=118&st=30>

⁴⁷ <http://www.feldsher.ru/forum/index.php?showtopic=4976&st=30>

⁴⁸ <http://www.feldsher.ru/>

⁴⁹ <http://www.feldsher.ru/index.php?name=FAQ&op=showcat&id=41>

⁵⁰ <http://www.feldsher.ru/index.php?name=Voting&op=view&id=5>

SazMed: Если внимательно просмотреть форум, станет ясно, народ более или менее определился со своими проблемами и с проблемами станции. Все понимают, что нужно при этом чего-то еще и делать или хотя бы пытаться. Но что конкретно и как, никто не знает. Человеческим путем, понятно, ничего не получится. Профсоюз на нашей скорой, нужен, видимо, только для того, чтобы организовать слет (чтобы народ совсем не озверел) и выдавать на этом слете грамоты за перетягивание каната. В других проявлениях, свойственных нормальному ПРОФСОЮЗУ, наш не компетентен. Напомню, что основная функция профессионального союза — защита работников от всех и вся, от руководства, от правительства, от граждан (в нашем случае — от больных)... Короче, нет у нас с вами профсоюза... Что мы можем сделать? Ну, во-первых, у нас есть этот сайт. Если господа еще его не видели, то увидят в самое ближайшее время... А это, как Вы понимаете, уже волнения в народе, предреволюционная обстановка. Если бы в 1917-м году был Интернет, надо думать, революции не было бы. Народ будет смотреть наш сайт и ОБСУЖДАТЬ, что, скорее всего, будет замечено на Олимпе... На мой взгляд, главное не наваливаться разом, пытаюсь чего-то продать, а действовать с толком и расстановкой. Во-первых, нужно сразу определиться, что общаться нужно не со станцией и не с комитетом. А с кем тогда? Как ни странно с господами из Мосгордумы. Это первый фронт, а второй — это средства массовой информации, которые, как правило, наши противники, а не союзники, но это потому, что информацией их снабжает другая сторона... Если город хочет, чтобы Скорая решала его проблемы, он должен решить проблемы Скорой для начала или хотя бы попытаться... Для СМИ тема «проблем» очень «вкусная»... И самое главное. Нужно четко обосновать, почему мы хотим, чтобы было именно так, а не по-другому. Нужно доказать, что это, в первую очередь, будет полезно городу, а значит и больным. И ведь много нам не нужно, просто улучшить организацию нашего труда, определить соответствующий нашей работе статус (когда что-нибудь с ментом случается, ночью при исполнении, чего только по городу не объявляют, а когда у скорой проблемы бьются, не всегда дело заводят). И давайте не будем спешить очень сильно, изучим вопрос основательно, чтобы было чем крыть... Вот все чего я хотел сказать.

Turbid: Бесплезно противостоять системе.

Snaut: Систему можно сломать! А наш медицинский профсоюз и ломать нечего — импотентная, бессильная структура, давно прикормленная «папами»... Один-два грамотных юриста могут сделать много головной боли кое-кому, а если в это дело вложить деньги (200-300 рублей в месяц мало кому погоду сделают, верно?), то можно рассчитывать на что-то более конкретное.

Evgeny03: Вот интересно, а альтернативный профсоюз организовать можно? Ведь прав коллега, гоорящий об абонентской плате с каждого от 100 до 300, и долго ли голову центру ломать. А как пару дел заделать — все остальные сами побегут, и плата упадет (для тех кто жмотится), идея может пока и плохая, но на мой взгляд внимательного размогования заслуживает.

Лилит: Объединяться давно пора, надо только сначала расшевелить «болото». Ну что, коллеги, просыпаемся или еще подождем?!⁵¹

Обсуждались также и возможности заставить работать существующий профсоюз. Но, по мнению, участников форума, это нереально, потому что он зависим от администрации. Высказывались идеи нанять грамотных юристов и отчислять процент от зарплаты за правовую защиту в связи с тем, что организовать независимый профессиональный союз очень сложно.

Как видим, идея профессиональной ассоциации предлагалась, но не получила развития.

Sazmed: Коллеги! А не замутишь ли нам профессиональную ассоциацию?

Admin: Кстати, уже были хилые попытки замутишь. Даже под управлением профессоров. Только сайт у них аж с позапрошлого года не обновляется.

На этом обсуждение проблемы закончилось. В результате было принято решение о создании альтернативного профсоюза, начался сбор подписей.

Формулировка основных направлений деятельности организации, представленная на сайте, объединяет задачи защиты прав профессионалов и защиты их профессии:

- обеспечение юридической поддержки и защиты работников в случаях возникновения конфликтов с работодателем (заведующим, оперотделом, главврачом), пациентом и другими участвующими в профессиональной деятельности лицами;
- создание условий труда, позволяющих оказывать квалифицированную экстренную помощь не в ущерб собственному здоровью и кошельку⁵².

Профсоюз удалось зарегистрировать ровно через два года после этого решения, в мае 2006 г. Создать общероссийскую организацию не удалось, поскольку за ее регистрацию юридическая компания потребовала три тысячи долларов, да и процедура создания ячеек в других городах оказалась слишком сложной. Однако устав составлен таким образом, что принять участие в работе профсоюза могут жители других городов и даже лица без российского гражданства.

⁵¹ <http://www.feldsher.ru/forum/index.php?showtopic=44>

⁵² <http://www.feldsher.ru/prof.htm>

Фельдшер. Ру приступил к активным действиям задолго до официальной регистрации профсоюза: еще в декабре 2004 года началось издание и распространение по подстанциям одноименной газеты и попытки наладить взаимодействие со СМИ, с тем, чтобы рассказать о проблемах СМП. Новый профсоюз сразу попытался наладить диалог с администрацией. Реакция администрации на реальные и виртуальные действия сообщества была негативной. Активисты ощутили явное давление на себя со стороны начальства, в некоторых случаях источник этого давления определить не удалось. Весной 2005 года в форуме появляются темы: «Охота на ведьм. Хроника событий», «Охота на ведьм II»: «Новости из достоверных источников. Пульту «Акушерства и детства» дано указание свыше: тщательно следить за работой педиатра Степанова (создатель и лидер сайта, ник — «Admin» — И.Х.), выявлять малейшие трудовые нарушения. Выявить факты, позволяющие поставить вопрос о служебном несоответствии занимаемой должности»⁵³. Звучат анонимные угрозы: «Недавно я узнал, что в течение месяца, в среднем раз в неделю, нашему модератору СазМеду (К. Сазонову), поступают анонимные телефонные звонки. По телефону вежливый и спокойный мужской голос настоятельно рекомендует прекратить активную деятельность на сайте Фельдшер.ру, в противном случае, у него (К. Сазонова), будут очень большие проблемы»⁵⁴. В теме, посвященной обсуждению угроз и выявлению их автора, появляется анонимное сообщение: «Господа, Вы бы сидели и молчали... Грохнуть ваш сайт проблем нет. И если нужно будет наказать кого следует — накажем. А Вы господин Админ, очень много берете на себя... Или Вас лично предупреждать нужно?»⁵⁵. Возможно, оно отправлено виртуальным пользователем, увлеченным конструированием своего образа, но в контексте происходящего участниками форума воспринимается серьезно и реально. В настоящее время оставлять сообщения без регистрации на форуме нельзя.

После регистрации профсоюза Фельдшер.ру администрация открыто формулирует негативное отношение к гражданской активности своих сотрудников в официальных документах, например, в обращении Главного врача ССиНМП г. Москвы к трудовому коллективу ССиНМП по поводу профсоюза Фельдшер.ру. Этот документ подписан также председателем профкома станции и председателем совета трудового коллектива. В обращении говорится о том, что Фельдшер.ру не может в настоящее время решить никаких социально-трудовых проблем своих членов, в то время как существующая профсоюзная организация оказывает членам профсоюза материальную поддержку

⁵³ <http://www.feldsher.ru/forum/index.php?showtopic=468>

⁵⁴ <http://www.feldsher.ru/forum/index.php?showtopic=548>

⁵⁵ <http://www.feldsher.ru/forum/index.php?showtopic=548&st=0>

в виде: материальной помощи, предоставления путевок в детские оздоровительные учреждения, организации экскурсионных поездок, выделения детских новогодних подарков, решения жилищных проблем молодых специалистов и других работников коллектива и т.д. Вступившие в Фельдшер.ру будут лишены доступа к помощи официального профсоюза: «Считаем необходимым разъяснить, что выход работника из членов профсоюзной организации станции лишает их права на получение вышеназванных льгот. С уважением относясь к решению каждого человека быть членом той или иной общественной (профсоюзной) организации, необходимо напомнить, что станция является государственным медицинским учреждением, поэтому на ее территории в соответствии с действующим законодательством (а также подстанций, являющихся структурными подразделениями) запрещено проводить агитацию, пропаганду, распространять печатную продукцию, проводить кино- и фотосъемку».

На некоторых подстанциях изымалась газета Фельдшер.ру, сотрудники вынуждены прятать и выносить ее тайно как запрещенную литературу. Попытки наладить с администрацией Станции диалог к успеху не приводят. Устные и письменные вопросы, которые руководители нового профсоюза, задают администрации остаются без ответов. Фельдшер.ру игнорируют, но в то же время стенограммы диалога доктора Степанова с главным врачом, председателем официального профсоюза и начальником отдела кадров, наглядно показывают, что виртуальная деятельность Фельдшер.ру отслеживается руководителями СМП: «Мы тут что, зря сидим? Мы сидим для того, чтобы нас очередной раз хаяли в интернете?». Главный врач настаивает на бесполезности Фельдшер.ру: «Что вы реально можете сделать для сотрудников? Ничего не можете! В итоге, вы просто морочите людям голову. Я об этом скажу при всех: передайте сотрудникам, что вы просто морочите людям голову. Потому что есть определенный перечень медицинских профессий, есть определенный профсоюз, который реально помогает людям. Есть популисты типа вас, которые хотят не понять этого». Отношение председателя профсоюза к альтернативной организации еще более резкое, о чем свидетельствует фрагмент диалога между заместителем председателя Фельдшер.ру (Admin) и председателем официального профсоюза (Председатель) о проблеме своевременного обеда сотрудников СМП:

Admin: Будет зима, будут задержки с обедом до 18.00 — 20.00. И будем ждать голодного обморока, правильно?

Председатель: Ну вы еще об этом напишите. А я с вами буду судиться. И морду тебе набью»⁵⁶.

⁵⁶ <http://www.feldsher.ru/index.php?name=News&op=view&id=400&word=%C2%E8%E7%E8%F2+%EA+%C3%EB%E0%E2%ED%EE%EC%F3>

Последующие попытки контакта с главврачом станции успехом не увенчались: «Записались за три дня, подошли к началу приема, дожились секретарю о прибытии. До семнадцати часов, толклись в приемной на диванчике. Главврач принял всех записавшихся..., кроме нас. Когда подошла наша очередь, состоялся торжественный выбег Главврача в сопровождении начальника отдела кадров и охраны мимо лифта, на черную лестницу. Во время оперативного спуска через черный ход охранник подпирает дверь со стороны лестничного пролета... Через некоторое время охранник вышел и сообщил: «Главврача срочно вызвали в департамент. Но если к нему есть какие то письма — оставляйте». Писем у нас не было, ибо целью встречи было обсуждение его «послания» коллективу. С тем и ушли. Итак, сроки вышли. На следующей неделе запланировано обращение в прокуратуру»⁵⁷.

Несмотря на позицию руководства СМП, рядовые работники начинают воспринимать профсоюз Фельдшер.ру как защитника своих прав. Его представителей приглашают на собрания трудового коллектива в конфликтных ситуациях, что вызывает противодействие уже со стороны руководства подстанции. Однако работодатели к согласованию интересов очевидно не готовы: «22 июня на подстанции должно было состояться профсоюзное собрание с целью урегулирования вопроса о премиях, при распределении которых заведующий грубо нарушил существующее положение «О премиальной комиссии», в результате чего многие сотрудники не получили причитающихся денег. По просьбе сотрудников на собрание был направлен представитель Фельдшер.ру А. Степанов. К сожалению, по вине заместителя главного врача, затеявшего драку в самом начале собрания, конструктивного диалога не получилось»⁵⁸. Начало стенограммы собрания ярко демонстрирует характер взаимодействия альтернативного профсоюза, сотрудников подстанции и работодателей:

Заведующий: Я попрошу удалиться представителей Фельдшер.ру в связи с тем, что в общем-то это не та организация, которая должна присутствовать на нашем профсоюзном собрании, да еще и вести аудиозапись...

Сотрудники: Он приглашен!

Заведующий: Его никто не приглашал!

Admin: Я бы хотел обратиться к собранию. Как собрание решит, так я и поступлю.

Сотрудники: Мы не против!

Заведующий: Тогда это незаконно, товарищи! То, что вы не против, это никого не интересует!

⁵⁷ <http://www.feldsher.ru/forum.php?showtopic=3040>

⁵⁸ <http://www.feldsher.ru/index.php?name=News&op=view&id=546&word=%C2%FB%E2%E5F1F2%E8+F2%E2%E0F0%E8F9%E0%21>

Сотрудники: А то, что вы делаете, — это законно?

Заместитель главврача: Нет, подождите. То что он незаконно — это уже всем ясно. Это всем ясно, потому я и пришел. Давайте начнем по человечески. Сколько здесь человек?

Сотрудники: Тут не вы решаете, а собрание!

Заместитель главврача: Хорошо, я вызову охрану (ушел куда-то в коридор)⁵⁹.

Лидеры профсоюза после подобных конфликтов разместили на сайте «Письмо к заведующим», в котором подробно описана история создания сайта и профсоюза, разъясняются цель и задачи его деятельности и взаимодействия с руководством, представлена информация о спонсорах сайта⁶⁰.

Активисты, которые надеялись на то, что официальный профсоюз слаб, говорят о том, что действия стали напоминать битие головой о стену. Тем не менее, это не совсем так. Во-первых, несмотря на то, что Фельдшер.ру как и любой современный альтернативный профсоюз, организация немногочисленная, ему удалось добиться поддержки даже не вступивших в его ряды сотрудников. Профсоюз разбирается в конкретных ситуациях нарушения прав сотрудников СМП, подает заявления в прокуратуру, постоянно обращается с запросами в руководство станции (отсутствие реакции последнего не вина активистов). Профсоюз организует помощь пострадавшим в ходе выполнения служебных обязанностей бригадам и т.п. Более того, официальная профсоюзная организация была вынуждена в итоге считаться с растущей популярностью альтернативного профсоюза. и подписать соглашение с Фельдшер.ру о единстве принципиальных позиций и о начале переговоров о включении представителей последнего в разработку дополнительных к действующему коллективному договору⁶¹.

Все попытки представителей Фельдшер.ру заинтересовать СМИ проблемами скорой оказались безуспешными. Еще до регистрации профсоюза, представители Фельдшер.ру участвовали в передачах «Принцип домино» и «Пять вечеров с Андреем Малаховым» в качестве представителей сайта Фельдшер.ру, предельного как общественная организация работников скорой. Цель участия заключалась в том, чтобы рассказать о проблемах скорой и о самом Фельдшер.ру.

Активисты длительное время были убеждены в возможности использования СМИ для развития сайта Фельдшер.ру и газеты, необходимо просто хорошо подготовить материал, чтобы заинтересовать жур-

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ <http://www.feldsher.ru/index.php?name=Files&op=view&id=105#105>

⁶¹ <http://www.feldsher.ru/index.php?name=News&op=view&id=464&word=%CF%D0%CE%D2%CE%CA%CE%CB+%D1%CE%2%CC%5%D1%D2%CD%CE%3%CE+%C7%0%D1%5%4%0%CD%8%DF+%5%4%8%CD%CE%3%CE+%CF%D0%5%4%D1%D2%0%2%8%D2%5%CB%DC%CD%CE%3%CE>

налистов: «Кроме шуток, нам действительно остро не хватает помощи грамотных коллег. Кто мог бы написать острую статью для сайта или газеты, организовать телепередачу и грамотно на ней выступить, организовать какую-либо общественную акцию. Очень ждем любых реальных предложений и действий. Придумывайте и действуйте! Возможно, у Вас получится лучше, чем было... Очень ждем свежих идей!!!»⁶².

Казалось, что необходимо для начала просто выйти на телевидение: «Положительные аспекты, несомненно, есть — еще раз смогли засветиться в СМИ, завязали нужные знакомства. Если пойдет все такими темпами, то следующая передача пойдет уже в нужном русле»; «Удалось раздать газеты интересным людям, познакомиться с нормально дышащими журналистами, познакомиться с руководителем комитета Госдумы»⁶³.

Однако целью обоих шоу, в которых участвовали медики, было создание негативного образа врачей службы 03, и участие представитель Фельдшер.ру не могло изменить общую направленность передачи. О смертях врачей и фельдшеров на дежурстве, об острой нехватке машин скорой в мегаполисе и убогом оборудовании рассказать не дали: «Меня до сих пор подтрясывает от этого шоу. Чего они добиваются? Может, так они нам количество вызовов пытаются снизить?! Лейтмотив «принципа домино»: скорая — это убийцы в белых халатах, а еще алкаши, наркоманы и взяточники...»⁶⁴.

Оказалось, что при помощи телевизионных технологий легко представить самих участников людьми непрофессиональными, неспособными сформулировать свою позицию: «Не могу сказать, что передача прошла так, хотелось бы. Сразу хочу ответить на предсказуемые вопросы: «А что же вы молчали? Почему не объяснили? Почему не сказали, что это бред? Почему не прокомментировали с практической точки зрения?». Не дали. Малахов демонстративно игнорировал нашу «группу в синих жилетках». Микрофонов у нас не было. Время от времени мы не выдерживали и кричали без микрофонов, но это, увы, никто не услышит»⁶⁵.

После этих передач на форуме долго обсуждалась стратегия общения со СМИ. Высказывались мнения о том, что через телевидение сделать ничего невозможно, что единственным выходом могут быть протестные акции, не выходящие за рамки закона, например, пикеты или демонстрации. Была предпринята еще одна попытка взаимодействия с телевидением. Представители Фельдшер.ру участвовали в съемках фильма о скорой помощи, который был показан по первому

⁶² <http://www.feldsher.ru/forum/index.php?showtopic=769&st=30>

⁶³ <http://www.feldsher.ru/forum/index.php?showtopic=769>

⁶⁴ <http://www.feldsher.ru/forum/index.php?showtopic=648>

⁶⁵ <http://www.feldsher.ru/forum/index.php?showtopic=769&st=0>

каналу. Попытка была такой же неудачной, как и предыдущая. Фильм создавал образ малограмотного и безответственного врача, несмотря на видимость баланса негативной и позитивной информации. В результате было принято решение отказаться от идеи взаимодействия со СМИ. На смену приведенным выше установкам идти на телевидение, для того чтобы завязать полезные контакты, приходит идея полного запрета активистам профсоюза и сайта общения с журналистами. Некоторое время обсуждаются возможности снять свой фильм, представить его на каком-либо из второстепенных каналов. В результате основным средством массовой коммуникации, в которой рассказывается о проблемах СМП остается только сайт.

На сайте большое внимание уделяется реформе здравоохранения. Голосование на тему «Как вы относитесь к национальному проекту «Здоровье»» собрало наибольшее число участников — 2023 человек. Большинство из них считает проект очередным отмыванием денег — 48,59%, не до конца продуманным делом — 39%, мудрым решением правительства — 6,92%, не задумывались о проекте — 5, 49%⁶⁶. Обсуждение проекта, поиск способов продуманного реформирования и даже законопроекта о скорой помощи осуществляются в самых разных темах по причине жизненной важности проблемы для СМП. В разделе «Профсоюз» обсуждается тема «Проект закона об СМП»: «Слушайте, коллеги, а вот мы тут все критикуем, ругаем, плачемся. А давайте-ка начнем инициативу «снизу». Предлагаю в этом разделе высказывать свои предложения в ВОЗМОЖНЫЙ закон о СМП. Потом из разрозненных идей составим все «леге-артист», да отправим куда надо. Там, глядишь, и изменится что-нибудь к лучшему»⁶⁷. Однако донести свое видение реформ до власти не удалось. Взаимодействие профсоюза с властью, намечаемое еще при создании Фельдшер.ру, не сложилось. Единственным политическим субъектом, проявившим интерес к проблемам СМП, оказалась партия ЛДПР, но участие в организованном ею «круглом столе» в Государственной думе, посвященным скорой помощи «Дождаться или умереть?!»⁶⁸ пока не принесло заметных результатов (насколько можно судить по информации, размещенной на сайте).

Активисты Фельдшер.ру, таким образом, очень активно пытаются найти (или сформировать) каналы взаимодействия с работодателями и властью, этому препятствует только нежелание, а чаще активное сопротивление последних.

⁶⁶ <http://www.feldsher.ru/index.php?name=Voting&op=view&id=12>

⁶⁷ <http://www.feldsher.ru/forum/index.php?showtopic=3634>

⁶⁸ <http://www.feldsher.ru/forum/index.php?showtopic=4490>

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА ФЕЛЬДШЕР.РУ

Деятельность сайта Фельдшер.ру и после создания профсоюза выходит за рамки обеспечения функционирования профсоюзной организации. На сайте продолжают обсуждаться самые разные проблемы, от узко профессиональных до политических и культурных. Есть темы, посвященные воспоминаниям о детстве и молодости, рассказам о любимых книгах, фильмах, музыке. Как уже говорилось, свобода слова ограничивается модераторами, но на сайте она достаточно велика. Удаляются персональные оскорбления и сообщения, содержащие в открытом виде (без эквивалентов) ненормативную лексику, сообщения, содержащие открытые оскорбления на национальной почве. С другой стороны, нетолерантных высказываний в различных темах много, они могут носить национальный, политический, а в иных случаях и классовый характер, в результате возникают споры, иногда переходящие в острые конфликты. В таких случаях модераторам или самому председателю приходится реагировать, председатель один раз даже закрывал форум на несколько дней: «Уважаемые коллеги! Уже неделю наблюдаю за свинарником, который вы развели на форуме. Какая вожжа вам под мантию попала? Почему и новички, и заслуженные пользователи форума не нашли более достойного занятия, чем обливание друг друга грязью? За три дня поступило более ста писем с взаимными жалобами! Вместо коллегиального решения проблем и как следствие развития нашего сообщества, одни сорвались на откровенное хамство, другие пошли дуться в угол. Если взрослые, образованные, связанные одной профессией люди считают уместным подобную линию поведения, то почему вы продолжаете обижаться на наших пациентов? Этот чайка не налил, этот стул не предложил. В общем, форум временно закрыт. На глобальную чистку. С искренним уважением, Admin» (сообщение на сайте не сохранено).

Более жестких санкций, ограничивающих свободу высказываний на Фельдшер.ру не предпринимали, хотя предложения улучшить имидж сайта были. Но целью работы сайта является не конструирование имиджа, а действительно развитие сообщества. В ходе виртуального общения формулируются нормы поведения, идет поиск объединяющих его участников ценности. Вырабатываются способы общения людей с очень разными установками, например, после особо конфликтных обсуждений, была предложена тема «Давайте говорить друг другу комплименты», направленная, в том числе и на то, чтобы помирить обидевшихся друг на друга участников дискуссий.

После неудачных попыток рассказать о проблемах СМП в СМИ, обнаружилось, что не только телевидение, но и популярные газеты заняты созданием образа «врача-убийцы». Статьи и передачи обсуж-

даются на форуме в темах раздела «Медицина и СМИ». Высказывались предположения, что негатив в прессе связан со стремлением чиновников переложить ответственность за состояние здравоохранения на врачей, но таких было мало. Большинство участников форума полагают, что СМИ ориентируются на потребности «населения», что образ «доктора-смерть» приносит коммерческую выгоду.

Публикации в прессе и передачи складываются в пропагандистскую кампанию, которая действительно оказывает влияние на население. На вызовах врачей и фельдшеров СМП начинают обвинять в халатности и некомпетентности. Такие же обвинения появляются и в интернете (в «Живом журнале», комментариях к многочисленным статьям о врачебных ошибках и даже на форуме Фельдшер.ру). Сайт несколько раз подвергался хакерским атакам. Возникает почти конфликтное противостояние по линии «врачи — пациенты», а вместе с ним появляются идеи закрыть сообщество, сделать его строго профессиональным.

Появляется тема «Чистка пользователей», автор которой предлагает «удалить всех пользователей, не являющихся медработниками или студентами медицинских образовательных учреждений несмотря на количество сообщений, опубликованных на форуме; кроме пользователей являющихся спонсорами медицинских учреждений и деятельность которых связана с работой СМП (сотрудники похоронных структур, водители скорой помощи, спасатели, сотрудники противопожарной службы, сотрудники милиции и ГАИ)»⁶⁹. Было даже предложено голосование, но в нем участвовало лишь сорок два посетителя, половина которых проголосовала против закрытия сайта. Большинство решили не реагировать на оскорбления и не превращать сайт в масонскую ложу врачей и фельдшеров СМП.

Фельдшер.ру остается открытым. Среди его постоянных посетителей и активных участников есть и не медики. Разнообразие тем форума позволяет им активно обсуждать политику, реформу здравоохранения или темы раздела «Бухтелка». Кроме того, действует раздел «Для населения», который изначально был предназначен для медицинского ликбеза и консультаций. Для него врачи и фельдшеры разрабатывают и обсуждают «Краткий курс первой помощи», открытость обсуждения позволяет им выявить непонятные для непрофессионалов места и внести изменения.

Значительное место на сайте занимают материалы профессиональные. Форум содержит лечебные разделы по педиатрии, кардиологии, интенсивной терапии и реанимации, гинекологии и акушерству, токсикологии и др. Они предназначены для профессионалов. Наиболее популярным является раздел «Задачник («Задаем друг другу клинические задачки, расширяем кругозор, тренируем мозги. Не для решения

⁶⁹ <http://www.feldsher.ru/forum/index.php?showtopic=5070>

студенческих задач!»). Пользователи сайта описывают сложные случаи из собственной практики и предлагают поставить диагноз.

Проблемы врачебной этики на форуме обсуждаются регулярно. Переход к рыночным отношениям заставляет задуматься о том, что произойдет с правилами поведения, сохранившимися с советских времен. Но есть и более веская причина, а именно, современная ситуация, в которой трудно физически выжить, не говоря уже о следовании некоторым нормам. Апелляция к клятве Гиппократов или российского врача вызывает раздражение: «Если вы мне найдете в клятве следующие слова «Обязуюсь работать сутки без отдыха, нормального питания и отправления естественных надобностей за смешотворную зарплату в холодной машине и дырявой форме, бестрепетно сносить унижение и оскорбления со стороны пациентов, а равно и их родственников/друзей/случайных прохожих, в состоянии полного социального и законодательного бесправия и незащищенности», то я буду терпеть. Но не раньше»⁷⁰; «Извините за громкие слова, но есть такое понятие: врачебная совесть. Вернее, просто совесть, потому что совесть не бывает врачебной (с разделением на хирургическую, терапевтическую, педиатрическую, психиатрическую и т.д.), инженерной, шофёрской, милицейской, моряцкой и т.д. — совесть есть совесть, либо она есть, либо нет. И если она есть — не нужны никакие клятвы, а нету её — тут уж клянись — не клянись»⁷¹. Возникает необходимость определения границ, за которые нельзя переступить. На форуме неоднократно обсуждалась тема «брать или не брать деньги, которые предлагают пациенты», и если брать — то у кого можно, а у кого нельзя; что является вымогательством и взяткой и потому недопустимо, а что — благодарностью и т.д. Каждый пытается найти собственное решение проблемы, но большинство формулируют их близко к следующему варианту: «Я считаю, что подло вымогать деньги, играя на чувствах обеспокоенных родственников или на незнании больного, хоть и знаю, что некоторые со мной не согласятся. Вот если ты сделал свою работу, вылечил больного, и у него появилось желание отблагодарить доктора — ну это уже совсем другой колленкор!!! Бери, родной, пока дают! Это совсем другая история»⁷². Оценка того, что можно, что нельзя, производится в соответствии со сформировавшимися в российском обществе установками (подло, безнравственно и пр.) Государство, которое денег не платит и заработать не дает, игнорируется. Иная ситуация на Западе, в этой же теме врач из Израиля пишет: «Любая дача денег врачу сверх его зарплаты за помощь, которую он оказывает в свои рабочие часы в госу-

дарственном учреждении, называется взяткой, независимо от того, какие мотивы движут пациентом»⁷³.

Множество комментариев вызвали проблемы внешнего вида и респектабельности. В специально выделенной для обсуждения теме рубрике «К вопросу об облике строителя коммунизма», активно участвовали врачи и парамедики из Израиля и США, настаивая на внешнем виде, действительно демонстрирующем респектабельность сотрудника СМП. Их российские коллеги относятся к данной проблеме намного спокойнее, подчеркивая необходимость быть опрятным и допуская при этом условия длинные волосы, тату, пирсинг: «Если доктор не пахнет как бомж и дело свое знает, то мне по барабану во что он одет, в халат, в синюю робу или оперпару»; «Я ношу длинные волосы (к слову сказать — чистые), но на работе стягиваю их в хвост или прячу под шапочку — самому удобнее. Сережка в ухе мне подарена женой на свадьбу, и оказывать помощь она мне, как ни странно, не мешает. Татуировка у меня на плече сугубо медицинская — крылатый красный крест, и еще ни у кого она не вызвала отрицательных эмоций. Гриндерсы на ногах — удобно месить грязь (и не только) осенью и зимой. А что, в модельных туфлях работать?»⁷⁴.

Отдельное внимание уделяется проблеме языка, а точнее, грамотности участников форума. Эта тема поднималась и обсуждалась несколько раз, ее авторы (в основном, те, кому за тридцать) настаивали на недопустимости грамматических ошибок в сообщениях, врач обязан писать на правильном русском языке. Также обсуждались проблемы культуры речи, допустимость использования ненормативной лексики: «Я не позволяю себе употреблять ненормативную лексику в отношении к пациенту, какой бы он ни был (не говоря уже о новорожденных)»; «Стригусь налысо и из моих уст матюги звучат еще более внушительно. Пьяницы обычно успокаиваются после первой моей тирады»; «Скорая помощь, это грубая медицина, и мат в нашей работе волей-неволей вытекает из наших уст. Если присмотреться ко времени, в котором профессия врача видоизменялась, вернее, не профессия, а образ жизни, то станет ясно, что в общей массе мы становимся грубее. Это своеобразная защитная реакция. Но я придерживаюсь мнения, что врач ДОЛЖЕН быть человеком образованным, интеллигентным, культурным, независимым. Тем самым, заслуживая уважение к себе. По крайней мере он должен к этому стремиться»⁷⁵.

Следует отметить, что профессиональное саморегулирование достаточно жестко предписывает нормы и правила поведения, стиля

⁷⁰ <http://www.feldsher.ru/forum/index.php?showtopic=2082&st=30>

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ <http://www.feldsher.ru/forum/index.php?showtopic=2082&st=30>

одежды и речи. Большинство сотрудников российской скорой настаивают на максимально допустимой и возможной свободе в этой сфере.

Сообщество, формирующееся в результате процесса самоорганизации, инициированной создателями Фельдшер.ру, вероятно, может быть интерпретировано как прообраз профессиональной ассоциации англо-американского типа. Создан профсоюз, защищающий права рядовых работников, предпринимаются попытки найти контакты с властью, распространяются профессиональные знания и формируются этические нормы. Врачи добиваются повышения статуса своей профессии и ее ресурсной обеспеченности. Можно также найти в нем определенные черты немецких кружков качества, деятельность которых направлена на повышение качества медицинских услуг. В то же время самоорганизация врачей российской СМП существенно (если не радикально) отличается от западных моделей профессионального саморегулирования, по крайней мере, на ее современном этапе и в существующих условиях.

Западные ассоциации создаются и управляются элитой. В создании сообщества и профсоюза Фельдшер.ру медицинская элита не участвует, этот процесс инициирован рядовыми врачами и фельдшерами. Действия профсоюза направлены одновременно на защиту интересов профессионалов и на сохранение самой профессии, что отличает Фельдшер.ру даже от других альтернативных профсоюзов. Профессия выездного врача, фактически не имеющая карьерных перспектив, сама по себе является для членов сообщества Фельдшер.ру одной из главных жизненных ценностей. Отношение к профессии как к самой жизни или ее важной части — характерная черта именно российской культуры. И в этом смысле Фельдшер.ру в обеих своих ипостасях (сайта и профсоюза) представляет собой российский тип профессиональной самоорганизации, действия ее участников основываются во многом на традиционных для российской культуры установках и ценностях, несмотря на инновационность самого явления. Традиционным являются и вынужденные изменения этических норм в дозволенных культурой, а не государством, границах; и образ идеального доктора «03» (образованный, интеллигентный, грамотно пишущий на русском языке, использующий ненормативную лексику в меру и при необходимости).

В деятельности Фельдшер.ру нет и конкурентной борьбы за привилегии, равно как и стремления к полной закрытости, свойственных профессиональному саморегулированию западного образца. Сообщество и, тем более, профсоюз Фельдшер.ру остро нуждается в солидарной поддержке со стороны медиков других специальностей и со стороны населения. Несмотря на призывы закрыть ресурс, сделать его пол-

ностью профессиональным, Сайт открыт максимально. То есть он не просто доступен всем пользователям интернета, его структура и обсуждаемые темы позволяют принимать участие в его работе практически всем желающим, ощутить себя членами сообщества и даже ликвидировать медицинскую безграмотность.

Однако больших успехов этот поиск солидарности не приносит. Надежды на то, что публикации и дискуссии на сайте повлияют на общество и власть, то есть на тех, кто на «Олимпе», не оправдались. Виртуальное пространство позволило объединить разделенных особенностями организации труда коллег, мобилизовать ресурсы и создать профсоюз, создать и развивать сообщество. Кроме того, интернет оказался средством давления на работодателя, так как анонимность общения многим обеспечила свободу выражения своей позиции. Но действия альтернативного профсоюза и сайта остаются локальными даже в глобальной сети. Открытость сайта и доступность информации всем пользователям сети не может противостоять пропагандистской кампании в центральных СМИ, перекладывающей вину за разрушенное здравоохранение и неудачи реформ на врачей. Солидарность при просмотре сайта возникает на индивидуальном уровне, о чем свидетельствуют темы «О скорой с любовью» и даже предложения финансовой поддержки. Реальные и виртуальные действия альтернативного профсоюза не могут также преодолеть противодействия власти, которая не допускает его к участию в принятии решений, не позволяет создать механизмы и каналы взаимодействия. Поэтому виртуальная самоорганизация обеспечила опять же традиционную для России активность на локальном уровне, распространение знаний и передачу ценностей, творческий процесс обсуждения и создания стратегий деятельности и пр.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТРУКТУР ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

В этом параграфе мы будем рассматривать весьма специфическую социальную активность неправительственных организаций, которые получили название «кредитные союзы». Сами свою активность они называют «скорой финансовой помощью». Их активность направлена на материальную поддержку представителей того слоя населения, от установок, деятельности и поведения которого, по Т.И. Заславской, зависит адаптационный потенциал общества. Социальное самочувствие (которое Т.И. Заславская рассматривает как косвенную характеристику адаптированности) этого слоя, без сомнения, базируется в первую очередь на уровне благосостояния людей, поэтому столь значима направленность действий исследуемых организаций. Особенно ошутимо это было в 1990-е годы, когда рухнула экономика и выживание стало основной заботой большей части наших граждан.

Исследование основано на мониторинге электронного бюллетеня кредитных союзов России «КС-Новости»⁷⁶. Анализ проводился в соответствии с категориями, отражающими основные составные части предмета исследования: причины и время возникновения, способы самоорганизации, состав (к какой социальной группе принадлежат члены НКО) и численность, структура организаций и движения в целом, процесс формирования движения, репертуар действий, типы и причины взаимодействий, проблемы развития НКО и движения, ресурсы деятельности и способы их мобилизации, география распространения кредитных союзов, достигнутые результаты.

Проанализированы сайты ряда кредитных союзов⁷⁷ с целью уточнения (на конкретных примерах того, как социальные реалии отражаются в презентациях отдельных НКО), подтверждения или опровержения фактов и данных, полученных при осуществлении мониторинга. Изучены документы и материалы кредитных союзов и их объеди-

нений, включая учебные пособия⁷⁸, которые предоставляли для анализа сами методологические подходы, использовавшиеся инициаторами создания кредитных союзов и применяемые ныне лидерами движения для их дальнейшего развития.

Обобщение полученных данных позволяет получить качественно новую картину процесса экономической деятельности социального движения по сравнению с той, что существует сегодня лишь благодаря самоанализу, произведенному как реальными членами кредитных союзов и их лидеров, так и экспертов, тесно сотрудничающих с рассматриваемыми союзами. Оценки и суждения экспертов выявлялись также методом интервьюирования двух основных консультантов движения в сфере экономики/финансов и юриспруденции. Они были необходимы, в первую очередь, для проверки адекватности понимания и интерпретации автором данной работы представленного фактологического массива и верификации сделанных выводов.

Кредитные союзы — организации, целью которых является мобилизация финансовых ресурсов и их последующее распределение — наиболее яркий пример общественной активности по привлечению и использованию ресурсов. Причем не только чисто финансовых. Как раз именно потому, что их деятельность связана с перемещением денежных потоков (пусть и очень малых), востребованными оказываются те ресурсы, которые помогают в обращении с деньгами и в достижении устойчивости управления организацией: административные, управленческие, организационные и даже ресурсы солидарности. В этой связи при анализе мы главным образом будем опираться на теорию мобилизации ресурсов, которая поможет выявить, тип мобилизации (насколько сильны в ней черты традиционализма и инновативности); произвести классификацию используемых ресурсов, что продемонстрирует и основные проблемы данного движения; определить способ организации, позволяющий движению наиболее эффективным образом мобилизовать ресурсы. В конечном счете, анализ ресурсов и их мобилизации позволит сделать вывод о характере самого движения и почему необходима именно такая — неправительственная — форма организации.

⁷⁶ На сайте размещено 14 выпусков бюллетеня, издание которого началось с 2002 г., последний выпуск датирован декабрем 2005 г. <http://www.orema.ru/6/>

⁷⁷ Сайты: Лиги кредитных союзов <http://www.orema.ru/>; Некоммерческого партнерства — Общества взаимного страхования «Союз» <http://www.ovs-soyuz.ru/>; Национального союза некоммерческих организаций финансовой взаимопомощи <http://www.credit-union.ru/>; Ассоциации кредитных союзов Карелии <http://www.credit-union.ru/organizations/div1/209.html>; Волгоградской Ассоциации Кредитных Потребительских Кооперативов (ВАКПК) <http://www.credit-union.ru/organizations/div1/1.html>; кредитного союза «ЭКПА» <http://www.credit-union.ru/organizations/div1/13.html>; кредитного потребительского кооператива «Содействие» <http://www.credit-union.ru/organizations/div1/121.html>, WEB-страницы организаций Лиги кредитных союзов <http://www.orema.ru/95/> и др.

⁷⁸ Например: Кредитные союзы. Теория и практика. Учебное пособие / Под общ. Ред. Плахотной Д.Г. — М.: СПРОС, 2000. — 240 с.; Байтенова А.А. Комментарий к Федеральному закону «О кредитных потребительских кооперативах граждан (постатейный). — М.: ЗАО Юстицинформ, 2005. — 175 с.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КРЕДИТНЫХ СОЮЗОВ, ИХ ЧИСЛЕННОСТЬ И ФОРМЫ ДЕЙСТВИЯ

Окончательно рухнувшая к 1991 году экономика России привела к самым печальным последствиям в жизни рядовых россиян — адаптационному слою российских трансформаций. И хотя, как было показано на примерах экологического и профсоюзного движений той поры, граждане не перестали проявлять активность (нередко массовую) в политических преобразованиях, было очевидно, что это не может продолжаться долго. Уже к 1993 году ничем другим, кроме собственного физического выживания, люди заниматься не могут. Государство, лишенное практически всех ресурсов, оказалось не в состоянии не только разрешить проблемы своих граждан, но даже попытаться это сделать. Запад в это время вынужден был оказывать гуманитарную помощь в виде продуктов питания — ситуация достигла крайней точки. Предоставленные самим себе россияне в массе своей пытались выходить из положения в основном старым «дедовским» способом, обеспечивая свои семьи продуктами питания, выращенными на приусадебных участках и дачах. Основная часть населения или не была готова менять профессию, оставить свои рабочие места (учителя, врачи, библиотекари, рабочие уже остановившихся предприятий и т.п.), или уже не могли перестраивать свою жизнь в виду преклонного возраста. Практически их выручали только запасы купленных в советские времена и еще не сношенные одежда, обувь, не вышедшие из строя бытовые приборы и другие предметы длительного пользования. Свою роль в сдерживании социальной напряженности играла и неприхотливость наших сограждан, готовых претерпевать лишения до крайней степени.

И все же некоторые пошли другим путем. Постепенно наиболее активные и инициативные люди вовлекаются в индивидуальную предпринимательскую деятельность, не основанную на каких-либо «общественных» капиталах (вроде «денег КПСС»), а лишь на вложении последних собственных ресурсов — минимальных финансовых средств и личных физических сил. Это сферы торговли, различных форм обслуживания населения, заведений общественного питания.

В этой ситуации, когда экономических акторов в стране почти не было, возникает общественная инициатива, направленная на поддержку рядовых граждан в их стремлении выжить: с начала 1990-х годов начинают формироваться объединения людей, пытающихся наладить процесс самофинансирования: «Возрождение Движения кредитной кооперации в России началось в начале 90-х годов прошлого века, — писали позже «КС-Новости». — Оно было связано с обострившейся для граждан проблемой потребительского кредита и необходимостью спасения семейных бюджетов от стремительно растущей инфляции. При-

вычные способы экономической поддержки семьи рушились, люди искали приемлемые формы выживания. С точки зрения защиты прав граждан в сфере потребительских услуг, в целях финансовой поддержки семьи, логично было искать решение в создании форм самоорганизации и самоконтроля»⁷⁹. Такие объединения получили название «кредитные союзы».

На самом деле, эта форма общественной деятельности не была новой для нашей страны. Ее корни уходят в дореволюционное прошлое — в эпоху осуществления первой попытки реализации демократических трансформаций конца XIX — начала XX вв. В ином виде, но такого рода деятельность сохранилась и в Советском Союзе: это были кассы взаимопомощи, создаваемые при профсоюзных организациях. При этом носителей опыта времен царской России, конечно, не сохранилось, однако носители советских традиций не только существовали, но и пребывали в социально активном возрасте. Собственно, многие из них и стали лидерами новых организаций. Однако действовать приходилось в совершенно иных условиях, что привело к соединению традиций и инноваций.

Перед кредитными союзами встал целый ряд задач, требующих разрешения и не получающих их ни от каких других общественных сил. Проблемы материального характера стояли перед рядовыми гражданами во всей их полноте, финансовые средства требовались (и их неоткуда было получить) на все виды жизнедеятельности: дожить до зарплаты (часто это актуально для многих и до сих пор), приобрести товары первой необходимости и длительного пользования, разрешить жилищные проблемы (причем в начале 90-х годов речь не шла о покупке нового жилья, а лишь о его поддержании), обеспечить проведение ритуальных услуг, приобрести необходимое оборудование для сезонных работ на земле, найти средства на медицинские услуги в случаях острой необходимости. Таковы были первоначальные потребности. Несколько позже их спектр расширился: возникла необходимость в сохранении семейных накоплений, получении средств на отпуск, семейные торжества, образование, и, наконец, на поддержку частного малого предпринимательства. Всем этим и стали заниматься кредитные союзы.

Конечно, в отсутствие всех и всяческих ресурсов у рядовых граждан деятельность по объединению денежных средств была бы абсолютно тщетной. Требовалась структура, способная мобилизовать и организовать подобную активность. Такой структурой послужила российская конфедерация обществ потребителей (КонфОП), которая к тому времени уже сотрудничала с Международной конфедерацией обществ потребителей. Первое обсуждение проблем развития кредит-

⁷⁹ КС-Новости. — 2002. — Январь // <http://orema.ru/files/n2.pdf>

ных союзов в рамках этого сотрудничества состоялось в 1991 г. Для мобилизации активности в этой сфере внутри страны был привлечен и проанализирован исторический опыт российской кредитной кооперации⁸⁰, современная деятельность мирового движения кредитных союзов и Всемирной организации кредитных союзов (WOCCU). Стали налаживаться связи с международным сообществом. В том же 1991 году в Вашингтоне произошла встреча президента КонфОП А. Аузана с директором Всемирной организации кредитных союзов К. Бейкером, на которой была достигнута предварительная договоренность о сотрудничестве двух организаций в деятельности по поддержке развития кредитных союзов в России⁸¹. Таким образом, на этапе возникновения кредитных союзов главным ресурсом был ресурс организационный, который позволял мобилизовать и внешнюю поддержку. Кроме того, необходимым оказался административный ресурс в виде активной позиции региональных властей, позволивший приобрести и нормативно-законодательный ресурс.

Внутри страны наибольшую готовность к поддержке самоорганизации в кредитной сфере проявил в это время Владимирский областной совет народных депутатов и Владимирское отделение КонфОП. В связи с этим в марте 1992 г. Президент КонфОП и председатель Владимирского областного совета подписали Договор о совместной деятельности по созданию новых форм защиты граждан в сфере финансовых услуг. Был обсужден текст Положения о кредитных союзах, утвержденный решением Владимирского областного совета 20 июля 1992 г. Это был первый нормативный документ, определявший статус новой для современной России формы самоорганизации населения — кредитного союза. Уже тем же летом в Суздале прошло первое собрание будущих членов кредитного союза — жителей города и была создана первая организация — Суздальский кредитный союз⁸².

Вслед за этим, кредитные союзы стали появляться по всей стране. В 1993 г. в г. Юрга Кемеровской области появился кредитный потребительский кооператив «Юргинский машиностроитель», в который вошли члены трудового коллектива завода — жители Юрги и соседних городов. «А начиналось все с того, что людям на заводе надо было просто выживать в тяжелейших условиях, когда не выдавалась заработная плата», — вспоминают члены союза на его 10-летнем юбилее⁸³. Лидером стал инициатор его создания — председатель совета трудового коллектива ПО «Юргинский машиностроительный завод». К концу года

⁸⁰ Летом 1991 г. в КонфОП был заслушан соответствующий доклад.

⁸¹ КС-Новости. — 2002. — Январь // <http://orema.ru/files/n2.pdf>

⁸² Там же.

⁸³ КС-Новости. — 2003. — Апрель.

членами союза стали уже 306 человек, а через десять лет — 3257. В том же году в Карелии образовался кредитный союз «Алтея» (целительница), Его организовали медицинские работники, которые считают, что «суть его деятельности заключалась в «исцелении» — в восстановлении у людей чувства собственного достоинства, веры в собственные силы и возможности»⁸⁴. Инициатором создания союза стала врач-логопед городской детской поликлиники. «Алтея» объединяет сегодня 1341 пайщика, в числе которых пенсионеры, студенты, частные предприниматели, военнослужащие, рабочие и служащие. Кредитный союз «Экпа» в г. Урай Ханты-Мансийского АО работает с этого же времени. Сегодня в нем состоит 18 тысяч пайщиков⁸⁵. В Лыткарино в том же году был создан кредитный союз «ИНТЕР-18» по инициативе частного предпринимателя (одного из «челноков», выпускника мехмата МГУ), который следующим образом рассказывает о причинах своей инициативы: «Многие мои коллеги стали зарабатывать себе на жизнь «челночными рейдами» в Польшу, Турцию, Эмираты. И я, и они, впрочем, как и подавляющее большинство «челноков», постоянно испытывали нехватку свободных денег. Причем деньги были нужны на достаточно короткий срок — месяц, два, но срочно, иначе товар «уходил». Занимали в основном друг у друга. Кто-то «сунулся» в коммерческий банк — там условия и сроки получения кредита для малых предпринимателей неприемлемы. Совершенно случайно прочитал объявления, что организация под названием Лига кредитных союзов проводит обучающий семинар. Поехал, послушал, загорелся идеей, и через три месяца зарегистрировал вот уже десять лет здравствующий кредитный кооператив»⁸⁶. Поначалу лишь 17 человек заинтересовались его идеей, все первые пайщики были приятелями и бывшими коллегами по НИИ. Сейчас в союзе 118 членов. С января 1995 г. работает некоммерческая организация «Кредитный потребительский кооператив граждан «Содействие» в Смоленске, пайщиками которого стали в основном предприниматели. За годы своего существования сложилась целая территориальная сеть во главе с головным офисом в Смоленске, объединяющая филиалы в городах Вязьма, Гагарин, представительства в городах Рославль, Починок, Десногорск, Ельня, Ярцево, Красный, Сафоново. Сегодня кооператив насчитывает 1078 членов⁸⁷.

Примеры приведены для того, чтобы, с одной стороны, подтвердить выдвинутые выше причины их возникновения, а, с другой — чтобы показать некоторые основные принципы, на основании которых

⁸⁴ КС-Новости. — 2003. — Апрель.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ КС-Новости. — 2003. — Октябрь.

⁸⁷ КС-Новости. — 2003. — Апрель.

строятся эти организации. К ним относится, в первую очередь, то, что их членами должны быть люди, знающие друг друга и связанные какой-либо конкретной общностью — профессией, территорией проживания, видом деятельности, работой на одном предприятии и т.п. В малых городах и поселках создавались кредитные союзы на основании соседства людей — они знают друг друга, и их решение вступить в него зависит от того, доверяют ли они пайщикам, которые его составляют. В мегаполисах картина другая: там люди, живущие по соседству, часто незнакомы, поэтому территориальные основания здесь работают не всегда, чаще возникают кредитные союзы на предприятиях или объединениях по профессиональному признаку. Таким образом решающим ресурсом в данном случае оказывается общность.

Важно также, чтобы руководители были преданными делу и проверенными сообществом людьми, квалифицированными специалистами, однако уже не только в своей профессии, но и в руководстве некоммерческой организацией (НКО) такого типа. Квалификация лидеров и членов организаций, определяющая качество деятельности союзов, стали другим ресурсом.

Непременным условием является также доверие пайщиков, которое обеспечивается демократическим стилем управления, равенством членов и обязательным участием всех в принятии решений. А для этого, как определено в законе 2001 г. и как полагают сами члены кредитных союзов, в каждой организации не должно состоять больше 2 тысяч человек. Во второй половине XX века в мировом кооперативном движении развернулась дискуссия по поводу основных ценностей кооперации. В итоге демократические ценности (равенство, справедливость, солидарность, добровольное и открытое членство, демократическое управление и контроль, самоуправление и независимость⁸⁸) были признаны главными морально-этическими принципами движения, с чем, без сомнения согласны российские участники движения. Тем не менее, и россияне, и иностранные деятели, которые оказывают нашим кредитным союзам поддержку, понимают, «что нельзя подгонять всех под какие-то более узкие принципы, поскольку во всех странах разный уровень развития финансового рынка, разные традиции, особенности практики деятельности; у всех есть своя практика, свои вековые традиции»⁸⁹. Ресурсом становятся моральные нормы, ценности, в том числе инновационные для России демократические установки и доверие.

За десятилетнюю историю развития движения кредитных союзов численность организаций достигла 350, в них состояло уже более 180 тысяч пайщиков. В 2003 году возникло сразу 80 новых организаций, в

⁸⁸ Шкляр М.Ф. Кредитная кооперация. Учебное пособие. — М., 2004. — С. 129-132.

⁸⁹ КС-Новости. — 2003. — Июль.

ряды движения влилось около 50 тысяч человек⁹⁰. В 2004 году насчитывалось уже около 500 кредитных союзов по всей стране⁹¹. Они созданы к этому времени в 33 субъектах РФ⁹². Для сравнения: в царской России первое ссудосберегательное товарищество организовали костромские помещики — братья Лунгины в 1865 г в селе «Дороватово Рождественской волости Костромской губернии, а к 1916 г в Российской империи насчитывалось уже более 14 тысяч кредитных кооперативных организаций с общим числом пайщиков более 8 миллионов⁹³. Как видим, рост численности кредитных союзов и их членов в современной России весьма далек от происходившего на рубеже XIX–XX веков. Чтобы достичь подобных результатов, возникновение новых кредитных союзов должно происходить в ближайшем будущем в геометрической прогрессии. Возможно ли это сегодня и что этому может способствовать попробуем прояснить в ходе дальнейшего анализа.

СОТРУДНИЧЕСТВО С ГОСУДАРСТВОМ И ЕГО ПОДДЕРЖКА — ОСНОВА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ КРЕДИТНЫХ СОЮЗОВ В РОССИИ

Уже в самом начале деятельности кредитные союзы столкнулись с рядом проблем, связанных с их институционализацией. В первую очередь, оказалось, что финансовая деятельность затрагивает интересы нескольких структур. Многие члены кредитных союзов фиксировали сразу возникшее недоверие к ним банков. Особенно ярко это проявилось на стадии принятия закона «О кредитных потребительских кооперативах граждан», который обсуждался в Думе в течение пяти лет (с 1995 по 2001 гг.), и, по свидетельству лидера «ИНТЕР-18», те, кто его «пробивал», испытывали нештучное давление со стороны банковских структур⁹⁴. В беседах с представителями банков лидеры кредитных союзов не раз пытались их убедить в том, что соперничество невозможно — слишком разные сферы интересов: кредиты от 500 рублей до 150 тысяч не могут интересовать банки. Но, вероятно, их настораживал опыт западных стран, где конкуренция между этими структурами стала реальностью. В связи с этим на раннем этапе развития кредитного

⁹⁰ КС-Новости. — 2003. — Октябрь.

⁹¹ Иогансен Н. Сам себе банкир // Итоги. — 2004. — № 1.

⁹² В выступлении Ивашкиной Т.Б. на Межрегиональной конференции «Развитие и укрепление многоуровневой системы кредитной кооперации в России, состоявшейся 28-29 ноября 2005 г. приведены данные о кредитных союзах в субъектах РФ // КС-Новости. — 2005. — Декабрь.

⁹³ КС-Новости. — 2003. — Октябрь.

⁹⁴ Там же.

движения организациям приходилось сопротивляться их поглощению. Отсюда и стремление к законодательному оформлению активности кредитных союзов, то есть их институционализация, которая выступает как своеобразный ресурс.

Особенно тормозит деятельность кредитных союзов отсутствие единых и четких стандартов в налогообложении или, лучше сказать, возможность их различной интерпретации (проблем с налоговыми органами не возникает только в тех случаях, когда власти и налоговые органы стремятся вникнуть в суть деятельности кредитных союзов как некоммерческих организаций). Более того, принятие закона, а затем введение главы 25 Налогового кодекса лишь усугубило ситуацию. «Раньше можно было не платить налоги на прибыль, так как наша деятельность считалась непредпринимательской. Теперь закон не делает различий между коммерческими и некоммерческими организациями», — свидетельствует Н.П. Барановская, директор КПКГ «Урал-Финанс» из Челябинска в своем выступлении на Форуме кредитных союзов России, состоявшемся 30 ноября 2004 г в Москве⁹⁵. Кредитные кооперативы, по новому налоговому кодексу, превышение доходов над расходами должны оплачивать как налог на прибыль. На Форуме прозвучал пример: сравнение уплаты налогов в бюджет 2004 г. банка с активами 500 миллионов рублей и КПК «Первый Дальневосточный» с активами в 140 миллионов рублей показало, что банк заплатил 1,5 миллиона рублей, а кредитный кооператив — более 3,5 миллионов. Это потому, что, «являясь некоммерческими организациями, кредитные кооперативы платят с доходов и платят в бюджет, а банки пролоббировали, у них по вкладам доходы не облагаются, у КПК облагаются по ставке 13%»⁹⁶. Наличие проблем в этой области подтверждают и официальные лица. В выступлении на Ассамблее Лиги кредитных союзов в 2005 г. заместитель председателя комитета по кредитным организациям и финансовым рынкам Государственной Думы РФ подчеркнул, что «финансовые операции в российском законодательстве не облагаются налогом на добавленную стоимость, но, к сожалению, иногда бывают случаи, когда налоговые органы по-разному трактуют те операции, которые осуществляют кредитные кооперативы». «Поэтому, — добавил он, — необходимо введение соответствующих норм в налоговое законодательство и единых нормативов бухгалтерского учета для того, чтобы все операции кредитных кооперативов, связанные с выдачей денежных сумм, трактовались как финансовые операции. Это позволило бы уйти от администрирования со стороны налоговых органов, от неоднознач-

⁹⁵ КС-Новости. — 2004. — 30 ноября.

⁹⁶ Там же.

ной трактовки законодательства. И в этом плане кредитные кооперативы получили бы все-таки налоговое послабление»⁹⁷.

Из выступления на Форуме заместителя директора Департамента финансовой политики Министерства Финансов РФ стало известным, что Минфин рассматривает все существующие кооперативы (включая и кредитные союзы) как элемент финансового рынка. Поэтому им разработаны методические рекомендации, а совместно с Федеральной налоговой службой ведется работа по созданию специальной информационной базы о кредитных кооперативах. Планируется аккредитация кооперативов, что должно повысить финансовую устойчивость организаций, а также создание специальных страховых фондов⁹⁸. Но все это пока не действует.

Характер обозначенных проблем кредитных союзов однозначно свидетельствует о том, что без институционализации их активности невозможны полная легализация и устойчивость этих структур. В то же время процесс их институционализации во многом зависит от поддержки государства, что было осознано исследуемым движением, в связи с чем сотрудничество с государственными органами стало способом мобилизации ресурсов.

Очевидно, что необходимо участие кредитных союзов в законотворчестве, переговорах с федеральными государственными органами, налаживании контактов с властями на региональном и местном уровнях. Все это является формами их действия (среди многих других).

Со времени возникновения первых кредитных союзов им пришлось бороться за легализацию своей деятельности. Закона, закрепляющего создание и деятельность именно кредитных потребительских кооперативов не существовало и приходилось опираться на другие законы, например, о сельской и потребительской кооперациях в РФ и т.п. Правовая коллизия создала острую необходимость для молодых НКО опираться на квалифицированное юридическое обеспечение собственной деятельности, поэтому с самого старта и до сих пор в основной массе кредитных союзов работают штатные юристы. С их помощью и ведется постоянная работа в сфере законотворчества. Одним из значимых аргументов, выдвигаемых кредитным движением, стали многочисленные судебные споры с регистрирующими, налоговыми, правоохранительными органами середины 1990-х гг., прокатившиеся по стране, буквально везде, где кредитные союзы уже были созданы — в Воронежской, Кемеровской области, Хабаровском крае, Челябинске, Туле, Тюмени, Москве, Владивостоке⁹⁹ и др. Параллельно шли переговоры с фе-

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Байтенова А.А. Комментарий к Федеральному закону «О кредитных потребительских кооперативах граждан (постатейный)». — М.: ЗАО Юстицинформ, 2005. — С. 11.

деральными и местными властями о возможностях деятельности на подведомственных им территориях такого рода НКО и о законодательном закреплении договоренностей в региональном законодательстве. Например, положение о кредитной кооперации было введено в законодательство Волгоградской области, но было понятно, что это лишь временная мера, и лишь для организаций данного субъекта федерации, применить этот акт в отношении всего движения невозможно. Поэтому борьба за соответствующий федеральный закон продолжалась в постоянных встречах, переговорах, в других диалоговых формах с представителями всех уровней и ветвей государственной власти. Юристы кредитных союзов принимали активнейшее участие в разработке столь необходимого закона, вплоть до написания его проекта, участвовали в слушаниях в Государственной Думе по этому поводу, сотрудничали с комитетом ГД, занимающимся созданием закона. Как уже было сказано, более 6 лет ушло на всю эту деятельность, прежде чем Федеральный закон «О кредитных потребительских кооперативах граждан был принят» в 2001 г.¹⁰⁰

Однако уже к этому времени оказалось, что реальная социальная практика ушла далеко вперед и к моменту появления закон оказался морально устаревшим по многим параметрам, так что борьба за соответствующее законодательство и адекватную правоприменительную практику продолжилась на новом витке. На одном из форумов кредитных союзов 2002 г. была озвучена следующая позиция: «Что касается действующего в настоящее время Федерального закона «О кредитных потребительских кооперативах граждан» №117-ФЗ от 7 августа 2001 года, то он сыграл свою положительную роль в развитии кредитной кооперации граждан. После его принятия в значительном количестве субъектов федерации со стороны администраций как на региональном, так и на муниципальном уровне в лучшую сторону поменялось отношение к кредитным кооперативам граждан. Он закрепил непредпринимательский характер основной деятельности кредитных союзов, их некоммерческий статус, взаимный, внутренний характер их деятельности, принципы членства, прописал меры защиты финансовых интересов пайщиков, ограничения финансовых и управленческих рисков деятельности кредитного союза. В этом его главные плюсы. Однако пока закон проходил, он успел некоторым образом устареть — многие из тех ограничений, которые он накладывает на кредитные союзы по численности членов, процедурам проведения общего собрания и по

¹⁰⁰ Проведенный опрос пользователей сайта Лиги кредитных союзов показал, что в целом закон удовлетворяет большинство специалистов в этой области: 63,33 % респондентов закон устраивает, но требует внесения поправок; 13,33 % респондентов закон устраивает полностью; 23,33 % респондентов закон не устраивает (<http://www.orema.ru/157>).

ряду других вопросов, сегодня требуют корректировки. Так, более чем в двадцати кредитных кооперативах, успешно действующих в настоящее время в различных регионах России, численность членов превышает норму в 2 000 человек, установленную законом. Например, в «Первом Дальневосточном» (Хабаровский край) — 7 000 членов, в «Социальном» (г. Тольятти) — 30 тысяч членов, в «ЭКПА» (Ханты-Мансийский АО) — более 21 тысячи членов. В законе содержится ряд норм, контроль за которыми осуществить практически невозможно и нецелесообразно». Обратим внимание, как вырос численный состав некоторых организаций, что свидетельствует о значительном развитии движения, но это же вызвало вопросы и несогласие внутри движения по поводу ограничения количества членов в организациях, так что дискуссии о совершенствовании законодательства велись не только с внешними, контролирующими и законодательными органами, но и внутри самого движения.

Вопросы совершенствования законодательства с 2002 г. кредитные союзы рассматривают уже не в одиночку: создана экспертная группа программы «Развитие благоприятных правовых условий для российского микрофинансового сектора», в которой сотрудничают Лига кредитных союзов и Российский Микрофинансовый Центр. Обсуждение подготовленных сторонами наработок происходило на многочисленных рабочих встречах. Так, например, 24 июня в Ростове-на-Дону состоялась встреча, в повестку дня которой были вынесены три вопроса: законодательное регулирование вопросов создания и деятельности саморегулируемых организаций (далее по тексту — СРО) и участие в них микрофинансовых организаций (далее — МФО); возможности и перспективы разрешения споров с участием МФО третейскими судами; установление ограничений для деятельности кредитных кооперативов: количество членов и участие юридических лиц. Стенограмма показывает, что обсуждение было бурным, но конструктивным, результатом явилось принятие совместных решений, одобренных сторонами их формулировки. На таких встречах вырабатывалась стратегия дальнейшего взаимодействия¹⁰¹.

Активность движения в этой сфере получила поддержку (а точнее, инициировала эту поддержку) даже на международном уровне. В ноябре 2002 года в г. Душанбе на Межпарламентской Ассамблее государств — членов Евразийского экономического сообщества (Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, Российская Федерация) был принят Типовой проект «О кредитных потребительских кооперативах граждан (кредитных союзах)». Он составлен на базе российского закона «О кредит-

¹⁰¹ Подробно см.: <http://www.orema.ru/310>

ных потребительских кооперативах граждан» с учетом опыта правового регулирования кредитных союзов иных государств Евразийского экономического сообщества, содержит ряд очень важных для российских кредитных союзов улучшений. Проект был подготовлен в соответствии с Программой законодательской деятельности Межпарламентской ассамблеи Евразийского экономического сообщества до 2005 года. Ассамблея рекомендовала интеграционному комитету при подготовке и реализации соответствующих международных договоров и решений органов Евразийского экономического сообщества использовать основные положения разработанного проекта. Документ был направлен в парламенты государств — членов ЕврАзЭС для использования при разработке актов национального законодательства. Ответственным за разработку российского документа стало Федеральное Собрание РФ, исполнителем — Комитет Государственной Думы Федерального Собрания по экономической политике и предпринимательству, соисполнитель — некоммерческая организация «Фонд развития кредитных союзов». Фонд поддержки организаций финансовой взаимопомощи принимал участие в информационном обслуживании и даже частичном финансировании работы специалистов.

Принятый на международном форуме документ не может отменить устаревшие или не оправдавшие себя нормы законодательства государств — членов ЕврАзЭС. Тем не менее, он важен потому, что может стать катализатором и «идеологом» внесения в соответствии с законодательской процедурой необходимых кредитным потребительским кооперативам изменений. Об активной включенности кооперативного движения в процесс свидетельствует то, что на заседании постоянной комиссии по экономике и финансам ЕврАзЭС типовой проект был представлен экономическим экспертом, юристом НКО «Фонд кредитных союзов» А.А. Байтеновой, на Межпарламентской ассамблее с докладом по типовому проекту выступил председатель постоянной комиссии по экономике и финансам ЕврАзЭС К. Махкамов. При разработке документа были учтены замечания и наиболее существенные поправки к российскому закону «О кредитных потребительских кооперативах граждан», сделанные руководителями и специалистами кредитных кооперативов. Поправки поступали в Лигу кредитных союзов и НКО «Фонд кредитных союзов».

Сегодня особое внимание движения для обеспечения легитимности своей деятельности уделяется разработке и утверждению стандартов деятельности (заметим, что для большинства других социальных движений такой вопрос не только не стоит, но, напротив, утверждается многообразие форм и способов действий как единственно возможная форма существования). Как и в предыдущей сфере все начинается с внутреннего обсуждения проблемы на собственных мероприяти-

ях движения. Здесь также обнаружили внешние партнеры: «6 октября 2005 года в ТПП РФ состоялось заседание рабочей группы СНСОФВ «Лига кредитных союзов» по разработке стандартов деятельности кредитных кооперативов. На заседании присутствовали представители Министерства финансов РФ и Лиги кредитных союзов»¹⁰². Как видим, ими становятся весьма влиятельные организации, такие как Торговая палата. Продолжает свое участие в обсуждении и этого вопроса государство. Движение и в этой сфере по-прежнему опирается на рекомендации, выработанные международным сообществом. На том же заседании представитель КПК «Касса взаимного кредита» озвучила предложения по адаптации и применению для российских кредитных кооперативов нормативов PEARLS (нормативы по бухгалтерскому учету), разработанных и рекомендованных Всемирным советом кредитных союзов (WOCU).

Российское кредитное движение развивает в этой области сотрудничество с соответствующими организациями стран СНГ. В четвертой рабочей встрече Российского микрофинансового центра по стандартам, состоявшейся в том же, 2005 г., приняли участие 27 представителей различных микрофинансовых организаций. Ее участники обсуждали существующие подходы к определению стандартов операционной деятельности, дискутировали о целесообразности их применения сегодня для развития российской кредитной кооперации. Говорили о влиянии внедрения стандартов на развитие и улучшение имиджа кредитной кооперации в России. Основными докладчиками были заместитель генерального директора Лиги кредитных союзов, президент Национального союза организаций финансовой взаимопомощи (НСОФВ), директор финансового департамента Национальной ассоциации кредитных союзов Украины (НАКСУ), поделившийся опытом внедрения стандартов деятельности кредитных союзов в своей стране и рассказавший об основных результатах развития кредитной кооперации после внедрения стандартов¹⁰³.

Продолжается прямое сотрудничество движения с государством по вопросам совершенствования законодательства о кредитной кооперации. Процесс развивался следующим образом. 3 февраля 2005 г. в Комитете Государственной Думы по экономической политике, предпринимательству и туризму состоялось заседание, на котором обсуждались поправки к проекту Федерального закона №70443-3 «О кредитной кооперации». Вел заседание председатель Комитета по экономической политике, предпринимательству и туризму. На заседание были приглашены представители российской кредитной кооперации,

¹⁰² <http://www.orema.ru/473>

¹⁰³ <http://www.orema.ru/45>

Российского микрофинансового центра и Ассоциации российских банков. Комитет одобрил поправки к проекту закона. По итогам заседания принято решение рекомендовать Государственной Думе принять указанный проект федерального закона во втором чтении¹⁰⁴. 4 мая 2005 г. в Государственной Думе состоялось рабочее совещание по вопросам доработки проекта закона в соответствии с замечаниями Государственно-правового управления Президента Российской Федерации. В заседании приняли участие помощник депутата Госдумы, эксперт ГД, представители ТАСИС и Лиги кредитных союзов. Было принято решение выйти с предложением о внесении пакета законопроектов по изменениям и дополнениям в уже действующие законы о кредитной кооперации¹⁰⁵.

Поддержку в этом процессе (финансовую и организационную) оказывает фонд ТАСИС. По инициативе Проекта ТАСИС «Кредитные кооперативы — Российская Федерация» 16 мая и 26 мая 2005 г. в Госдуме РФ прошли заседания рабочей группы, посвященные означенной теме, в которой приняли участие представители Государственной Думы, Лиги кредитных союзов, Союза сельских кредитных кооперативов, Национального союза и сами представители проекта¹⁰⁶. 26 мая специалисты Лиги участвовали в круглом столе «Развитие законодательства о кредитной кооперации», организованном ТАСИС в рамках того же проекта, и Министерством экономического развития и торговли РФ¹⁰⁷.

Как видим, взаимодействие с государственной властью осуществляется кредитным движением серьезным образом и на высоком уровне. Это объясняется многими факторами, главный из которых — необходимость совершенствования законодательства, но важным и значимым является и регулирующая, контролирующая функция государства по отношению к деятельности кредитных союзов, что, несмотря на реализацию ими принципа саморегулирования, также признается и даже востребовано. Обеспечение устойчивости любых финансовых организаций и безопасность их деятельности для пайщиков во многом зависит от активной позиции государства. Оно же, в свою очередь, понимая важность этой функции, не спешило с ее реализацией в полной мере. Так, еще одной проблемой для развития движения было отсутствие четко означенного государственного органа, который бы ее осуществлял. Настойчивые переговоры по этому поводу Лиги кредитных союзов с властями привели к тому, что 20 июня 2005 г. был определен уполномоченный орган исполнительной власти, призванный осуществ-

¹⁰⁴ <http://www.orema.ru/387>

¹⁰⁵ <http://www.orema.ru/422>

¹⁰⁶ <http://www.orema.ru/426>

¹⁰⁷ Там же.

лять контроль, мониторинг и регулирование деятельности кредитных потребительских кооперативов граждан. А приказом Министра финансов РФ утверждено Положение о Департаменте финансовой политики, в котором определены его функции и среди них — осуществление мониторинга, контроля и надзора за кредитными потребительскими кооперативами граждан (КПКГ), ведение реестра КПКГ¹⁰⁸.

Поскольку основной задачей кредитных союзов является сохранение денежных средств пайщиков и финансовая помощь, оказываемая им же, то в повседневной активности данных НКО остро стоит проблема неуплаты займов. Сами организации постоянно стремятся эту проблему, если и не решить окончательно (по всей видимости, это и невозможно), то создать условия минимизации рисков такого характера. Они самостоятельно и уже давно начали составлять общую базу неплательщиков. Однако и здесь, по их мнению, необходим жесткий контроль государства, к реализации которого они стремились. Их деятельность и в этой сфере увенчалась успехом: с 1 июня 2005 г. вступил в силу Закон «О кредитных историях». Документ определил правовые основы для создания и деятельности бюро кредитных историй, накапливающих и хранящих информацию о взаимоотношениях заемщиков — физических и юридических лиц с их кредиторами. Передача кредитором составляющей кредитную историю информации, согласно Закону, будет осуществляться в бюро кредитных историй с согласия заемщика¹⁰⁹.

Подводя итог, отметим, что движение кредитных союзов целенаправленно мобилизует внутренние ресурсы для институционализации деятельности и организационных структур, формулируют свои интересы и выдвигают их в виде политических требований, направленных на развитие законодательной базы. Сознательно и успешно мобилизуются все доступные внешние ресурсы — и административный в виде взаимодействия с государственными структурами, и поддержка зарубежных партнеров.

¹⁰⁸ <http://www.orema.ru/437>

¹⁰⁹ <http://www.orema.ru/5/>

Заключение

Задачей монографического исследования было выявить, насколько деятельность общественных движений и неправительственных организаций, как одних из главных составляющих гражданского общества в современной России, носит инновационный характер, способствует ли их активность адаптации производящихся в стране трансформаций, а также — в какой среде они сегодня существуют. Все это возможно только с учетом того, насколько сильны традиционалистские установки в жизнедеятельности общества, каким образом они проявляются и как влияют на реализуемые процессы.

Исследование показало, что российский традиционализм в его влиянии на осуществление инновационного реформирования выполняет одновременно и функцию торможения адаптационных процессов и функцию сдерживания социальной напряженности, вызываемой этим реформированием. Носителями традиционализма являются все подвергшиеся изучению социальные группы — базовый слой российской общества, члены общественных движений, власти всех уровней.

Успешность реформирования наибольшим образом связана с тем, насколько высок его адаптационный потенциал, носителем которого являются рядовые граждане в их совокупности. Однако качество адаптационного потенциала зависит не только от них. Весомое значение имеет то, способны ли власти всех уровней к инновационным способам управления, избавляясь при этом от традиционалистских подходов. Важно также, готовы ли общественные движения стать реальным агентом адаптации реформирования. Возможно это только при условии их способности выполнять функции посредника между обществом и государством, а это, в свою очередь, может быть осуществимо при ситуации, когда власти станут относиться к ним как к таким посредникам, то есть как к партнерам, которые имеют право участвовать в процессе принятия решений и в их реализации.

«Массовые слои интеллигенции»¹, представители которых в основном и являются членами общественных движений, в случаях самоорганизации представляют собой социального актора, основной характеристикой которого является его «пограничное» состояние, поскольку в своих установках они ориентированы на инновации (в том числе по западному образцу), но на практике вынуждены реализовывать действия, часто носящие традиционалистские черты.

Основной средой, порождающей общественные движения является сегодня базовый слой общества, большей частью это местные сообщества. Связано это с тем, что, в условиях глобализации они (местные сообщества) исчезают из поля зрения всех, кто принимает решения, про-

¹ Термин Т.И. Заславской, мы в это понятие включаем врачей, учителей, инженеров и т.п.

блемы их жизни больше (и, возможно, пока) никого не интересуют. Не являются приоритетными и такие проблемы как экологические, феминистские, а другие часто от внимания властей обостряются — правозащитные, жилищные, слабо решаются проблемы социальных последствий военных конфликтов и т.п., то есть тем вопросам, которые российские новые социальные движения (как авангард местных сообществ, их наиболее активная и организованная часть) пытаются актуализировать, а часто и выдвигают требования поставить их в политическую повестку дня. Но практически они не добиваются необходимого отношения к ним общества и решительных действий государства. Однако усугубляющиеся социокультурные различия, отказ властей от решения местных проблем лишь обостряют эту ситуацию, что взывает к действиям. Именно поэтому появляются акторы в лице неправительственных организаций, для которых невозможно бездействие. Но при этом они не являются «героями», за которыми готовы пойти массы.

Одновременно, и «толпа» — не есть массовое явление в российских сообществах. Хотя, конечно, такие тенденции обнаруживаются, так как формируются (и этот процесс пока не прекращается) соответствующие условия: 1) большая часть местного населения остается невостребованной современной экономикой; 2) при слабой самоорганизации населения, власти устранились от организации жизнедеятельности местных сообществ; 3) борьба за выживание в период становления рыночной экономики не оставляет ресурсов для других форм активности (причем это относится и к тем, кто не имеет ничего и выживание — это физическая необходимость, и к тем, кто активно и часто успешно пытается вписаться в новые экономические отношения); 4) работает и все еще приносит свои позитивные плоды (продолжая сдерживать рост социальной напряженности) установка большей части населения на самостоятельное, без вмешательства извне, разрешение собственных проблем, что осуществляется посредством единственной и традиционной технологии выживания — тяжелейшего труда личного и всей семьи.

Последнее является не только условием для формирования условий возникновения феномена толпы (ввиду разобщенности, как индивидов, так и социальных групп), но одновременно является и сдерживающим от скатывания в это состояние фактором. Еще один сдерживающий фактор — это то, что в большинстве случаев продолжает выполнять функцию воспитания современная школа (и особенно в глубинке), дающая знания, что само по себе противостоит возникновению состояния толпы, а также то, что еще не ушли с общественной сцены те, кто получал образование в советское время.

Исследования показали, что не только «героями», но и лидерами местных сообществ активисты общественных движений не становятся.

ся (по крайней мере, в условиях повседневной, не осложненной специфическими обстоятельствами жизни). Это объясняется несколькими причинами. Существует недоверие к их деятельности граждан страны, ибо позитивные факты о ней не известны, поскольку редко об этом публикуется в СМИ — основном источнике информации, зато о негативных оповещают довольно часто. Наблюдается скепсис в отношении эффективности этой деятельности, так как всем очевидно, что достаточными для достижения своих целей ресурсами НПО не обладают. Свой вклад в такую позицию членов местных сообществ вносит также постоянно действующая установка на самостоятельное разрешение своих проблем с ожиданием минимальной помощи от государства. Наличие собственной традиционной технологии выживания делает для большей части населения страны неостребованными некоторые социальные инновации западного образца (и в частности, самоорганизацию в форме общественных движений или неправительственных организаций). В результате местные сообщества, выдвигая из своих рядов наиболее инициативных и инновативных сограждан в ряды общественных движений, то есть, будучи таким образом средой «порождающей», не являются средой поддерживающей (за редким исключением особых пиков социальной напряженности), но представляют собой скорее среду индифферентную, которая может становиться и враждебной. Традиционалистские установки властей — авторитаризм, контроль над распространением информации, стремление держать в собственном ведении распределение ресурсов и т.п. — и их реализация создают тот контекст, который постоянно поддерживает потенциал превращения местных сообществ во враждебную для общественных движений среду, поскольку последние своей активностью создают риски для сохранения status quo в системе управления.

В условиях отсутствия поддержки со стороны властей и сообществ потенциал влияния движений на социальные процессы минимален (что, собственно, и позволяет констатировать отсутствие актора). Можно констатировать, что в обществе превалируют традиционалистские установки над инновационными. Но если в условиях западных развитых демократий содержанием традиционализма, также присущего обществу, являются демократические и рыночные отношения, то в трансформирующемся российском обществе традиционализм авторитарной направленности тормозит, в первую очередь, утверждение демократических инноваций.

Содержание

Предисловие	5
Глава I. Методология исследования	9
Парадигмы изучения социальных движений	10
Определение понятия «социальные движения»	15
Деятельностно-активистский подход сегодня: социокультурные различия как условие сохранения субъекта социального действия	20
Трансформационная структура общества	28
Теоретические подходы западной социологии к изучению конкретных характеристик социальных движений	32
Социологические подходы конца XIX — начала XX вв.: выявление российской специфики	40
Глава II. Общественные движения в России: история и современное состояние	51
Историческая ретроспектива	52
Возникновение и современное состояние общественных движений (общая характеристика)	67
Этапы развития общественных движений и достигнутые результаты: сравнение Россия — Запад	86
Глава III. Местные сообщества в России: порождающая среда и контекст деятельности общественных движений	97
Местные сообщества: соотношение традиций и инноваций в их жизнедеятельности	98
Развитие российских городов: стратегическое планирование по инициативе общественности	118
Реакция местных сообществ и общественных движений на проникновение глобализации на локальный уровень	139

Глава IV. Общественные движения и власть:	
формы взаимодействия	167
Двадцать лет развития российского экологического движения	168
Ответ общественных движений на вызовы современного политического реформирования: партийное строительство «зеленых»	187
Протестные действия общественных движений: защита Байкала — демократия в действии	208
Глава V. Общественные движения и защита интересов	
социальных групп	225
Российские профсоюзы и их роль в институционализации трудовых конфликтов	226
Профессиональная самоорганизация в виртуальном пространстве: работники скорой медицинской помощи Москвы в поисках солидарности	246
Деятельность структур гражданского общества в экономической сфере	276
Заключение	293

Редактор — **Л.Б. Лулева.**
Оригинал-макет — **И.Ю. Белов.**

Подписано в печать 12.06.2007. Формат 60x90 1/16.
Гарнитура Jopnal. Объем 18,75 усл. печ. л.
Тираж 700 экз. Заказ № 55.
Отпечатано в ООО «Типография Момент»
г. Химки, ул. Библиотечная, 11.